Библиотека
всемирной литературы

Серия первая

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Бэкман В. Э.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Ресизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ГОТХОЛЬД ЭФРАИМ ЛЕССИНГ

ДРАМЫ

●

БАСНИ В ПРОЗЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1972

Вступительная статья
и составление
Н. Вильмонта

И (нем)
Л51

Иллюстрации
В. Носкова

7—5
Подп. изд.

ЛЕССИНГ КАК ХУДОЖНИК

1

«Величайшая ясность всегда была для меня величайшею красотою»,— говаривал Лессинг. Ясность мысли, прозрачность слога отличают все его творчество, его критико-теоретические, равно и художественные произведения.

Лессинг — бесспорно, один из крупнейших, если не просто крупнейший представитель немецкого Просвещения второй половины XVIII века с его беспощадным — глобальным — критицизмом, с его трезвой отчетливостью суждений, не покидающей истого просветителя даже тогда, когда им владеет горячее чувство. Напротив, горячность чувств, горячность убеждений и заставляли Лессинга говорить с непреложной отчетливостью, с вразумляющей, логически неуязвимой ясностью *мыслителя-революционера,* кровно заинтересованного в торжестве своих идей и идеалов.

2

Идеи и идеалы Лессинга принадлежали не только ему, но и его времени, в нем нашедшем своего наиболее смелого и последовательного выразителя на немецкой почве. Восемнадцатый век — век упорных классовых боев, в которых экономически окрепшая буржуазия предъявляла свои права на политическое господство, век перехода прогрессивных сил той поры от революционной идеологии к революционному действию, иначе век идеологической и стратегической подготовки Великой французской революции (1789—1795 гг.), предшественницей каковой была Английская буржуазная революция (1640—1660 гг.). В историю

идеологического развития человечества эта *подготовка,* в конце века сокрушившая дворянскую монархию во Франции, вошла под именем «Просвещения».

Что такое просвещение?

В статье 1784 года, так и озаглавленной [1], другой великий немецкий просветитель — Иммануил Кант отвечает на этот вопрос призывом: «Имей отвагу пользоваться собственным разумом!» — а это значило — *покончить* с авторитарным мышлением, с робким подчинением разума авторитету церкви и монаршей власти, со всеми стародавними предрассудками, стоявшими в противоречии с новым буржуазным самосознанием и преграждавшими путь возмужавшему классу к революционной практике.

Столь недвусмысленной расшифровки Кантова призыва к пользованию «собственным разумом» мы, конечно, не найдем в его статье. В пей автор весьма дипломатично, чтобы не сказать куртуазно, восхваляет прусского короля Фридриха II за его широко известное изречение: «Рассуждайте, сколько вам угодно и как вам угодно, но слушайтесь!» Однако по ходу изложения Кант все же достаточно внятно пропускает мысль, что, как ни «парадоксально» (читай: цинично) звучит эта королевская сентенция, ею как-никак допускается «свобода мысли», что́, как выражается автор, не может не «отразиться на сознании народа (благодаря чему народ постепенно овладеет также и способностью свободно действовать)». Такое изречение, поясняет Кант, мог себе позволить «только тот, кто, будучи сам просвещен, не боится призраков и всегда имеет под рукой многочисленную дисциплинированную армию для восстановления общественного порядка».

Посему Кант предлагает своим немецким современникам покуда довольствоваться хотя бы «свободою перьев» — тем, что он называет «общественным применением разума», иначе выступлениями в печати, обращенными ко *всему* обществу или, по меньшей мере, к образованной его части. Отлично сознавая, что лица, состоящие на службе у государства или церкви, принуждены при выполнении доверенных им обязанностей ограничиваться не расходящимся с видами начальства «частным применением разума», Кант вместе с тем полагает, что это не должно им препятствовать пользоваться «свободою перьев», когда они, будь то офицер или даже лицо духовное, обращаются во всеоружии собственного опыта не к своим солдатам или пастве, а к широкому кругу читателей; там-де и они вправе критиковать несправедливые законы и несостоятельные церковные догматы.

Все это, по мысли Канта, будто бы вытекало из приведенной им Фридриховой сентенции. Что ж! Под углом формальной логики, пожа-

[1] Полное ее заглавие «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»

луй, и вытекало. Но Фридрих II был очень далек от столь расширительного толкования своей сентенции, в чем едва ли могли сомневаться его подданные, не исключая и Канта, да и прочие немцы, не состоявшие в подданстве у сего «просветителя на престоле». 25 августа 1769 года, то есть за пятнадцать лет до опубликования упомянутой Кантовой статьи, Лессинг писал берлинскому литератору и книготорговцу Николаи: «...хватит Вам говорить... о берлинской свободе! Ведь она сводится всего лишь к свободе всячески поносить религию... Но пусть попробует кто-либо в Берлине написать о других вещах так свободно, как это сделал Зонненфельз в Вене [1], пусть бросит — подобно Зонненфельзу — всю правду в лицо высокородной придворной черни, пусть осмелится кто-либо из берлинцев поднять свой голос против деспотизма, в защиту бесправных подданных, как то теперь имеет место даже во Франции и в Дании, и вы достоверно узнаете, какая страна в наши дни является самой рабской страной в Европе».

Но в одном Кант был прав безусловно: пока немцам приходилось довольствоваться «свободою перьев», пусть даже только относительной. Мечтать о революционной практике, о возможности «свободно действовать», в Германии XVIII века было — увы! — рановато. Немецкое бюргерство не настолько окрепло, чтобы посягать на политическое господство,— уже потому, что Германия (в отличие от Англии, Франции) еще не стала в ту пору национальным государством. Конечный итог средневековья — образование сплоченных национальных государств из хаоса феодальной разобщенности — на Германию (в силу разных причин) не мог распространиться.

3

Вникать сколько-либо подробнее в эти весьма сложные исторические обстоятельства в рамках настоящей статьи, конечно, не удастся. Замечу только, что одной из причин, мешавших сплочению немецких земель в централизованное национальное государство,— причиной, допустим, только «побочной», «производной», но тем упорнее время от времени о себе заявлявшей,— был *антинациональный* политический курс верховной власти так называемой «Священной Римской империи германской нации» (номинально просуществовавшей до 1806 года).

Германо-римские императоры, собственно, никогда окончательно не отрешались от идеи «всемирной империи», долженствовавшей объединять весь западноевропейский «христианский мир» под двуединой

---

[1] Иосиф фон Зонненфельз (1732—1817) — австрийский писатель и профессор права Венского университета, автор «Писем о венской сцене» (1768).

верховной властью римского папы и «римского императора». Случалось на протяжении веков — в последний раз уже на заре капиталистической эры, при Карле V,— что фантом «Священной Римской империи» принимал на сравнительно краткие сроки слепящую видимость политической реальности[1]. Но каждый раз лишь для того, чтобы после кровопролитных военных авантюр снова рассеять эту прельстительную иллюзию.

Правление Карла Габсбургского (1519—1556 гг.) было началом конца «Священной империи». Затянувшаяся война с Францией за обладание Северной Италией и Бургундией, а также внутриимперские потрясения вконец истощили экономический и политический потенциал императора. В немецких землях Реформация, возглавленная Мартином Лютером, осуществила раскол западноевропейской церкви, нанеся этим сокрушительный удар самой идее «всемирной христианской державы», а вслед за тем, угрожая самому существованию феодализма, пробушевала Великая крестьянская война (1524—1525 гг.), жестоко подавленная — с благословения и папы и Лютера — испанскими войсками и немецкими ландскнехтами Карла и его вассалов.

Но нещадная расправа с мятежными крестьянами и городской беднотой не привела к восстановлению гражданского и религиозного мира в Германии. Немецкие князья, своекорыстно ставшие под знамена Реформации, не прекращали вооруженной борьбы с императором за свою антинациональную независимость. Победа, одержанная ими над Карлом при поддержке Франции, предрешила судьбу его мировой державы: империя Карла распалась с той же ошеломляющей быстротой, с какою она — так недавно еще! — возникла.

Разгром Крестьянской войны в Германии, которая могла бы изменить весь дальнейший ход немецкой истории, привел в начале следующего, семнадцатого, века ко второй, не менее тяжкой, национальной катастрофе — Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.). Эта беспримерная, кровопролитнейшая война, начатая по почину императора и его советчиков, самонадеянно мечтавших возобновить мировое владычество Габсбургов, привела к прямо противоположным результатам. Вспыхнувшие в 1627—1629 годах крестьянские мятежи приняли столь угрожающие размеры, что побудили многих немецких князей и дворян искать спасение в иностранной интервенции, ибо собственными силами они уже не чаяли подавить назревавшую общегерманскую революцию.

Германия не только не осуществила вторжения в чужеземные пре-

---

[1] Империя Карла V охватывала, помимо немецких земель, Испанию с ее средиземноморскими и заокеанскими колониями, Нидерланды, Бургундию, Неаполь, Сицилию и другие итальянские территории, отчасти также Богемию и Венгрию (поскольку королем этих двух государств был брат и наследник Карла, будущий император Фердинанд I).

делы, а сама стала ареной ею же спровоцированной иностранной агрессии. Немецкие и пришлые войска — испанские, французские, голландские, шведские — независимо от того, сражались ли они за католического императора и контрреформацию или же, напротив, за интересы князей-протестантов, по сути вершили общее дело: кровавую расправу со всеми, кто не подчинялся властям («законным» и самозванным), не покорялся насилию вооруженных грабителей. Это привело к физическому истреблению лучшей, то есть еще способной сопротивляться, части немецкого народа и тем самым к насаждению безропотного сервилизма «низших» классов рядом с высокомерной жестокостью господ всех рангов и калибров — от курфюрстов и прочих владетельных князей до заурядных крепостников-помещиков.

Плачевный итог позорной тридцатилетней бойни подвел не менее позорный Вестфальский мир 1648 года, юридически закрепивший — на два с лишним столетия! — феодальную раздробленность Германии, равно угодную немецким князьям и иностранным правительствам, стремившимся воспрепятствовать сплочению немецких земель в единое централизованное государство. Так или иначе, но лишенная политического единства «империя» устояла; «побежденной стороной» оказалась не она, а национальная, народная Германия. Разгромленный, разоренный, забитый народ не мог и в своей униженности уже не дерзал восставать против власть имущих; тем более что ему не приходилось рассчитывать на поддержку трусливых бюргерских классов. «Ни у одного... класса в Германии,— писал Маркс в своем трактате «К критике гегелевской философии права»,— нет... той душевной широты, которая отождествляет себя, хотя бы только на миг, с душой народной» [1].

Так было в XVII веке, так оно оставалось и в XVIII. Так называемая «Священная Римская империя германской нации» теперь насчитывала более трехсот самоправных карликовых государств, почти ни в чем не зависевших от «римского» императора, номинально возглавлявшего этот бесформенный политический муравейник.

Но кое-что все же существенно изменилось в немецкой действительности ко времени, в котором было суждено протекать замечательной литературно-общественной деятельности Лессинга.

Здесь прежде всего надо отметить возникновение «сильной Пруссии». Это государство — маркграфство Бранденбургское, в 1701 году провозглашенное прусским королевством,— не переставало захватывать одну за другой плохо лежавшие соседние земли, покуда, в начале XVIII века, оно не возымело силу выйти из разбойничьей глухомани немецкого убожества на столбовую дорогу большой европейской поли-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 426.

тики. Таких удивительных успехов Пруссия достигла только благодаря покровительству иностранных держав, неизменно содействовавших ее усилению,— в противовес политической мощи австрийских Габсбургов, традиционная космополитическая политика которых, конечно бы, обрела бóльшую реальность, если бы «римским императорам» из австрийского дома удалось подавить самоволие их немецких «вассалов». Но этому-то и препятствовала «сильная Пруссия»; для того ей и дали окрепнуть.

Пруссия восемнадцатого века была не столько «страною с армией», сколько «армией со страною», служившею ей лагерем, арсеналом, продовольственным складом. Все усилия прусского правительства были направлены на выколачивание из безропотного народа потребных средств на содержание непомерно великой королевской рати. Без войн, без непрестанного приумножения территорий и народонаселения такое государство попросту не могло бы существовать...

Ославленный и прославленный современник Лессинга, Фридрих II, в первый же год своего долгого правления (с 1740 по 1786 г.) оттягал у Австрии Силезию, а в 1756 году, вторгшись без объявления войны в союзную Австрии Саксонию, развязал так называемую Семилетнюю войну. Европа раскололась надвое: на стороне Пруссии воевали Англия и связанный с Англией персональной унией Ганновер, на стороне Австрии — Франция, Россия и Швеция. К концу 1761 года стала очевидной вся несостоятельность авантюристической политики и стратегии Фридриха. Если б не смерть императрицы Елизаветы Петровны и не внезапное крутое изменение русского внешнеполитического курса по взбалмошному мановению Петра III, Пруссия и вовсе перестала бы существовать. Только этот «нежданный подарок судьбы» — выход из войны России — позволил Фридриху отстоять целостность своего государства (включая ранее отвоеванную Силезию). Добиться полного торжества над австрийским домом Фридриху так и не удалось.

Губертусбургский мирный договор, подписанный в феврале 1763 года прусским королем и австрийской императрицей Марией-Терезией, повторно юридически закрепил феодальный партикуляризм в немецких землях.

Таков был нулевой (для национальной, народной Германии) итог Семилетней войны, саркастически подведенный поэтом Бюргером в его знаменитой «Леноре»:

С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились [1].

[1] Перевод В. Жуковского.

Фридрих II был достаточно умен, чтобы сознавать, вопреки расточавшейся ему лести, что ценою страшного опустошения его страны, не говоря уже об остальной Германии (до которой ему не было дела — так глубоко в него въелся тевтонский партикуляризм), он ничего не приобрел, кроме — более чем спорных! — лавров «величайшего полководца XVIII века».

4

Лессинг в большей степени, чем кто-либо из писателей его времени, был прирожденным политиком и, будучи им, отчетливо сознавал, в какой общественно-политической обстановке ему предстояло действовать. Мысль, высказанная им уже на склоне лет: «Неправда, что прямая линия всегда самая краткая!» — собственно, сопровождала его с первых же шагов его жизни. Роль народного трибуна, политика, воздействующего на умы масс прямыми призывами к революционной практике, была ему исторически заказана, ибо Германия второй половины XVIII века, по слову Энгельса, «не имела в себе силы... чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений» [1]. Но, всему вопреки, Лессинг все же остался политиком и трибуном, перенеся свою схватку с немецкой действительностью в пределы литературно-художественной и критико-теоретической деятельности.

Германия той поры, казалось, каменела в беспробудном свинцовом сне. Но вот доселе безмолвное, глухое недовольство народных масс нежданно обрело голос в Лессинге, родоначальнике великой немецкой литературы последних десятилетий XVIII и начала XIX веков.

Препятствовало развитию национального самосознания немцев само существование феодально разобщенной, антинациональной «Священной Римской империи германской нации» (каковая, по меткому замечанию Вольтера, «не была ни священной, ни римской, ни даже германской»). Но особенно усложняла зарождавшуюся в Германии буржуазную идеологию «прижизненная слава» Фридриха II, слывшего наиболее просвещенным немецким государем, способным привнести в общество и в государство «высокие гуманные идеалы века».

К не менее превратным выводам приходили, однако, и те представители бюргерских классов, которые не разделяли этой опасной иллюзии. Они знали, по слухам, «que Sa Majestè est très Voltairiènne» («что его величество заядлый вольтерьянец»), да и вообще привержен «французскому безбожию». Известно им было и то, что тем же духом высокомерно-презрительного атеизма и материализма прониклись и другие немецкие князья и вельможи, видевшие в модных учениях

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 562.

французских вольнодумцев своего рода научное обоснование их давно уже сложившейся «философии наслаждения». Этих знатных господ вполне устраивало исчезновение с «обезбоженной земли» каких-либо этических принципов и устоев — при непременном, конечно, условии, чтобы в тайну их абсолютного морального нигилизма не был посвящен простой народ.

Вполне понятно, что часть оппозиционного бюргерства, общностью бедственной судьбы еще крепко связанная с народом, распространяла свою ненависть к князьям и дворянству также и на их «идеолотию» — материализм в его аристократической, антинародной форме. Но что могло противопоставить «французскому безбожию» возмущенное сознание темного немецкого мещанства, неспособного отличить «философию наслаждения», процветавшую в княжеских резиденциях и аристократических салонах, от материализма — боевого оружия в руках передовой французской буржуазии, направленного против авторитета церкви, которая, служа оплотом монархической власти, преграждала путь возмужавшему классу к достижению им политического господства?

Разве что «революционное прошлое» Германии — немецкую Реформацию.

Но как быстро Лютерова Реформация стала оплотом политической реакции! Когда разразилась Великая крестьянская война 1525 года, Лютер решительно стал на сторону князей и дворянства. Своим призывом «убивать крестьян как бешеных собак» за то, что они восстали «против своих богоданных господ», Лютер немало посодействовал победе князей над повстанцами. А позднее лютеранская ортодоксия, признав князей главою церкви их суверенных земель, тем самым мощно поддержала престиж княжеской власти — в ущерб национальному единству Германии.

Что касается компактного большинства прусского бюргерства (и прежде всего прусского мещанства), то оно безропотно давало себя обирать королевским фискалам. «Кромешные помыслы» его не посещали. В самом факте, что их королю удалось отстоять свое королевство в войне с могучей коалицией, прусские бюргерские классы видели обнадеживающий залог будущих «победоносных войн», которые вознаградят их за долгие годы скудного, полунищенского прозябания. О том, как нещадно выколачивал Фридрих II средства из оккупированной Саксонии (один из мотивов Лессинговой «Минны фон Барнхельм»), слышал каждый. Правда, саксонские миллионы поглотила война, а добыча, вывезенная из польских провинций при первом разделе Польши 1772 года, пошла на усиление прусской военной мощи. Но то ли еще будет, когда продолжится победоносное шествие Пруссии! Поживем — увидим...

Так — в Пруссии. Но и для прочих немцев (не тех, конечно, кто испытал на себе все тяготы прусской оккупации) Фридрих II оставался

героем. В широких массах, дружно ненавидевших обветшавшую германо-римскую империю, Фридриху ставили в заслугу уже то, что он без всяких церемоний объявил войну австрийской императрице, а тем самым и ее супругу — «римскому императору» (и это будучи «маркграфом бранденбургским, Священной Римской империи великим камерарием»).

Гете в старости вспоминал, какие почести воздавались толпой во Франкфурте в дни коронации Иосифа II послу Фридриха II, барону фон Плото, стяжавшему себе славу дипломата-героя еще со времен Семилетней войны: «Когда в Регенсбурге (резиденции имперского сейма.— *Н. В.*) нотариус Априль... попытался вручить ему грамоту об опале, постигшей его короля, он, воскликнув: «Как? Грамоту об опале?» — то ли спустил, то ли велел спустить его с лестницы. Мы крепко верили в первое — и потому, что нам так больше нравилось, и потому, что мы считали этого низкорослого крепыша с черными огненными глазами вполне способным на такой поступок»[1]. То, что слава «великого полководца» была Фридрихом приобретена в междоусобной войне поражением немецких войск немецкими же войсками, не помешало толпе, «состоявшей не из одних только франкфуртцев», чествовать прусского короля в лице его ревностного слуги. И это достаточно свидетельствовало о том, как далека еще цель, поставленная себе Лессингом,— возрождение немецкого народа.

Но Лессинга это не смущало. Вся сознательная жизнь великого немецкого просветителя была посвящена этой благородной задаче.

5

Готхольд Эфраим Лессинг родился 22 января 1729 года в саксонском городке Каменце в семье пастора, настоятеля городского собора,— положение почетное, но малодоходное. Многодетная семья пастора Иоганна Готфрида Лессинга постоянно нуждалась, сколько глава семьи ни старался пополнить свой скудный бюджет сочинением церковных песнопений и учеными переводами. И все же почти все его двенадцать детей получили тщательное образование; особенно старший сын, Готхольд Эфраим. Окончив в 1741 году городское латинское училище, юный Лессинг поступил в одно из лучших немецких учебных заведений в Мейссене, каковое окончил в 1746 году с похвальным аттестатом. В нем стояло: «Свой ум, предрасположенный к живому восприятию и усвоению любой области знания, он приумножил усердным прилежанием и

[1] Гете, Поэзия и правда, «Художественная литература», М. 1969, стр. 152.

украшает веселым, но отнюдь не дерзким характером». Пять лет, проведенных в мейссенском интернате, Лессинг почитал «единственно счастливыми годами своей жизни». Поступая в Лейпцигский университет, семнадцатилетний юноша увез с собою первый набросок комедии «Молодой ученый». Родители возлагали большие надежды на своего одаренного первенца, мечтали, что он станет пастором в богатом приходе или профессором. Но им предстояло горькое разочарование.

Попав в Лейпциг, шумный торговый и университетский город с его богатым купечеством и чинными профессорами, своего рода «сенаторами ученой республики», пылкий юноша увлекся пестрой кутерьмой этого «малого Парижа». До встревоженных родителей доходят слухи о том, что их сын ухаживает за молодыми актрисами из театральной труппы Каролины Нейбер и пишет комедии для ее кочующей сцены.

И эти слухи частично подтверждались. «Я приехал в Лейпциг,— писал Лессинг своей матери,— город, в котором содержится в миньятюре целый мир. Первые месяцы я жил так уединенно, как не жил и в Мейссене. Погруженный в книги, занятый только собой, я думал о людях не чаще, чем вспоминаешь о боге... Но вскоре мне открылись глаза — уж не знаю, к счастью ли для меня или к несчастью? Покажет будущее. Я понял: книги делают меня ученым, но никак не человеком. Я решился покинуть свою келью и пойти ко мне подобным. Но — боже мой! — ничего схожего между ними и мной не было...» И — ниже: «Вдруг мне взбрела в голову вздорная мысль самому приняться за сочинение комедий. Попытка не пытка! И когда мои комедии прошли на сцене, меня стали уверять, что я не осрамился. А уж я таков: стоит меня похвалить, и я отдаюсь делу еще с большим рвением. Днем и ночью я думал только о том, как бы лучше проявить себя на поприще, где еще ни одному немцу не удалось сотворить что-то путное...»

Письмо, приведенное здесь в отрывках, написано Лессингом из Берлина, куда он вынужден был бежать из-за постигшей его неприятности: два актера, за которых он поручился, бесследно покинули Лейпциг, не уплатив долгов, и вся ярость заимодавцев теперь обрушилась на поручителя. Лессинг и позже,— так вспоминает Гете,— «любил предаваться рассеянной, даже разгульной жизни, поскольку его мощный, напряженно работающий интеллект всегда нуждался в сильном противовесе», он твердо верил, «что сможет в любую минуту восстановить и упрочить свою добрую славу» [1].

Так было и в пору его университетской жизни: он и в Лейпциге не только бражничал и ухаживал за актрисами, а усердно изучал классические древности и современную философию. Но одно решение он

[1] Гете, Поэзия и правда, стр. 221.

принял уже тогда: раз и навсегда отказаться от всякой карьеры, чиновничьей и академической, хлеб же свой добывать пером — лишь бы сохранить духовную и материальную независимость.

Но давала ли Лессингу его ранняя литературная деятельность право на такие гордые надежды?

С языком поэзии, с языком высокой прозы обстоит не иначе, как с усвоением просто языка: говорящие младенцы не рождаются, они перенимают язык с чужого голоса. Изящная словесность ко времени, когда Лессинг вступил на тернистый путь сочинителя, находилась в упадке. Лессинг заговорил на языке модной тогда анакреонтической поэзии. Но лирическая поэзия была не его поприщем. Лессинг не был прирожденным лириком. Вслед за Хагедорном славил и он «наслаждение в границах разума» и беззаботную праздность («Быть бездельником мой долг»). Но его стихи лишены легкой подвижности и мягкой грации, всегда отличавших незатейливую Хагедорнову анакреонтику, служившую образцом для его учеников и подражателей.

Несравнимо удачнее юношеские комедии Лессинга. Он и здесь следует апробированным образцам — на сей раз классицистической поэтике Готшеда, на которого он позднее обрушит свои критические перуны. Веселый, непринужденный слог ранних Лессинговых комедий вполне отвечал сатирическому остроумию, с каким он высмеивал педантическое ученое скудоумие заглавного героя из «Молодого ученого» или бичевал салонного краснобая из «Вольнодумца», видевшего в модном атеизме привилегию «просвещенного человека», но тем решительнее стоявшего на том, чтобы «чернь» оставалась при ее «стародавних предрассудках», дабы не пошатнулись «прочные сваи государства». Таких комедий молодой Лессинг написал немало. Но при их несомненных достоинствах они не были «новым словом» в немецкой драматической литературе.

Для того чтобы театр, чтобы «подмостки, означающие мир», как выразился Шиллер, стали тем местом, где национальное сознание немцев могло бы обрести уверенность в своих силах, надо было *создать* такую драматическую литературу, которая давала бы ответ на вопросы, выдвигавшиеся самой действительностью. А это потребовало длительной борьбы, упорных размышлений над тем, какова должна быть эта новая литература.

«Случайность» (неслучайная, как все случайности) — закрытие театра Каролины Нейбер — заставила Лессинга на время отказаться от писания комедий; «случайность» привела его в Берлин, и «случайность» же заставила голодного девятнадцатилетнего литератора «латать журналы», то есть поставлять им всевозможные рецензии и переводы.

Не случайностью было то, что Лессинг, откликаясь на разные явления искусства, поэзии, драмы, высказывал мысли, исходя из своего

постепенно складывавшегося, тогда еще очень незрелого, но все более глубоко продумываемого эстетического мировоззрения. Критико-теоретическая деятельность Лессинга в равной мере предваряла как собственное его творчество писателя-драматурга, так и его эстетику. «Теория,— по верному замечанию В. Ф. Асмуса,— никогда не была для Лессинга самодовлеющей областью размышлений, оторванной от жизни и от отражений этой жизни в практике искусства».

В Лейпциге Лессинг небезуспешно участвовал в вялой жизни местных литераторов. В Берлине в нем проснулся критик и теоретик. Лессинг усердно читает античных авторов и новую европейскую литературу, стараясь выяснить, что из творческого опыта прошлого и современности могло бы пригодиться ему самому и его коллегам для создания своего национального бюргерского искусства. Лессинг, в частности, отмечает два новых жанра, сравнительно недавно привнесенных в драматическую литературу — французскую «слезную комедию» и английскую «мещанскую трагедию». Французы полагали, «что свет уже вдосталь посмеялся в комедии и освистывал пошлые пороки»; они выдвинули мысль, не пора ли «поплакать в комедии и находить благородное удовольствие, умиляясь над мирными добродетелями».

Иное дело — англичане. Их уязвляло, что только царям и сильным мира сего дозволено проявлять на сцене героические чувства и становиться жертвами роковых обстоятельств, а не «среднему сословию». Разве жгучие страсти и гордые порывы им вовсе неведомы? Это та же мысль, которую позже выскажет Руссо: «Как бы скромна и безвестна ни была моя жизнь, если я думал больше и лучше, чем короли, история моей души более интересна, чем история их душ» [1].

Из двух «новшеств» — слезной комедии и мещанской трагедии — Лессинг отдавал предпочтение второму жанру. Более того, он сам сочинил весною 1750 года первую немецкую мещанскую трагедию «Сара Сампсон».

Успех ее был необычен, громаден. Зрители на первом представлении «Сары» три с лишним часа просидели в безмолвии, обливаясь слезами. Они плакали над участью соблазненной девушки из честной семьи, отравленной ее соперницей. Но, надо думать, больше всего их потрясала Лессингова драма тем, что этот накал страстей, эти страшные события — яд, смерть и всепрощение бедной жертвы, самоубийство раскаявшегося соблазнителя и благородное великодушие несчастного отца, торжествующее над самою смертью,— происходили в обыденной, им привычной среде, не в княжеских чертогах, а в невзрачной комнате дешевой гостиницы. Но разве многим из них уже не удалось заглянуть «в те петляющие подземные ходы, которыми подрыто бюргерское обще-

[1] Руссо, Исповедь, т. I, «Academia», М. 1935, стр. 417.

ство», где «внешняя благопристойность, лишь как тонкий слой штукатурки, прикрывает» убийства, домашние кражи, отравления?[1]

Первые зрители и читатели «Сары Сампсон» охотно мирились с недостатками Лессинговой драмы, может быть, и вовсе их не замечали. Но на современный слух язык ее чрезмерно риторичен и «литературен»; в нем сочетаются «высокий штиль» трагедии с чувствительным многословием «слезных комедий», и это лишает его должной простоты и убедительности.

Герои трагедии задуманы Лессингом как «живые люди», у которых добродетели связаны с пороками, благородные порывы — со слабостями и колебаниями. Но поступки и переживания всех этих действующих лиц зачастую слишком слабо психологически мотивированы: к примеру — хотя бы приглашение Мелефонтом своей ревнивой любовницы на свидание с Сарой, во время которого демоническая злодейка Марвуд — своего рода Медея, сошедшая с классических котурнов,— ее отравляет. Совсем не удался Лессингу и образ дочери Марвуд — Арабеллы. . . .

Так или иначе, но Лессинг после своей, столь нашумевшей «Сары Сампсон» уже не писал ни «мещанских трагедий», ни «слезных комедий», которым в равной мере недоставало значительного идейного содержания, более глубокого контакта с общественно-исторической жизнью современности. Лессинг перерос свою первую и единственную «мещанскую трагедию» и как художник, и как теоретик.

После «Сары Сампсон», за тридцать с лишним лет, еще отделявших его от смерти, Лессинг написал всего лишь три пятиактные пьесы — комедию «Минна фон Барнхельм», трагедию «Эмилия Галотти» и драматическую поэму «Натан Мудрый», да еще маленькую одноактную трагедию «Филот».

Тем более интенсивной становится его критико-теоретическая деятельность. По утверждению Лессинга, «каждый гений — прирожденный критик. Он в самом себе заключает мерило всех правил. Он один понимает, запоминает и соблюдает только те законы и правила, которые помогают ему выражать в словах его ощущения» (его чувства и помыслы). Творческая сила художника, его, как выражается Лессинг, «совершенная чувственная речь», не совпадающая с «холодной логикой теоретических рассуждений», все же неотделима от самоотчета в тех принципах и методах, которых он придерживается в своей художественной практике. «Кто правильно рассуждает, тот и созидает, кто хочет создавать, тот должен уметь и рассуждать,— заявляет Лессинг.— Только тот, кто не способен ни к тому, ни к другому, воображает, будто это — две разные вещи».

---

[1] См. Г е т е, Поэзия и правда, стр. 223.

Отсюда не следует, конечно, что всякий художник (или «гений», согласно терминологии Лессинга), хотя бы и наделенный тонким критическим чутьем, хотя бы и способный проникать в «тайну» собственного искусства, тем самым становится профессиональным критиком и эстетиком.

С Лессингом обстояло иначе. Не ради одного своего искусства он предпринял всеобъемлющую оценку достояния драматической поэзии древних и новейших авторов. В его задачу входило создание новой немецкой литературы, нового немецкого театра — национального и вместе с тем классово-бюргерского. В Германии эти две задачи были одной задачей.

Воссоздать в тесных рамках этой статьи беспримерную борьбу великого просветителя за новую — реалистическую — литературу, и прежде всего драму, не представляется возможным. И все же — несколько необходимых замечаний.

Для того чтобы осуществить театр, который дал бы возможность новому зрителю — бюргерскому классу — разобраться в вопросах, волновавших его душу, Лессингу в первую очередь надо было подорвать непререкаемый авторитет французского классицистического театра. А именно этот театр пропагандировался теоретиком немецкого классицизма Готшедом, упорно стремившимся направить немецкий театр по пути развития театра французского.

Французский классицистический театр XVII века, театр Корнеля и Расина, высоко вознес образы королей, принцев, принцесс и придворной знати. В этом возвеличении «властителей мира» косвенно (но только косвенно!) отразилась борьба французской буржуазии XVII века за национальное единство французского королевства — против феодальной разобщенности, за правовое государство — против средневековой анархии. В Германии, лишенной национального единства, заимствованный у французов классицистический театр должен был неминуемо превратиться в апологию антинационального княжеского деспотизма.

Нетрудно было осыпать насмешками сухого педанта Готшеда, автора «Катона», трагедии, смонтированной им «с помощью клея и ножниц» из трагедий англичанина Аддисона и француза Дешана. Но для того, чтобы навсегда покончить с доморощенным немецким классицизмом Готшеда и его школы, Лессингу надо было подвергнуть критике также и театр его французских учителей.

По убеждению Лессинга, в искусстве и тем более в театре «нравится и трогает только то, что правдиво». А разве французский театр правдив? Разве он способен приковать внимание зрителя к действию, происходящему на сцене, так, чтобы зрителю казалось, будто он сам присутствует при совершающихся событиях? Господствующие на французской сцене придворные нравы, изысканная и напыщенная речь уби-

вают способность к «естественному», правдивому, отображению жизни. «Говорили ли когда-нибудь люди так, как мы декламируем? — вслед за Дидро повторяет Лессинг.— Разве принцы и цари ходят иначе, чем прочие люди?.. Разве они жестикулируют, как одержимые и бесноватые? А когда говорят принцессы, разве они завывают?»

Немцы, так говорил Лессинг еще в своем семнадцатом письме из «Писем о новейшей литературе», «хотели бы в своих трагедиях больше видеть и мыслить, чем нам позволяет робкая французская трагедия... Чрезмерная простота нас более утомляет, чем чрезмерная сложность и запутанность». Немцы, как явствует уже из старинной немецкой драмы XVI и XVII веков, и прежде всего из кукольной пьесы о Фаусте, отдельные сцены которой мог бы достойно обработать только «гений шекспировской силы», «гораздо больше тяготеют к английским, чем к французским вкусам», к мощному и правдивому театру Шекспира, чем к условному — «придворному» — театру Корнеля и Расина. Шекспир, по утверждению Лессинга, «куда более трагический поэт, чем Корнель». Корнель ближе к древним «в техническом построении» своих трагедий, «Шекспир же — в существеннейшем». Все эти положения получили дальнейшее развитие в Лессинговой «Гамбургской драматургии».

«Общество», представленное на подмостках в трагедиях классицистов, оторвано от «нового зрителя» всей той пропастью, которая отделяла в XVIII веке двор и придворное дворянство от бюргерских классов. Относить к самому себе трагические коллизии, с которыми сталкиваются эти выспренние герои, сострадать им буржуазный зритель способен лишь в малой степени, а то и вовсе неспособен. Не таков был греческий театр, где не было этой — по сути социальной — разобщенности. Там сострадание зрителей, наполнявших амфитеатр, к трагическому герою, страх, внушенный его участью, естественно переносился на их собственную — возможную — участь.

Отсюда следует, что французские классицисты, не достигающие должного контакта со зрителем, тем более — с новым зрителем, не достигают и *цели* трагического действия, каковую Аристотель усматривал в «трагическом катарсисе» (очищении) «состраданием и страхом». Пробуждая в зрителе сострадание и страх, трагедия «очищает» наши аффекты страха и сострадания, закаляет мягкий и смягчает холодный, равнодушный характер, сообщая и тому и другому необходимую стойкость в борьбе за свободу, за гражданскую доблесть. Так Лессинг в духе собственного революционного демократизма толкует учение Аристотеля о трагическом катарсисе. В этом и заключается, по его убеждению, моральное действие трагедии. Вполне понятно, что Лессинг побивал французских классицистов положениями, заимствованными из Аристотеля, теоретика античной драмы, преемниками каковой французы себя считали.

Но вместе с тем Лессинг отчетливо сознавал, что театр, отвечающий запросам «нового зрителя», не может быть простым возвратом к театру Софокла и Еврипида, что его поэтика должна быть новаторской, принципиально иной. В этом не сомневался и Дидро. «До сих пор,— так говорил он,— в комедии рисовались главным образом характеры, а общественное положение было лишь аксессуаром. Нужно, чтобы на первый план было выдвинуто общественное положение, а характер стал аксессуаром... Общественное положение... его преимущество, его трудности должны стать основой произведения».

Но Лессинг с этим не соглашался. Конечно, общественное положение — обстоятельство первейшей важности. Но «не в силу ли характера [герой] выйдет из ряда метафизических отвлеченностей (как-то: «общественное положение», «сословие», «государство».— *Н. В.*) и станет живой личностью? Так не на *характере* ли будут и впредь основаны как интрига, так и мораль пьесы?» Главное, чтобы в пьесе было побольше несходных характеров. Когда возникнет борьба, столкновение личных и социально-политических интересов, несходные характеры окажутся и противоположными.

Так в трагедии, так и в комедии, ибо и та и другая «должна быть зеркалом жизни». Да и существует ли в жизни «чисто трагическое» и «чисто комическое»? И отсюда: не законно ли вслед за Шекспиром тасовать эти противоположные явления единой жизни?

Все эти мысли получили свое художественное воплощение в Лессинговой «Минне фон Барнхельм».

6

Комедия «Минна фон Барнхгельм, или Солдатское счастье» была начата и вчерне закончена Лессингом в Бреславле, куда он приехал осенью 1760 года, в разгар Семилетней войны. Его берлинская литературная деятельность, тесное сотрудничество с Николаи и Моисеем Мендельсоном, с которыми он издавал «Письма о новейшей литературе», Лессинга давно уже тяготила: их робкая либеральная «умеренность» сковывала его полемический темперамент. Он нуждался в разрядке, в новых ярких впечатлениях. Это его и побудило принять предложение губернатора Силезии генерала фон Тауэнцина стать его секретарем. В Бреславле, «среди треволнений войны и мира, любви и ненависти... он заглянул в область, более возвышенную и замечательную, чем тот литературный и обывательский мирок», который ему так опостылел.

Здесь он соприкоснулся с солдатской массой, с простыми людьми, «с той частью народа, занятой физическим трудом, которой не хватает

не столько ума, сколько возможностей его выказать»[1]. И здесь же он дружески сошелся с благородным, просвещенным офицером Эвальдом фон Клейстом, автором поэмы «Весна», не лишенной поэтических достоинств, но написанной в чуждом Лессингу «описательном роде». В спорах с Клейстом Лессинг разъяснял ему, что не описание, а действенное отношение к жизни является истинной душой поэзии — мысль, получившая глубокое обоснование в крупнейшем эстетическом произведении Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», написанном в последние годы пребывания Лессинга в Бреславле.

На смерть Эвальда фон Клейста от тяжкого ранения Лессинг откликнулся одноактной трагедией «Филот», в которой он создал яркий образ юного античного героя. Царевич Филот добровольно обрекает себя на смерть, чтобы его отец не потерпел при заключении мира ущерба от того, что он, его сын,— пленник царя Аридея. Но, совершая геройский подвиг во славу родины, Филот вместе с тем благодарит Зевса за то, что он не даст ему стать «расточителем самого драгоценного — крови своих подданных». Так и Эвальда Клейста смерть избавила от дальнейшего соучастия в братоубийственной династической войне короля Фридриха II.

Эвальд фон Клейст послужил Лессингу и прообразом главного героя «Минны фон Барнхельм». И это дает нам лишнее основание утверждать, что майор фон Тельхейм — не «облаченная в прусский мундир абстракция», не «рупор» философских идей Просвещения, а личность, благодаря своему характеру «вышедшая из ряда метафизических отвлеченностей», из рамок «абстрактной типичности» прусского офицера. Он способен по-братски относиться к своим солдатам и этим завоевывает доверие и дружбу своего бывшего денщика Юста и бывшего вахмистра Пауля Вернера. Его характер, прирожденный и сознательно выработанный, побудил Тельхейма во время войны пойти навстречу несчастным жителям Тюрингии. Получив приказ взыскать с них контрибуцию, применяя самые суровые меры, он снизил контрибуцию до минимальных размеров, предусмотренных инструкцией, и сам внес недостающую сумму под вексель тюрингских сословий.

Таким великодушным поступком Тельхейм завоевал сердце Минны раньше даже, чем они встретились лицом к лицу. Но позднее встреча состоялась, они полюбили друг друга и приняли твердое решение обвенчаться, как только кончится эта злополучная война.

И вот война кончилась. Но тут-то и возникли новые беды. Вексель, представленный Тельхеймом в казначейство, вызвал подозрение, что за ним скрывается взятка, будто бы полученная майором от тюрингцев за снижение размеров контрибуции. И вот Тельхейм, один из храбрей-

[1] Из письма Лессинга поэту Л. Глейму от 22 марта 1772 г.

ших прусских офицеров, уволен из армии, разделяет судьбу со всеми офицерами-недворянами, которых, как только кончилась война, Фридрих II выбросил на мостовую без пенсии и без наград. Более того, майору грозит суд и следствие, бесчестие и потеря состояния.

Тельхейм по-прежнему любит Минну, девушку из богатой и знатной саксонской семьи, но, разоренный и обесчещенный, теперь не считает себя вправе стать ее мужем. Минне удается отыскать своего жениха. Но все ее мольбы и уговоры напрасны. Тельхейм твердо стоит на своем. Тогда она, желая его удержать, разыгрывает своего рода «комедию в комедии» с помощью своей веселой служанки Франциски, готовой на всякие проказы: Минна сочиняет небылицу, будто она тайно бежала из дома своего богатого дяди-опекуна, и тот ее за это лишил наследства. Теперь она так же бедна, как он. Тельхейму это на руку: наконец-то он может на ней жениться, не опасаясь людского злословия, оскорбительных подозрений в том, что он хочет восстановить свое благосостояние, женившись на богатой девушке.

Но тут нежданно для него приходит собственноручное письмо короля. В нем сказано, что брат короля, тщательно ознакомившись с делом Тельхейма, установил «полную его невиновность». Король не только велит оплатить представленный вексель, но в лестных словах предлагает майору снова возвратиться к нему на службу.

Тельхейм в восторге: «Это больше того, что я хотел!» Но Минна, добрая, энергичная и неистощимо веселая девушка, хочет проучить своего жениха за его «мужскую» ложную гордость. Она делает вид, будто и сама не согласна на брак, не желает быть ему обузой. «Равенство — вот самые крепкие узы любви!» — побивает она Тельхейма его же «вздорным мужским резоном». Своим ловко разыгранным упорством она доводит Тельхейма до того, что он ей обещает поступиться и чином и деньгами, лишь бы не иметь перед ней каких-либо преимуществ. Минна видит, что слишком далеко зашла в своей шутке, и открывает ему правду. На упрек Тельхейма, не стыдно ли ей было так его мучить, она отвечает: «Нет, я не могу каяться в том, что сумела так глубоко заглянуть в ваше сердце! Ах, какой же вы человек! Обнимите свою Минну, свою счастливую Минну! Счастливую благодаря вам, только вам!»

Комедия, в основу которой положен такой некомедийный конфликт, как столкновение честного человека с жестоким деспотическим режимом Фридриха II, в ходе блестящих комедийных перипетий приводит к благополучной развязке, к двум предстоящим свадьбам: Тельхейма с Минной и честного вахмистра Вернера с очаровательной прямодушной Франциской.

Но это ни в малой мере не снимает отрицательной оценки военно-полицейского режима Фридриха II ни по мысли автора, ни в глазах его героя. Уже получивши «милостивое письмо» короля, Тельхейм говорит:

«Служение сильным мира сего опасно и не стоит труда, усилий, унижений, связанных с ним». В свое время Тельхейм (по рождению не пруссак, а балтиец) стал солдатом «из симпатий к неким политическим принципам — каким и сам не знаю», то есть ошибочно полагая, что, став под знамена «просвещеннейшего монарха», он будет сражаться за высокие гуманные идеалы Просвещения. Война рассеяла его юношеские иллюзии. На это Лессинг, правда, только намекает, но все же достаточно прозрачно. «Скажите мне, сударыня,— так говорит Тельхейм,— почему мавр служил Венеции?.. Почему отдал он внаем чужой стране свою руку и свою кровь?» И в другом месте: «Солдатом надо быть во имя отчизны или из любви к делу, за которое ты идешь в бой. Без цели служить сегодня здесь, а завтра там — значит быть подручным мясника...» Ясно, что все это Тельхейм относит и к себе: «Лишь крайняя нужда могла бы заставить меня сделать... из случайного занятия — призвание».

В легком комедийном жанре Лессинг протестует своей пьесой против антинациональных братоубийственных династических войн немецких князей. Идея воссоединения немцев, идея более широкого общенемецкого патриотизма, подымающегося над узким феодальным партикуляризмом, здесь дана в «поэтическом подобии»: в истории воссоединения сердец прелестной саксонки Минны и великодушного прусского офицера. В комедии такая «легкокрылая поучительность» уместна.

«Минна фон Барнхельм» — первая немецкая национальная пьеса, реалистическая в каждом повороте действия и в каждом действующем лице комедии, главном и второстепенном. Рядом с честными людьми из народа (Юстом, Вернером) в ней выведены такие характерные для Пруссии Фридриха II фигуры, как наглый и трусливый трактирщик, шпионящий за своими постояльцами по поручению полиции, или француз Рикко де ла Марлиньер, непреуспевший представитель «славной стаи» иностранных проходимцев, корчащий из себя важного барина и отчаянного героя.

И вдруг под занавес — этот милосердный акт королевского «правосудия». А ведь все это происходит в государстве, где благородный поступок так часто вменяется в преступление честному человеку! Почему же на сей раз не в «конечном счете», не в «дальней перспективе» все обернулось к лучшему в этом «лучшем из миров», а в конкретном случае майора Тельхейма? В прямое вмешательство божества в земные дела Лессинг не верил. Но не одними же злоключениями вымощена дорога к «конечному благу», которое Лессинг не ставил под сомнение. Бывает же все-таки «солдатское счастье»: пуля, пролетевшая мимо; шашка, выбитая из вражеских рук; и вот такой счастливый исход «дела» майора Тельхейма по предстательству королевского брата! Почему бы и ему, солдатскому счастью, не быть одним из бессчетных отражений «конечной благости вселенной»?

7

В конце 1765 года Лессинг покидает своего «старого честного Тауэнцина», хотя тот и предлагает ему остаться его секретарем. Он едет в Берлин, чтобы там напечатать своего «Лаокоона», свою «Минну фон Барнхельм» — лучшее, что ему до сих пор удалось написать.

Но вернуться к своей довоенной литературной деятельности, по-прежнему сотрудничать все с теми же робкими берлинскими просветителями, Николаи и Мендельсоном, Лессингу не улыбалось. Он искал для себя другую общественную трибуну, с которой мог бы обращаться к более широким слоям немецкого общества. В 1767 году Лессинг, первый драматург, первый теоретик и критик того времени, переезжает в Гамбург, чтобы идеологически возглавить только что основанный там «постоянный» театр. Лессинг надеялся, что этот театр будет первым общенемецким национальным театром, способным мощно повлиять на культурную жизнь всей его родины. Но этой мечте не суждено было осуществиться. И не только потому, что гамбургская буржуазная публика, как жаловался Лессинг, «была равнодушна ко всему, кроме своего кошелька». Недоставало нового репертуара. Никто из немецких драматургов не писал пьес, способных хоть отдаленно приблизиться к уровню «Минны фон Барнхельм». Да и сам Лессинг ничем не пополнял театрального репертуара, хотя и носился с разными планами, в том числе и задуманной им революционной трагедией «Спартак». Продержавшись менее двух лет, «постоянный» гамбургский театр перестал существовать. Второе крупное теоретическое сочинение Лессинга «Гамбургская драматургия» — грандиозный памятник по несбывшемуся, ибо слишком безвременному, начинанию.

После закрытия гамбургского театра Лессинг был вынужден ухватиться за предложение наследного принца Брауншвейгского принять должность хранителя дворцовой библиотеки в Вольфенбюттеле. Это был горький и скудный хлеб. Столь скудный, что только в 1776 году Лессинг мог осуществить свою давнюю мечту жениться на вдове разорившегося негоцианта Еве Катарине Кёниг, ради которой он и принял эту должность. Счастье было недолговременным. Ева умерла спустя полтора года, разрешившись нежизнеспособным младенцем.

На втором году своей жизни в Вольфенбюттеле Лессинг создал трагедию, овеянную духом гнева и возмущения,— «Эмилию Галотти» (1772). В основу этой драмы положен рассказ римского историка Тита Ливия о злосчастной судьбе римской плебеянки Виргинии, которую хотел взять себе в наложницы патриций Аппий Клавдий. Бессильный спасти ее от бесчестия, отец Виргинии предпочел заколоть свою дочь на глазах у народа. Его поступок послужил толчком к восстанию пле-

беев. Власть патрициев была низложена; Аппий Клавдий покончил с собою в темнице, куда его бросил победивший народ.

Лессинг решил перенести это древнее предание в свою эпоху. Не в Германию, конечно (этого не потерпела бы цензура), а в Италию, которая тоже томилась под властью множества мелких тиранов. Действие происходит в итальянском княжестве Гвастална. Но зрителям было понятно, что все это могло произойти и в современном немецком княжестве.

Фабула трагедии такова. Принц гвастальский избрал очередной жертвой своего безудержного сластолюбия красавицу Эмилию Галотти. Но она — дочь гордого полковника Одоардо Галотти, презирающего двор и княжеские почести: ни запугать, ни подкупить его невозможно. К тому же Эмилия еще сегодня должна стать женою столь же гордого и благородного графа Аппиани. Препятствия, казалось бы, непреодолимые.

Но для владетельного князя препятствий не существует. По наущению услужливого клеврета Маринелли принц сознательно идет на коварное злодейство. Наемные убийцы нападают на карету графа Аппиани, в которой он везет к венцу свою невесту. Граф убит, Эмилия же доставлена в загородный дворец принца под предлогом оказания ей первой помощи. Услышав о случившемся, Одоардо Галотти спешит во дворец принца, чтобы немедленно увезти свою дочь из гнезда княжеского разврата. И там он с ужасом узнает из уст оставленной любовницы принца, графини Орсини, об истинной подоплеке кровавого преступления. Одоардо требует, чтобы ему тотчас же вернули дочь. Но принц говорит ему, что не может отпустить Эмилию, так как следствие еще не закончено. Подобно отцу Виргинии, Одоардо Галотти закалывает, по ее же просьбе, свою дочь, чтобы ее не принудили, не соблазнили стать фавориткой принца.

«Эмилия Галотти» — первая драма революционного немецкого театра, в которой Лессинг открыто возлагает вину за свершенное преступление на самый политический режим абсолютизма XVIII века, а не на отдельных преступников, случайно оказавшихся на престоле. Как художник-реалист, Лессинг не следует шаблону классицистов, изображавших «дурных монархов» исчадиями ада, упивавшихся картинностью зла. Его принц сам по себе человек обыкновенный, даже не лишенный некоторых привлекательных черт. Он щедр, он любит искусство, прост в обращении с художниками. Он даже ценит в людях честность и независимость, с уважением отзывается о старике Галотти и графе Аппиани, хотя и знает, что они ему «не друзья». Он любит при случае потолковать о «чистой любви» и добродетели. И наконец, он способен на раскаяние: гибель Эмилии Галотти приводит его в ужас, и он «навеки» изгоняет своего дурного советчика.

Не будь он принцем, он навряд ли стал бы преступником. Но он

принц, он верит, что любая его прихоть равнозначна высшему закону, подлежащему исполнению. И эта неограниченная власть превращает его в чудовище. Его слабости перерастают в пороки, в неподсудные злодеяния. Почти с такою же художественной, реалистической убедительностью Лессингом выписаны и прочие действующие лица трагедии.

У современного читателя и зрителя, естественно, возникает вопрос, почему Одоардо Галотти заносит кинжал на Эмилию, а не на принца. Нет нужды видеть в нем «лояльного верноподданного», неспособного поднять руку на «законного государя». «Вы ожидаете, быть может, что я обращу эту сталь против самого себя и так, по правилам пошлой трагедии, завершу свое деяние? Вы ошибаетесь! Вот! *(Бросает ему в ноги кинжал.)* Вот он лежит, кровавый свидетель преступления! Я пойду и сам отдамся в руки правосудия. Я ухожу и жду вас, как судью. А там — выше, буду ждать вас перед лицом нашего всеобщего судьи».

Ведь и прообраз Одоардо, плебей Люций Виргилий, занес кинжал не на Аппия Клавдия, а на свою дочь, как бы желая этим сказать, что спастись от бесчестия, не сломив власти патрициев, можно только ценою смерти. Но именно это безмолвное обвинение и вдохновило римских плебеев на победоносное восстание.

Таким же призывом кончает и Лессинг свою трагедию, свою «бюргерскую Виргинию», как он о ней отозвался. Он сознавал, конечно, что на его родине этот призыв пока не приведет к каким-либо политическим последствиям. Но вместе с тем он все же верил, что в недрах народа, в недрах бюргерских классов зреет воля к сопротивлению произволу князей и знати, как верил и в морально-воспитательное значение искусства.

Последние годы деятельности Лессинга, по верному замечанию Н. Г. Чернышевского, принадлежат не столько истории литературы, сколько истории философии. «Воспитав поэтов и критиков для своего народа... приготовив период поэзии, он занялся трудами, которые подготовили период философии»[1]. Вопросы философии и религии не были для Лессинга самодовлеющей областью размышлений, оторванной от его целеустремленной борьбы за «право разума», против авторитарного мышления, стоящего в противоречии с новым буржуазным самосознанием. Отсюда возникли и его так называемые «богословские» сочинения.

Лессинг боролся не столько против лютеранской ортодоксии, открыто поддерживавшей своим авторитетом авторитет светской власти, тиранию многочисленных немецких князей (ее несостоятельность была очевиднее), сколько против «модных богословов», которые, прикрываясь просветительской фразеологией, сознательно оказывали ту же услугу

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, Гослитиздат, М. 1950, стр. 193—194.

светским властям. На них он и направлял основной огонь своей полемики. К ортодоксальным богословам он бывал беспощаден, когда они не останавливались перед прямым доносом по начальству, как то позволял себе обер-пастор Геце. На его нападки Лессинг откликнулся знаменитым памфлетом «Анти-Геце» (1777—1778), написанным с беспощадным по силе и блеску сатирическим сарказмом.

Когда Брауншвейгская духовная консистория запретила Лессингу продолжать полемику с этим реакционным богословом, Лессинг перенес борьбу в другую область, решил посмотреть, удастся ли ему «свободно проповедовать хотя бы со старого своего амвона — с театральных подмостков». Так возникла драматическая поэма «Натан Мудрый».

Действие драмы происходит в Иерусалиме XII века, в царствование султана Саладина, в эпоху крестовых походов. И все же «Натан Мудрый» — не историческая драма, не столько драма о прошлой, сколько о грядущей истории человечества — о конечном торжестве «просвещенного разума» над исторически сложившимися религиями. В «Натане» эта высшая цель «воспитания рода человеческого» предвосхищается праведной жизнью Натана, излучением его нравственной силы на других героев драматической поэмы.

Фабула «Натана Мудрого» многим сложнее и запутаннее фабул прочих Лессинговых драматических произведений. У богатого еврея Натана, человека доброго и великодушного, имеется дочь, не родная, а приемная — красавица Рэха. Во время отсутствия Натана Рэху спасает из огня юный рыцарь-храмовник, пощаженный Саладином. Узнав, что спасенная им девушка — еврейка, храмовник отказывается от встречи с нею. Но Натану удается рассеять религиозные предубеждения рыцаря и сделать его своим другом,— тем более что храмовник и сам успел усомниться в своих былых убеждениях и осудить кровопролитные религиозные войны:

Но где, когда слепое изуверство
С таким свирепым рвением решалось
За веру биться в бога своего,
Провозглашать его лишь истым богом,
Навязывать его другим народам?

После встречи с Рэхой храмовник хочет навечно соединить свою жизнь с полюбившейся ему девушкой — в твердой надежде, что Натан не откажет ему в руке своей дочери. Ведь это он сказал ему:

Народ — что́ значит?
Жид иль христианин не в той же ль мере
И человек? О, если б я нашел
В вас мужа, что довольствуется быть
Лишь человеком!

Но Натана берут сомнения. Он поражен необычайным сходством храмовника с рыцарем, некогда доверившим ему перед боем свою дочь — его Рэху — и потом бесследно исчезнувшим. Не сыном ли доводится тому рыцарю храмовник, не брат ли он Рэхе? Вот почему он не сразу дает согласие на этот брак, просит храмовника повременить до выяснения некоторых обстоятельств.

Нетерпеливый, страстный юноша подозревает Натана в нежелании породниться с христианином. А когда он узнает от наперсницы Рэхи, ревностной христианки Дайи, что Рэха не дочь Натана, что она христианка, он, ослепленный гневом и негодованием, обращается за советом к иерусалимскому патриарху. Не называя имени Натана, храмовник спрашивает его, как следует поступить с евреем, осмелившимся воспитать христианского ребенка, как родную дочь. И патриарх, религиозный изувер и человеконенавистник, ему возвещает, что иудей, совершивший столь тяжкое преступление, «должен быть казнен».

Этот жестокий приговор отрезвляет храмовника, он хочет договориться с Натаном. Но следствие уже началось и приводит к неожиданному результату. Патриарх поручил выявить преступника праведному брату Бонафидесу, бывшему стремянному рыцаря, чью дочь он некогда вручил Натану. Благодаря ему, Натану достоверно удалось установить, что Рэха и храмовник — дети любимого брата Саладина, Ассада. Он некогда полюбил немецкую девушку, принял христианство и пал в бою со своими бывшими единоверцами. Но Натан не хочет посвятить в эту тайну храмовника раньше, чем откроет ее Саладину, которого по праву считает своим другом и покровителем.

Саладин, по наущению сестры, хотел пополнить свою оскудевшую казну богатствами Натана, однако только в том случае, если этот мудрец на деле окажется всего лишь трусливым стяжателем. Чтобы испытать Натана, султан задает ему опасный вопрос, какая из трех религий — иудейство, мусульманство или христианство — является истинной. Натан отвечает Саладину знаменитой притчей о трех кольцах. Жил человек, обладавший чудодейственным перстнем. «Кто с верою носил его, всегда угоден был и господу и людям». И было у него три сына, которых он любил в равной мере, и потому заказал еще два кольца, таких же по виду, как то, заветное, и всем трем сыновьям, умирая, вручил по кольцу. И каждый из сыновей считал, что его кольцо чудодейственное, а братья его — обманщики. После долгих взаимных обвинений братья обратились к мудрому судье. И тот им подал благой совет: пусть каждый считает свое кольцо заветным и старается приумножить его волшебные свойства.

. . . . . .

И кротостью, и праведною жизнью,
И благодетельной ко всем любовью,
В сознании служенья божеству.

А когда пройдут тысячелетия, пусть они снова предстанут перед высшим судией, и тот по их делам решит, чей перстень чудодействен. Не «кольца» (то есть не исторически сложившиеся религии) определяют достоинства людей и народов, а *добрые дела,* содействующие созиданию гармонического общества будущего. Пристыженный мудростью Натана, Саладин предлагает ему свою дружбу.

В финальной сцене драмы Натан открывает Саладину тайну рождения Рэхи и храмовника. Они брат и сестра, дети его безвестно пропавшего брата. Доброта и пытливая мудрость Натана осуществила эту всеобщую радость. «При молчаливых взаимных объятиях занавес опускается».

«Натан Мудрый» — предсмертное завещание великого немецкого просветителя и гуманиста. Это Лессинг сознавал и сам. Он явственно чувствовал, что его здоровье быстро разрушается, и порою ему казалось, что от болезней разрушаются и духовные его силы. Но воля к борьбе с церковным и политическим гнетом, но верность своей миссии — возрождению немецкого народа — поддерживали его слабеющие силы и заставляли Лессинга все с большей отчетливостью высказывать то, что он еще не успел сказать.

Естественно, что Лессинг в уста своих любимых героев — Саладина, храмовника, Рэхи, но прежде всего Натана — влагал свои заветные мысли, что его герои подчас становились «рупорами идей» мировоззрения поэта-просветителя.

И все же Лессингу удалось создать колоссальный образ великодушного мудреца, чей стойкий и ясный дух несгибаемо высится над религиозными распрями и взаимной ненавистью народов. Ничто не в силах затмить его неподкупный разум, ожесточить его сердце. Вопреки неприглядной действительности, Натан твердо верит в добрые задатки, заложенные в человека, и в силу вразумляющего слова, способного пробуждать в человеке начала добра, любви и справедливости.

С особенною любовью Лессинг воссоздает образы таких бесхитростных праведников, как дервиш Аль-Гафи, как добрый послушник, которым «ум сердца» подсказывает благие решения. А с каким гневом, с какой ненавистью лепит он образ зловещего изувера-патриарха, для которого поистине «все дозволено», все оправдано его изворотливой богословской софистикой!

Замечателен язык «Натана Мудрого». Лессинг впервые вводит в немецкую драму шекспировский пятистопник, по его почину ставший традиционным стихотворным размером классической немецкой драматургии. Как свободно сочетается у него ритмическая речь с прозрачной ясностью мысли, чувства и страсти, воплотившихся в слово! Местами веселые столкновения встречных реплик и отточенность эпиграмматически сжатых сентенций достигают почти комедийной легкости.

Историческое значение Лессинга огромно. «В великой борьбе, целью которой было возрождение немецкого народа, не только план битвы принадлежал ему, но и победа была одержана им» [1] — так определил роль Лессинга великий мыслитель и революционер Н. Г. Чернышевский. В поэзии, в критике, в философии Лессинг был не только родоначальником, но и первым зрелым мастером новой немецкой классической литературы, проникнутой духом борьбы за свободу, за духовное пробуждение немецкого народа.

Лессинг умер 15 февраля 1781 года, за восемь лет до начала Французской буржуазной революции. Наиболее революционный ум Германии своего времени, Лессинг, подобно другим великим просветителям XVIII века, еще не мог предвидеть противоречий буржуазного общества. Он искренне верил, что уничтожение абсолютизма и сословных привилегий принесет с собой общее благоденствие народа. Этого было достаточно, чтобы поздние поколения немецкой буржуазии, чуждые революционному духу великого просветителя, вступившие в сделку с феодальной верхушкой Германии, провозгласили Лессинга, бескомпромиссного борца со всеми видами политического и духовного гнета, поборником своих корыстных классовых интересов.

Истинным наследником Лессинга, его титанической напряженной умственной работы, стал только революционный пролетариат. Маркс и Энгельс видели в Лессинге одного из родоначальников пролетарской борьбы за лучшее будущее человечества. Замечательная книга Ф. Меринга «Легенда о Лессинге» (1893) раз и навсегда положила конец фальсификации буржуазным литературоведением литературно-общественной деятельности Лессинга, в которой запечатлелся благородный характер страстного борца за высокие идеалы Просвещения.

«Такой человек, как Лессинг, нужен нам,— сказал однажды Гете,— потому что он велик именно благодаря своему характеру, благодаря своей твердости. Столь же умных и образованных людей много, но где найти подобный характер» [2].

Имя Лессинга, смелого борца с политической реакцией, препятствующей восхождению человечества к светлому будущему, особенно дорого и нам, людям, воздвигающим великое здание коммунизма.

Н. ВИЛЬМОНТ

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 10.
[2] И.-П. Эккерман, Разговоры с Гете, М.—Л., 1934, стр. 285.

ДРАМЫ

МИСС САРА САМПСОН

МЕЩАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сэр Уильям Сампсон.
Мисс Сара, его дочь.
Мелефонт.
Марвуд, прежняя возлюбленная Мелефонта.
Арабелла, девочка, дочь Марвуд.
Уайтуэлл, старый слуга Сампсона.
Нортон, слуга Мелефонта.
Бетти, служанка Сары.
Ханна, служанка Марвуд.

Хозяин гостиницы и несколько второстепенных персонажей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена изображает залу на постоялом дворе. Входят сэр Уильям Сампсон и Уайтуэлл, оба в дорожном платье.

Сэр Уильям. Моя дочь здесь? В этом убогом трактире?

Уайтуэлл. Мелефонт, конечно же, усердно разыскивал самое убогое пристанище во всем городишке. Злые люди всегда ищут местечко потемнее, уже потому, что они злые. Но что толку, если они и скроются от всего света? Совесть-то поважнее целого света, обвиняющего нас. Ах, вы опять плачете, опять, сэр!

Сэр Уильям. Дай мне выплакаться, мой старый честный слуга. Или ты считаешь, что она не стоит моих слез?

Уайтуэлл. Она стоит их, даже если бы то были кровавые слезы.

Сэр Уильям. Вот и оставь меня в покое.

Уайтуэлл. Так низко соблазнить самое доброе, самое прелестное и невинное дитя из всех когда-либо живших под солнцем! Ах, моя малютка, моя маленькая Сара! Ты выросла на моих глазах. Когда ты была ребенком, я сотни раз держал тебя на руках, дивясь твоей улыбке, твоему лепету. На детском твоем личике уже тогда сияла заря разума, доброты...

Сэр Уильям. Замолчи! Разве то, что случилось, недостаточно растерзало мое сердце? Неужели воспоминаниями о прошлых блаженствах ты хочешь еще нестерпимее сделать мои

мучения? Окажи мне услугу и не говори так. Порицай меня, назови преступлением мою отцовскую любовь; преувеличь грех моей дочери; внуши мне, если сумеешь, отвращение к ней; заново разожги во мне жажду мести и ненависть к ее проклятому соблазнителю; скажи, что Сара никогда не ведала добродетели, раз так легко от нее отказалась; скажи, что она меня никогда не любила, если смогла тайно меня покинуть.

Уайтуэлл. Если бы я так сказал, это было бы ложью, бесстыдной, злобной ложью. Эта ложь вспомнилась бы мне на смертном одре, и я, старый злодей, умер бы в отчаянии. Нет, наша малютка любила своего отца и, конечно же, конечно, все еще любит его. Если вы пожелаете в это поверить, сэр, то я еще сегодня увижу ее в ваших объятиях.

Сэр Уильям. Да, Уайтуэлл, но я должен убедиться в ее любви. Я не в силах больше жить без нее, она опора моей старости, и если она не захочет усладить мои последние печальные дни, кто же другой сможет это сделать? Если она еще любит меня — ее грех прощен. То был грех любящей девушки, а ее бегство — плод раскаяния. Такие прегрешения лучше, чем вынужденная добродетель. Но я чувствую, Уайтуэлл, чувствую, что, будь ее поступок даже преднамеренным преступлением, более того — доподлинным пороком, ах, я бы все равно простил ее. Лучше быть любимым порочной дочерью, чем нелюбимым вовсе.

Уайтуэлл. Утрите же слезы, дорогой мой сэр! Кто-то идет сюда. Наверно, трактирщик спешит встретить нас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трактирщик, сэр Уильям Самсон, Уайтуэлл.

Трактирщик. Так рано, господа, так рано? Милости прошу! Мое почтение, Уайтуэлл! Вы, конечно, ехали всю ночь напролет? Скажи, это тот господин, о котором ты толковал мне вчера?

Уайтуэлл. Он самый, и я надеюсь, что ты согласно договоренности...

Трактирщик. Милостивый государь, я рад служить вам. Мне не важно, знаю я или нет, что привело вас сюда и почему вам угодно скрывать свое пребывание здесь. Трактирщик берет деньги и предоставляет гостям поступать, как им заблагорассудится. Уайтуэлл, правда, говорил мне, будто вы хотите немножко

понаблюдать за иностранцем, который уже второй месяц проживает у меня со своей молоденькой женушкой. Но я надеюсь, вы не станете чинить ему неприятности. Иначе о моем трактире пойдет дурная слава и кое-какие люди не пожелают у меня останавливаться. А наш брат ведь живет за счет самых разных людей.

Сэр Уильям. Не беспокойтесь, проводите меня в комнату, которую Уайтуэлл заказал для меня. Я приехал сюда не с дурными намерениями.

Трактирщик. Я не стараюсь проникнуть в ваши тайны, сударь! Любопытство — не мой порок. Я, к примеру, давно бы мог узнать, кто этот интересующий вас чужестранец, но не стал допытываться. Правда, мне удалось выяснить, что он увез эту особу. Бедная женщина, или кто там она есть, весь день сидит взаперти в своей комнате и плачет.

Сэр Уильям. И плачет?

Трактирщик. Да, плачет... Но вы-то почему плачете, сударь? Видно, бедняжка вам не чужая. Надеюсь, вы не ее...

Уайтуэлл. Не задерживай его.

Трактирщик. Идемте, сударь. Только стена будет отделять вас от той, что дорога вашему сердцу и, может быть...

Уайтуэлл. Ты, видно, во что бы то ни стало хочешь знать, кто...

Трактирщик. Нет, Уайтуэлл, я ничего знать не хочу.

Уайтуэлл. В таком случае проводи нас в наши комнаты, покуда еще не проснулся весь дом.

Трактирщик. Извольте следовать за мною, сударь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Поднимается средний занавес. Сцена изображает комнату Мелефонта.

Мелефонт, потом его слуга.

Мелефонт *(полуодетый сидит в кресле)*. Еще одна ночь — страшней, чем на дыбе! Нортон! Мне надо видеть людей! Если я останусь один на один со своими мыслями, они невесть куда заведут меня. Эй, Нортон! Он еще спит. Но ведь это, пожалуй, жестоко с моей стороны — не давать спать бедняге. Он — счастливец! Но я не хочу, чтобы хоть один человек был счастлив вблизи от меня. Нортон!

Нортон *(входит)*. Что угодно, сударь?

Мелефонт. Одень меня! И не строй, пожалуйста, кислой мины! Когда я буду спать подольше, ты тоже будешь вставать позднее. Если ты ничего не хочешь знать о своих обязанностях, то хотя бы посочувствуй мне.

Нортон. Сочувствовать, сударь? Вам сочувствовать? Уж я-то знаю, кому надо сочувствовать.

Мелефонт. А именно?

Нортон. Ах, сударь, позвольте я вас одену, а вы ни о чем меня не спрашивайте.

Мелефонт. Черт! Значит, вместе с моей совестью просыпаются и твои упреки. Мне все понятно! Я знаю, кому отдано все твое сострадание. Что ж! Правильно — не сострадай мне. Проклинай меня в душе, но — заодно и себя.

Нортон. Себя?

Мелефонт. Да, за то, что ты служишь негодяю, которого неизвестно как еще земля носит, и вдобавок стал соучастником его преступления.

Нортон. Я стал соучастником вашего преступления? Это каким же образом?

Мелефонт. Ты смолчал.

Нортон. Вот хорошо-то! Да вы в пылу своей страсти за одно словечко размозжили бы мне голову. К тому же, когда я к вам нанялся, вы так закоснели в своих пороках, что никакой надежды на ваше исправление уже не было. Я увидел, какую жизнь вы ведете! В ничтожной компании игроков и праздношатающихся, иного названия они не заслуживают, невзирая на их громкие титулы. В этой компании вы проматывали состояние, которое могло бы открыть вам доступ к самым почетным должностям. А ваше преступное поведение с разными женщинами, и прежде всего со злючкой Марвуд...

Мелефонт. О, если бы я мог вернуться к прежней жизни, она ведь была воплощенной добродетелью, по сравнению с той, какую я веду сейчас. Я растратил свое состояние — ладно. Наказание еще воспоследует, я успею познать всю жестокость, всю унизительность нужды. Я посещал непотребных женщин — пусть так! Но не столько я соблазнял их, сколько они меня, а те, кого я соблазнил, хотели быть соблазненными. И все же... в те дни у меня на совести еще не было попранной добродетели. Я еще не вверг невинное создание в необозримые бедствия. Я еще не увез Сару из дома любимого отца, не принудил ее последовать за ничтожным человеком, давно уже себе не принадлежавшим. Я... Кого это принесло в такую рань?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бетти, Мелефонт, Нортон.

Нортон. Это Бетти.

Мелефонт. Уже на ногах, Бетти? А что делает барышня?

Бетти. Что делает? *(Всхлипывая.)* Было уже далеко за полночь, когда я уговорила ее лечь в постель. Она проспала несколько минут, но, боже милостивый, что это был за сон! Вдруг она вскочила и упала в мои объятия; казалось, убийца гонится за этим несчастным существом. Она вся дрожала, и холодный пот струился по ее побледневшему лицу. Я всеми силами старалась ее успокоить, но она до самого утра отвечала мне лишь молчаливыми слезами. Затем она несколько раз посылала меня послушать у вашей двери — не встали ли вы. Она хочет говорить с вами. Никто, кроме вас, не может ее утешить. Милый, дорогой господин Мелефонт, успокойте ее. У меня сердце разорвется, если она и дальше будет жить в таком страхе.

Мелефонт. Поди, Бетти, скажи ей, что я сейчас приду...

Бетти. Нет, она хочет сама прийти к вам.

Мелефонт. Если так, скажи, что я жду ее... Ах... *(Бетти уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мелефонт, Нортон.

Нортон. О, господи, бедняжка мисс Сара!

Мелефонт. Чьи чувства ты хочешь пробудить этим возгласом? Смотри, вот первая слеза, что со времен детства сбегает по моей щеке! Нет, плохо я готовлюсь к приему той, что ищет утешения. Но почему она ищет его у меня? А где ж еще ей искать его? Надо взять себя в руки. *(Вытирает глаза.)* Куда подевалась стойкость, с которой я некогда смотрел на слезы в прекрасных глазах? Куда подевался дар перевоплощения, помогавший мне становиться, кем я хотел, и говорить, что я хотел? Сейчас она придет и станет проливать слезы, перед которыми я бессилен. В смятении, сгорая от стыда, я буду стоять перед ней, точно грешник на Страшном суде. Посоветуй, что же мне делать? Что говорить?

Нортон. То, что она от вас потребует.

Мелефонт. Иными словами, совершить новую жесто-

кость. Она не права, гневаясь за то, что я все откладываю церемонию, которую в этом королевстве мы можем совершить лишь себе на погибель.

Нортон. Так уезжайте из него. Почему мы медлим? Почему день проходит за днем, неделя за неделей? Велите мне уложить вещи, и завтра вы взойдете на корабль. Может быть, не все ее горе последует за ней, может быть, частичку его она оставит здесь, и в другой стране будет...

Мелефонт. Я и сам на это надеюсь... Тише, она идет! Как бьется мое сердце...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сара, Мелефонт, Нортон.

Мелефонт *(идя ей навстречу)*. Вы провели неспокойную ночь, мисс Сара...

Сара. Ах, Мелефонт, если бы только неспокойную...

Мелефонт *(Нортону)*. Оставь нас!

Нортон *(уходя)*. Я бы здесь не остался, если бы даже каждое мгновенье мне тут же на месте оплачивалось золотыми монетами.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сара, Мелефонт.

Мелефонт. Вы ослабели, дорогая, вам надо сесть.

Сара *(садясь)*. Я рано потревожила вас. Сможете ли вы мне простить, что я опять с самого утра докучаю вам своими сетованиями?

Мелефонт. Дорогая Сара, вы хотите сказать, что не можете меня простить за то, что вот снова наступило утро, а я так и не положил конца вашим страданиям.

Сара. Разве я могу не простить? Вспомните, что́ я вам простила. Но третий месяц, Мелефонт, третий месяц прошел с того дня, а я все еще в этом злосчастном доме и все в том же положении, что и в первый день.

Мелефонт. Так вы усомнились в моей любви?

Сара. Мне усомниться в вашей любви? Нет, я слишком чувствую свое несчастье, чтобы украсть у себя эту единственную усладу.

Мелефонт. Так как же может моя мисс тревожиться из-за откладываемой церемонии?

Сара. Ах, Мелефонт, ну почему бы мне не думать о ней? Будьте снисходительны к женскому образу мыслей. Мне думается, что эта церемония — знак божественного соизволения. Весь долгий вчерашний вечер я тщетно старалась усвоить ваши понятия и прогнать сомнения из своего сердца, сомнения, которые вы, уже не в первый раз, называете плодом моего недоверия. Я боролась с собой, и мне удалось наконец одурманить свой рассудок, но голос сердца и неподкупные чувства вмиг разрушили с трудом возведенное здание разумных доводов. Грозные голоса заставили меня проснуться и вкупе с моим воображением взялись терзать меня. Какие картины, какие страшные образы роились передо мной! Я хотела, очень хотела считать их сновидениями...

Мелефонт. Как? Моя разумная Сара приняла эти картины за нечто иное? Сны, дорогая моя мисс, сны! До чего же несчастен человек! Разве не довольно мучений существует для него в действительном мире? Зачем же творец еще приумножил их, одарив нас воображением?

Сара. Не ропщите на господа! Воображение он оставил в нашей власти. Оно сообразуется с нашими деяниями, и если эти деяния отвечают тому, что мы зовем нашим долгом, нашей добродетелью, то воображение лишь приумножает для нас покой и радость. И только этот обряд, благословение, которое всевышний, именем вечной доброты, ниспосылает нам через своего вестника, может исцелить мое расстроенное воображение. Не медлите больше, сделайте из любви ко мне то, что вы ведь все равно намерены сделать. Сжальтесь надо мною, подумайте, что этим вы освободите меня от воображаемых мук, но и воображаемые муки все же муки для той, что их испытывает. О, если б я могла хоть вполовину так живо рассказать вам об ужасах прошедшей ночи, как живо я их ощущала! Уставши от слез и сетований — единственного моего занятия, я, едва смежив веки, упала на подушки. Природа пожелала дать себе передышку, а скорей всего — сронить новые слезы. Я еще и уснуть не успела, как вдруг увидала себя на вершине огромной и мрачной скалы. Вы шли передо мною, я неверными шагами брела за вами; время от времени меня ободрял взор, который вы, оглядываясь, на меня бросали. Вскоре я услышала позади себя ласковый зов, приказывающий мне остановиться. То был голос моего отца — о, я несчастная! Неужто не дано мне забыть отца! Ах, что, если и его память сослужила ему злую службу, что, если и он не забыл меня?

Нет, он забыл. Это утешение, жестокое утешение для его Сары! Слушайте же, Мелефонт, я хотела оглянуться на знакомый голос, но ноги мои вдруг начали скользить, меня шатнуло, я вот-вот свалилась бы в пропасть; тут вдруг подоспела какая-то женщина, похожая на меня, и меня удержала. Я было хотела выразить ей горячую свою благодарность, но она вытащила кинжал из-за пазухи. «Я спасла тебя,— крикнула эта женщина,— чтобы тебя погубить!» Она вытянула руку, в которой держала кинжал, и... я проснулась оттого, что он вонзился мне в грудь. И потом, наяву, еще долго чувствовала боль смертельного удара, не чувствуя того, что есть в нем радостного,— надежды на прекращение боли вместе с прекращением жизни.

Мелефонт. Ах, дорогая Сара, я обещаю вам, что боль кончится и без того, чтобы кончилась ваша жизнь, а значит, и моя... Забудьте же о страшных небылицах бессмысленного сновидения.

Сара. Силы на то, чтобы все забыть, я жду от вас. Любовь или соблазн, счастье или несчастье бросили меня в ваши объятия, сердце мое отдано вам, и отдано навек. Но я не принадлежу вам в глазах того судии, что карает за любое отступление от предначертанного им порядка...

Мелефонт. Пусть же эта кара коснется меня одного.

Сара. Что может коснуться вас, не коснувшись меня? Прошу вас, не истолкуйте неправильно мою настойчивость. Другая женщина, подобно мне опрометчиво потерявшая честь, быть может, захотела бы законными узами восстановить хоть толику ее. Я, Мелефонт, об этом и не думаю, ни о какой чести я знать не знаю, кроме чести любить вас. И вступить с вами в брак хочу не из-за людской молвы, а лишь из-за самой себя. Став вашей женой, я снесу любые поношения, я буду делать вид, что не стала ею. Вам нет надобности объявлять меня своей супругой, выдавайте меня за кого угодно. Я не буду носить ваше имя; наш брак останется тайной. Я во веки веков буду его недостойна, если пожелаю из него извлечь другую пользу, кроме одной-единственной — успокоения своей совести.

Мелефонт. Молчите, мисс, или я умру на ваших глазах. Как я несчастен оттого, что у меня не хватает духу сделать вас еще несчастнее! Вспомните, что вы доверились моему водительству, что я обязан все предвидеть за нас двоих и что сейчас я обязан быть глух к вашим сетованиям, если не хочу, чтобы до конца своих дней вы сетовали еще горше. Неужели вы забыли о тех доводах, которые я приводил вам в свое оправданье?

Сара. Я ни о чем не забыла, Мелефонт. Вы хотите сперва

вступить во владение завещанным вам состоянием и, спасая бренное благо, лишить меня блага вечного.

Мелефонт. Ах, Сара, если бы вы понимали значение всех бренных благ так же хорошо, как ваша добродетель понимает вечные...

Сара. Моя добродетель? Не произносите при мне этого слова! Когда-то оно сладостно звучало для меня, теперь мне слышится в нем громыханье грома!

Мелефонт. Как, разве тот, кому на роду написано быть добродетельным, не может совершить ошибки? Ужели так грозны последствия одного неверного шага, чтобы зачеркнуть целый ряд безупречно прожитых лет? Это значило бы, что нет на земле добродетельного человека, это значило бы, что добродетель — призрак, который растворяется в воздухе, когда тебе кажется, что ты уже крепко держишь его, это значило бы, что Премудрый наше чувство долга не соразмерил с нашими силами, это значило бы, что принимать его кары — главное назначение нашего бытия, это значило бы... О, я содрогаюсь при мысли о тех ужасных выводах, к которым неминуемо приведет вас ваше малодушие. Нет, мисс, вы и поныне та добродетельная Сара, которою были до злополучного знакомства со мной. Если вы на себя смотрите столь беспощадным взором, то какой же взор устремлен на меня, какими глазами вы за мной наблюдаете?

Сара. Глазами любви, Мелефонт.

Мелефонт. Умоляю вас во имя вашей любви, великодушной любви, закрывшей глаза на мое ничтожество, на коленях умоляю: успокойтесь. Потерпите еще день-другой.

Сара. День-другой! Ох, как долго длится этот день!

Мелефонт. Будь проклято дурацкое завещание моего двоюродного брата, пожелавшего оставить мне свое состояние при условии, что я женюсь на родственнице, ненавидящей меня так же страстно, как я ненавижу ее. Вы, бесчеловечные тираны наших свободных чувств, на вас падет ответственность за все горе, за все грехи, к которым нас понуждает ваша тирания! Если бы я мог обойтись без этого позорного наследства! Покуда мне на жизнь хватало отцовского состояния, я отвергал его, не удостаивал даже говорить о нем. Но нынче, нынче я хотел бы владеть всеми сокровищами мира лишь для того, чтобы сложить их к ногам моей Сары; нынче, когда я должен позаботиться хотя бы о том, чтобы она появилась в свете, как то приличествует ее положению, нынче это наследство — единственная моя надежда.

Сара. Смотрите, как бы и она в конце концов не рассыпалась в прах.

Мелефонт. Вы всегда предполагаете наихудшее... Нет, упомянутая девица согласна пойти на своего рода мировую сделку. Наследство должно быть поделено; и она, поскольку ей нельзя владеть им вместе со мной, охотно предоставляет мне право выкупить свою свободу за половину наследственного состояния. Я ежечасно жду известий об этом деле, а их все нет и нет, вот почему так затянулось наше пребывание здесь. Как только я получу письмо, мы и часа здесь не останемся. Мы, дорогая моя мисс, тотчас же уедем во Францию, там вы найдете новых друзей, которые уже сейчас готовы вас любить и радуются предстоящему знакомству с вами. Эти новые друзья будут свидетелями нашего бракосочетания...

Сара. Свидетелями нашего бракосочетания? Жестокий человек! Значит, оно состоится на чужбине? Значит, я преступницей должна покинуть свое отечество? И вы думаете, что, не сняв с себя клейма преступления, я не побоюсь довериться морю? Нет, разве может человек с нечестивым, неспокойным сердцем безразлично взирать на шаткие доски, что единственно отделяют его от гибели? В каждой волне, бьющейся о наш корабль, будет грохотать моя смерть. Каждый порыв ветра будет доносить до меня проклятия с родимых берегов, а если начнется шторм, пусть даже небольшой, мне будет казаться, что это вершится суд надо мною. Нет, Мелефонт, так варварски вы со мной не обойдетесь. Если мне суждено дожить до решения вашего дела, то уж один лишний день, который мы проведем здесь, ничего не будет значить для вас. В этот день вы поможете мне забыть все муки прожитых здесь месяцев. То будет священный день. Ах, может ли быть, что он наконец наступит!

Мелефонт. Но подумайте, дорогая, здесь нам даже нельзя подобающим празднеством отметить наше бракосочетание.

Сара. Священные узы не становятся крепче от пышного празднества.

Мелефонт. Но...

Сара. Вы удивляете меня. Неужели вы всерьез выдвигаете такой пустячный довод? О Мелефонт, Мелефонт! Если бы я не возвела для себя в непреложный закон никогда не сомневаться в искренности вашей любви, эти слова... Нет, хватит, не то можно подумать, что сейчас я в ней усомнилась.

Мелефонт. Первый миг ваших сомнений станет последним мигом моей жизни! Ах, Сара, чем я заслужил, что вы предвидите хотя бы возможность сомнения? Разумеется, былые беспутства, о которых я не колеблясь поведал вам, не делают мне

чести, но доверие моя исповедь могла бы в вас пробудить. Блудливая Марвуд уловила меня в свои сети, ибо я испытывал к ней чувство, часто принимаемое за любовь, столь редкую в нашей жизни. Я бы и доныне носил эти позорные цепи, если бы господь не сжалился надо мной, не счел мое сердце не вовсе недостойным и не зажег в нем добрый огонь! Видеть вас, дорогая моя Сара, значило позабыть о Марвуд. Но вам-то, вам-то каково было получить меня из таких рук! Я слишком сжился с пороком, о котором вы ничего не ведали...

Сара. Не будем больше думать об этом...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нортон, Мелефонт, Сара.

Мелефонт. Чего тебе?

Нортон. Я стоял возле дома, когда чей-то слуга сунул мне это письмо. Оно адресовано вам, сударь.

Мелефонт. Мне? Кому же здесь известно мое имя? *(Разглядывает письмо.)* О, боже!

Сара. Это письмо испугало вас?

Мелефонт. Беспричинно, сударыня; сейчас я понял, что ошибся, увидев показавшийся мне знакомым почерк.

Сара. Надеюсь, что содержание письма окажется как нельзя более приятным для вас.

Мелефонт. Я предполагаю, что оно окажется безразличным.

Сара. Читать письма всегда лучше в одиночестве. Позвольте мне вернуться к себе в комнату.

Мелефонт. Вас снова посетили мрачные мысли?

Сара. О нет, Мелефонт.

Мелефонт *(провожает ее до боковой кулисы)*. Через минуту-другую я буду у вас, дорогая моя Сара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мелефонт, Нортон.

Мелефонт *(снова вглядывается в письмо)*. Боже правый!

Нортон. Горе вам, если только правый!

Мелефонт. Возможно ли? Я снова вижу этот проклятый почерк и леденею от ужаса! Ужели она? Нет, не она. К чему

сомнения — это она! Ах, друг мой, письмо от Марвуд! Какой-то злодей или сам сатана открыл ей мое местопребывание! Что ей еще нужно от меня? Пойди, сделай вид, что мы съезжаем отсюда. Нет, постой! Наверно, это излишне, наверно, мое прощальное, исполненное презрения письмо к Марвуд побудило ее отплатить мне тем же при встрече. Возьми вскрой письмо, а теперь читай. Сам я не в силах.

Нортон *(читает)*. «Если вы, Мелефонт, удостоите бросить взгляд на имя в конце этой страницы, оно скажет вам не меньше, чем сказало бы длинное письмо...»

Мелефонт. Будь проклято ее имя! Лучше бы мне никогда его не слышать! Да будет оно вытравлено из книги живых!

Нортон *(продолжает читать)*. «Труд, потраченный мною на то, чтобы разыскать вас, усладила любовь, помогавшая мне в розысках...»

Мелефонт. Любовь? Не кощунствуй! Ты оскверняешь слово, подобающее лишь добродетели.

Нортон *(продолжает читать)*. «Любовь сделала еще больше...»

Мелефонт. Меня пробирает дрожь.

Нортон. «Она привела меня к вам...»

Мелефонт. Предатель, что ты читаешь? *(Вырывает письмо у него из рук и читает сам.)* «Привела меня... к вам. Я здесь, и теперь от вас зависит, будете ли вы дожидаться моего прихода или пожелаете его предупредить и придете ко мне. Марвуд». Это как удар грома! Она здесь? Где же? За свою дерзость она поплатится жизнью.

Нортон. Жизнью? Один взгляд, и вы падете к ее ногам. Подумайте, что вы творите! Вам нельзя встретиться с нею, это довершит несчастье мисс Сары.

Мелефонт. О, я несчастный! Нет, я должен видеть ее. Она разыщет меня даже в комнате Сары и всю свою ярость обрушит на ни в чем не повинную бедняжку.

Нортон. Но, сударь...

Мелефонт. Молчи! Посмотрим *(пробегает глазами письмо)*, пишет ли она, где остановилась. Да. Идем, ты будешь сопровождать меня.

Оба уходят

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена изображает комнату Марвуд в другой гостинице.

Марвуд в неглиже, Ханна.

Марвуд. Надеюсь, Ханна, Белфорд отдал письмо кому следует?

Ханна. Да.

Марвуд. Ему самому?

Ханна. Его лакею.

Марвуд. До чего же мне хочется узнать, какое оно произведет впечатление. Скажи, Ханна, тебе не кажется, что я немного встревожена? Так оно и есть. Предатель! Но спокойствие! Мне нельзя злиться. Снисходительность, любовь, мольбы — вот единственное оружие, которым я могу пользоваться, хорошо зная слабые стороны этого человека.

Ханна. А что, если он теперь закален против такого оружия?

Марвуд. Если он закален? Я не буду злиться — я буду неистовствовать. Я это чувствую, Ханна, и хотела бы уже сейчас дать выход своей ярости.

Ханна. Возьмите себя в руки. Он каждую минуту может прийти.

Марвуд. Только бы он пришел! Только бы не решил проявить твердость и дождаться меня у себя! А знаешь, Ханна, на что я больше всего надеюсь, что должно мне помочь оторвать его от нового предмета любви? Наша Белла.

Ханна. Вы правы, она настоящий маленький ангел. И какая же счастливая мысль пришла вам — взять ее с собою.

Марвуд. Если его сердце глухо к голосу старой любви, то голос крови, верно, все же дойдет до него. В недавнем прошлом он вырвал девочку из моих рук под предлогом, что даст ей воспитание, которого у меня ей не получить. Мне пришлось хитростью выманить ее у дамы, за нею надзиравшей. Он заплатил этой особе за год вперед и накануне своего бегства настойчиво приказывал ей ни в коем случае не допускать к ребенку некую Марвуд, которая может явиться к ней и выдать себя за мать девочки. Из этого приказания видно, какое различие он делает между нами двумя. Арабеллу он считает драгоценной частицей себя самого, меня — жалкой женщиной, своими прелестями пресытившей его до тошноты.

Ханна. Какая неблагодарность!

Марвуд. Ах, Ханна, одолжения, за которые и отблагодарить-то трудно, неизменно влекут за собой черную неблагодарность. И зачем я делала ему эти злосчастные одолжения? Я обязана была предвидеть, что он не вечно будет ценить их! Ибо цену им придают лишь препятствия на пути к наслаждению, а наслажденье неминуемо исчезнет вместе с прелестью, которую рука времени неприметно, но верно стирает с нашего лица.

Ханна. О мадам, вам можно очень долго не страшиться этой жестокой руки. По-моему, ваша красота еще не перешла точки пышного своего расцвета, а разве что приближается к ней и, если вы дадите ей на то свое соизволение, каждый день будет закабалять все новые сердца.

Марвуд. Молчи, Ханна! Ты льстишь мне при такой оказии, которая всякую лесть делает подозрительной. Глупо говорить о новых завоеваниях, когда не хватает сил отстоять уже однажды завоеванное.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Слуга, Марвуд, Ханна.

Слуга. Мадам, с вами желают говорить.

Марвуд. Кто?

Слуга. Сдается мне, тот господин, кому я относил последнее письмо. Во всяком случае, с ним лакей, который взял его у меня.

Марвуд. Мелефонт! Живо проводи его наверх! *(Слуга уходит.)* Ах, Ханна, вот он и пришел! Как мне принять его? Что сказать? С какой миной его встретить? Достаточно ли спокойное у меня выражение лица? Посмотри-ка!

Ханна. Спокойным его никак не назовешь.

Марвуд. А теперь?

Ханна. Подбавьте грациозной прелести.

Марвуд. Так?

Ханна. Слишком печальное!

Марвуд. К лицу мне эта улыбка?

Ханна. Превосходно! Только поменьше напряженности — он уже идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мелефонт, Марвуд, Ханна.

Мелефонт *(входит в ярости)*. Ха! Марвуд...

Марвуд *(раскрыв объятия и улыбаясь, бежит ему навстречу)*. Ах, Мелефонт...

Мелефонт *(в сторону)*. Разбойница, какой взгляд!

Марвуд. Дайте мне обнять вас, неверный, милый беглец! Разделите же со мной мою радость! Почему вы уклоняетесь от моих ласк?

Мелефонт. Марвуд, я полагал, что вы иначе встретите меня.

Марвуд. Что значит иначе? Еще нежней? Еще восторженнее? О, несчастная, я не умею выразить то, что чувствую! Видите, Мелефонт, видите теперь: радость тоже проливает слезы. Они катятся по моим щекам, эти посланцы сладостнейших наслаждений. Но, увы, мои слезы напрасны! Его рука не осушает их.

Мелефонт. Марвуд, прошли те времена, когда меня чаровали подобные речи. Теперь вам придется говорить со мной по-другому. Я пришел выслушать ваши последние укоры и ответить на них.

Марвуд. Укоры? Мне не в чем укорять вас, Мелефонт!

Мелефонт. В таком случае, думается мне, не стоило вам пускаться в столь долгий путь.

Марвуд. Милый мой чудак, вы хотите заставить меня вспомнить о ничтожной случайности, которую я простила вам в тот же миг, как о ней узнала. Разве краткая неверность — следствие вашей куртуазности, а не сердечной склонности — заслуживает упреков? Оставьте, будем лучше со смехом вспоминать о ней.

Мелефонт. Вы ошибаетесь. Мое сердце участвует здесь больше, чем когда-либо участвовало в других любовных интрижках, о которых я, признаться, вспоминаю не без отвращения.

Марвуд. У вас глупенькое сердце, Мелефонт. Оно позволяет внушить себе все, что ваша фантазия хочет ему внушить. Верьте мне, я знаю его лучше, чем вы сами. И не будь это самое доброе, самое верное сердце, разве бы я приложила столько усилий, чтобы удержать его?

Мелефонт. Удержать? Смею вас уверить, что вы никогда им не владели.

Марвуд. А я смею вас уверить, что даже сейчас владею им.

Мелефонт. Марвуд, если б я знал, что вы владеете хотя бы одной жилой моего сердца, я бы на ваших глазах вырвал его из груди.

Марвуд. И заодно вырвали бы мое. А потом, потом наши вырванные сердца наконец нашли бы друг друга и соединились, как часто искали друг друга и соединялись наши уста.

Мелефонт *(в сторону)*. Ну и змея! Мне остается одно — бежать. Объясните же мне вкратце, Марвуд, зачем вы последовали за мной? Чего еще вы от меня требуете? Ответьте мне, но без этой улыбки, без этого взора, который страшит меня адскими соблазнами.

Марвуд *(доверительно)*. Так слушай же, мой милый Мелефонт: я хорошо понимаю, что́ с тобой происходит. Твои вожделения и прихоти стали твоими тиранами. Не велика беда, надо же и тебе перебеситься. Противоборствовать им — глупо. Их надо усыпить, а потом, если не стеснять их свободы, они и сами отомрут. Перетрутся. А ну-ка вспомни, мой маленький ветреник, ревновала ли я тебя когда-нибудь, если чары сильнее моих на время увлекали тебя прочь от меня? Я на тебя не сердилась за тягу к разнообразию, потому что больше выигрывала от нее, чем теряла. Палимый новым огнем, с обновленной страстью ты возвращался в мои объятия, и мои руки обвивали тебя, словно ленты, а не тяжкие цепи. Разве не случалось мне быть твоей поверенной, хотя тебе и поверять-то уж было нечего? И ты рассказывал мне о ласках, которые отнимал у меня, чтобы расточать другим. Почему ты думаешь, что я буду докучать тебе своим своенравием именно теперь, когда я стала утрачивать — или уже утратила? — права на тебя. Ежели твои пылкие чувства к этой сельской девушке еще не иссякли, ежели тебя еще томит первый жар любви, ежели ты еще не пресытился ею, кто тебе мешает быть верным ей, покуда тебе это нравится? Зачем же поступать столь необдуманно, зачем бежать с нею из своей страны?

Мелефонт. Ваши речи вполне соответствуют вашему характеру, Марвуд, всей низости которого я не знал, покуда, в общении с добродетельной подругой, не научился любовь отличать от сладострастия.

Марвуд. Смотри пожалуйста! Значит, твоя новая повелительница — высоконравственная девица? Вы, мужчины, сами не знаете, чего хотите. То вам нравятся в нас скользкие разговоры, соленые шутки, то мы вас восхищаем добродетельными сентенциями так, что кажется, будто все семь мудрецов говорят нашими устами. Но хуже всего, что вы быстро пресыщаетесь как

одним, так и другим. Мы можем быть глупы или умны, мысль наша может быть устремлена к светским или к духовным утехам — наши усилия призвать вас к постоянству все равно остаются тщетными. Не очень-то много времени ты отдашь своей святой. Разреши мне прибегнуть к маленькому преувеличению. Сейчас ты в пароксизме страсти, на него я кладу еще два, самое большее три дня. Затем последует сравнительно спокойная любовь: ну, скажем, на неделю. Следующую неделю ты лишь время от времени станешь вспоминать о своей любви. На третьей неделе кому-то уже придется напоминать тебе о ней, а когда тебе прискучат эти напоминания, ты так быстро придешь к полнейшему равнодушию, что на эту последнюю перемену нельзя положить даже всю четвертую неделю. Так пройдет приблизительно месяц. И в этот месяц, Мелефонт, я с превеликим удовольствием буду наблюдать за тобой; почему ты и должен разрешить мне в это время не терять тебя из виду.

Мелефонт. Напрасно, Марвуд, вы стараетесь снова применить то оружие, которым, как вам помнится, не раз успешно действовали против меня. Добродетельное решение служит мне защитой от ваших нежностей и вашего остроумия. Тем не менее я не хочу больше испытывать на себе ни то, ни другое. Я ухожу, мне нечего сказать вам, кроме того, что через несколько дней я буду связан узами, которые отнимут у вас всякую надежду на мое возвращение в ваше порочное рабство. Мои оправдания, по-моему, были достаточно ясно изложены в письме, отправленном мною перед отъездом.

Марвуд. Хорошо, что вы заговорили об этом письме. Скажите, кому вы велели его написать?

Мелефонт. Разве я не сам писал его?

Марвуд. Не может быть! Начало, где вы попрекаете меня невесть какими суммами, которые вы будто бы промотали вместе со мной, без сомнения, написано трактирщиком, а богословский конец — квакером. Тем не менее я хочу сейчас серьезно ответить вам на это письмо. Что касается основного пункта, то вам хорошо известно, что ваши подарки находятся у меня в целости и сохранности. Ваши векселя, ваши драгоценности я никогда не рассматривала как свою собственность и все привезла с собой, чтобы отдать в те руки, которые мне их доверили.

Мелефонт. Оставьте все себе, Марвуд.

Марвуд. Я ничего себе не оставлю. Без вас какое право я на них имею? Если вы больше и не любите меня, вы все же должны отдать мне справедливость и не считать меня за одну из тех продажных женщин, которым все равно, за чей счет они обо-

гащаются. Идемте, Мелефонт, вы сейчас станете так же богаты, как были, а может, и не были до знакомства со мной.

Мелефонт. Злой дух, поклявшийся сгубить меня, сейчас говорит вашими устами. Сладострастница Марвуд так благородно не мыслит.

Марвуд. Вы это называете благородством? А я всего-навсего — справедливостью. Нет, сударь, нет, я не требую, чтобы вы такое возмещение считали за подвиг. Мне оно ничего не стоит, и даже мимоходом сказанные слова благодарности я приняла бы за поношение, ибо они могут значить лишь одно: «Я считал вас подлой обманщицей, Марвуд, и благодарю вас за то, что вы не хотите быть ею».

Мелефонт. Достаточно, мадам, достаточно! Я спасаюсь бегством, ибо злой рок грозит завлечь меня в битву великодуший, из коей я не хочу выйти побежденным.

Марвуд. Бегите же, но возьмите с собой все, что подарили мне. Бедная, презираемая, утратившая честь и друзей, я еще раз попытаюсь пробудить в вас милосердие. Я хочу, чтобы в несчастной Марвуд вы увидели жалкое существо, принесшее вам в жертву свое положение в обществе, свою добродетель и совесть. Я хочу напомнить вам день, когда вы впервые увидели меня и полюбили; день, когда и я увидела и полюбила вас, а вы упали к моим ногам и с ваших уст сорвалось первое робкое признание в любви; хочу напомнить вам о первом уверении во взаимности, которое вы вырвали у меня, о нежных взглядах и пламенных объятиях, что пришли ему на смену; напомнить о красноречивом молчании, когда мы, воспламененные чувством, отгадывали сокровеннейшие побуждения друг друга и в истомленных глазах читали тайные тревоги сердца; напомнить о трепетном ожидании высшего мига наслаждения, о хмельных его радостях, о сладостном оцепенении, сменявшем полноту счастья, когда сердца отдыхали, прежде чем вкусить новых блаженств. Обо всем этом я хочу напомнить вам, а затем припасть к вашим коленам и неустанно молить вас о том единственном подарке, в котором вы не вправе мне отказать и который я могу принять не краснея,— о смерти из ваших рук.

Мелефонт. Жестокая! А я еще хотел отдать за вас свою жизнь. Требуйте ее от меня, требуйте, не посягайте лишь впредь на мою любовь. Я должен покинуть вас, Марвуд, или стать воплощением всего мерзостного в природе. Я достоин кары уже за одно то, что стою здесь и слушаю ваши речи. Прощайте! Прощайте!

Марвуд *(удерживая его)*. Вы должны покинуть меня?

Что же, по-вашему, станется со мной? Такая, как я сейчас,— я ваше творение, посему совершите же то, что подобает творцу. Творец не может отвести руку от своего создания, покуда полностью его не уничтожит. Ах, Ханна, я вижу, что мои одинокие мольбы напрасны! Поди приведи сюда мою заступницу, может быть, сейчас она с лихвой вернет мне то, что получила от меня.

Ханна уходит.

Мелефонт. Какая еще заступница, Марвуд?

Марвуд. Ах, заступница, которую вы бы страстно хотели отнять у меня. Природа доведет свои жалобы до вашего сердца более кратким путем...

Мелефонт. Я содрогаюсь. Не думаете же вы...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арабелла, Ханна, Мелефонт, Марвуд.

Мелефонт. Что я вижу? Она! Марвуд, как вы посмели...

Марвуд. Разве я не мать ей? Иди сюда, моя Белла, иди. Смотри, вот он снова здесь, твой покровитель, твой... Ах, если бы сердце сказало ему, что он больше чем твой покровитель, больше чем твой друг...

Мелефонт *(отвернувшись)*. Боже, что будет со мной?

Арабелла *(боязливо приближаясь к нему)*. Ах, сударь! Неужели это вы? Вы наш Мелефонт? Нет, мадам, это не он. Разве бы он не взглянул на меня? Не заключил бы в свои объятия? Несчастное я дитя! Чем я прогневила этого человека, самого любимого человека, который позволял мне называть себя его дочерью?

Марвуд. Вы молчите, Мелефонт? Не удостаиваете взглядом невинное дитя?

Мелефонт. Ах!..

Арабелла. Он вздыхает, мадам. Что с ним? Нельзя ли нам ему помочь? Мне нельзя? И вам тоже? Так давайте же вздыхать вместе с ним. Ах, он посмотрел на меня! Нет, опять отвернулся! Поднял взор к небу? Чего он хочет? Чего просит у неба? Пусть оно все дарует ему, даже если все будет отнято у меня!

Марвуд. Не бойся, дитя мое, упади к его ногам. Он хочет покинуть нас, покинуть навеки.

Арабелла *(падая перед ним на колени)*. Я молю его, молю на коленях. Вы хотите покинуть нас? Навеки покинуть?

Много, много времени прошло с тех пор, как мы вас видели! И снова вас не видеть? Вы же часто говорили, что любите нас. Разве покидают тех, кого любят? Выходит, я не люблю вас, потому что мечтаю никогда вас не покидать. Никогда! Никогда я вас не покину.

Марвуд. Я помогу тебе в твоих мольбах, дитя мое; но и ты помоги мне... теперь, Мелефонт, вы и меня видите у ваших ног...

Мелефонт *(удерживает Марвуд, которая хочет броситься ему в ноги)*. Марвуд, злобная Марвуд... И ты, дорогая моя Белла *(поднимает ее)*, ты против своего Мелефонта?

Арабелла. Я против вас?

Марвуд. Что вы решили, Мелефонт?

Мелефонт. То, на что я не имею права, Марвуд, то, на что не имею права.

Марвуд *(обнимая его)*. Ах, я же знала, что честность вашего сердца непременно победит своенравие ваших вожделений.

Мелефонт. Перестаньте атаковать меня, Марвуд. Я уже стал тем, кого вы хотели из меня сделать: клятвопреступником, соблазнителем, разбойником и убийцей.

Марвуд. Таким злодеем вы будете воображать себя в продолжение нескольких дней, а потом поймете, что я вас удержала от того, чтобы стать им в действительности. Я прошу вас лишь об одном. Вернитесь обратно вместе с нами.

Арабелла *(ласкаясь к нему)*. О да, пожалуйста.

Мелефонт. Вернуться вместе с вами? Но это невозможно!

Марвуд. Ничего не может быть легче, стоит только захотеть.

Мелефонт. А моя мисс?..

Марвуд. А ваша мисс сама решит, куда ей деваться...

Мелефонт. О беспощадная Марвуд, эти слова позволили мне заглянуть в глубины вашего сердца... А я, проклятый, никак не могу взять себя в руки.

Марвуд. Загляни вы в глубины моего сердца, и вы бы знали, что в нем больше истинного сострадания к этой мисс, чем в вашем. Я говорю: истинного сострадания, ибо ваше сострадание — мягкосердечно и корыстно. Да вы и вообще слишком далеко зашли в этой любовной интрижке. То, что вы, давний любитель прекрасного пола, весьма сведущий в искусстве соблазна, использовали в отношении столь юной девушки свое превосходство в опыте и уменье притворяться и не успокоились, покуда не достигли своей цели,— это еще куда ни шло; оправданием

вам может служить сила вашей страсти. Но то, что вы похитили единственную дочь у старого отца, сделав последние дни добропорядочного старика невыносимо тяжкими и горькими, что в угоду своей похоти вы разорвали наикрепчайшие узы природы,— этому, Мелефонт, вы не сыщете оправданий. Итак, покуда не поздно, искупите свой грех. Верните убитому горем старику его опору, отошлите легковерную дочь назад в родной дом; хватит уже того, что вы этот дом посрамили, не надо, чтобы он вдобавок стал покинутым и необитаемым.

Мелефонт. Не хватало еще вам взять в союзники против меня мою совесть. Допустим даже, что вы правы, но каким же я должен быть бесчувственным чурбаном, чтобы предложить это несчастной девушке.

Марвуд. Пора мне признаться, что я заранее позаботилась избавить вас от этой тяжкой обязанности. Как только я узнала, где вы находитесь, я оповестила старика Сампсона. Не помня себя от радости, он тотчас же собрался в дорогу. Меня удивляет, что его еще нет здесь.

Мелефонт. Что вы говорите?

Марвуд. Дождитесь спокойно его приезда; и помните — мисс ничего не должна заметить. Я сейчас не стану вас задерживать. Идите к ней, иначе она заподозрит недоброе. Но сегодня мне надо еще раз вас увидеть.

Мелефонт. О Марвуд, с какими мыслями я шел к вам и с какими от вас ухожу! Поцелуй меня разок, милая моя Белла!..

Арабелла. Это вам, а теперь мне. И приходите поскорее, прошу вас!

Мелефонт уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марвуд, Арабелла, Ханна.

Марвуд *(с трудом переводя дыханье)*. Победа, Ханна! Но горькая победа! Подвинь мне стул, я совсем из сил выбилась. *(Садится.)* Он вовремя успел сдаться. Продержись он еще мгновенье, перед его глазами предстала бы совсем другая Марвуд.

Ханна. Ах, мадам, какая вы удивительная женщина! Хотела бы я видеть, кто может устоять перед вами.

Марвуд. Он слишком долго мне противился. И конечно же, я никогда ему не прощу, что чуть не пала перед ним на колени.

Арабелла. О нет! Вы все должны ему простить. Он такой добрый, такой добрый...

Марвуд. Молчи, дурочка!

Ханна. С какой только стороны вы не пробовали его уязвить! Но мне кажется, ничто не проняло его больше, чем ваше бескорыстное предложение — возвратить все его подарки.

Марвуд. Я тоже так думаю. *(Презрительно.)* Ха! ха!

Ханна. Почему вы смеетесь, мадам? Если вы говорили это не всерьез, то рисковали очень многим. Он ведь мог поймать вас на слове.

Марвуд. Ах, оставь! Надо только знать, с кем имеешь дело.

Ханна. Это верно! Но и вы, моя прелестная Белла, превосходно сыграли свою роль, превосходно!

Арабелла. А разве могло быть иначе? Я так долго его не видела. Вы ведь не сердитесь на меня, мадам, за то, что я очень его люблю? И я вас люблю как его, совсем как его.

Марвуд. Ладно, на этот раз я прощу тебе, что ты не больше любишь меня.

Арабелла *(всхлипывая)*. На этот раз?

Марвуд. Ты, кажется, плачешь? Из-за чего, собственно?

Арабелла. Ах нет, я не плачу. Только не выходите из себя! Я так люблю, так люблю вас обоих, что не могу любить больше ни вас, ни его.

Марвуд. Ладно, ладно!

Арабелла. Я очень несчастна...

Марвуд. Хватит болтать, замолчи. Но что это?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мелефонт, Марвуд, Арабелла, Ханна.

Марвуд. Почему вы так быстро воротились, Мелефонт? *(Подымается со стула.)*

Мелефонт *(запальчиво)*. Потому, что мне понадобилось всего несколько мгновений, чтобы опомниться.

Марвуд. Ну и что?

Мелефонт. Я был одурманен, Марвуд, но не растроган. Все ваши усилия пропали даром. После удушливого воздуха вашей комнаты другой воздух придал мне силы и мужество вовремя высвободиться из опасного капкана. Ничтожный человек, как мог я не сразу разгадать ваши козни, Марвуд?

Марвуд *(торопливо)*. Опять этот язык...

Мелефонт. Язык правды и негодования.

Марвуд. Спокойнее, Мелефонт, или я заговорю на том же языке.

Мелефонт. Я вернулся, дабы вы ни минутой дольше не пребывали в заблуждении, которое даже в ваших глазах не может не сделать меня презренным человеком.

Арабелла *(боязливо)*. Ах! Ханна!..

Мелефонт. Можете бросать на меня сколь угодно яростные взгляды. Чем яростнее, тем лучше. Неужто я мог колебаться в выборе между этой Марвуд и Сарой? И я едва не выбрал первую!

Арабелла. Ах, Мелефонт!

Мелефонт. Не бойтесь, Белла. Я вернулся также из-за вас. Дайте мне руку и, не робея, идите за мной.

Марвуд *(удерживая обоих)*. За кем она должна идти, предатель?

Мелефонт. За своим отцом.

Марвуд. Уходи, несчастный, но сначала ты узнаешь, какова ее мать!

Мелефонт. Я знаю. Она — позор всех женщин на земле...

Марвуд. Уведи ее, Ханна!

Мелефонт. Останьтесь, Белла! *(Пытается удержать ее.)*

Марвуд. Не прибегайте к насилию, Мелефонт, или...

Ханна и Арабелла уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мелефонт, Марвуд.

Марвуд. Наконец мы одни. Теперь повторите, окончательно ли ваше решение — принести меня в жертву какой-то молоденькой дуре.

Мелефонт *(горько)*. Принести в жертву? Вы заставляете меня вспомнить, что древним богам приносили в жертву и нечистых животных.

Марвуд *(насмешливо)*. Воздержитесь от столь ученых примеров.

Мелефонт. Так вот я повторяю, что неколебимо решил никогда не думать о вас без самых страшных проклятий. Кто вы? И кто Сара? Вы сладострастница, корыстная, бесстыжая блудница, которая вряд ли даже помнит, что когда-то была не-

вшной девушкой. Мне не в чем упрекнуть себя, я лишь пользовался тем, что вы, не будь меня, возможно, отдали бы в пользование всем и каждому. Вы искали меня, не я вас, и если нынче я знаю, что представляет собою Марвуд, то за это знание достаточно дорого заплачено. Вы стоили мне моего состояния, чести и счастья...

Марвуд. Пусть же она стоит тебе вечного блаженства! Чудовище! Чем же ты лучше сатаны, что подстрекает слабых людей к преступлениям, и за эти преступления — деяния его рук — сам же взыскивает с них? Что тебе за дело до моей невинности, до того, где и как я ее потеряла? Если я не могла отдать тебе свою добродетель, то свое доброе имя я поставила из-за тебя на карту. А добродетель не дороже доброго имени. Что я говорю? Не дороже? Да без него она дурацкая выдумка, которая не дает ни спокойствия, ни счастья. Только доброе имя сообщает добродетели некоторую ценность, но оно в ней нимало не нуждается. Я могла жить, как хотела, покуда не узнала тебя, изверг. С меня было довольно того, что в глазах света я оставалась безупречной. Из-за одного тебя свет узнал, что я не такова, узнал из-за моей готовности принять твое сердце — я ведь тогда верила тебе,— не приняв твоей руки.

Мелефонт. Эта готовность стала твоим проклятием, низкая женщина.

Марвуд. А не помнишь ли ты, какими недостойными уловками ты ее добился? Разве ты не внушал мне, что не можешь вступить в узаконенную связь, не потеряв наследства, которое ты хочешь истратить только вместе со мной? А теперь что же, приспело время от него отказаться? Отказаться не из-за меня, из-за другой?

Мелефонт. Мне доставит истинное наслаждение сообщить вам, что это затруднение вскоре будет устранено. Довольствуйтесь тем, что вы лишили меня отцовского наследства, и разрешите мне другое наследство, значительно меньшее, разделить с более достойной супругой.

Марвуд. Ха! Теперь мне ясны причины твоего упорства. Хорошо, больше я слов терять не стану. Да будет так! Рассчитывай на то, что я все сделаю, чтобы забыть тебя. И первым моим деянием будет... ты-то меня поймешь! Дрожи за свою Беллу! Ее жизнь не должна напоминать грядущим поколениям о моей попранной любви; у меня достанет жестокости это совершить. Смотри, перед тобою новая Медея!

Мелефонт *(испуганно)*. Марвуд!..

Марвуд. Если тебе известна еще более жестокая мать,

то знай, я вдвое жесточе ее! Яд и кинжал отомстят за меня. Нет, яд и кинжал — милосердное оружие! Они слишком скоро убьют нашего ребенка. Я не хочу видеть ее мертвой, я хочу смотреть, как она умирает! Хочу смотреть, как медлительные муки искажают, уродуют и, наконец, вовсе стирают любую черту, унаследованную от тебя. Жадной рукой хочу я отделять член от члена, жилу от жилы, нерв от нерва, не переставая резать и жечь, даже когда она уже превратится в ничто, в бесчувственную падаль. А я, я, по крайней мере, буду знать, как сладостна месть!

Мелефонт. Вы обезумели, Марвуд...

Марвуд. Ты мне напомнил, что не на того изливается моя безумная ярость. Отец должен опередить ее! Должен быть уже на том свете, когда дух его дочери, стеная, явится туда... *(Подбегает к нему и вытаскивает кинжал из-за пазухи.)* Умри же, предатель!

Мелефонт *(хватает ее за руку и вырывает кинжал)*. Сумасшедшая женщина! Что мешает мне вонзить в тебя этот клинок? Нет, живи, и пусть бесчестная рука покарает тебя!

Марвуд *(ломая руки)*. Боже, что я сделала? Мелефонт...

Мелефонт. Твое раскаяние не обманет меня! Я знаю, тебя мучает не то, что ты хотела убить меня, а то, что не смогла этого сделать.

Марвуд. Отдайте мне мой заблудший клинок! Отдайте! И вы увидите, для кого он отточен. Лишь эта грудь, давно уже тесная для сердца, которое скорее поступится жизнью, чем вашей любовью, предназначена для него.

Мелефонт. Ханна!

Марвуд. Что вы собираетесь делать, Мелефонт?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Испуганная Ханна, Марвуд, Мелефонт.

Мелефонт. Ты слышала, Ханна, что за фурия твоя повелительница? Знай — Арабеллу я в твоих руках не оставлю.

Ханна. Ах, мадам, да вы на себя не похожи!

Мелефонт. Я хочу поскорее отвезти ни в чем не повинного ребенка в безопасное место. А правосудие уж сумеет связать руки убийце. *(Хочет уйти.)*

Марвуд. Куда вы, Мелефонт? Ничего нет удивительного, что нестерпимая боль едва не лишила меня рассудка. И разве не вы довели меня до этого противоестественного состояния? Где

же будет Белла в большей безопасности, чем у меня? Мои уста неистовствовали против нее, но мое сердце все равно осталось сердцем матери. Ах, Мелефонт, забудьте этот приступ безумия,— подумав о причине, его вызвавшей, постарайтесь его забыть.

Мелефонт. Забыть меня может заставить лишь одно средство.

Марвуд. Какое?

Мелефонт. Если вы сию же минуту уедете в Лондон. Арабеллу в сопровождении другого человека я велю тоже привезти туда. И впредь вы ничего общего с нею иметь не будете.

Марвуд. Хорошо, я на все согласна, но тем не менее обращаюсь к вам с одной-единственной просьбой. Дозвольте мне хоть разок взглянуть на вашу Сару.

Мелефонт. Зачем?

Марвуд. Чтобы в ее взгляде прочитать свою грядущую судьбу. Я хочу сама решить, достойна ли она того, чтобы вы так жестоко изменили мне, и еще: есть ли у меня надежда когда-нибудь вернуть себе хотя бы частицу вашей любви.

Мелефонт. Тщетная надежда!

Марвуд. Можно ли быть таким жестоким и лишить несчастную даже надежды! Я приду к ней не как Марвуд, я назовусь вашей родственницей. А вы ее предупредите. Вы будете присутствовать при нашей встрече, я же клянусь вам всем святым, что не скажу ей ничего резкого. Не отказывайте мне в этой просьбе; иначе как знать, не сделаю ли я все от меня зависящее, чтобы предстать перед нею в своем истинном образе.

Мелефонт. Эту просьбу, Марвуд *(подумав немного)*, я могу исполнить. Но затем уедете ли вы отсюда? Немедленно?

Марвуд. Разумеется, более того, при малейшей возможности я избавлю вас от нападения ее отца.

Мелефонт. В этом нет нужды. Я надеюсь, что он простив свою дочь, простит и меня. Если же он не дарует ей прощения, я знаю, как мне встретить его. Я иду — предупредить мою мисс о вашем визите. Но сдержите свое слово, Марвуд! *(Уходит.)*

Марвуд. Ах, Ханна! Почему у нас меньше сил, чем ярости! Поди помоги мне одеться. Я не отказалась от своего намерения. Только бы мне удалось осуществить его. Идем!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зала первого действия.

Сэр Уильям Сампсон, Уайтуэлл.

Сэр Уильям. Возьми, Уайтуэлл, отнеси ей это письмо. Письмо любящего отца, который сокрушается лишь об ее отсутствии. Скажи ей, что я послал тебя вперед и хочу дождаться ответа, прежде чем явлюсь сам и вновь заключу ее в объятия.

Уайтуэлл. Мне думается, вы поступаете правильно, таким образом подготовляя встречу.

Сэр Уильям. Это поможет мне узнать, что она сейчас думает, а ей даст возможность высказать все горестное и постыдное, прежде чем мы будем говорить с ней с глазу на глаз. Исповедь в письме облегчит ее смятение, а мне, быть может, будет стоить меньше слез.

Уайтуэлл. Позвольте мне спросить, сэр, что вы решили касательно Мелефонта?

Сэр Уильям. Ах, Уайтуэлл, если бы я мог отделить его от возлюбленной моей дочери, я бы уготовил ему жестокую участь. Но поскольку это невозможно, ты же сам видишь — он защищен от моего негодования. В случившемся несчастье я сам сыграл немалую роль. Если бы не я, Сара никогда бы не познакомилась с этим опасным человеком. Считая себя ему обязанным, я слишком гостеприимно распахнул перед ним двери моего дома. А благодарная внимательность, которую я ему выказывал, конечно же, снискала ему уважение моей дочери. И так же естественно, что человек его образа мыслей решил извлечь из этого уважения нечто большее. У него достало ловкости уважение превратить в любовь, прежде чем я хоть что-то заметил и удосужился разузнать подробности его жизни. Беда свершилась, и я поступил бы правильнее, тотчас простив их. Но я хотел быть неумолимым по отношению к нему, не подумав, что быть неумолимым к нему одному невозможно. Не прояви я запоздалой суровости, я бы не довел ее до бегства из отчего дома. Вот я и приехал сюда, Уайтуэлл! Я должен привезти ее домой и должен почитать себя счастливым, если мне удастся соблазнителя назвать своим сыном. Ибо кто знает, захочет ли он пожертвовать этой Марвуд и тому подобными созданиями ради девушки, от которой его вожделениям уже нечего больше ждать, для девушки, не ведающей завлекательных уловок блудницы?

Уайтуэлл. Нет, сэр, не может человек быть таким злым...

Сэр Уильям. Эти слова, мой добрый Уайтуэлл, делают честь твоему сердцу. Но разве ты не знаешь, что человеческая злоба беспредельна? А теперь иди и сделай то, что я тебе сказал. Да повнимательнее смотри на нее, когда она будет читать письмо. Она ведь еще не так далеко ушла от поры своей добродетели и не успела научиться притворству, под личиной которого укрывается лишь закоренелый порок. Все ее чувства ты прочитаешь на ее лице. Смотри, чтобы от тебя не ускользнула ни одна гримаска, выражающая, не приведи господь, равнодушие или насмешливое презрение к отцу. Если же тебе суждено сделать злосчастное открытие, что она больше не любит меня, то я надеюсь совладать с собою и предоставить Сару ее судьбе. Я надеюсь, Уайтуэлл... Ах, если бы вот здесь не билось сердце, отвергающее эту надежду.

Оба уходят в разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Комната Сары.

Мисс Сара, Мелефонт.

Мелефонт. Я виноват, дорогая моя мисс, что оставил вас в тревоге из-за последнего письма.

Сара. Нет, Мелефонт, оно ничуть меня не встревожило. Разве нельзя вам любить меня и все же иметь от меня тайны?

Мелефонт. Значит, вы полагаете, что здесь крылась тайна?

Сара. Да, но меня она не касается. И этого довольно.

Мелефонт. Как вы добры! Дозвольте же мне тотчас открыть вам эту тайну. Одна из моих родственниц, узнав, где я скрываюсь, написала мне несколько строк. Проездом в Лондон она будет здесь и хочет встретиться со мной. Она также просит вас оказать ей честь и принять ее.

Сара. Мне в любую минуту будет приятно познакомиться с достойной представительницей вашего семейства. Но подумайте сами, могу ли я, не краснея, показаться ей на глаза?

Мелефонт. Не краснея? Отчего вам краснеть? Оттого, что вы любите меня? В одном вы правы, мисс, вы могли подарить своей любовью другого, более знатного и богатого. Вы должны стыдиться, что отдали сердце за сердце и при этом едва ли не поступились своим счастьем.

Сара. Вы же сами знаете, что неправильно истолковали мои слова.

Мелефонт. Простите меня, мисс, но ежели я неправильно их истолковал, то какое они могут иметь значение?

Сара. Как зовут вашу родственницу?

Мелефонт. Леди Солмс. Вы, вероятно, слышали от меня это имя.

Сара. Не помню.

Мелефонт. Смею ли я просить вас принять ее?

Сара. Просить, Мелефонт? Вы вправе мне приказывать.

Мелефонт. Что за слово! Нет, мисс, ей не суждена радость свидеться с вами. Она будет огорчена, но ничего не поделаешь. У мисс Сары есть на то свои причины, и я, даже не зная их, их уважаю.

Сара. Бог мой, очень уж вы скоры, Мелефонт! Я буду ждать леди и по мере сил постараюсь выказать себя достойной ее визита. Теперь вы довольны?

Мелефонт. Ах, мисс, я должен покаяться в своем тщеславии. Мне хотелось бы перед всем миром похваляться вами. С другой стороны, если бы я не гордился обладанием такой прелестной мисс, я бы презирал себя за то, что не сумел ее оценить. Я ухожу и сейчас же приведу к вам леди. *(Уходит.)*

Сара *(одна)*. Лишь бы она не была из тех, что, чванясь своей добродетелью, воображают себя превыше всех слабостей. Одним презрительным взглядом они казнят нас, а двусмысленным пожатием плеч выражают брезгливую жалость, которую мы у них вызываем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Уайтуэлл, Сара.

Бетти *(за кулисами)*. Пожалуйте сюда, если вам непременно надо поговорить с мисс.

Сара *(озираясь)*. Кому это надо непременно поговорить со мной? Кого я вижу! Возможно ли? Уайтуэлл, ты?

Уайтуэлл. Как я счастлив, что снова вижу нашу мисс Сару!

Сара. О, боже! С чем ты пришел? Я знаю, знаю, ты принес мне весть о смерти отца. Его уже нет, нет этого прекраснейшего человека, лучшего из отцов. Он умер, и это я, несчастная, поторопила его конец.

Уайтуэлл. Ах, мисс...

С а р а. Скажи, скорей скажи, что его последние минуты не были отравлены воспоминанием обо мне; скажи, что он забыл меня и умер так же спокойно, как умер бы у меня на руках; скажи, что в последней своей молитве он не помянул меня...

У а й т у э л л. Да перестаньте вы терзать себя воображаемой бедой! Ваш отец еще жив, еще жив наш благородный сэр Уильям.

С а р а. Он жив? Это правда, мой отец жив? О, пошли ему, господи, долгую и счастливую жизнь! Боже милостивый, отдай ему половину сужденных мне лет! Половину? О, я неблагодарная, ужели я не готова всеми назначенными мне годами заплатить за несколько мгновений его жизни? Скажи мне хотя бы, Уайтуэлл, что ему не слишком тяжко жить без меня, что ему нетрудно было отречься от дочери, которая так легко отреклась от девичьей чести; скажи, что мое бегство его разгневало, но не причинило ему боли; скажи, что он проклинает меня, а не сожалеет.

У а й т у э л л. Ах, все осталось, как было: сэр Уильям и теперь еще любящий отец, а его маленькая Сара — любящая дочь.

С а р а. Что ты говоришь? Ты вестник беды, самой страшной из бед, какую только могло нарисовать мне мое злосчастное воображение! Он по-прежнему любящий отец? Он еще не отторг меня от своего сердца? Но ведь тогда он должен оплакивать меня? Нет, нет, этого не может быть. Разве ты не понимаешь, что каждый его вздох по мне бесконечно увеличит мои преступления? Разве не должна божественная справедливость каждую слезу, пролитую им из-за меня, вменить мне в новое преступление, в новую неблагодарность? Эта мысль заставляет меня холодеть. Он льет слезы из-за меня? Слезы? И это не слезы радости. Опровергни меня, Уайтуэлл! Его любовь ко мне — чуть внятный голос крови, одно из тех мимолетных движений души, которые успокаивает даже малое напряжение рассудка. До слез он себя не допустил. Верно ведь, Уайтуэлл, до слез он себя не допустил?

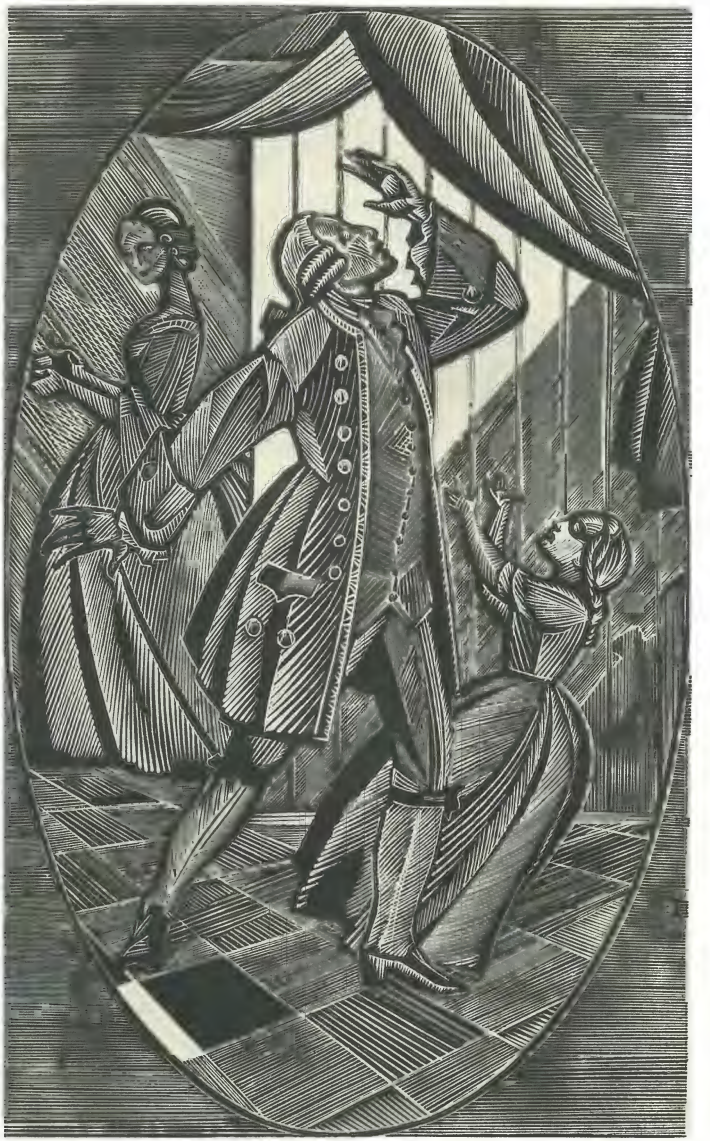
У а й т у э л л *(вытирая слезы)*. Да, мисс, слез он не льет.

С а р а. Ах, твои уста говорят нет, а собственные твои слезы — да.

У а й т у э л л. Возьмите это письмо, мисс, он прислал его вам.

С а р а. Кто прислал? Мой отец? Мне?

У а й т у э л л. Прочитайте же письмо, мисс, из него вы узнаете больше, чем я сумею вам рассказать. Сэр Уильям должен был поручить это кому-нибудь другому, не мне. Я-то сулил себе радость от такого поручения, а вы обратили ее в горе.



«Мисс Сара Сампсон»
Действие второе, явление четвертое.

Сара. Дай его сюда, мой добрый Уайтуэлл! Но нет, я не возьму его, покуда ты, хоть приблизительно, не скажешь мне, о чем там говорится.

Уайтуэлл. О чем же еще, как не о любви и прощении.

Сара. Любовь? Прощение?

Уайтуэлл. И скорбь о том, что он хотел применить к своей дочери отцовскую власть, тогда как она достойна лишь отцовской любви.

Сара. О, не отдавай мне это жестокое письмо!

Уайтуэлл. Жестокое? Не бойтесь, в письме вам дана полная свобода распоряжаться своим сердцем и своей рукою.

Сара. Этого-то я и боюсь. Причинить горе такому отцу, как он, на это у меня еще достало мужества. Но знать, что это горе и его любовь, которой я пренебрегла, заставили отца смириться с моей несчастной страстью,— этого, Уайтуэлл, мне не вынести. Если бы в его письме стояло все, что разгневанный отец может в подобном случае сказать резкого и гневного, я бы прочитала письмо, с ужасом, но прочитала бы. Я бы сумела даже противопоставить отцовскому гневу что-то вроде оправданий, наверно, лишь затем, чтобы еще больше его разгневать. Но меня бы утешило сознание, что сильный гнев не оставляет места глодущей тоске и может в конце концов обернуться горьким презрением ко мне. А о презираемом не тревожатся. Мой отец бы мало-помалу успокоился, и я бы не упрекала себя за то, что навек сделала его несчастным.

Уайтуэлл. Ах, мисс, у вас будет еще меньше оснований упрекать себя теперь, когда он возвратил вам свою любовь, жаждущую все забыть и простить.

Сара. Ты ошибаешься, Уайтуэлл. Возможно, что жгучая тоска по мне толкает его на все говорить «да». Но едва она утихнет, он сам станет стыдиться своей слабости. Досада и негодование завладеют им, и он никогда не сможет видеть меня, молча не обвиняя за то, что я осмелилась пойти ему наперекор. Зная, какое насилие он из-за меня над собой учиняет, я все равно не могу избавить его от самого тяжкого. Если бы в миг, когда он готов все мне позволить, я могла бы всем для него пожертвовать — это было бы другое дело. Я хотела с радостью взять письмо из твоих рук, преклониться перед силой отцовской любви и, не злоупотребляя ею, броситься к его ногам как послушная и кающаяся дочь. Но разве это возможно? Я должна буду сделать то, что он позволяет мне, не помышляя о том, чего стоило ему это позволенье. И если даже я буду счастлива, мне вдруг придет на ум, что отец только по видимости разделяет мое

счастье, сердце же его обливается кровью, короче говоря, что он сделал меня счастливой, поставив крест на собственном счастье. И ты думаешь, Уайтуэлл, что я могу этого желать?

У а й т у э л л. По правде говоря, я и сам не знаю, что́ вам ответить.

С а р а. Тут нечего отвечать. Отнеси письмо назад. Если отцу суждено быть несчастным из-за меня — то и я хочу остаться несчастной. Без него быть одинокой и несчастной — вот чего я денно и нощно прошу у господа, но быть счастливой без него — об этом я и не помышляю.

У а й т у э л л *(про себя)*. Честное слово, мне придется обмануть бедную девочку, чтобы она все-таки прочитала письмо.

С а р а. Что ты там бормочешь?

У а й т у э л л. Я сам себе говорю, мисс, что глупо это я все придумал, очень уж мне хотелось заставить вас поскорей прочитать письмо.

С а р а. Не понимаю.

У а й т у э л л. Я человек недальновидный. Что и говорить, вы глубже во все вникаете, нежели наш брат. Не хотелось мне вас пугать, письмо-то, пожалуй, уж слишком суровое. Я сказал, что в нем только любовь и прощение, а надо было сказать, что это я ничего другого в нем увидеть не захотел.

С а р а. Это правда? В таком случае давай его сюда. Раз уж я имела несчастье заслужить гнев отца, я должна, по крайней мере, уважать этот гнев и покорно принять любое его проявление. Не дать ему излиться — значило бы усугубить обиду и небрежение. Я склонюсь перед силой его гнева. Ты видишь, я дрожу — но мне и положено дрожать, что ж, это лучше, чем плакать. *(Вскрывает письмо.)* Вот я и вскрыла письмо! Холод пробирает меня... Но что я вижу? *(Читает.)* «Единственная моя, возлюбленная дочь!» Ах ты, старый обманщик, разве так обращается к дочери разгневанный отец? Возьми письмо, дальше я читать не стану...

У а й т у э л л. Ах, мисс, простите старого слугу. Я, кажется, первый раз в жизни намеренно солгал. А кто только раз солгал, да еще из добрых побуждений, того грех назвать старым обманщиком. Мне очень больно, мисс; я знаю, добрые побуждения не всегда служат оправданием, но что ж мне было делать? Такому доброму отцу вернуть его письмо непрочитанным? Этого я не могу. Лучше уж мне уйти туда, куда донесут меня мои старые ноги, и никогда больше ему на глаза не показываться.

С а р а. Как, и ты хочешь его покинуть?

У а й т у э л л. Разве я не должен буду это сделать, если вы

не прочитаете письмо? Прочитайте его, пожалуйста. Пусть мой первый преднамеренный обман, за который я так казню себя, хотя бы пользу принесет. Вы тогда скорее его забудете, а я скорее прощу его себе. Я простой, немудрящий человек и никак не возьму в толк, почему вы не можете или не хотите прочитать письмо. Правы вы или нет — я не знаю, только все это не по божеским законам делается. Я, мисс, думаю так: отец, думаю, всегда отец, дочь может оступиться, но не станет из-за этого плохой дочерью. Ежели отец простил ей грех, то нечего ей больше об этом грехе думать. Кому же охота вспоминать то, чего лучше бы вовсе не было? Сдается мне, мисс, вы день и ночь размышляете о своем грехе, он все растет в вашем воображении, вы мучаетесь и думаете, что этого довольно. А по-моему, вам следует думать о том, как его загладить. А где уж тут загладить, ежели вы упускаете случай, который вам подвернулся? Неужто вы не в силах сделать второй шаг, если первый уже сделан любящим отцом?

Сара. Твои простодушные слова вонзают мечи в мое сердце! Именно то, что он сделал первый шаг, нестерпимо для меня. Чего ты хочешь? Разве он этим ограничится? Он пойдет дальше, а я и шагу не могу ступить ему навстречу. Я так далеко ушла от него, что и он должен пройти бог весть какое расстояние, чтобы снизойти до меня. Ежели он меня простит, ему придется простить все мое преступление и еще вынести, что последствия этого преступления всегда будут у него перед глазами. Можно ли такого требовать от отца?

Уайтуэлл. Не знаю, мисс, хорошо ли я вас понял. Сдается мне, вы хотите сказать, что очень уж много надо ему вам прощать, а это, конечно, горько, вот вы и совеститесь принять его прощение. Если вы так рассуждаете, то скажите на милость, разве прощать не радость для доброго сердца? На моем веку мне не часто выпадала такая радость. Но я и сейчас с удовольствием вспоминаю эти минуты. На меня тогда нисходила какая-то умиленность, успокоение, неземная легкость, и я не мог не думать о бесконечной благости господа нашего, что дарует всепрощение своей пастве. Я хотел прощать в каждый миг своей жизни и стыдился, что мне приходится прощать лишь какие-то мелочи. Прощать злые обиды, смертельные оскорбления — это же блаженство, в котором растворяется вся душа, говорил я себе. А вы, мисс, не хотите, чтобы такое блаженство испытал ваш отец.

Сара. Ах!.. Продолжай, Уайтуэлл, продолжай!

Уайтуэлл. Я знаю, некоторые люди неохотно принимают прощение — потому что сами не научились прощать. Это гор-

дые, несгибаемые люди, они ни за что не хотят сознаться, что поступили дурно. Но вы не из их числа, мисс. У вас, самое любящее, самое нежное сердце, какое только может быть у женщины. Свою ошибку вы сознаете. Так за чем же дело стало? Вы уж не сердитесь, мисс, на старого болтуна, мне сразу надо было заметить, что ваше нежелание читать письмо — похвальная заботливость, добродетельная застенчивость. Те, что могут не колеблясь принять великое благодеяние, редко этого благодеяния достойны. Те же, что больше других его заслуживают, всегда сомневаются в себе. Но ведь и в сомнениях надо меру знать.

Сара. Добрый, старый Уайтуэлл, ты, кажется, убедил меня.

Уайтуэлл. Боже правый, если мне суждено такое счастье, значит, добрый дух говорил моими устами. Нет, мисс, мои слова тут ни при чем, разве что они дали вам время подумать и оправиться от радостного потрясения. Ведь вы сейчас прочитаете письмо, верно? О, прочитайте его, прочитайте сию же минуту!

Сара. Я так и сделаю, Уайтуэлл. Какую боль я испытаю, какой удар сейчас постигнет меня!

Уайтуэлл. Но ведь боль-то радостная.

Сара. Замолчи! *(Начинает про себя читать письмо.)* . .

Уайтуэлл. О, если бы он сам ее видел!

Сара *(после того как она несколько мгновений читала, не произнося ни слова)*. Ах, Уайтуэлл! Какой у меня отец! Мое бегство он называет отсутствием. И от этого мягкого слова оно становится еще преступнее! *(Читает дальше и снова прерывает чтение.)* Нет, ты только послушай! Он льстит себя надеждой, что я еще люблю его. *(Читает и опять прерывает чтение.)* Он меня просит, меня? Отец просит свою дочь, преступную дочь? О чем же он просит? *(Читает про себя.)* Просит забыть его неосмотрительную суровость и долее не карать его разлукой. Неосмотрительная суровость! Не карать его! *(Опять читает и опять прерывает чтение.)* Еще страшнее! Он благодарит меня, благодарит за то, что я дала ему повод познать всю глубину отцовской любви. Злосчастный повод! Если бы он хоть сказал дальше, что одновременно познал всю глубину дочернего непокорства! *(Читает.)* Но он этого не говорит! Ни словом не упоминает о моем преступлении. *(Продолжает читать про себя.)* Он хочет приехать и увезти домой своих детей. Своих детей, Уайтуэлл! Это превосходит возможное! Или я неправильно прочитала? *(Перечитывает.)* Лучше мне умереть! Он пишет, что его сыном должен быть тот, без кого у него не может быть дочери. О, хорошо бы ему никогда не иметь этой несчастной дочери! Иди, Уайтуэлл,

оставь меня одну! Он ждет ответа, и я тотчас же его напишу. Зайди ко мне через час. Ты славный человек. Слуги редко бывают друзьями своих господ!

Уайтуэлл. Не срамите меня, мисс. Ежели бы все господа походили на сэра Уильяма, то извергами были бы слуги, не захотевшие отдать за них жизнь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сара.

Сара *(садится писать письмо)*. Если бы мне прежде сказали, что я должна буду отвечать на такое письмо! И при таких обстоятельствах! Перо уже у меня в руке, но знаю ли я, что́ мне писать? Что я думаю? Что чувствую? Да и что может думать человек, если за один миг тысячи мыслей проносятся в его мозгу? Что может он чувствовать, если сердце его одурманено? Но я должна писать... Не в первый же раз я держу перо в руке. Как часто оно помогало мне выполнять мелкие обязательства учтивости или дружбы, неужто же сейчас оно откажет мне в помощи столь важной? *(Задумывается, потом пишет несколько строк.)* Значит, так я начну? Очень уж холодно! Не начать ли мне с отцовской любви? Нет, я должна начать со своего преступления. *(Зачеркивает написанное и пишет снова.)* Коснуться его походя — я не вправе! Стыдливость уместна повсюду, но не когда исповедуешься в своем грехе. Я не должна бояться, что впаду в преувеличения, даже если в самых страшных словах обрисую его. Ах, зачем мне не дают дописать?..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марвуд, Мелефонт, Сара.

Мелефонт. Дорогая моя мисс, я имею честь представить вам леди Солмс, едва ли не единственную из всей моей родни, которой я чувствую себя обязанным.

Марвуд. Прошу прощения, мисс, за вольность, которую я себе позволила, пожелав собственными глазами убедиться в счастье кузена; я всегда хотела для него самой прелестной женщины на свете, и первый же взгляд на вас сказал мне, что в вашем лице он уже нашел таковую.

Сара. Вы оказываете мне чрезмерную честь, миледи. Столь лестные слова и всегда-то сконфузили бы меня, но теперь я бы

приняла их за тайный укор, если бы не считала леди Солмс слишком великодушной, чтобы унизить несчастную превосходством своего ума и добродетели.

Марвуд *(холодно)*. Я была бы безутешна, мисс, если бы вы могли предположить во мне недружественные мысли. *(В сторону.)* Она красива.

Мелефонт. Да и возможно ли, леди, остаться равнодушной к такой красоте и скромности? Говорят, правда, что одна женщина никогда не признает прелести другой, но это относится лишь к тем, что не в меру тщеславятся своими достоинствами, или же к тем, что в своих достоинствах не уверены. Но вы обе бесконечно далеки от тех и от других! *(Обращается к погруженной в задумчивость Марвуд.)* Ведь правда, леди, любовь не сделала меня пристрастным? Ведь правда, что, восхваляя свою мисс, я не сказал и половины того, что вы увидели сами? Но о чем вы задумались? *(Тихо.)* Вы забыли, какую роль взяли на себя?

Марвуд. Дозвольте мне быть откровенной. Восхищенная вашей избранницей, я поневоле задумалась об ее участи. Мне стало за нее обидно, что ей нельзя на родине насладиться плодами своей любви. Мне вспомнилось, что мисс, как мне говорили, принуждена была покинуть своего отца, и любящего отца, чтобы стать вашей, вот я и подумала, что хорошо было бы ей с ним примириться.

Сара. Ах, леди, как я благодарна вам за это желание. Оно заставляет меня разделить с вами свою радость. Вы ведь еще не знаете, Мелефонт: это желание сбылось, прежде чем леди, из любви к нам, высказала его.

Мелефонт. Как мне понимать вас, мисс?

Марвуд *(в сторону)*. Что бы это значило?

Сара. Я несколько минут назад получила письмо от отца. Мне передал его Уайтуэлл. Ах, Мелефонт, какое письмо!

Мелефонт. Так выведите же меня поскорей из неизвестности. Я хочу знать, чего мне страшиться? На что уповать? Все ли еще он тот отец, от которого мы сбежали? И если тот, не окажется ли Сара дочерью, которая, горячо любя своего Мелефонта, вынуждена будет бежать еще дальше? Ах, если бы я послушался вас, дорогая моя мисс, нас бы уже связывали узы, которые никаким своевольным замыслам не расторгнуть. В этот миг мне уясняются все беды, что могут последовать из-за того, что наше местопребывание открыто. Он явится и вырвет вас из моих объятий. Да будет проклят тот, кто выдал нас! *(Бросает злобный взгляд на Марвуд.)*

Сара. Милый Мелефонт, я очень тронута вашей тревогой за меня. И как счастливы мы оба, что эта тревога напрасна! Прочитайте письмо отца. *(Обращается к Марвуд, покуда Мелефонт читает письмо.)* О леди, Мелефонт будет поражен любовью моего отца. Моего? Нет, он также и его отец.

Марвуд *(удивленно)*. Возможно ли?

Сара. Да, леди, у вас достаточно причин удивляться этой перемене. Он все нам прощает, отныне мы будем любить друг друга у него на глазах, он нам это позволяет, более того, приказывает. Его доброта пронзила мое сердце! Ну как, Мелефонт? *(Он возвращает ей письмо.)* Вы молчите? О нет, слеза, что выкатилась из ваших глаз, говорит больше, чем могли бы сказать ваши уста.

Марвуд *(в сторону)*. Злосчастная неосторожность! Как я все себе напортила!

Сара. Позвольте мне поцелуем снять эту слезу с вашей щеки!

Мелефонт. Ах, мисс, как могли мы причинить горе этому святому человеку? Да, да, святому, ибо нет ничего святее прощения! Если бы мы представляли себе возможность столь счастливого исхода — нам бы не надо было прибегать к таким сильным средствам, мы добились бы его мольбами! Какое блаженство ждет меня! Но как же больно мне будет сознавать, что я его не достоин.

Марвуд *(в сторону)*. И я должна это слушать!

Сара. Такие убеждения полностью оправдывают мою любовь к вам.

Марвуд *(в сторону)*. Как мне приходится насиловать себя!

Сара. Я хочу, чтобы и вы, досточтимая леди, прочитали письмо моего отца. Вы принимаете такое участие в нашей судьбе, что его содержание не может быть вам безразлично.

Марвуд. Мне безразлично, мисс? *(Берет письмо.)*

Сара. Но, леди, вы все еще задумчивы и печальны...

Марвуд. Задумчива, мисс, но не печальна.

Мелефонт. О, боже, она себя выдаст!

Сара. Но почему?

Марвуд. Я страшусь за вас обоих. Не может ли нежданная доброта вашего отца оказаться притворной?

Сара. О нет, леди, конечно, нет. Чтобы убедиться, прочитайте сами это письмо. Притворство всегда холодно, оно не владеет языком любви и благостыни.

Марвуд читает про себя.

Не становитесь подозрительным, Мелефонт, умоляю вас. Ручаюсь вам, что мой отец никогда не снизойдет до коварных уловок. Ни разу он не сказал того, чего не думает, фальшь — порок, ему неведомый.

Мелефонт. О, я-то вполне в этом уверен, моя дорогая мисс. А леди можно простить за то, что она заподозрила человека, которого еще не знает.

Сара. *(Марвуд возвратила ей письмо.)* Что я вижу, леди, вы побледнели? И дрожите? Вам дурно?

Мелефонт *(в сторону)*. Мне страшно! Зачем я привел ее сюда?

Марвуд. Пустое, мисс, просто маленькое головокружение. Видно, ночная сырость в пути плохо на меня подействовала.

Мелефонт. Вы пугаете меня, леди. Не лучше ли вам сейчас глотнуть свежего воздуха? В душной комнате нелегко прийти в себя.

Марвуд. Если вы так считаете, дайте мне вашу руку.

Сара. Я провожу вас, леди.

Марвуд. Нет, я не приму этой любезности. Моя минутная слабость пройдет без следа.

Сара. Надеюсь вскоре вновь свидеться с вами, леди.

Марвуд. Если позволите, мисс...

Мелефонт уводит ее.

Сара *(одна)*. Бедная леди! Особенно приветливой она, правда, не выглядит, но не выглядит и гордой или хмурой. Я снова одна. Думается, лучше всего мне использовать это мгновение и закончить письмо отцу. *(Хочет сесть и писать.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бетти, Сара.

Бетти. Визит был недолгий.

Сара. Да, Бетти. Это леди Солмс, родственница моего Мелефонта. На нее вдруг нашел приступ слабости. Где она сейчас?

Бетти. Мелефонт проводил ее до дверей.

Сара. Значит, она уехала?

Бетти. По-моему, уехала... Вы уж простите меня за вольность, мисс... я чем больше смотрю на вас, тем больше вижу в вас перемен. У вас и взгляд-то стал довольный и спокойный.

Наверно, визит леди был вам очень приятен, или же старик принес добрую весть.

Сара. Последнее, Бетти, последнее. Его прислал мой отец. И какое хорошее, ласковое письмо ты сейчас прочитаешь! Твое доброе сердце так часто исходило слезами вместе с моим, пусть же и оно теперь порадуется. Я снова буду счастлива и смогу наградить тебя за твою верную службу.

Бетти. Два месяца с небольшим, какая уж тут верная служба?

Сара. Ты за всю мою остальную жизнь не могла бы для меня сделать больше, чем сделала за эти месяцы. Они миновали! А сейчас пойдем, Бетти; Мелефонт, возможно, уже один, и я должна поговорить с ним. Я сейчас подумала, что хорошо, если он вместе со мною напишет отцу, для которого благодарность Мелефонта вряд ли будет неожиданной. Идем!

Обе уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зала.

Сэр Уильям, Уайтуэлл.

Сэр Уильям. Какой бальзам ты влил своим рассказом в мое израненное сердце, Уайтуэлл! Я оживаю, а ее близкое возвращение словно бы отбросит меня к временам моей юности, тогда как ее бегство привело меня на край могилы. Она любит меня! Чего же мне еще надо? Иди опять к ней, Уайтуэлл, да поскорее. Я не дождусь мгновения, когда обниму ее вот этими руками, которые я еще недавно с тоскою простирал к смерти. Как я жаждал смерти в те минуты отчаяния! И как страшна она будет мне в грядущие минуты счастья! Конечно, нельзя не порицать старика, что крепит узы, связывающие его с жизнью. Ведь оттого еще больнее станет последняя разлука. Но господь, смилостивившийся надо мной, даст мне силы снести ее. Не верю я, что его благостыня обернется погибелью для меня! Не верю, что он возвратил мне дочь лишь затем, чтобы заставить меня роптать в час, когда он призовет меня к себе. Нет, нет! Он вернул мне дочь, дабы в последний час я мог подумать о себе! Хвала тебе, вечная благость! Но сколь ничтожна хвала в устах смертного! Скоро, скоро я достойнее вознесу ее в вечности, посвященной лишь тебе одному.

Уайтуэлл. Как я радуюсь, сэр, что перед смертью мне еще довелось увидеть вас счастливым! Поверьте, ваше горе заставляло меня страдать почти так же, как страдали вы. Почти... Но, разумеется, не так, ибо горе покинутого отца, надо думать, несказанно.

Сэр Уильям. С этой минуты, мой добрый Уайтуэлл, не считай себя более моим слугой. Ты давно уже имеешь право на спокойную и обеспеченную старость. Я позабочусь о тебе, и ты будешь жить не хуже, чем я, покуда мне суждена жизнь. Я уничтожу всякое различие между нами; на том свете, как ты знаешь, его все равно не существует. Побудь же в последний раз старым слугой, на которого я во всем могу положиться. Поди и принеси мне ее ответ, как только она его напишет.

Уайтуэлл. Иду, сэр. Но ваше поручение я не считаю услугой. Оно — награда, которой вы удостоили меня за мою службу. Да, да, это награда.

Оба уходят в разные стороны.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Мелефонта.

Мелефонт, Сара.

Мелефонт. Да, дорогая моя мисс, да, я должен и я хочу написать ему.

Сара. Вы делаете меня счастливой, Мелефонт!

Мелефонт. Я обязан взять на себя все наше преступление. Я один виновен, и я один должен просить прощения.

Сара. Нет, Мелефонт, не отнимайте у меня моей, большей доли в нашем грехе. Он дорог мне, хотя и заслуживает суровой кары, ибо так я доказала вам, что более всех на свете люблю своего Мелефонта. Неужто же теперь я смогу объединить мою любовь к нему с любовью к отцу? Или мне только снится добрый сон? О, я боюсь проснуться для прежних горестей! Нет, я не сплю, я вправду счастливее, чем смела надеяться, счастливее даже, чем позволяет человеку краткое земное существование.

Но, может, затем лишь издали блеснул мне сей луч блаженства, может, затем обольщает он меня своим приближением, чтобы вновь раствориться в непроглядном мраке и навек оставить меня в ночи, ужас которой я по-настоящему почувствую лишь после этой вспышки света? Какие предчувствия мучат меня! Но вправду ли это предчувствия, Мелефонт, или понятное волнение, что сопутствует ожиданию незаслуженного счастья и боязни его утратить? Как бьется мое сердце, как беспорядочно оно бьется! А сейчас — как сильно и как быстро! И вдруг слабо, боязливо, трепетно.

Вот оно опять заторопилось, словно то его последние удары и оно хочет скорей остановиться! Бедное сердце!

Мелефонт. Волнение крови, неизбежное при внезапных потрясениях, уляжется, мисс, и сердце будет спокойнее выполнять свою работу. Ни один из его ударов не метит в будущее, и нас следует побранить — простите, дорогая Сара,— что механический ток крови мы превращаем в прорицателя, наводящего ужас. Но я, конечно, не премину сделать все, что вы считаете необходимым для умиротворения этой маленькой внутренней бури. Я сейчас сяду писать, и, надеюсь, сэр Уильям останется доволен моим раскаянием, неподдельной растроганностью моего сердца, торжественной моей клятвой — во всем ему повиноваться.

Сара. Сэр Уильям? Ах, Мелефонт, пора уж вам привыкнуть к другому, ласковому прозванию. Отец, ваш отец, Мелефонт...

Мелефонт. Разумеется, мисс, наш добрый, славный отец! Мне смолоду пришлось отвыкать от этого прекрасного слова: в еще более юных летах я должен был позабыть и другое сладостное имя — мать.

Сара. Вы должны были забыть его — мне пришлось хуже, я ни разу его не произнесла. Моя жизнь стала ее смертью. О, боже! Я была безвинной матереубийцей. Еще немного, совсем немного, почти ничего — и я стала бы убийцей своего отца. Но уже не безвинной — сознательной отцеубийцей! Как знать, может быть, я и убила его! Это я похитила у него годы, дни, мгновения и тем самым сократила его жизнь. Даже если волею судеб он скончается усталый от жизни, в глубокой старости, совесть все равно будет нашептывать мне, что, если б не я, он мог бы прожить еще дольше. Нелегкий это укор, и если бы любящая мать руководила мной в юности, я бы его не ведала! Ее поучения, ее пример... вы так нежно смотрите на меня, Мелефонт? И вы правы, материнская любовь стала бы моим тираном, я не могла бы принадлежать Мелефонту! Зачем же я желаю себе

того, в чем мудрый и добрый рок отказал мне? Его веления всегда правильны. Давайте же радоваться, что он даровал мне отца, который ни разу не заставил меня с тоскою вздохнуть по матери, отца, который и вас заставит позабыть о том, что вы не знали родительской ласки. Какое счастливое будущее предстоит нам! Я уже люблю его и забываю, что в глубине души еще шевелится нечто, не позволяющее мне полностью в него поверить. Что ж оно такое, это мятежное нечто?

Мелефонт. Это нечто, дорогая моя Сара, как вы уже и сами сказали, естественный страх в преддверии большого счастья. Ах, ваше сердце без колебаний признало себя несчастным, а теперь мучится неверием в счастье. Как человеку долго и быстро кружившемуся, когда он уже и сел на место, продолжает казаться, что все вокруг вертится, так и сердце после сильного потрясения успокаивается не вдруг. Иной раз дрожь и трепет еще долго мучат его, и тут уж надо ждать, пока оно само собой угомонится.

Сара. Я верю, Мелефонт, верю — потому, что вы это говорите, и потому, что я этого хочу. Но не будем больше задерживать друг друга. Мне надо пойти к себе и закончить письмо. Да и вы ведь позволите мне прочитать ваше после того, как я покажу вам свое?

Мелефонт. Каждое слово будет представлено на ваш суд. Я не покажу вам только того, что будет написано во имя вашего спасения: я же знаю, что вы считаете себя куда более виновной, чем вы виновны на самом деле. *(Говоря это, он провожает Сару в глубину сцены.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мелефонт.

Мелефонт *(в задумчивости ходит из угла в угол)*. Подумать, что я загадка для себя самого! За кого мне следует считать себя? За глупца? За злодея? Или за то и другое вместе? О, как же ты лукаво, мое сердце! Пусть я дьявол, но я люблю ангела! Люблю? Да, да, конечно, люблю. Я уверен, что тысячу жизней отдал бы за ту, что отдала мне свою добродетель. Да, я бы сделал это, сделал вот сейчас, не колеблясь. И все же, все же — мне страшно признаться даже самому себе... Все же — не знаю, как объяснить? Я страшусь мгновения, когда она перед лицом бога и людей навеки станет моею. Этого мгновения уже не избегнуть, ибо отец простил нас. Да и надолго отсрочить его мне тоже

не удастся. Довольно уж я слышал препеприятных упреков из-за своей медлительности. Но как ни неприятны были эти упреки, я сносил их легче, нежели печальную мысль, что до конца своей жизни я буду связан по рукам и ногам. Но разве я не связан уже сейчас? Конечно, связан и с радостью ношу свои узы. Разумеется, я ее пленник. Так чего же я хочу? Ах, вот оно что! До поры до времени я узник, под честное слово отпущенный на свободу, а это ведь радует душу! Почему нельзя, чтобы так было всегда? Почему, закованный в цепи, я должен лишиться даже жалкой тени свободы? Закованный в цепи? Да, так оно и будет! Сара Сампсон — моя возлюбленная! Сколько блаженств заключено в этих словах! Сара Сампсон — моя супруга! Половины восторгов — как не бывало, а другая половина исчезнет со временем. О, я чудовище! И с такими-то мыслями я должен писать ее отцу? Но ведь это не мысли, а так, игра фантазии! Проклятая фантазия, картины, которые она рисует, успели стать мне привычными в моей разнузданной жизни. Я должен отделаться от них, или — не жить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нортон, Мелефонт.

Мелефонт. Ты помешал мне, Нортон!

Нортон. Прошу прощения, сударь! *(Хочет уйти.)*

Мелефонт. Нет, нет, останься. Я даже рад, что ты мне мешаешь.

Нортон. Бетти сообщила мне весьма приятную новость, и я пришел вас поздравить.

Мелефонт. Поздравить? Наверно, с письмом отца, в котором он нас прощает? Благодарю.

Нортон. Значит, богу угодно сделать вас счастливым.

Мелефонт. Если ему это и угодно, то, уж конечно, не из-за меня. Как видишь, Нортон, чувство справедливости у меня все-таки есть.

Нортон. Если уж вы это сознаете, значит, из-за вас тоже.

Мелефонт. Нет, единственно из-за Сары, из-за моей Сары. Если уже созревшая месть господня пощадила город, населенный грешниками, лишь потому, что в нем жили несколько праведников, то неужто он не может потерпеть одного нечестивца, если в его судьбе принимает участие богоугодная душа?

Нортон. Вы говорите серьезно и даже трогательно. Но разве радость не знает иного языка?

Мелефонт. Радость, Нортон? Для меня она канула в вечность.

Нортон. Смею ли я говорить откровенно? *(Пристально смотрит на него.)*

Мелефонт. Да, смеешь.

Нортон. Нынче утром вы изволили сказать, что я соучастник вашего преступления, так как смолчал о нем; потому не гневайтесь, если отныне я реже буду молчать.

Мелефонт. Смотри не забывай, кто ты.

Нортон. Я не забываю, что я слуга, слуга, который мог бы стать чем-то бóльшим, но, увы, вовремя об этом не позаботился. Да, я ваш слуга, но я не хочу быть прóклятым вместе с вами.

Мелефонт. Вместе со мной? Но почему ты сейчас говоришь об этом?

Нортон. Потому что, к вящему своему удивлению, я вижу вас не таким, каким думал увидеть.

Мелефонт. Не соизволишь ли ты сказать, каким же ты думал меня увидеть?

Нортон. В восторге и в радости.

Мелефонт. Только плебей приходит в неистовый восторг, едва ему улыбнется счастье.

Нортон. Возможно, ведь плебей еще умеет чувствовать, тогда как у знатных господ чувства подпорчены и ослаблены тысячью противоестественных представлений. Но на вашем лице я читаю не только сдержанность, а еще и холодность, нерешительность, неудовольствие...

Мелефонт. А если бы даже так. Ты, видно, позабыл, что дело здесь не в одной Саре? Приезд Марвуд...

Нортон. Мог бы вас встревожить, но не ввергнуть в отчаяние. Что-то другое мучает вас. Я буду рад, если ошибусь, но, сдается, вы бы предпочли, чтоб примирение еще не состоялось... Ведь теперь ваше положение вскоре должно измениться, а это не может вас радовать при вашем образе мыслей.

Мелефонт. Нортон! Нортон! Ты, верно, был ужасным злодеем и скорей всего остался им, если тебе удалось меня разгадать. Ты попал в самую точку, посему я ничего отрицать не стану. Ты прав! Как верно то, что я вечно буду любить свою Сару, так верно и то, что мне это будет трудно, потому что я *должен* вечно любить ее, должен! Но не волнуйся, я справлюсь со своей дурацкой причудой. Или такие чувства ты не считаешь причудой? Кто мне велит считать супружество принуждением? Я ведь и не хочу большей свободы, чем та, что у меня останется.

Нортон. Весьма разумные домыслы. Но Марвуд, Марвуд уж сумеет поощрить ваши старые предубеждения, и я боюсь, очень боюсь...

Мелефонт. Этому не бывать. Вот увидишь, она еще сегодня уедет в Лондон. Поскольку я признался тебе в моей тайной, ну, глупости, что ли,— мне надо сказать тебе еще одно: я нагнал такого страха на Марвуд, что она теперь и пикнуть не посмеет.

Нортон. Чудеса, да и только.

Мелефонт. Смотри, это смертоносное оружие я вырвал у нее из рук *(показывает ему кинжал, отнятый у Марвуд)*, когда, вне себя от ярости, она хотела вонзить его в мое сердце. Теперь ты веришь, что я оказал ей решительное сопротивление? Поначалу, правда, она чуть-чуть не накинула мне петлю на шею. Предательница привезла с собой Арабеллу.

Нортон. Арабеллу?

Мелефонт. Я так и не сумел узнать, с помощью какой хитрости она вновь заполучила ребенка. Ну да все равно, эта удача не принесла ей того, на что она, без сомнения, надеялась.

Нортон. Дозвольте мне порадоваться выказанной вами твердости, теперь я верю, что вы уже на полпути к исправлению. Однако — раз уж вам угодно посвятить меня в свои дела — скажите, зачем Марвуд явилась сюда под именем леди Солмс?

Мелефонт. Ей хотелось во что бы то ни стало увидеть свою соперницу. Я с ней не спорил, отчасти из снисхождения, возможно, впрочем, что из опрометчивости, а также из желания унизить ее знакомством с лучшею из женщин. Ты качаешь головою, Нортон?

Нортон. Я бы на такое не отважился...

Мелефонт. Отважился? Да риску тут, собственно, не больше, чем если бы я отказал ей. Она бы умудрилась проникнуть сюда под собственным именем, а это было бы не лучше, чем ее визит инкогнито.

Нортон. Благодарите бога за то, что все обошлось благополучно.

Мелефонт. Еще не совсем обошлось, Нортон. Она вдруг почувствовала себя дурно, ушла, не попрощавшись. И, конечно же, явится вторично. Пусть ее! Пчела, оставшаяся без жала *(показывает на кинжал и снова прячет его за пазуху)*, может только жужжать. Но и жужжанье дорого обойдется ей, если станет слишком назойливым. Кто-то идет? Оставь меня, если это Марвуд. Да, она. Ступай!

Нортон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мелефонт, Марвуд.

Марвуд. Вы, видно, не очень-то довольны моим возвращением.

Мелефонт. Я очень доволен, Марвуд, что ваша дурнота прошла. Вы, надо думать, чувствуете себя лучше?

Марвуд. Так, так!

Мелефонт. Поэтому не стоило вам утруждать себя и приходить вторично.

Марвуд. Благодарю, Мелефонт, если вы это говорите в заботе обо мне. И не сержусь, если вы подразумеваете нечто другое.

Мелефонт. Я радуюсь, видя вас в столь спокойном расположении духа.

Марвуд. Буря отбушевала. И я снова прошу вас забыть о ней.

Мелефонт. Вы только не забудьте своего обещания, Марвуд, а я охотно все забуду. И еще... знай я, что вы не сочтете это за обиду, я бы хотел спросить...

Марвуд. Спрашивайте, Мелефонт. Большей обиды вы мне все равно нанести не можете... Итак, что вы хотите спросить?

Мелефонт. Как вам понравилась моя миссс?

Марвуд. Вопрос вполне естественный. Мой ответ вам столь естественным не покажется, но от этого он не станет менее правдивым. Она мне очень понравилась.

Мелефонт. Ваша беспристрастность достойна восхищения. Но разве возможно, чтобы тот, кто умел ценить прелесть Марвуд, сделал неправильный выбор?

Марвуд. От подобной лести, Мелефонт, если ваши слова можно назвать лестью, вам следовало бы меня избавить. Она никак не согласуется с моим решением забыть вас.

Мелефонт. Не хотите же вы, чтобы я грубостью облегчил вам это намерение? Пусть наш разрыв будет чужд всякой пошлости. Расстанемся, как разумные люди, уступающие необходимости, без горечи, без гнева, сохранив известное взаимное уважение, обусловленное нашей былой близостью.

Марвуд. Былая близость? Я не хочу, чтобы мне напоминали о ней! Ни слова более! Чему суждено быть, то и будет, а на какой манер это свершится — не важно. Да, еще об Арабелле! Вы не хотите оставить ее при мне?

Мелефонт. Нет, Марвуд.

Марвуд. Какая жестокость! Вам нельзя быть ее отцом, а вы хотите еще лишить ее матери.

Мелефонт. Я могу быть ее отцом и хочу им быть.

Марвуд. Докажите же это без промедления.

Мелефонт. Как?

Марвуд. Дозвольте мне передать Арабелле в качестве отцовского наследия те ваши драгоценности, что находятся у меня на сохранении. Если же говорить о материнском наследстве, то мне остается лишь надеяться, что я оставлю ей нечто бо́льшее, нежели позор ее рождения от такой матери.

Мелефонт. Не надо этого говорить. Я позабочусь об Арабелле и без того, чтобы ее мать потерпела какой-либо денежный ущерб. Если вы хотите забыть меня, то прежде всего забудьте, что у вас есть хоть что-нибудь мною подаренное. Я вам многим обязан и никогда не оставлю без внимания, что вы, хоть и против воли, способствовали моему истинному счастью. Да, Марвуд, я вполне серьезно благодарю вас за то, что вы открыли отцу наше местопребывание, незнание коего только и препятствовало ему подать нам благую весть о прощении.

Марвуд. Не мучьте меня благодарностью! Видит бог, я не хотела ее заслужить. Сэр Уильям не в меру добродушный старый дурак: он, видно, думает не так, как думала бы я на его месте. Дочь я бы простила, но ее соблазнителя...

Мелефонт. Марвуд!..

Марвуд. Ах да, ведь ее соблазнитель вы. Молчу, молчу! Скоро ли я смогу пойти проститься с мисс Сарой?

Мелефонт. Мисс Сара не поставит вам в укор, если вы уедете, не простившись с нею.

Марвуд. Мелефонт, я не люблю не доигрывать свои роли и, даже под чужим именем, не хочу прослыть женщиной, не знающей светских приличий.

Мелефонт. Если вы дорожите собственным спокойствием, вам не следует лишний раз видеться с той, что неминуемо пробуждает в вас известные и весьма нежелательные мысли.

Марвуд *(насмешливо улыбаясь)*. О себе вы лучшего мнения, чем обо мне. Но даже если вы убеждены, что я буду безутешна, вам следовало бы это убеждение держать про себя. Мисс Сара пробуждает во мне известные мысли? Известные? Да, известные в той же мере, в какой известно, что прелестнейшая девушка нередко способна любить ничтожнейшего мужчину.

Мелефонт. Превосходно, Марвуд, превосходно! Наконец-то вы пришли в то расположение духа, в каком я давно желал вас видеть: хотя мне, пожалуй, было бы приятнее, если бы мы

могли сохранить взаимное уважение. Но возможно, что так оно и будет позднее, когда угомонится взбудораженное сердце. Позвольте мне оставить вас в одиночестве на минуту-другую. Я хочу привести к вам мисс Сампсон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марвуд.

Марвуд *(озираясь)*. Неужто я одна? Неужто я могу наконец перевести дыханье, расслабить мускулы лица, чтобы оно приняло обычное выражение? Мне необходимо тотчас же сделаться прежнею Марвуд, чтобы найти в себе силы выдержать всю тяжесть притворства. О, как я ненавижу тебя, низкое притворство! Не потому, что очень уж люблю искренность, но потому что ты жалкое прибежище бессильной жажды мести. Никогда бы я до тебя не унизилась, если бы тиран доверил мне свою власть или небо свои громы! Но лишь бы мне прийти к цели! Начало, правда, сулит мне ее близость, и Мелефонт, как видно, становится все спокойнее. Если мне удастся моя хитрость и я смогу побыть наедине с его Сарой... да, но ведь еще неизвестно, поможет ли мне это. Правда о Мелефонте, возможно, будет ей не внове, клевете она может не поверить, а к угрозам отнестись с презрением. Как бы там ни было, она наслушается от меня и правдивых историй, и клеветы, и угроз. Плохо, конечно, если они не оставят жала в ее сердце. Но тише, идут. С этой минуты я больше не Марвуд, я ничтожная покинутая женщина, которая жалкими ухищрениями пытается избавить себя от позора, растоптанный червь, извивающийся, чтобы поранить хоть пятку человека, его растоптавшего.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сара, Мелефонт, Марвуд.

Сара. Я очень рада, леди, что моя тревога оказалась напрасной.

Марвуд. Благодарю вас, мисс. Не стоило вам тревожиться из-за столь пустячного недомогания.

Мелефонт. Леди желает проститься с вами, любезная Сара.

Сара. Вы уже уезжаете, леди?

Марвуд. Я спешу из-за тех, что ждут не дождутся меня в Лондоне.

Сара. Неужели вы хотите еще сегодня пуститься в дорогу?

Марвуд. Нет, завтра, с самого утра.

Мелефонт. Завтра с самого утра? Я думал, еще сегодня.

Сара. Наше знакомство, леди, началось с мимолетной встречи. Я льщу себя надеждой, что в дальнейшем вы удостоите меня более тесного общения.

Марвуд. Я прошу вашей дружбы, мисс.

Мелефонт. Могу вас заверить, дорогая Сара, просьба леди вполне искренна, хотя должен заранее предупредить, что в скором времени ваша встреча, конечно, состояться не сможет. Леди нельзя будет жить там, где живем мы.

Марвуд *(в сторону)*. Тонкий ход!

Сара. Мелефонт, вы похищаете у меня весьма приятную надежду.

Марвуд. В данном случае больше всего теряю я, вы же и без того счастливы, мисс.

Мелефонт. Вы действительно уезжаете только завтра утром, леди?

Марвуд. Может быть, и раньше. *(В сторону.)* Что ж это никто не идет?

Мелефонт. Мы тоже здесь недолго останемся. Не правда ли, дорогая моя мисс, хорошо будет, если мы двинемся в путь сразу же вслед за нашим ответным письмом? Сэр Уильям не осудит нас за поспешность.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бетти, Мелефонт, Марвуд.

Мелефонт. Чего тебе, Бетти?

Бетти. Там какой-то человек хочет безотлагательно поговорить с вами.

Марвуд *(в сторону)*. А, вот оно.

Мелефонт. Со мной? Безотлагательно? Я сейчас вернусь. Не угодно ли вам выйти вместе со мной, леди?

Сара. Зачем, Мелефонт? Леди окажет мне честь и дождется вашего возвращения.

Марвуд. Простите меня, мисс, но, зная своего кузена Мелефонта, я думаю, что мне лучше уйти с ним.

Бетти. Сударь, господин, который спрашивает вас, гово-

рит, что ему надо сказать вам всего несколько слов. И еще: что ему нельзя терять ни мгновения...

Мелефонт. Иди, я сейчас к нему выйду. Думается, мисс, что это известие об окончательном разрешении наследственного спора.

Бетти уходит.

Марвуд *(в сторону)*. Неплохое предположение!

Мелефонт. Но, леди...

Марвуд. Если вы приказываете... мисс, я вынуждена...

Сара. Нет, Мелефонт, вы не лишите меня удовольствия до вашего возвращения занять леди Солмс.

Мелефонт. Вы хотите этого, мисс?

Сара. Не задерживайтесь, милый Мелефонт, и скорей приходите обратно. Но с более веселой миной! Я уверена, что вы ожидаете неприятной вести. Не унывайте! Мне куда больше хочется видеть, как вам удастся, не теряя самообладания, предпочесть меня наследству, чем знать, что вы его уже получили.

Мелефонт. Я повинуюсь. *(С угрозой.)* Леди, я возвращусь через минуту-другую. *(Уходит.)*

Марвуд *(в сторону)*. Счастливого пути!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сара, Марвуд

Сара. Мой добрый Мелефонт иной раз произносит учтивые слова на удивление фальшивым тоном. Вы не согласны с этим, леди?

Марвуд. Его манера общения так мне привычна, что я этого и не замечаю.

Сара. Не угодно ли вам присесть, леди?

Марвуд. Если позволите, мисс... *(После того как обе сели, говорит в сторону.)* Нельзя мне упустить эти минуты...

Сара. Скажите, леди, ведь правда, с Мелефонтом я буду счастливейшей женщиной на свете?

Марвуд. Если Мелефонт свыкнется со своим счастьем, то мисс Сара сумеет сделать из него достойнейшего мужа. Но...

Сара. «Но» — и многозначительная пауза, леди...

Марвуд. Я откровенна, мисс.

Сара. Тем более ценным становится ваше...

Марвуд. Откровенна до неразумия. Мое «но» наилучшее тому доказательство. Весьма неразумное «но»!

Сара. Не думаю, чтобы леди хотелось еще больше встре-

вожить меня этим отступлением. Слишком жестоко то милосердие, что не показывает нам зло, а заставляет лишь догадываться о нем.

Марвуд. О мисс, вы придали излишнее значение моему «но». Мелефонт мне родня...

Сара. Тем важнее для меня малейший упрек, который вы можете сделать в его адрес.

Марвуд. Но даже будь Мелефонт мне родным братом, я бы все равно заступилась за свою сестру — женщину, узнав, что он не вполне порядочно с нею обошелся. Я считаю справедливым, чтобы мы, женщины, обиду, нанесенную одной из нас, воспринимали как обиду всему нашему полу, а месть за нее общим делом, в котором, не задумываясь, участвуют даже мать и сестра виновного.

Сара. Это суждение...

Марвуд. Не раз служило мне путеводной нитью в сомнительных случаях.

Сара. Оно судит мне... Я трепещу...

Марвуд. Если вы трепещете, мисс, то давайте поговорим о чем-нибудь другом...

Сара. Вы жестоки, леди!

Марвуд. Сожалею, что вы так неверно истолковываете мои слова. По крайней мере, я, мысленно перенесясь на место мисс Сампсон, считала бы истинным благом любое сведение о человеке, с которым намеревалась бы навек связать свою судьбу.

Сара. Куда вы клоните, леди? Разве я еще не успела узнать моего Мелефонта? Поверьте, я знаю его не хуже, чем собственную душу. Знаю, что он любит меня...

Марвуд. А другую женщину...

Сара. Любил. Знаю и это. Но разве мог он любить меня до того, как со мной познакомился? И могу ли я претендовать, чтобы только мои чары на него воздействовали? Я ведь признаю, что стремилась ему понравиться. И разве он не достоин любви? Разве не мог он пробудить такое же стремление в другой? И наконец, разве не естественно, что это стремление привело ту или другую к желанной цели?

Марвуд. Вы защищаете его с той же горячностью, с которой я не раз его защищала, кстати, при помощи почти тех же доводов. Любить — не преступление, тем паче не преступление быть любимой. Преступно непостоянство.

Сара. Не всегда..В непостоянстве, по-моему, часто виноваты те, кого мы любим, ибо они далеко не всегда заслуживают вечной любви.

Марвуд. Мисс Сампсон придерживается не слишком строгих правил морали.

Сара. Это верно. Люди, сознающие, что и они блуждали по запретным тропам, не могут быть слишком строги. Да и не должны. Важны ведь не преграды, которые добродетель воздвигает перед любовью, важно уметь прощать человеческую слабость тем, кто оставил позади эти преграды, и разумно судить о вытекающих отсюда последствиях. К примеру, если некий Мелефонт любит некую Марвуд и потом все же ее покидает, то по сравнению с любовью как таковой это хороший поступок. Разве не несчастье вечно любить порочную женщину только потому, что ты однажды ее полюбил?

Марвуд. Скажите, мисс, а знаете ли вы Марвуд, которую так уверенно называете порочной?

Сара. Я знаю ее по описанию Мелефонта.

Марвуд. Мелефонта? И вам никогда не приходило в голову, что в своем собственном деле он ничего не стоящий свидетель?

Сара. Я только сейчас заметила, леди, что вы намерены испытывать меня. Мелефонт улыбнется, когда вы скажете ему, как рьяно я его защищаю. . . .

Марвуд. Простите, мисс, Мелефонт ничего не должен знать о нашем разговоре. У вас благородное сердце, и вы не захотите в отместку за дружеское предупреждение рассорить меня с близким родственником, которого я осуждаю лишь за недостойное поведение с женщинами, достойными любви, и обиды, нанесенные им, рассматриваю так, словно я сама обижена.

Сара. Я никого не намерена ссорить, леди, и надеюсь, что другие тоже не имеют таких намерений.

Марвуд. Хотите, я вам вкратце расскажу историю Марвуд?

Сара. Право, не знаю... нет... все-таки расскажите, леди, но с одним условием: вы умолкнете, как только вернется Мелефонт. Он может подумать, что это я принялась вас расспрашивать, а я не хочу, чтобы он заподозрил меня в неуемном и невыгодном для него любопытстве.

Марвуд. Я о том же попросила бы мисс Сампсон, если бы она меня не опередила. Он ни в коем случае не должен знать, что Марвуд была темою нашего разговора; я надеюсь, и вы будете достаточно осторожны и не проговоритесь. Итак, слушайте! Марвуд происходит из хорошей семьи. Она была молодой вдовою, когда познакомилась с Мелефонтом у одной из своих подруг. Говорят, она была очень хороша собой, не было

у нее недостатка и в том обаянии, без которого красота мертва. Доброе имя ее оставалось незапятнанным. Ей не хватало лишь одного — состояния. Все, чем она в свое время владела — а, по слухам, это было большое богатство,— она отдала за освобождение человека, которому, как ей тогда казалось, ни в чем уже не могла отказать, однажды отдав ему руку и сердце.

Сара. Подлинно благородная черта, леди, но хотелось бы видеть ее блистающей на другом портрете.

Марвуд. Несмотря на бедность, она была предметом искательств многих молодых людей, страстно желавших лишь одного — сделать ее счастливой. Среди этих богатых и знатных поклонников неожиданно явился Мелефонт. Он просил ее руки, и роскошь, какою он собирался окружить Марвуд, была наименьшим из всех благ, им предложенных. Уже из первого разговора с нею он понял, что имеет дело не с корыстолюбицей, но с женщиной, преисполненной нежного чувства, которая предпочла бы жить в хижине с любимым, чем во дворце с тем, кто ей безразличен.

Сара. И эта черта для меня также не вяжется с Марвуд. Прошу вас, леди, не прикрашивайте ее больше, не то я в конце концов начну сострадать ей.

Марвуд. Мелефонт уже был готов торжественно сочетаться с нею узами брака, когда пришла весть о смерти его родича, завещавшего ему все свое состояние при условии, что он женится на некой дальней родственнице. А так как Марвуд из-за него отказывалась и от более выгодных партий, то Мелефонт не пожелал отстать от нее в великодушии. Он решил ни слова не говорить ей о наследстве до тех пор, покуда из-за нее он его не лишится. Не правда ли, мисс, благороднейший замысел?

Сара. О леди, кому же и знать, как не мне, до чего благородно сердце Мелефонта!

Марвуд. Но что же сделала Марвуд? В тот же вечер она проведала, на что из-за нее решился Мелефонт. Мелефонт пришел к ней утром, но Марвуд скрылась.

Сара. Куда скрылась? И почему?

Марвуд. Он нашел только письмо, в котором она просила его не рассчитывать когда-либо встретиться с нею. Она-де не отрицает, что любит его, и потому тем паче не хочет стать виновницей поступка, в котором он неминуемо раскается. Она возвращает ему его слово и просит, без долгих размышлений, выполнить требование завещателя и тем самым вступить во владение богатством, которому человек чести может найти лучшее применение, нежели бросить его к ногам женщины.

Сара. Но, леди, почему вы приписываете Марвуд столь возвышенный образ мыслей? Леди Солмс, вероятно, способна так мыслить, но не Марвуд. Нет, не Марвуд!

Марвуд. Ничего нет удивительного, мисс, в том, что вы против нее предубеждены. Мелефонт едва не сошел с ума из-за ее решения. Он разослал людей во все концы искать Марвуд и в конце концов нашел ее.

Сара. Она, без сомнения, дала ему эту возможность.

Марвуд. К чему столь язвительные замечания, мисс! Они не к лицу женщине мягкого характера. Он нашел ее, говорю я, но нашел непреклонной. Она отвергла его руку. Он добился от нее лишь обещания возвратиться в Лондон. Они решили не вступать в брак, покуда родственница, наскучив долгим ожиданием, не пойдет на мировую. Меж тем Марвуд не удавалось избавиться от ежедневных визитов Мелефонта, довольно долгое время бывших лишь почтительными посещениями влюбленного, которому предложено оставаться в границах дружбы. Но возможно ли, чтобы человек пылкого темперамента не перешагнул этих границ? Мелефонту дано все, что делает мужчину опасным для нас, женщин. Впрочем, никому это не известно лучше, чем мисс Сампсон.

Сара. Ах!

Марвуд. Вы вздыхаете? Марвуд тоже не раз вздыхала о своей слабости, да и поныне вздыхает.

Сара. Довольно, леди, довольно. Такой оборот беседы, думается, значит куда больше, нежели язвительное замечание, которое вам угодно было запретить мне.

Марвуд. Я хотела не обидеть вас, а только явить вам в правильном свете несчастную Марвуд. Одним словом, любовь дала Мелефонту права супруга, и он уже не счел нужным их узаконить. И как бы счастлива была Марвуд, если б о ее позоре знали только она сама, Мелефонт и господь бог! Но, увы, злосчастная дочь открыла всему свету то, что Марвуд хотела бы скрыть и от себя самой.

Сара. Что вы говорите, леди? Дочь...

Марвуд. Да, мисс, из-за вмешательства Сары Сампсон несчастная дочь никогда уже не назовет без содрогания имена своих родителей.

Сара. Страшная весть! И Мелефонт все утаил от меня?.. У меня недостает духа поверить этому, леди...

Марвуд. У вас должно достать духа поверить, что Мелефонт утаил от вас еще и многое другое.

Сара. Многое другое? Что же еще более страшное мог он утаить от меня?

Марвуд. То, что он и доныне любит Марвуд.

Сара. Вы убиваете меня, леди!

Марвуд. Невероятно, чтобы разом прошла любовь, длившаяся более десяти лет. Она может потускнеть на время, но потом заблистает ярче прежнего. Я могла бы назвать вам мисс Оклоф, мисс Доркас, мисс Мур. Одна за другой, пытались они отбить у Марвуд возлюбленного, но все были безжалостно брошены им. Есть одна точка, которую никто его не заставит переступить, едва дойдя до нее, он шарахается в сторону. Но допустим, мисс, что вы единственная счастливица и вам удастся заставить Мелефонта превозмочь ставшее его второй натурой отвращение к формальному игу, неужели вы полагаете, что это обеспечит вам его любовь?

Сара. О, я несчастная! Что я слышу!

Марвуд. Нимало. Тогда-то он снова и ринется в объятия той, которая не ревновала его к свободе. Вы будете называться его супругой, а та на самом деле будет ею.

Сара. Не мучьте меня более этими страшными пророчествами! Лучше посоветуйте, что же мне делать? Вы знаете его и потому, наверно, знаете, что может мне помочь скрасить для него узы, без которых даже самая чистая любовь становится нечестивой страстью.

Марвуд. Я отлично знаю, мисс, что птицу можно поймать. Но можно ли сделать, чтобы клетка была ей приятнее вольного воздуха, это мне неизвестно. Посему мой совет — не ловить ее вовсе и тем самым избавить себя от досады на напрасный труд. Удовольствуйтесь, мисс, тем, что птица так близко подлетела к вашему силку, а так как вы уже предвидите, что она его порвет, если вы ее в нем запутаете, то пожалейте свой силок и не заманивайте ее туда.

Сара. Не знаю, правильно ли я поняла ваше игривое сравнение, леди...

Марвуд. Если оно вас рассердило, значит, вы его поняли. Короче говоря, ваша собственная выгода, равно как и выгода другой женщины, благоразумие, равно как и справедливость, должны подвигнуть мисс Сампсон отказаться от притязаний на человека, принадлежащего Марвуд по праву первенства и силы. Вы, мисс, пока еще в таких с ним отношениях, что можете его отставить, я не хочу сказать — с честью для себя, но, по крайней мере, без публичного позора. Краткое исчезнове-

ние с любовником, разумеется, пятно, но пятно, которое со временем поблекнет. Пройдет несколько лет, и все будет забыто, а богатая наследница всегда найдет не слишком щепетильного мужчину. Если бы на вашем месте была Марвуд, если бы она, поскольку прелести ее уже увядают, не нуждалась в супруге, не нуждалась в отце для своей малолетней дочери, о, Марвуд поступила бы великодушнее с мисс Сампсон, чем мисс Сампсон поступает с нею, чиня ей постыдные препятствия.

Сара *(невольно поднимаясь с места)*. Это уж слишком далеко заходит! Такие речи не подобают родственнице Мелефонта! Как недостойно предали вас, Мелефонт! Теперь я понимаю, леди, почему он с такой неохотою оставил вас наедине со мной. Знал, наверно, сколь опасен ваш ядовитый язык! Я говорю резко, потому что вы, леди, достаточно долго говорили непристойно. Не знаю уж, как удалось этой Марвуд сыскать заступницу, которая пускает в ход всю свою изобретательность, чтобы навязать мне блестящий роман о ее жизни, и коварными уловками силится запятнать честь благородного человека, изображая его чудовищем. Не для того ли мне было рассказано, что Марвуд похваляется дочерью от Мелефонта, не для того ли были названы девушки, им обманутые, чтобы уязвить меня и дать мне понять, что я поступила бы правильно, очистив место для матерой блудницы?

Марвуд. Не так пылко, юное создание. Матерая блудница? Вы, видимо, употребляете слова, не отдавая себе отчета в их значении.

Сара. Да разве не такой она предстает даже в изображении леди Солмс? Хорошо, леди, вы ее подруга, возможно даже — закадычная подруга. Я это говорю отнюдь не в укор, ведь в свете нелегко находить лишь добродетельных друзей. Но почему из дружбы к ней вы так унижаете меня? Обладай я опытностью Марвуд, я бы, конечно, не сделала опрометчивого шага, оскорбительно поставившего меня на одну ступень с нею. Но если бы я и сделала его, то, уж конечно, не застряла бы на десять лет в его последствиях. Подпасть пороку по неведению — одно, знать его и тем не менее в нем погрязнуть — совсем другое. Ах, леди, если бы вы знали, какого раскаяния, каких угрызений совести, какой боязни мне стоило мое заблуждение! Заблуждение, говорю я, ибо нет мне больше надобности с беспощадной жестокостью к себе называть свой поступок преступлением. Сам господь бог уже не считает его таковым, он отвел от меня кару и вновь даровал мне отца. Мне страшно, леди! Почему так

изменилось ваше лицо? Оно пылает! Ярость смотрит на меня из ваших остекленелых глаз, вы скрежещете зубами... Ах, простите меня, простите. Я глупа и сентиментальна! Конечно же, вы говорили без злого умысла. Не гневайтесь на мою горячность! Как мне смягчить ваше сердце? Как мне найти в вас преданного друга, какого нашла Марвуд? Прошу, леди, на коленях прошу вашей дружбы *(падает на колени)*, а если я ее не заслужила, хотя бы справедливости, хотя бы того, чтоб вы не ставили меня на одну доску с Марвуд.

Марвуд *(с гордым видом отступает на несколько шагов, не поднимая Сару)*. Эта позиция Сары Сампсон радует сердце Марвуд, но она не хочет торжествовать под чужим именем. Итак, мисс, узнайте же во мне ту Марвуд, с которой вы не желаете стоять рядом, но между тем стоите перед ней на коленях.

Сара *(в ужасе вскакивает и, трепеща, пятится от нее)*. Ха! Теперь я узнаю вас, убийцу-спасительницу, с кинжалом в руке, привидевшуюся мне в вещем сне. Это она! Беги, злосчастная Сара! Спасите меня, Мелефонт, спасите свою возлюбленную! Пусть же прозвучит наконец сладостный голос моего отца! Где слышится он сейчас? Куда мне кинуться на этот голос, здесь он или там? На помощь, Мелефонт! На помощь, Бетти! Она уже занесла надо мной свою смертоносную руку! На помощь! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марвуд.

Марвуд. Что нужно этой безумице? О, если бы она сказала правду и я бы занесла над ней смертоносную руку! Я глупая женщина, вот когда мне надо было обнажить свой кинжал! Какое наслаждение пронзить сердце соперницы, добровольно склонившей перед тобою колена! Что же теперь? Я разоблачена! Мелефонт может сию минуту воротиться! Бежать или дождаться его? Я дождусь, дело у меня пока что найдется. Возможно, мой лакей сумеет хитростью подольше задержать его! Меня здесь страшатся. Но почему я не иду за ней? Почему не прибегаю к тому последнему, что я могу обратить против нее? Угроза — жалкое оружие, но отчаяние не пренебрегает и таким. Пугливой девице, которая в смятении и ужасе спасается бегством от одного моего имени, ничего не стоит страшные слова принять за страшные дела. А Мелефонт? Мелефонт вдохнет

в нём мужество и научит насмехаться над моими угрозами. А возможно, он этого и не сделает! Но если бы люди всегда думали об исходе своих предприятий, они бы ничего не предпринимали. А я вдобавок готова к печальнейшему исходу. Кинжал я готовила для других, яд — для себя! Яд для себя! Давно уже я ношу его с собой, вот здесь, у сердца, он ждет мгновения сослужить свою печальную службу здесь, где в лучшие времена хранились мадригалы моих поклонников — тоже верный, хотя и не так быстро действующий яд для нас, женщин. О, если бы яду довелось бушевать не только в моей крови! Если бы он и неверного... Да что это я ношусь с желаниями... Прочь отсюда! Надо, чтобы ни она, ни я не успели опомниться. Хладнокровно ни на что нельзя решиться. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Сары.

Сара, изнемогшая, лежит в кресле, Бетти.

Бетти. Не стало ли вам немного получше, мисс?

Сара. Получше, Бетти? Если б уже вернулся Мелефонт. Ты ведь послала искать его?

Бетти. Нортон и наш хозяин отправились на поиски.

Сара. Нортон — хороший человек, но слишком горячий. Я не хочу, чтобы из-за меня он наговорил грубостей своему господину. Судя по его же рассказу, Мелефонт ни в чем не виноват. Ведь правда, Бетти, ты тоже не считаешь его виноватым? Она преследует его, что ж он может поделать? Она неистовствует, беснуется, она хочет убить его. И пойми, Бетти, ведь это я подвергла его такой страшной опасности. Кто же, как не я? Наконец, эта фурия — Марвуд пожелала увидеть меня, иначе она отказывалась вернуться в Лондон. Мог ли он отказать ей в такой малости? Я тоже не раз хотела увидеть Марвуд. Мелефонт отлично знает, что женщины — любопытные создания. И если бы я сама не упрашивала ее остаться со мной до его возвращения, он бы, конечно, увел ее. А я бы приняла ее под чужим именем и даже бы не знала, что видела ее. Возможно, этот маленький обман со временем даже доставил бы мне удовольствие. Одним словом: всему виною я. А сейчас я просто испугалась, вот и все, так ведь? Маленький обморок,

это же ровно ничего не значит. Ты знаешь, Бетти, со мной случаются обмороки.

Бетти. В таком глубоком обмороке я вас ни разу не видела, мисс.

Сара. И не говори. Сколько я, верно, тебе хлопот наделала, добрая моя Бетти!

Бетти. По-моему, даже Марвуд была взволнована опасностью, вам угрожавшей. Как я ни просила ее уйти, она не вышла из комнаты, покуда вы не открыли глаза и я не смогла дать вам лекарство.

Сара. Я должна почитать за счастье, что упала в обморок. Один бог знает, чего бы я еще от нее наслушалась. Недаром же она пошла за мной в мою комнату. Ты себе и представить не можешь, что со мной творилось. Мне вдруг вспомнился страшный сон, виденный прошлой ночью, и я бросилась бежать, как безумная, что сама не знает, куда и зачем она бежит. Но Мелефонта все нет. Ах!..

Бетти. Что с вами, мисс? Судороги?..

Сара. Боже, какое ужасное ощущение...

Бетти. Что с вами, мисс?

Сара. Ничего, Бетти. Что-то кольнуло меня! И не раз, тысячи жал вдруг впились в меня! Успокойся, уже прошло.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нортон, Сара, Бетти.

Нортон. Мелефонт сию минуту будет здесь.

Сара. Как хорошо, Нортон. Но где же ты его сыскал?

Нортон. Какой-то незнакомец заманил Мелефонта к городским воротам, там-де его ждет господин, который должен ему сообщить вести первостатейной важности. После долгих блужданий по улицам обманщик куда-то свернул, и был таков. Беда, если он попадется, Мелефонт в такой ярости...

Сара. Ты сказал ему, что здесь произошло?

Нортон. Все сказал...

Сара. Но, надеюсь, не нагрубил...

Нортон. Некогда мне было думать, как я с ним говорю. Главное, что он знает, как опять перепугал вас своей неосторожностью.

Сара. Да нет же, Нортон, я сама виновата, что...

Нортон. Почему Мелефонт никогда не бывает неправ? Пожалуйте, сударь, любовь заранее вам все простила.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мелефонт, Нортон, Сара, Бетти.

Мелефонт. Ах, мисс, если бы не ваша любовь...

Сара. То из нас двоих несчастной была бы, конечно, я. Но поскольку за время вашего отсутствия с вами не случилось ничего более неприятного, чем со мной,— я счастлива.

Мелефонт. Я не заслуживаю столь ласкового приема.

Сара. Простите, но я так ослабела, что не могу еще ласковее принять вас. Я хотела бы чувствовать себя лучше, чтобы вас не огорчить.

Мелефонт. А-а, Марвуд, только этого предательства еще недоставало. Негодяй, что с таинственной миной вел меня из улицы в улицу, из закоулка в закоулок, конечно же, был подослан ею. Да, мисс, она придумала эту хитрость, чтобы удалить меня. Довольно топорная выдумка, но именно поэтому я в нее поверил. Не напрасно она затеяла эту предательскую игру! Живо, Нортон, иди к ней в гостиницу и не спускай с нее глаз, покуда я не приду.

Сара. К чему это, Мелефонт? Я прошу вас за Марвуд.

Мелефонт. Иди!

Нортон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сара, Мелефонт, Бетти.

Сара. Дайте спокойно отступить измученному врагу, после того как он отважился на последний напрасный штурм. Без Марвуд я многого бы не знала.

Мелефонт. Многого? Что же это многое?

Сара. То, чего вы сами не сказали бы мне, Мелефонт! Вы насторожились? Хорошо, я забуду все сказанное ею, раз вы не хотите, чтобы я это знала.

Мелефонт. Я и не думаю, что вы можете поверить наветам неистовствующей ревнивицы.

Сара. Об этом — в следующий раз! Но почему вы тотчас же не сказали мне об опасности, которая грозила вашей бесценной для меня жизни? Ведь это я, Мелефонт, отточила кинжал, которым Марвуд хотела пронзить вас...

Мелефонт. Опасность была не столь уж велика. Марвуд действовала в приступе слепой ярости, а я сохранял хладнокровие. Ее атака была заранее обречена, так же как и последующая на доброе мнение мисс Сары о преданном ей Мелефонте! Мне даже страшно становится... Дорогая моя Сара, не скрывайте долее, что́ вы узнали от нее.

Сара. Хорошо. Но если бы хоть малейшее сомнение в вашей любви шевельнулось во мне, неистовая Марвуд с корнем бы вырвала его. Она, конечно же, понимает, что из-за меня потеряла самое драгоценное; будь потеря не столь велика, она бы вела себя осмотрительнее.

Мелефонт. Видно, мне скоро придется благодарить ее за кровожадную ревность, за неистовую наглость и коварное вероломство! Но, мисс, вы опять уклоняетесь от ответа и не хотите сказать мне...

Сара. Нет, я хочу сказать и уже подступилась к этому разговору. Итак, не подлежит сомнению, что Мелефонт любит меня. Беда в том, что его любви, пожалуй, недостает доверия, которое было бы для меня не менее лестно, чем сама любовь. Короче, милый Мелефонт... почему слова вдруг застревают у меня в горле? Нет, мне придется говорить, не подыскивая смягчающих оборотов, хоть я и хотела бы их подыскать. Марвуд упомянула о залоге любви, а болтливый Нортон — вы уж не гневайтесь на него — назвал мне имя, имя, что должно пробуждать в вашем сердце, Мелефонт, нежность, отличную от той, которую вы питаете ко мне.

Мелефонт. Возможно ли? Эта бесстыжая женщина созналась вам в своем позоре? Ах, мисс, сжальтесь... я в смятении. Если вам все уже известно, почему вы хотите вновь услыхать это из моих уст? Никогда она не предстанет перед вами, эта несчастная девочка, которой нечего поставить в упрек, кроме ее матери.

Сара. Значит, вы, несмотря ни на что, любите ее?

Мелефонт. Люблю, мисс, так люблю, что не могу скрыть это от вас.

Сара. Прекрасно, Мелефонт. За эту любовь я люблю вас еще больше! Вы бы очень обидели меня, если бы стали отрицать свое чувство к родной дочери из соображений, невыгодно меня характеризующих. Вы уже обидели меня, пригрозив, что я никогда ее не увижу. Нет, Мелефонт, перед лицом всевышнего вы должны обещать мне, что не отпустите от себя Арабеллу. В руках матери ей грозит опасность стать недостойной

своего отца. Воспользуйтесь же своими правами на обеих и позвольте мне заступить место Марвуд. Не лишайте меня счастья воспитать себе подругу, которая вам обязана своим рождением; Мелефонта одного со мной пола. Счастливыми будут дни, когда мой отец, когда вы и Арабелла, наперебой будете требовать от меня дочерней почтительности, преданной любви и заботливой дружбы! Какие счастливые дни! Но — ах! — они еще далеко, далеко в будущем. А быть может, будущее знать не знает о них, и только жажда счастья позволяет мне их увидеть! О Мелефонт, странное, никогда не испытанное чувство обращает мой взор в иные края! Там царит благоговейный полумрак! Что это со мной? *(Рукой закрывает от него лицо.)*

Мелефонт. Какой внезапный переход от восхищения к ужасу! Беги же, Бетти. Беги за помощью!.. Что с вами, моя дорогая, великодушная Сара? Святая душа! Почему завистливая рука скрывает от меня этот сладостный взгляд? *(Отводит ее руку.)* О, боже, какое страдание написано на ее лице, какие усилия утаить от меня эти муки! И все-таки ваша рука завистница, она закрывает от меня измученные черты! Разве могу я не сострадать вам? О, несчастный! Всего лишь сострадать! А не мучиться вместе с вами! Беги, Бетти, беги...

Бетти. Куда мне бежать?

Мелефонт. Ты видишь — и спрашиваешь! За помощью.

Сара. Останься! Мне лучше. Я больше не стану вас пугать, Мелефонт.

Мелефонт. Бетти, что с ней? Нет, это не только последствия обморока.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нортон, Мелефонт, Сара, Бетти.

Мелефонт. Ты уже вернулся, Нортон? Хорошо! Здесь ты нужнее.

Нортон. Марвуд уехала.

Мелефонт. А мои проклятия летят за нею следом. Уехала? Куда? Пусть же несчастья и смерть, пусть все ужасы преисподней встретятся ей на пути! Пусть небо ниспошлет на нее свой огонь и громы, земля да разверзнется под самой подлой из женщин и поглотит ее!..

Нортон. Вернувшись к себе, она вместе с Арабеллой и горничной бросилась в карету и приказала гнать лошадей во весь опор. Вам она оставила вот эту запечатанную записку.

«Мисс Сара Сампсон»
Действие четвертое, явление восьмое.

Мелефонт *(берет записку)*. Да, она адресована мне. Прочитать вам, мисс?

Сара. Когда вы успокоитесь, Мелефонт.

Мелефонт. Успокоюсь? Могу ли я успокоиться, прежде чем отомщу Марвуд и буду знать, что вы, дорогая, вне опасности.

Сара. Не говорите мне о мести. Месть нам не подобает! Вы все же срываете печать? Ах, Мелефонт, почему в обладанье здоровьем и силой мы менее склонны к добродетели, чем когда плоть наша изнурена и слаба? Как горька вам сейчас даже мысль о кротости и спокойствии и сколь неестественными кажутся мне пыл и нетерпение страстных порывов!.. Читайте это письмо про себя.

Мелефонт. Какой злой дух понуждает меня отказывать вам в повиновении? Против воли я распечатал это письмо — против воли буду читать его.

Сара *(покуда Мелефонт про себя читает письмо)*. Как хитро человек умеет раздваиваться и лепить из своих страстей второе «я», чтобы на него взвалить все, что он не приемлет в спокойном душевном состоянии! Мое лекарство, Бетти! Я предчувствую новый ужас, и оно понадобится мне. Посмотри, какое впечатление производит на него эта злосчастная записка! Мелефонт! Вы вне себя! Мелефонт! Боже, он словно окаменел. Скорее, Бетти! Дай сюда мое лекарство! Ему оно нужнее, чем мне.

Мелефонт *(отталкивает Бетти, подошедшую к нему с лекарством)*. Не подходи, несчастная! Твое лекарство — яд!

Сара. Что вы говорите? Опомнитесь! Вы не узнали ее?

Бетти. Это я, Бетти, прошу вас, примите лекарство.

Мелефонт. Лучше бы ты была не ты, несчастная! Беги! Спеши! Покуда, за отсутствием подлинной виновницы, ты не стала жертвой моей ярости!

Сара. Что за речи! Мелефонт, любимый мой Мелефонт...

Мелефонт. Последнее «любимый Мелефонт» из этих божественных уст, скоро они умолкнут навеки! Пасть к вашим ногам, Сара... *(Опускается перед ней на колени.)* Но к чему это? *(Вскакивает.)* Открыть ей? Мне открыть ей? Да, я открою вам, мисс, что вы возненавидите меня, должны возненавидеть. Но содержания этого письма я вам не открою, не от меня вы его узнаете! Но все равно узнаете... Узнаете... Что вы оба стоите здесь, как пригвожденные, и ничего не делаете? Беги, Нортон, собери всех врачей! И ты беги за помощью, Бетти! Пусть она будет так же действенна, как твоя ошибка! Нет! Останься! Я сам иду...

Сара. Куда, Мелефонт? Какая помощь? И что это за ошибка, о которой вы говорите?

Мелефонт. Помощь господа, Сара, или... бесчеловечная месть! Вы погибли, дорогая мисс! Погиб и я! О, если бы весь мир погиб заодно с нами!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сара, Нортон, Бетти.

Сара. Он ушел? Я погибла? Что он этим хотел сказать? Ты его понял, Нортон? Я больна, очень больна, но возьмем наихудший исход — я умру, так разве смерть значит погибель? А чего он хотел от тебя, бедняжка моя Бетти? Ты ломаешь руки? Не сокрушайся, ты ведь ничем его не обидела, он скоро опомнится. Если бы он меня послушался и не читал письма! Он должен был догадаться, что в нем Марвуд излила последний запас яда.

Бетти. Страшное предположение! Нет, не может быть — я не верю!

Нортон *(отошедший в глубину сцены)*. Старый слуга вашего отца, мисс...

Сара. Впусти его, Нортон.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Уайтуэлл, Сара, Бетти, Нортон.

Сара. Ты пришел ко мне за ответом, мой славный Уайтуэлл. Он готов, я только нескольких слов не дописала. Но отчего ты так печален? Тебе, верно сказали, что я больна.

Уайтуэлл. Больше того!

Сара. Опасно больна? Я не столько это чувствую, сколько знаю по отчаянному страху Мелефонта. Может ли быть, что тебе, Уайтуэлл, придется везти незаконченное письмо несчастной Сары ее еще более несчастному отцу? Но будем надеяться на лучшее. Нельзя ли тебе подождать до завтра? Может, выдастся у меня несколько минут полегче, чтобы закончить письмо. Сейчас я не в силах. Правая сторона у меня отмерла и рука висит, как плеть. О, если бы все мое тело отмирало так же безболезненно... Поверь мне, если все, что я чувствую,— предвестие смерти, то смерть не так уж страшна. Ах! Нет, не обра-

щай внимания на мое «ах»! Без неприятных ощущений, конечно, не обходится! Не может человек ничего не чувствовать, и не страдать он не может,— послушай, Бетти, почему ты так отчаиваешься?

Бетти. Позвольте мне, мисс, прошу вас, позвольте мне сейчас уйти.

Сара. Иди. Я знаю, не каждому дано вынести зрелище смерти. Со мной останется Уайтуэлл. А ты, Нортон, окажешь мне большую услугу, если поищешь своего господина. Мне он так необходим сейчас.

Бетти *(уходя)*. Ах, Нортон, ведь лекарство-то я получила из рук Марвуд!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Уайтуэлл, Сара.

Сара. Уайтуэлл, если ты решил выказать мне свою любовь и остаться со мною, то уж не заставляй меня смотреть на столь унылое лицо. Ты молчишь? Скажи что-нибудь. И если я смею просить — о моем отце. Повтори те утешительные слова, которые ты говорил несколько часов назад. Повтори, что отец примирился со мною и меня простил. Повтори и скажи еще, что отец небесный будет так же милосерден ко мне. Ведь я вправе умереть с этой надеждой, не так ли? Если бы я оказалась при смерти до твоего приезда, что бы со мной сталось? Я была бы в отчаянии. Покидать этот мир, унося с собою бремя ненависти того, кто, ненавидя, восстал против естества,— какая страшная мысль! Скажи ему, что я умерла, живо чувствуя раскаяние, благодарность и любовь. Скажи ему — ах, подумать, что мне не суждено самой это ему сказать,— как сердце мое было умилено его благодеяниями! Жизнь была наименьшим из них. О, как бы я хотела жалкий ее остаток провести у его ног!

Уайтуэлл. Вы правда хотите, мисс, его увидеть?

Сара. Наконец ты заговорил, но лишь затем, чтобы усомниться в самом страстном моем желании, в последнем желании!

Уайтуэлл. Где мне сыскать слова? Я уже так долго ищу их! Внезапная радость столь же опасна, как и внезапный испуг. Я страшусь лишь того впечатления, которое на вашу нежную душу может произвести его внезапный приход.

Сара. Что ты хочешь сказать? Чей внезапный приход?

Уайтуэлл. Вот он — тот, кого вы желали видеть. Соберитесь с силами, мисс!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сэр Уильям Сампсон, Сара, Уайтуэлл.

Сэр Уильям. Что-то ты очень долго, Уайтуэлл. Я должен ее видеть.

Сара. Чей это голос?..

Сэр Уильям. О, дочь моя!

Сара. О, мой отец! Помоги мне, Уайтуэлл, помоги мне встать, чтобы броситься к его ногам. *(Хочет встать, но от слабости вновь падает в кресло.)* Ужели это он? Или это только живительное видение, ниспосланное небом, наподобие ангела, что явился укрепить сильного? Благослови меня, кто бы ты ни был, посланник всевышнего в образе моего отца или и вправду мой отец!

Сэр Уильям. Господь да благословит тебя, дочь моя! Не надо!

Она снова хочет подняться, чтобы пасть ниц перед ним.

В другой раз, когда силы твои восстановятся, я с радостью увижу тебя припавшей к моим дрожащим ногам.

Сара. Сейчас, мой отец, или никогда. Вскоре меня не станет. Я за счастье почту, если мне удастся прожить еще несколько мгновений и открыть вам, что испытывает мое сердце. Но надобны не мгновения, а долгие дни, надобна еще одна жизнь, чтобы сказать все, что должна сказать оскорбленному, великодушному, любящему отцу его виновная, кающаяся, сурово наказанная дочь. Мой грех, ваше прощение...

Сэр Уильям. Не ставь себе в укор свою слабость, а мне в заслугу — мою вину. Напоминая мне, что я простил тебя, ты напоминаешь и о том, что я мешкал с прощением. Зачем я не простил тебя тотчас же? Зачем своей суровостью заставил тебя бежать? И еще сегодня, когда я уже тебя простил, зачем вздумалось мне ждать ответа на мое письмо? Я уже целый день вновь радовался бы тебе, если бы без промедления поспешил в твои объятия. Тайное недовольство, видно, засело где-то в самых глубинах сердца, если я хотел сначала убедиться, что ты не разлюбила меня, а потом уж вернуть тебе свою любовь. Разве дозволено отцу такое себялюбие? Разве дозволено любить лишь тех, что любят нас? Осуждай меня, дорогая моя Сара, осуждай; я больше думал о радости нашего свиданья, чем о тебе самой.

А если бы мне не пришлось испытать эту радость? Но кто сказал, что я не испытаю ее? Ты будешь жить, еще долго, долго будешь жить! Отгони от себя все мрачные мысли. Мелефонт преувеличивает опасность. Он поднял на ноги весь дом и сам ринулся на поиски врачей, которых вряд ли сыщет в этом захолустном городишке. Я был свидетелем, хотя и незримым, бурного его испуга, его беспросветной печали. Теперь я знаю, что он любит тебя, теперь я сам отдаю ему тебя. Я дождусь его здесь и соединю ваши руки. То, что я совершил бы по принуждению, я теперь совершу по доброй воле, ибо вижу, как ты дорога ему. Правда ли, что сама Марвуд явилась сюда и повергла тебя в страх и ужас? Это все, что я мог понять из сетований твоей Бетти. Но зачем мне доискиваться причин твоего недуга, я должен думать лишь о том, чем его облегчить. Я вижу, как ты слабеешь с минуты на минуту, и беспомощно стою подле тебя. Что мне делать, Уайтуэлл? Куда бежать? Чем пожертвовать мне для нее? Я готов отдать все свое состояние, самую жизнь. Ответь же мне!

Сара. Дорогой мой отец, ничто мне уже не поможет. Даже ценою своей драгоценной жизни вы не сможете купить мне спасение.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мелефонт, Сара, сэр Уильям, Уайтуэлл.

Мелефонт. Смею ли я еще раз переступить этот порог? Жива ли она еще?

Сара. Подойдите поближе, Мелефонт.

Мелефонт. Мне суждено еще раз взглянуть в ее лицо? Нет, мисс, я не принес с собой ни утешения, ни надежды. Одно отчаяние привело меня сюда. Но что я вижу? Вы, сэр? Несчастный отец! Ужасная картина открылась вам здесь. Почему вы не приехали раньше? Теперь поздно, вашу дочь уже не спасти! Вам осталось одно утешение — видеть, как страшно вы отомщены.

Сэр Уильям. Не вспоминайте в эти минуты, Мелефонт, что мы были врагами! Мы более не враги и никогда врагами не станем. Сохраните мне дочь, и тем самым вы сохраните себе супругу.

Мелефонт. Сделайте из меня всемогущего господа и тогда повторите мне ваше требование. Я слишком много зла причинил вам, мисс, и не вправе скрывать последнее: вы должны умереть. И знаете ли вы, от чьей руки?

Сара. Я не хочу этого знать, с меня довольно и догадки.

Мелефонт. Нет, вы должны узнать, ибо можете заподозрить невинного! Вот письмо Марвуд. *(Читает.)* «Когда вы станете читать эту записку, Мелефонт, та, что побудила вас к неверности, уже понесет заслуженную кару. Я все ей открыла, и она, ужаснувшись, потеряла сознание. Бетти изо всех сил старалась привести ее в чувство. Я заметила, что она отложила в сторону порошки от сердечной болезни, и меня осенила счастливая мысль — заменить их ядом. Я представилась растроганной, готовой помочь и довела свой замысел до конца. Убедившись, что горничная дала ей эти порошки, я, торжествуя, удалилась. Жажда мести и ярость сделали меня убийцей, но я не желаю быть одной из тех вульгарных преступниц, что боятся во всеуслышанье заявить о своем деянии. Я на пути в Дувр: ваше право преследовать меня и мое письмо сделать уликой против меня. Если вы дадите мне добраться до гавани, я оставлю там Арабеллу — живой и здоровой. Но до тех пор буду считать ее заложницей. *Марвуд*». Теперь, мисс, вы знаете все. Вот, сэр, сохраните эту бумагу. Когда вы потребуете суда над убийцей, такой документ будет вам необходим. О, боже, он словно окаменел!

Сара. Дайте мне письмо, Мелефонт. Я хочу видеть его собственными глазами.

Он отдает ей письмо, на которое она смотрит одно лишь мгновение.

Достанет ли у меня сил? *(Рвет его на куски.)*

Мелефонт. Мисс, что вы делаете?

Сара. Марвуд не уйти от возмездия, но ни вы, ни мой отец не должны стать ее обвинителями. Умирая, я прощаю руку, избавившую меня от земной юдоли. Ах, отец, какие муки вас терзают. Знайте, Мелефонт, я все еще люблю вас, и если любить вас преступление, то какой же грешницей я предстану перед господом! Можно ли мне надеяться, дорогой мой отец, что вместо дочери вы примете сына? И дочь у вас тоже будет, ежели вы признаете за дочь Арабеллу. Вы должны увезти ее оттуда, Мелефонт, а мать пусть едет на все четыре стороны. Раз отец мой любит меня, почему мне нельзя обойтись с его любовью как с наследственной долей? Я завещаю его любовь вам и Арабелле. Рассказывайте ей время от времени о подруге, чей пример должен научить ее быть осторожной с любовью. В последний раз благословите меня, отец! Кто дерзнет осудить веления всевышнего? Утешь своего господина, Уайтуэлл. Но, я вижу, и ты безутешен, хотя не теряешь ни дочери, ни возлюбленной.

Сэр Уильям. Мы должны были бы влить в тебя мужество, а выходит, что твой угасающий взор вливает его в нас. Ты не земная моя дочь более, ты уже наполовину ангел. Что значит благословение убитого горем отца для духа, снискавшего все благословения небес? Да падет и на меня луч света, уже возвысившего тебя над земной юдолью. Или же проси господа, неизменно внемлющего предсмертной молитве того, кто верует, чтобы этот день стал последним днем и моей жизни.

Сара. Испытанной добродетели господь дарует долголетие, дабы она служила примером другим смертным, и лишь добродетель нестойкую, ту, что скорей всего не выдержит суровых испытаний, он внезапно вырывает из опасных земных пределов. По ком льются эти слезы, отец? Они огненными каплями жгут мое сердце, и все же, все же я страшусь их меньше, чем немого отчаяния. Не предавайтесь ему, Мелефонт! Свет гаснет в моих глазах... Это уже последний вздох. Сейчас только я поняла, почему Бетти в ужасе ломала руки... Бедняжка! Лишь бы никто не ставил ей в вину неосторожность; сердце ее, не ведающее лукавства, не могло заподозрить лукавой злобы... Но миг настал! Мелефонт... отец...

Мелефонт. Она умирает. Ах, в последний раз поцеловать хладеющую руку... *(Падает на колени.)* Нет, я не смею к ней прикоснуться. Страшное поверье вспоминается мне, будто от прикосновения убийцы тело убиенного источает кровь. А кто убил ее? Разве я не больше ее убийца, чем Марвуд? *(Поднимается.)* Она мертва, сэр, и ничего не слышит, проклините же меня! Излейте свою скорбь в заслуженных мною проклятиях! Ни одно из них не должно пощадить меня, и самое страшное из них пусть сбудется с удвоенной силой! Почему вы продолжаете молчать? Она мертва, совсем мертва! И я опять всего-навсего Мелефонт. Я уже не возлюбленный вашей дочери, которого вы щадили во мне. Что это? Я не хочу, чтобы вы смотрели на меня с состраданием. Вот ваша дочь! А я ее соблазнитель! Подумайте, сэр! Чем еще я могу пробудить вашу ярость? Ее цветущая красота, на которую вы один имели право, была похищена мною! Из-за меня поступилась она своей неопытной добродетелью. Из-за меня отвергла объятия любимого отца! Из-за меня умерла! Ваша кротость мне нестерпима, сэр! Дайте же мне наконец услышать, что вы отец.

Сэр Уильям. Я отец, Мелефонт, любящий отец, и потому я должен благоговейно выполнить последнюю волю моей дочери. Дай мне обнять тебя, сын мой, я заплатил за тебя неслыханно дорогой ценою!

Мелефонт. Нет, сэр! Она — святая, и у человека недостанет сил выполнить ее завещание! Вам не пристало быть моим отцом. Взгляните, сэр *(достает из-за пазухи кинжал)*, вот кинжал, который сегодня занесла надо мною Марвуд. К несчастью, я ее обезоружил. Если бы я пал жертвой ее ревности — Сара была бы жива. У вас была бы дочь, и при ней не было бы Мелефонта. Не в моей власти повернуть события вспять, но покарать себя за свершившееся — в моих силах! *(Закалывается и падает у кресла Сары.)*

Сэр Уильям. Поддержи его, Уайтуэлл! Еще и эта беда меня не пощадила. О, если бы мое сердце стало третьим остывающим здесь сердцем.

Мелефонт *(умирая)*. Удар попал в цель! Если вы теперь назовете меня своим сыном, сэр, и как сыну пожмете мне руку — я уйду из жизни умиротворенным.

Сэр Уильям обнимает его.

Вы слышали о некой Арабелле. Сара, умирая, просила за нее. Я присоединяюсь к ее просьбе, но Арабелла не только мое дитя, она еще и дитя Марвуд. Какое странное чувство охватывает меня! Умилосердись, создатель, умилосердись надо мной!

Сэр Уильям. Если наши молитвы имеют силу, то давай, Уайтуэлл, вместе молить всевышнего, чтобы он смилостивился над ним! Мелефонт умирает! Ах, он был скорее несчастный, чем порочный человек...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Нортон.

Нортон. Врачи, сударь...

Сэр Уильям. Если им дано сотворить чудо — пусть войдут! Мне дольше не вынести этого зрелища смерти. Мы похороним их в одной могиле. Идем, Уайтуэлл, нам надо немедля отдать необходимые распоряжения и затем позаботиться об Арабелле. Кто бы она ни была — моя дочь мне завещала ее.

Уходят, и занавес закрывается.

Конец мещанской трагедии

ФИЛОТ

ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аридей, царь.
Стратон, военачальник Аридея.
Филот, пленный.
Парменион, воин.

Место действия — палатка в лагере Аридея.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филот.

Филот. Неужто я в самом деле пленник? Плен! Достойное начало ратного пути! О, боги! О, мой родитель! Как хочется верить, что все это сон! С самого младенчества я мечтал только об оружии и привалах, сражениях и приступах. Почему мальчик никогда не думает о поражениях и потерях? Что ж, льсти себе в утешение, Филот! Но вот рана, из-за которой онемевшая рука выпустила меч! Я ее вижу, чувствую ее. Меня насильно перевязали. О, добросердечие коварного врага! «Она не смертельна»,— сказал врач, думая, что утешает меня. Недостойный Филот, она должна была стать смертельной! Увы, у тебя лишь одна рана, всего одна. Будь я уверен, что умру, если сорву повязку, дам вновь наложить ее и вновь сорву... Несчастный, ты сходишь с ума! А какое презрение — мне это вспомнилось только сейчас — было написано на лице у старого воина, стащившего меня с седла! «Дитя!» — бросил мне он. Наверно, царь его тоже считает меня ребенком, изнеженным ребенком. Куда он велел поместить меня! В удобную, роскошно убранную палатку. В ней, конечно, жила одна из его наложниц. Что может быть унизительнее для воина! И меня не сторожат — мне прислуживают. Глумливая учтивость!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филот, Стратон.

Стратон. Царевич...

Филот. Как! Снова посетитель? Старик, я хочу побыть один.

Стратон. Царевич, я пришел по приказу царя...

Филот. Понимаю. Да, я — пленник твоего царя, и его право призвать меня, когда ему угодно. Но послушай. Если ты тот, кем кажешься,— если ты действительно старый честный служака, не откажи попросить царя, чтобы он дозволил мне предстать перед ним, как подобает воину, а не женщине.

Стратон. Он сейчас будет у тебя. Я пришел возвестить о его приходе.

Филот. Царь у меня? И ты пришел возвестить о нем? Я не желаю, чтобы он избавил меня хоть от одного из унижений, которые выпадают на долю пленника. Веди меня к нему! Кто претерпел нангорчайший позор — дал себя обезоружить, для того уже ничто не позорно.

Стратон. Царевич, твой облик, полный юношеской прелести, плохо вяжется с такой непреклонностью.

Филот. Что ж, смейся над моим обликом! Твое покрытое шрамами лицо стократ прекраснее.

Стратон. Клянусь богами, хороший ответ! Не могу не удивляться тебе и не любить тебя.

Филот. Да, мог бы, если бы начал с того, чтобы почувствовать страх передо мной.

Стратон. Сказано еще доблестней! Грозный же у нас враг, если в его рядах много юношей, подобных Филоту.

Филот. Не льсти мне! Чтобы вы боялись меня, за моими словами должны стоять куда более громкие деяния. Могу я спросить, как тебя зовут?

Стратон. Стратон.

Филот. Стратон? Отважный Стратон, разбивший моего отца на берегах Ликоса?

Стратон. Не напоминай мне об этой сомнительной победе! И как кроваво отплатил нам за нее твой отец на равнине Метимны! У такого родителя и должен быть такой сын.

Филот. Тебе, достойнейший враг моего отца, тебе я вправе посетовать на свою судьбу. Лишь ты можешь понять меня до конца: ведь и тебя в юности сжигало всепоглощающее пламя чести — желание пролить кровь за отчизну. Разве стал бы ты иначе тем, кто ты есть? Как упрашивал я отца целую неделю — ибо всего неделю назад надел мужскую тогу,— как семикратно в каждый из семи дней на коленях убеждал, молил, заклинал его позволить мне доказать, что я не напрасно вышел из младенческого возраста, что меня пора выпустить в поле с его воинами, на которых я давно уже взирал со слезами зависти. Наконец, вчера я смягчил сердце лучшего из отцов; к моим

просьбам присоединился сам Аристодем. Ты знаешь Аристодема — это Стратон при моем отце. «Отпусти завтра мальчика со мной, царь,— сказал Аристодем.— Я хочу пройти через горы, чтобы нам не преградили путь на Цезену».— «Почему я не могу идти с вами! — вздохнул мой отец. У него еще не зажили раны.— Но пусть будет так». С этими словами он обнял меня. О, какие чувства испытал счастливый сын в его объятиях! А какая последовала за этим ночь! Одолеваемый мечтами о победе и славе, я не сомкнул глаз до второй ночной стражи. Тут я вскочил, надел новый панцирь, прикрыл шлемом растрепавшиеся кудри, выбрал из мечей отца тот, который пришелся мне по руке, вскочил на коня и загнал его еще до того, как серебряная труба подняла доверенных мне воинов. Пока они стягивались, я успел поговорить с каждым из своих соратников, и тут один старый воин прижал меня к своей изборожденной шрамами груди! Я не простился только с отцом: я боялся, что, увидев меня, он возьмет назад свое слово. Итак, мы выступили! Даже рядом с бессмертными богами нельзя чувствовать себя счастливее, чем чувствовал я себя рядом с Аристодемом. Я ловил его искрометные взгляды — любого из них было довольно, чтобы я в одиночку ринулся на целое войско и встретил неизбежную смерть под вражеской сталью. Преисполненный безмолвной решимости, я радовался каждому холмику на равнине, за которым надеялся обнаружить врагов, каждому повороту лощины, за которым предполагал ринуться на них. Увидев наконец, как они бросились на нас с лесистых высот, я острием меча указал на них соратникам и полетел наперерез им вверх по склону. Прославленный старец, воскреси в памяти чистейшие минуты своих юношеских восторгов и согласись: большего упоения не мог испытать и ты! А теперь — теперь смотри, Стратон, как позорно пал я с вершины своих надежд! О, как больно мне вновь и вновь мысленно переживать это падение!.. Я вырвался слишком далеко вперед, был ранен и взят в плен. Злополучный юнец, ты рассчитывал только на раны, был готов только к смерти, и вот — плен! Ужели безжалостные боги в насмешку над нашей самонадеянностью всегда насылают на нас непредвиденную беду? Я плачу, я не могу не плакать даже под страхом твоего презрения. Но не презирай меня... Как! Ты отворачиваешься?

Стратон. Невольно! Зачем ты так растрогал меня? Рядом с тобой я превращаюсь в ребенка...

Филот. Нет, выслушай и пойми, почему я плачу. Это не детские слезы, которые ты удостоил ответной мужскою слезой. То, что я почитал своим величайшим счастьем,— неж-

ная любовь, которую питал ко мне мой отец, станет теперь величайшим моим несчастьем. Я боюсь, да, боюсь, что он любит меня больше, чем свою страну! Чего он только не сделает, на какие только уступки твоему царю не пойдет, чтобы вызволить меня из плена! Из-за меня, злополучного, он в один день потеряет больше, чем приобрел за три долгих мучительных года ценою крови своих сподвижников и своей собственной. С каким лицом предстану я пред ним снова, я, его злейший враг? Разве подданные отца, а со временем, когда я стану достоин править ими, и мои,— разве смогут они без насмешки и презрения взирать на побывавшего в плену государя? А когда я наконец умру от стыда и, никем не оплаканный, сойду в царство теней, как мрачно и гордо будут проходить мимо меня души героев, ценой собственной жизни добывшие победу своему царю, который отрекся от плодов ее ради недостойного сына. О, это больше, чем может вынести тот, в ком жива душа!

Стратон. Возьми себя в руки, милый царевич. Считать себя счастливее или несчастнее, чем на самом деле,— обычное заблуждение молодости. Твоя судьба вовсе не так ужасна. Вот мой царь, и из уст его ты услышишь утешительные вести.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Царь Аридей, Филот, Стратон.

Аридей. Цари вынуждены воевать друг с другом, но делают это не из личной вражды. Позволь обнять тебя, царевич! О, какое счастливое время напоминает мне твоя цветущая юность! Таким же юным и цветущим был некогда твой отец! Тот же ясный взор, то же серьезное и открытое лицо, та же благородная осанка! Позволь еще раз обнять тебя: в твоем лице я обнимаю твоего отца в юности! Ты никогда не слышал от него, царевич, какими близкими друзьями были мы с ним в молодости? Благословенный возраст, когда мы еще могли безраздельно следовать велениям сердца! Вскоре, однако, мы оба взошли на трон, и государственные интересы вкупе с недоверием к соседу, к сожалению, заглушили в нас былые дружеские чувства.

Филот. Прости, о царь, что я отвечу холодностью на столь теплые слова. С детства меня учили размышлять, а не произносить речи. Чем поможет мне теперь то, что мой отец и ты были друзьями? Были! — так сказал ты сам. Ненависть, привитая к

древу угасшей дружбы, не может не принести смертельные плоды — либо я еще мало знаю человеческое сердце. Поэтому не заставляй меня, царь, слишком долго пребывать в отчаянии. Ты говорил, как учтивый государственный муж; заговори же, как государь, в чьи руки попал соперник и недруг.

Стратон. Да, царь, не заставляй его дольше терзаться — пусть он узнает, что его ждет.

Филот. Благодарю, Стратон!.. Да, пусть я сразу услышу, какой мерзкой тварью хочешь ты сделать злополучного сына моего отца. Каким позорным миром, каким множеством земель должен мой родитель купить мне свободу? Каким ничтожным и презренным должен он стать, чтобы не осиротеть? О, мой отец!

Аридей. Царевич, даже эта речь мужа, столь нежданная в устах такого юнца, как ты, напоминает мне твоего отца. Как отрадно мне слушать тебя! И как жажду я, чтобы и мой сын в эту минуту отвечал твоему отцу с не меньшим достоинством!

Филот. Что ты хочешь сказать?

Аридей. Боги — я убежден в этом — пекутся о нашей добродетели так же, как пекутся о нашей жизни. Помочь нам как можно дольше сохранить и ту и другую — их извечное сокровенное стремление. Кто из смертных знает, сколь порочен он по природе своей и сколь дурно он поступал бы, если бы небожители дозволили нам в полной мере поддаваться любому соблазну опозорить себя мелочностью. Да, царевич, будь это так, я, может быть, тоже оказался бы тем, кем ты меня считаешь; может быть, и я мыслил бы настолько неблагородно, что решил бы не пренебречь неслыханной военной удачей, отдавшей тебя в мои руки; может быть, и я воспользовался бы тобой для того, чтобы вымогать выгоды, добиваться которых силой оружия больше не отваживаюсь; может быть... Но не страшись: высшая, неземная власть предвидела все эти «может быть». Твой отец не в силах заплатить мне за своего сына дороже, чем я ему — за моего.

Филот. Я изумлен! Ты даешь мне понять...

Аридей. Что мой сын в плену у твоего отца, как ты у меня.

Филот. Твой сын попал в плен к моему отцу? Твой Политимет? Как? Когда? Где?

Аридей. Так повелела судьба! С обеих чашек весов она сняла по равному грузу, и весы по-прежнему в равновесии.

Стратон. Ты, конечно, хочешь знать подробности. Так вот, тот самый отряд, навстречу которому ты так поспешно ринулся, вел Политимет; и когда твои воины обнаружили, что ты исчез, ярость и отчаянье придали им нечеловеческую силу. Они

ринулись вперед и все устремились на того, кто, как сочли они, восполнит им их потерю. Остальное тебе известно. А теперь прими совет старого воина: атака — не скачки; победа достается не тому, кто нападает первым, а тому, кто делает это с наименьшим риском. Запомни это, не в меру пылкий царевич, иначе будущий герой погибнет еще в зародыше.

Аридей. Стратон, твое дружеское предостережение приводит царевича в уныние. Смотри, как он помрачнел!

Филот. Нет, это не так. Но оставьте меня. Погрузясь в благоговейные раздумья о мудрости провидения, я...

Аридей. Царевич, лучшее выражение благоговенья — признательная радость. Ободрись! Мы, отцы, не хотим дольше удерживать своих сыновей вдали от себя. Мой гонец уже готов: он поедет, чтобы ускорить размен пленными. Но ты ведь знаешь: добрая весть, если она исходит от врага, всегда наводит на мысль о ловушке. Ваши могут заподозрить, что ты умер от раны. Поэтому необходимо, чтобы ты сам послал с моим гонцом вестника, стоящего выше подозрений. Иди со мной. Найди среди пленных такого, кому можешь довериться.

Филот. Значит, ты хочешь, чтобы я стал сам себе еще стократ отвратительней? Ведь я же буду видеть себя в каждом из пленных. Избавь меня от этого срама.

Аридей. Но...

Филот. Среди пленных должен быть Парменион. Пошли его сюда, я скажу ему все, что нужно.

Аридей. Хорошо, пусть будет так. Идем, Стратон! До скорой встречи, царевич!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Филот.

Филот. Боги! Ударь молния хоть на пядь ближе, я был бы сражен наповал. Но боги неисповедимы. Пламя отступило, дым рассеялся, и я лишь оглушен. Неужели все это случилось только для того, чтобы я увидел, сколь жалок я сам и в сколь жалкое положение ввергнут из-за меня мой родитель? Теперь я вновь могу предстать перед тобой, отец! Правда, все еще с потупленным взором, но потупиться заставит меня только стыд, а не жгучее сознание того, что я стал причиной твоей гибели. Теперь я должен бояться лишь одного — твоего насмешливого упрека, а не проклятья, удержанного на устах верховной силой родительской любви.

Однако, клянусь небом, я не в меру снисходителен к себе. Вправе ли я простить себе все ошибки, которые как будто прощает мне судьба? Не должен ли я судить себя строже, чем судят меня она и мой отец, эти слишком добросердечные судьи! Боги могут свести на нет любое плачевное последствие моего плена, они не могут лишь одного — смыть с меня пятно позора. Не той скоропреходящей грязи, которой поливает нас язык черни, а того подлинно вечного стыда, на который обрекает меня мой внутренний суд — мое собственное беспристрастное «я».

И как легко поддаюсь я самообольщению! Разве отец мой так ничего и не потеряет из-за меня? Разве так уж ничтожны выгоды, которые могло бы принести ему пленение Политимета, не угоди в плен и я? Его пленник не нужен ему только из-за меня. Военное счастье все равно улыбнулось бы тому, кто этого достоин; дело моего отца восторжествовало бы, окажись в плену один лишь Политимет, а не Политимет и Филот!

А теперь... Что за мысль мелькнула у меня? Нет, это некий бог внушил мне ее. Я должен следовать ей! Дай уловить тебя, мгновенная мысль! Вот она вновь родилась во мне. Она ширится, она озаряет всю мою душу!

Что сказал царь? Почему он хочет, чтобы я немедля послал к отцу вестника, стоящего вне подозрения? Для того чтобы мой отец не заподозрил — да, таковы были его слова,— что я умер от полученной раны. Значит, он полагает, что, будь я уже мертв, дело приняло бы совсем другой оборот? Так ли это? Тысячу раз благодарю Аридея за такое откровение, тысячу раз! В самом деле, будь это так, в руках у моего отца был бы пленный царевич, за которого он мог бы потребовать все, что угодно; а у царя, его врага, был бы лишь труп пленного царевича, за который он ничего не мог бы потребовать и который ему оставалось бы либо похоронить, либо сжечь, чтобы он больше не вызывал у него отвращения.

Прекрасно, это я понял. Следовательно, если я, жалкий пленник, хочу, чтобы победа досталась моему отцу, за чем стало дело? За моей смертью. Да, только за нею. О, человек, если только он умеет умереть, поистине сильнее, чем ему кажется!

Но я? Я ведь лишь росток, молодой побег. Сумею ли умереть я? Это должен уметь не только взрослый человек, настоящий мужчина, это должен уметь и юноша и мальчик, иначе они ничего не умеют. Кто прожил десять лет, у того было десять лет для того, чтобы научиться умирать; а чему не научился за десять лет, тому не научишься и за двадцать, и за тридцать, и за целый век.

Пусть, глядя на меня, каков я есть, люди увидят, каким я мог стать. А кем я мог, кем хотел стать? Героем. Что такое герой? О мой далекий сейчас от меня, мой несравненный родитель, незримо присутствуй в душе моей! Разве не учил ты меня, что герой — это муж, знающий, что есть блага, которые дороже жизни; муж, посвятивший свою жизнь служению государству, себя одного — служению многим? Герой — это мужчина. Мужчина, отец мой? Значит, не юноша? Нелепый вопрос! Хорошо, что отец его не слышал. Он подумал бы, что мне хочется, чтобы он ответил «нет»! Сколько лет должно быть сосне, чтобы она годилась стать мачтой? Сколько лет? Столько, чтоб она была достаточно высокой и крепкой.

«Каждая вещь,— говаривал мудрец, воспитавший меня,— совершенна, коль скоро она способна выполнить свое назначение». Я могу выполнить свое назначение, могу умереть на благо государства: значит, я — настоящий человек, значит, я — мужчина. Мужчина, хотя еще несколько дней назад был мальчиком.

Что за пламя бушует у меня в крови! Какое воодушевление охватывает меня! Сердцу стало тесно в груди! Терпение, сердце, скоро я дам тебе свободу! Скоро избавлю тебя от твоей докучной, однообразной службы! Скоро ты получишь отдых, долгий отдых...

Кто там идет? Парменион. Решай быстрее, Филот! Что мне сказать ему? Что передать через него отцу?.. Верно! Это я должен сказать, это и передам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Филот, Парменион.

Филот. Подойди ближе, Парменион. Ну? Почему так робко? Є таким виноватым видом? Кого ты стыдишься — себя или меня?

Парменион. Нас обоих, царевич.

Филот. И впредь говори то, что думаешь, Парменион. Видно, мы оба мало чего стоим, раз оказались здесь. Ты уже слышал, что случилось со мной?

Парменион. К сожалению, да.

Филот. И что же ты чувствовал, когда слушал?

Парменион. Сам не знаю. Я то жалел тебя, то восхищался тобой, то проклинал тебя.

Филот. Да, да! Но ты, конечно, узнал и то, что беда не так уж велика, ибо сразу же вслед за этим наши взяли в плен Политимета.

Парменион. Конечно, узнал и чуть не расхохотался. Сдается мне, судьба подчас чересчур уж сильно замахивается, когда хочет легонько стукнуть нас. Казалось, она вот-вот нас раздавит, а на самом-то деле она всего лишь комара у нас на лбу прихлопнула.

Филот. К делу! Я должен послать тебя вместе с гонцом царя к моему отцу.

Парменион. Прекрасно! Значит, один пленник замолвит словечко за другого. Без доброй вести, которую я доставлю нашему царю от тебя и которая, уж конечно, стоит благосклонной улыбки, меня наверняка ждал бы у него не слишком теплый прием.

Филот. Довольно, мой честный Парменион! Поговорим серьезно. Мой отец знает, что враги унесли тебя с поля битвы окровавленного и полумертвого. Что бы там ни говорили, невелика заслуга взять в плен того, из чьих рук выбила оружие близкая смерть. Сколько у тебя ран, старый служака?

Парменион. Ну, раньше список получался длинный. Теперь, правда, я его сильно сократил.

Филот. Как так?

Парменион. Ха! Я перестал считать места, куда нанесены раны; чтобы не тратить зря время и силы, я называю лишь те места, куда не ранен. В общем, пустяки! Зачем нам кости, как не затем, чтобы вражеская сталь тупилась об них?

Филот. Достойный ответ! Что же ты, однако, намерен сказать моему отцу?

Парменион. То, что вижу — что ты в добром здравии. Ведь твоя рана, если только мне сказали правду...

Филот. Почти что не рана.

Парменион. Маленькая приятная памятка. Все равно что пылкая девчонка за губу укусила. Верно, царевич?

Филот. Откуда мне знать?

Парменион. Ну-ну, придет время, придет и опыт... Затем я скажу твоему отцу, что, по-моему, ты желаешь...

Филот. Чего?

Парменион. Вернуться к нему, и чем скорее, тем лучше. Твоя сыновняя любовь, твое мучительное нетерпение...

Филот. Скажи еще — тоска по родине. Ну, погоди, шутник, я научу тебя думать обо мне иначе!

Парменион. Клянусь небесами, не надо! Мой милый

скороспелый герой, позволь сказать тебе правду: ты еще ребенок! Не старайся разом подавить в себе нежное дитя и превратиться в сурового воина: это вряд ли сделало бы честь твоему сердцу, и твоя отвага показалась бы тогда прирожденной дикостью. Я тоже отец, отец единственного сына, который лишь немногим старше тебя и столь же пылок. Да ты ведь знаешь его.

Филот. Да, знаю. Он обещает стать тем, чем уже стал его отец.

Парменион. Но не будь я уверен, что юный сорванец каждую свободную от службы минуту тоскует по отцу и стремится к нему, как ягненок к овце, я, веришь ли, предпочел бы, чтобы он вовсе не родился. Сейчас он должен любить меня больше, нежели чтить. Придет время, когда мне придется удовлетвориться почтением. Это будет тогда, когда поток его нежности устремится по другому руслу — когда он сам станет отцом. Не сердись за откровенность, царевич.

Филот. Разве можно сердиться на тебя? Ты прав. Скажи моему отцу все, что, по-твоему, в подобных обстоятельствах должен сказать нежный сын. Извинись за мою юношескую опрометчивость, которая чуть не погубила и его и государство. Попроси его простить мне мою ошибку. Уверь его, что я никогда не напомню о ней новыми ошибками и сделаю все, чтобы он мог позабыть о случившемся. Заклинай его...

Парменион. Положись на меня! Мы, воины, неплохо умеем говорить такие слова — пожалуй, получше, чем иной ученый болтун; они идут у нас от чистого сердца. Положись на меня! Я все понял. Будь здоров, царевич, я спешу.

Филот. И прости меня.

Парменион. Полно! Что за торжественный вид ты вдруг напустил на себя?

Филот. Сын дал тебе наказ, царевич — еще нет. Первый может давать волю чувствам, второй обязан мыслить. Сын может страстно желать сейчас же, как можно скорее вновь очутиться рядом с отцом, со своим любимым отцом, царевич — не может. Слушай меня!

Парменион. Что? Царевич не может?

Филот. И не желает.

Парменион. Не желает?

Филот. Слушай!

Парменион. Я изумлен.

Филот. Повторяю: слушай, а не изумляйся. Слушай!

Парменион. Я слушаю и изумляюсь. Сверкнула мол-

ния, я жду грома. Говори, царевич. Только смотри, юноша, не будь вторично слишком тороплив.

Филот. Довольно умничать, воин. Слушай! У меня есть причины освободиться из плена не раньше чем завтра. Слышишь, не раньше чем завтра! Поэтому скажи нашему царю, чтобы он не слишком спешил с ответом вражескому гонцу. Некоторые обстоятельства, некоторый расчет вынуждают Филота просить об этой оттяжке. Ты понял меня?

Парменион. Нет.

Филот. Нет? Предатель!

Парменион. Спокойно, царевич! Попугай ничего не понимает, но удерживает в памяти то, что ему говорят. Не тревожься. Я оттараторю твоему отцу все, что слышу от тебя.

Филот. Ха! Я запретил тебе умничать, и это злит тебя. Кем это ты так избалован? Разве все твои начальники излагали тебе причины своих решений?

Парменион. Все, царевич, кроме молодых.

Филот. Превосходно! Парменион, будь я столь же обидчив, как ты...

Парменион. И все-таки слепого повиновения может требовать от меня лишь тот, кому опыт дал две пары глаз.

Филот. Выходит, я должен просить у тебя прощения? Ну что ж, прошу простить меня, Парменион. Не ворчи, старина! Подобрей снова, старик отец! Ты, конечно, умнее меня. Но самые лучшие мысли необязательно приходят в голову самым умным. Хорошая мысль — дар Фортуны, а Фортуна, как тебе известно, нередко одаряет юнца щедрее, чем старца,— она ведь слепа. Слепа, Парменион, начисто слепа к любым заслугам. Разве в противном случае ты уже давно не был бы полководцем?

Парменион. Ого, как ты умеешь льстить, милый царевич! Но ответь по совести: уж не хочешь ли ты меня подкупить? Да, подкупить лестью?

Филот. Я льщу тебе? Подкупаю тебя? Ты — человек, которого можно подкупить?

Парменион. Я могу стать им, если ты будешь продолжать в том же роде. Я больше сам себе не доверяю.

Филот. Так что же я хотел сказать?.. Да, вот что: такая хорошая мысль, какой Фортуна подчас озаряет самую тупую голову, мелькнула сейчас и у меня. Просто мелькнула, и никакой тут моей заслуги нет. Будь она рождена моим разумом, моей находчивостью, разве я не захотел бы обдумать ее вместе с то-

бой? Но я не могу это сделать: если я поделюсь ею, она улетучится. Она так тонка, так неуловима, что я не в силах облечь ее в слова. Я в состоянии лишь вникать в нее, как научил меня думать первый философ — бог. Уловить, чем она отличается от других мыслей,— вот самое большее, на что я способен. Вероятно, о ней достаточно сказать, что это по существу детская мысль, а удачной я считаю ее лишь потому, что более удачная мне еще никогда не приходила в голову. Как бы то ни было, если она не принесет пользы, то ничему и не повредит. Это уж я знаю точно: моя мысль — самая безвредная на свете, она безвредна, как молитва. Разве ты перестанешь молиться лишь потому, что не знаешь наверняка, поможет тебе молитва или нет? Словом, не омрачай мою радость, Парменион, мой честный Парменион! Прошу тебя, обнимаю тебя... Если ты хоть немного любишь меня... Сделаешь? Могу я положиться на тебя? Можешь ты сделать так, чтобы меня обменяли только завтра? Сделаешь?

Парменион. Сделаю ли? Разве я не обязан сделать? Слушай, царевич, когда ты наконец станешь царем, не ограничивайся только приказами. Приказ — ненадежное средство. Поступай с тем, на кого возлагаешь трудную задачу, так, как поступил сейчас со мной, и если уж он откажет тебе в повиновении... Нет, немыслимо! Он не сможет отказать тебе! Я ведь тоже знаю, в чем человек может отказать.

Филот. Что такое повиновение? Что общего у дружбы, которую ты выказываешь мне, с повиновением? Итак, сделаешь, друг мой?

Парменион. Замолчи! Замолчи! Я твой, безраздельно твой. Да, я сделаю все. Я скажу, непременно скажу твоему отцу, чтобы он вызволил тебя из плена лишь завтра. Почему лишь завтра — не знаю. Да мне и не надо знать. Ему тоже. Мне достаточно знать, что этого желаешь ты. Больше ты ничего не хочешь? Может быть, я должен сделать еще что-нибудь? Ринуться за тебя в огонь? Броситься со скалы? Лишь прикажи, мой дорогой маленький друг, лишь прикажи! Теперь я готов для тебя на все! Одно твое слово, и я совершу даже предательство, пойду на низость! Я холодею при одной мысли об этом, и все же, царевич, если тебе угодно, я пойду на это, да, пойду.

Филот. О мой лучший, мой пламенный друг! О ты... Как мне назвать тебя? Творец моей грядущей славы! Клянусь тебе всем самым святым для меня — честью моего отца, успехом его оружия, благоденствием его страны,— клянусь тебе, что до смерти не забуду твоей преданности, твоего рвения. Ах, если бы мог

я достойно вознаградить их! Слышите вы, боги, мою клятву? А теперь, Парменион, поклянись и ты! Поклянись мне свято сдержать свое слово!

Парменион. Поклясться? Я слишком стар для клятв.

Филот. А я слишком молод, чтобы поверить тебе без клятвы. Поклянись! Я клялся тебе своим отцом, а ты клянись мне своим сыном. Ты ведь любишь его? Искренне любишь?

Парменион. Так же искренне, как тебя! Ты требуешь клятвы, и я клянусь. Клянусь тебе единственным сыном, своей кровью, которая течет в его жилах, той кровью, которую я охотно проливал для твоего отца, которую и сын мой охотно прольет за тебя в свой день и час,— клянусь тебе этой кровью сдержать свое слово! А если я нарушу его, пусть мой сын падет в первом же сражении и не доживет до славных дней твоего царствования! Слышите вы, боги, мою клятву?

Филот. Не слушайте его, боги! Не тем клянешься, старик. Разве пасть в первом же сражении, разве не дожить до моего царствования — это несчастье? Разве ранняя смерть — несчастье?

Парменион. Я этого не говорю. И все же лишь для того, чтобы увидеть тебя на троне и послужить тебе, я хотел бы того, чего вовсе не хочу,— снова стать молодым. Твой отец хорош, но ты будешь лучше.

Филот. Никаких похвал в ущерб моему отцу! Измени свою клятву, и вот как: если ты не сдержишь слово, пусть сын твой станет трусом и ничтожеством, пусть, если ему представится выбор между смертью и позором, он изберет позор, пусть проживет девяносто лет посмешищем для женщин, но и в девяносто лет неохотно расстанется с жизнью.

Парменион. Я в ужасе и все же клянусь: пусть будет так! Внимайте страшнейшей из клятв, боги!

Филот. Внимайте ему!.. Вот и хорошо, Парменион, теперь ты можешь идти. Мы достаточно долго задержали друг друга и наделали слишком много шуму из-за пустяка. В самом деле, разве это не пустяк — передать моему отцу, уговорить его, чтобы он не обменял меня раньше чем завтра. А если он захочет знать причину, что ж, придумай ее по дороге.

Парменион. Придется! До сих пор я, хоть и дожил до старости, еще никогда не выдумывал небылиц. Но в угоду тебе, царевич... Дай мне только волю: дурному не поздно учиться и в старости. Будь здоров!

Филот. Обними меня! Ступай.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Филот.

Филот. На свете столько обманщиков, и все же обманывать невыносимо трудно, даже если делаешь это из наилучших побуждений. Сколько мне пришлось вертеться и изворачиваться! Мой добрый Парменион, устрой лишь, чтобы отец вызволил меня не раньше чем завтра, и ему больше не придется вызволять меня. Теперь я выиграл время, достаточно времени, чтобы укрепиться в своем решении. Достаточно, чтобы избрать наивернейшее средство. Горе мне, если я не найду его! Приди мне на помощь, юношеское упорство, раз уж мне не дана в удел стойкость старца!

Решено! Твердо решено! Я это чувствую, я успокаиваюсь, я спокоен! *(Как бы созерцая самого себя.)* Таков, как ты сейчас, Филот... Ха! Это будет блистательное, великое зрелище: юноша, распростертый на земле с мечом в груди!

Меч? О, боги! Жалкий, злополучный неудачник! Только теперь я подумал об этом. У меня нет меча, у меня ничего нет! Мой меч стал добычей воина, взявшего меня в плен. Возможно, он оставил бы мне мое оружие, не будь его рукоять из золота. Пагубное золото, ужели ты всегда будешь губителем добродетели!

Меч! У меня нет меча! Боги, милосердные боги, подарите мне его, только его! Всемогущие боги, сотворившие небо и землю, неужели вы не в силах сотворить для меня меч, если захотите? К чему же свелась моя великолепная, ослепительная решимость? Я первый готов горько рассмеяться...

А тут еще опять идет царь! Спокойствие! Но что, если прикинуться ребенком? Эта мысль кое-что обещает! Да! Может быть, мне и посчастливится.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аридей, Филот.

Аридей. Ну вот, гонцы уже в дороге, царевич. Им дали самых быстрых коней, а ставка твоего отца так близко отсюда, что не пройдет и несколько часов, как мы получим ответ.

Филот. Значит, тебе не терпится, царь, вновь заключить сына в объятия?

Аридей. А разве твоему отцу меньше хочется вновь прижать тебя к груди? Позволь мне, однако, милый царевич, насладиться твоим обществом. Рядом с тобой время пролетит для меня быстрее, и, может быть, если мы познакомимся поближе, это будет иметь счастливые последствия: дружелюбные дети нередко служили посредниками своим рассорившимся отцам. Проследуй за мною в мой шатер, где тебя ждут лучшие мои военачальники. Они горят желанием увидеть тебя и выразить тебе свое восхищение.

Филот. Мужчины, царь, не должны восхищаться ребенком. Поэтому оставь меня здесь. Стыд и отчаяние мое столь безграничны, что я поневоле буду вести себя глупо. Что же до твоего желания поговорить со мной, то я просто не понимаю, какая польза от такой беседы. Я знаю лишь одно — что ты и мой отец ввязались в войну и что право, как мне кажется, на стороне моего отца. Я верю в это, царь, и буду верить, даже если бы ты мог неопровержимо доказать мне противное. Как сын и воин я не вправе смотреть на вещи иначе, чем мой отец и мои военачальники.

Аридей. Царевич, умение столь полно отречься от собственного разумения — свидетельство немалой разумности. И все же я сожалею, что лишен возможности оправдаться перед тобой. Пагубная война!

Филот. Верно, пагубная! И горе ее зачинщику!

Аридей. Царевич, царевич, вспомни, что первым обнажил меч твой отец. Я не могу принять твой упрек. Твой отец слишком поторопился, был слишком подозрителен...

Филот. Не спорю, мой отец обнажил меч первым. Но разве пожар возникает лишь тогда, когда яркое пламя уже взмывает из-под крыши? Есть ли на свете человек, достаточно терпеливый, кроткий, невосприимчивый, чтобы не ожесточиться из-за постоянных мелких обид? Подумай — раз уж ты изо всех сил вынуждаешь меня говорить о делах, которые мне не по разуму,— подумай, как надменно, как пренебрежительно ты ответил ему, когда он... Нет, ты не должен принуждать меня, я не хочу говорить об этом! Наша вина и невиновность всегда относительны, мы для всего умеем находить оправдание. Лишь безошибочному взору богов предстаем мы такими, как есть, лишь они властны судить нас. Однако боги — и тебе известно это, царь,— вершат свой суд мечом того, кто отважней. Выслушаем же кровавый приговор судьбы! Почему мы малодушно пытаемся уйти от ее высшего суда к низшему, земному? Неужели наши руки так обессилели, что им на смену придут лукавые языки?

Аридей. Царевич, я слушаю тебя с изумлением...

Филот. Увы! С изумлением можно слушать и женщину.

Аридей. С изумлением, царевич, и не без огорчения! Судьба уготовила тебе венец. Тебе, именно тебе, вверено благоденствие целого народа, могучего и благородного. Какое страшное будущее приоткрывается моему взору! Ты увенчаешь свой народ лаврами и ввергнешь его в пучину бедствий. У тебя будет больше побед, чем счастливых подданных. Благо мне, что дни мои прервутся раньше, чем твои, но горе моему сыну, моему честному сыну! Ты навряд ли позволишь ему хоть на минуту снять панцирь.

Филот. Успокой в себе отца, о царь! Я позволю твоему сыну нечто гораздо, гораздо большее.

Аридей. Гораздо большее? Объяснись.

Филот. Разве я говорю загадками? О, не требуй, царь, от такого юнца, как я, лишь обдуманных и взвешенных слов. Я хотел сказать одно: плод нередко бывает совсем иным, чем обещает цветок. Женственный царевич — так учит меня история — часто становится воинственным царем. Почему со мной не может случиться обратное? А может быть, я имел в виду, что мне еще предстоит долгий и опасный путь к трону. Кто знает, дадут ли мне боги завершить его? Пусть не даст мне завершить его отец богов и людей, если он провидит, что в будущем я стану расточителем самого дорогого, что он доверил мне,— крови моих подданных!

Аридей. Да, царевич, что такое царь, если он не отец! Что такое герой, если в нем нет любви к людям! Теперь я вижу, что она в тебе есть, и я вновь и безраздельно твой друг. Но идем, идем, нам не следует оставаться наедине: мы слишком строги друг к другу. Следуй за мной!

Филот. Прости, царь...

Аридей. Не упорствуй.

Филот. Как! Предстать пред людьми таким, как я есть?

Аридей. Почему бы нет?

Филот. Не могу, царь, не могу.

Аридей. По какой причине?

Филот. О, эта причина! Ты рассмеялся бы, узнав о ней.

Аридей. Тем более поведай ее мне. Я — человек, поэтому охотно и плачу и смеюсь.

Филот. Ну, так смейся! Видишь ли, царь, у меня нет меча, а без этого отличительного признака воина мне не хочется появляться среди воинов.

Аридей. Я не смеюсь, а радуюсь. Я предвидел это, и твое

желание будет тотчас же удовлетворено. Стратону дан приказ вернуть тебе твой меч.

Филот. Тогда подождем его здесь.

Аридей. Но потом ты все же пойдешь со мной?

Филот. Потом я последую за тобой по пятам.

Аридей. Прекрасно! Вот и он сам! Ну, Стратон...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Стратон с мечом в руках, Аридей, Филот.

Стратон. Царь! Я нашел воина, который взял царевича в плен. От твоего имени я приказал ему вернуть меч, но послушай, как благородно отказал мне этот смельчак. «Царь,— ответил он,— не должен отбирать у меня меч. Это хороший клинок и еще послужит ему. Кроме того, я хочу сохранить память о своем подвиге. Клянусь богами, свершить его было нелегко! Царевич — сущий маленький демон. Но, может быть, для вас все дело в дорогой рукояти?» И с этими словами, он, прежде чем я успел помешать ему, сильными руками отвернул рукоять и с презрением бросил ее к моим ногам. «Вот, бери,— добавил он.— К чему мне ваше золото?»

Аридей. О Стратон, этого человека надо примирить со мной.

Стратон. Это уже сделано. А вот один из твоих мечей.

Аридей. Дай сюда! Согласен ты принять его, царевич, взамен утраченного?

Филот. Позволь взглянуть. *(В сторону.)* Ха! Благодарю вас, боги! *(Долго и сосредоточенно рассматривает оружие.)* Меч!

Стратон. Разве мой выбор плох, царевич?

Аридей. Чем заслужил клинок столь пристальное внимание?

Филот. Тем, что это клинок! *(Овладевая собой.)* И хороший клинок. Я не прогадаю на обмене. Меч!..

Аридей. Ты дрожишь, царевич?

Филот. От радости. При всем том, он кажется мне коротковатым. Но что значит коротковат? Один лишний шаг к врагу возместит то, чего недостает стали. Милый меч! Какая это прекрасная вещь и для забавы и для дела! Я никогда не играл ничем иным.

Аридей *(Стратону)*. Какое удивительное сочетание ребенка с героем!

Филот *(в сторону)*. Милый меч! Только бы поскорей остаться наедине с тобой. Ну, смелее!

Аридей. А теперь опоясайся мечом, царевич, и следуй за мной.

Филот. Сейчас! Но меч, как и друга, следует знать не только по виду. *(Обнажает меч.)*

Стратон становится между ним и царем.

Стратон. Я разбираюсь в стали больше, чем в украшениях. Поверь мне, царевич, сталь хороша. Наш царь в годы зрелости расколол ею не один шлем.

Филот. Таким сильным мне не стать! И все же!.. Не подходи ко мне так близко, Стратон.

Стратон. Почему?

Филот. А вот потому! *(Отскакивает назад и рассекает воздух мечом.)* Режет, как и подобает.

Аридей. Побереги раненую руку, царевич! Ты чрезмерно возбужден.

Филот. О чем ты напоминаешь мне, царь? О моем несчастье, нет, о моем позоре? Я был ранен и взят в плен? Да, но больше этого не будет. Клянусь своим мечом, больше этого не будет. Нет, отец мой, нет! Сегодня сберечь постыдный выкуп за сына поможет тебе чудо, в будущем — смерть. Да, неизбежная смерть, если только твой сын увидит, что враги вновь окружают его. Вновь окружают? О, ужас! Так оно и есть. Я окружен. Что же дальше? Соратники, друзья, братья, где вы? Все мертвы? Всюду враги? Да, всюду. Пробирайся же, Филот! Ха! Получай, дерзкий! И ты тоже! И ты! *(Размахивает мечом.)*

Стратон. Царевич, что с тобой? Успокойся! *(Направляется к нему.)*

Филот *(удаляясь от него)*. И ты, Стратон? И ты? О враг, будь великодушен! Убей меня, но не бери в плен. Будь Стратонами все, все, кто окружил меня, я и тогда стану отбиваться от вас, от всего света! Не щадите усилий, враги! Ах, вы не хотите? Жестокие, вы не хотите убить меня? Хотите взять живым? Я смеюсь над вами. Взять живым меня? Меня? Нет, раньше я всажу себе меч в грудь... раньше... *(Пронзает себя мечом.)*

Аридей. Боги! Стратон!

Стратон. Царь!

Филот. Этого я и желал. *(Падает.)*

Аридей. Держи его, Стратон! На помощь! На помощь царевичу!.. Царевич, какое неистовое отчаяние...

Филот. Прости меня, царь. Я нанес тебе более жестокий удар, чем себе. Я умираю. Теперь наши успокоившиеся страны пожнут плоды моей смерти. Твой сын в плену, царь, а сын моего отца свободен...

Аридей. Что я слышу?

Стратон. Значит, это было заранее обдуманное намерение, царевич? Но ты не имел на это права: ты же наш пленник.

Филот. Не говори так, Стратон. Боги при любых обстоятельствах оставляют за нами одно право — свободу умереть. Так неужели один человек может отнять ее у другого?

Стратон. О царь! Он окаменел от ужаса! Царь!

Аридей. Кто зовет меня?

Стратон. Царь!

Аридей. Молчи!

Стратон. Война окончена, царь.

Аридей. Окончена? Ты лжешь, Стратон. Война не окончена, царевич! Умри же, умри! Но унеси с собой, унеси мучительную мысль: как поистине неопытный юнец, ты верил, что все отцы похожи на твоего мягкого женоподобного отца. Нет, не все! Я не похож! Что мне до моего сына? И ты думаешь, он не сумеет умереть на благо своего отца так же, как ты на благо своего? Он умрет! И его смерть тоже сбережет мне позорный выкуп. Стратон, теперь я осиротел, я, несчастный! У тебя есть сын — он станет моим. У человека должен быть сын. Счастливец! Стратон!

Филот. Твой сын еще жив, царь. И будет жить. Я это предчувствую.

Аридей. Он еще жив? Значит, я должен вернуть его. Умри же! А его я все равно верну. Хотя бы ради тебя, ибо в противном случае я подвергну твое тело такому бесчестию, такому поруганию. Я его...

Филот. Мое тело? Если хочешь мстить, царь, оживи его вновь!

Аридей. Увы, вот до чего я доведен!

Филот. Мне жаль тебя. Прощай, Стратон! Мы встретимся там, где встречаются все друзья добродетели, все неустрашимые граждане одного счастливого государства,— в Элизиуме. С тобой, царь, мы тоже там встретимся.

Аридей. И примиримся, царевич.

Филот. Примите же мою торжествующую душу, боги, а ты, богиня Мира, не отринь жертву!

Аридей. Выслушай меня, царевич!

Стратон. Он умирает. Не сочтешь ли ты меня предателем,

царь, если я оплáчу твоего врага? Я не могу удержаться от слез. Несравненный юноша!

Аридей. Да, оплачь его. И я тоже оплачу. Идем! Я должен вернуть своего сына. Но не возражай, если я выкуплю его слишком дорогой ценой. Напрасно лили мы потоки крови, напрасно завоевывали целые страны. Наш великий победитель унес от нас нашу добычу. Идем! Добудь мне моего сына. И когда он вернется ко мне, я не захочу больше быть царем. Верите вы, люди, что этим тоже можно пресытиться?

Уходят.

МИННА фон БАРНХЕЛЬМ,
ИЛИ
СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фон Тельхейм, майор в отставке.
Минна фон Барнхельм.
Граф фон Брухзаль, ее дядя.
Франциска, ее служанка.
Юст, слуга майора.
Пауль Вернер, некогда вахмистр Тельхейма.
Трактирщик.
Дама в трауре.
Фельдъегерь.
Рикко де ла Марлиньер.

Действие попеременно происходит в зале трактира и в прилегающей комнате.

«Минна фон Барнхельм»
Действие первое, явление двенадцатое.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Юст.

Юст *(уснул, прикорнув в углу и бормочет во сне)*. Мошенник он, а не трактирщик. Это нас-то ты... Живо, братец! Лупи его! *(Замахивается и от этого просыпается.)* Эй, берегись! Как, опять? Не успею глаза сомкнуть, и мы с ним уже деремся. Ох, кабы ему по правде хоть половина моих тумаков досталась! Да, никак, уж развиднелось! Надо поскорей разыскать беднягу майора. Моя бы воля, я б его и близко к этому проклятущему дому не подпустил. Где-то он ночь проспал?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трактирщик, Юст.

Трактирщик. Доброго вам утра, господин Юст, доброго утра! Раненько вы поднялись. Или, может, лучше сказать: поздненько засиделись?

Юст. Говори, что вздумается.

Трактирщик. Я говорю только «доброго утра», а на это господину Юсту следовало бы ответить: «благодарствуйте», верно ведь?

Юст. Что ж, благодарствуйте!

Трактирщик. Кому не довелось как следует выспаться, тот, конечно, только и знает, что брюзжать. Господин майор, видно, не воротился домой, а вы его всю ночь здесь и прождали.

Юст. Ишь какой догадливый!

Трактирщик. Мне просто так подумалось, и все тут.

Юст *(поворачивается, чтобы уйти)*. Ваш слуга.

Трактирщик *(удерживает его)*. Где уж нам!

Юст. Ладно, не ваш слуга.

Трактирщик. Полноте, господин Юст! Неужто вы еще со вчерашнего дня на меня сердитесь? Злость-то ведь за ночь проходит.

Юст. У меня и за десять ночей не пройдет!

Трактирщик. Да разве это по-христиански?

Юст. Конечно, по-христиански, точно так же как вытолкать на улицу честного человека за то, что он не сразу заплатил по счету.

Трактирщик. Где ж вы сыскали эдакого безбожника?

Юст. Нашелся такой христианин — трактирщик. И кого же вытолкать? Моего господина! Превосходного человека! Офицера!

Трактирщик. Выходит, я вытолкал его на улицу? Ну уж нет, я слишком уважаю военных и от души сочувствую отставным! Мне поневоле пришлось предоставить ему другую комнату. Не думайте больше об этом, господин Юст. *(Кричит за сцену.)* Эй! Я мигом все заглажу!

Входит слуга.

Принеси-ка стаканчик винца, да получше, господину Юсту выпить хочется!

Юст. Не хлопочите, хозяин. Пусть эта капля вина станет ядом, если только — нет, не буду зарекаться; я ведь еще трезвый!

Трактирщик *(слуге, который принес бутылку ликера и стакан)*. Давай сюда, можешь идти! Вот, господин Юст, отличный напиток, крепкий, вкусный, пользительный. *(Наливает и протягивает Юсту стакан.)* Вы замерзли, не выспались, а это сразу согреет желудок!

Юст. Не надо бы мне!.. Ну да стоит ли платиться своим здоровьем за его грубости? *(Пьет.)*

Трактирщик. На здоровье, господин Юст!

Юст *(возвращая ему стакан)*. Недурно! Но вы, хозяин, все-таки грубиян!

Трактирщик. Бросьте, бросьте, не так это. Пропустите-ка поскорей еще стаканчик — на одной ноге не устоишь.

Юст *(осушив второй стакан)*. Ничего не скажешь, что хорошо, то хорошо! Собственного изготовления, хозяин?

Трактирщик. Боже избави: настоящий данцигский, двойной крепости.

Юст. Вот что, хозяин, кабы я умел кривить душой, за такое винцо стоило бы покривить, но нет, не могу держать язык за зубами: все-таки вы грубиян, господин трактирщик!

Трактирщик. Отродясь такого про себя не слыхивал. Еще стаканчик, господин Юст,— бог троицу любит!

Юст. Ладно, куда ни шло! *(Пьет.)* Винцо — дай бог каждому. Но и правду говорить — дай бог каждому. Господин трактирщик, все-таки вы грубиян!

Трактирщик. Будь я грубияном, разве бы я стал это выслушивать?

Юст. Стали бы. Грубияны не больно-то обидчивы.

Трактирщик. Может, еще стаканчик, господин Юст? Дом о четырех углах строится.

Юст. Пожалуй, многовато будет! А для вас, хозяин, все равно без толку. Я до последней капли в бутылке стану твердить свое. Куда ж это годится, хозяин,— такая отменная наливка и такие дурные поступки! Мой господин бог знает как долго у вас прожил, не один звонкий талер вы у него вытянули,— у него, за всю жизнь и геллера никому не задолжавшего. А вы, не успел он отлучиться, его из комнаты выставили только за то, что он месяц-другой не сразу выкладывал деньги на бочку, не мог много тратить.

Трактирщик. А если мне комната нужна была позарез? Я наперед знал, что майор и по доброй воле ее уступил бы, ежели бы я мог дождаться его прихода. Что ж мне было — показать от ворот поворот приезжей даме? Не долго думая уступить барыш другому трактирщику? Да она и вряд ли нашла бы, где остановиться. Постоялые дворы сейчас битком набиты. Не оставаться же молодой, прекрасной, обходительной даме на улице. Ваш господин — человек галантный! Да он, собственно, и не остался внакладе. Разве я не предоставил ему другую комнату?

Юст. На задворках за голубятней, с видом на соседний брандмауэр.

Трактирщик. Вид из этой комнаты открывался отличный, покуда проклятый сосед его не застроил. А сама комната очень даже приятная и шпалерами обтянута...

Юст. Была когда-то!

Трактирщик. Неправда, на одной стене они еще целехоньки. И ваша комнатушка тут же рядом, господин Юст, в ней даже камин имеется, зимой, правда, он немножко дымит...

Юст. Зато летом — загляденье. Сдается мне, хозяин, что вы ко всему еще над нами издеваетесь!

Трактирщик. Да бросьте вы, господин Юст, господин Юст...

Юст. Не морочьте голову господину Юсту, не то...

Трактирщик. Не я вам морочу голову, а данцигский ликер!..

Юст. Офицера, да еще такого, как мой господин! Или вы, хозяин, вообразили, что офицер в отставке уже не офицер и не может надавать вам по шее? Почему ж это вы, господа трактирщики, такие были покладистые во время войны? Почему тогда каждый офицер был достойным человеком, а каждый солдат честным и бравым парнем? Чуть-чуть пожили в мирное время и уже обнаглели?

Трактирщик. Стоит ли так горячиться, господин Юст?..

Юст. Стоит...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Фон Тельхейм, трактирщик, Юст.

Тельхейм *(входя)*. Юст!

Юст *(уверенный, что его окликнул трактирщик)*. Юст? Да мы с вами, видать, приятели?

Тельхейм. Юст!

Юст. А я-то думал, что для вас я господин Юст!

Трактирщик *(завидев майора)*. Тсс, тсс! Господин, господин, господин Юст — вы бы лучше оглянулись; господин майор...

Тельхейм. Юст, ты, кажется, опять затеял ссору? А что я тебе приказывал?

Трактирщик. Ваша милость, да разве мы ссоримся, упаси бог! Ваш покорный слуга никогда бы не стал ссориться с человеком, который имеет честь служить вам.

Юст. Ох, кабы вздуть его хорошенько!

Трактирщик. Правда, господин Юст, пожалуй, уж слишком горячо заступается за господина майора. Но ведь по справедливости, я за это его ценю, люблю даже!

Юст. Дать бы ему в зубы как следует!

Трактирщик. Жаль только, что он горячится понапрасну. Я ведь уверен, что не впаду в немилость у вашей милости, оттого что, нуждаясь в комнате, я из нужды...

Тельхейм. Довольно, сударь! Я вам задолжал, вы, покуда я отсутствовал, выбросили мои вещи из комнаты; я должен вам заплатить и подыскать себе другое пристанище. Все просто и понятно.

Трактирщик. Другое! Вы собираетесь съехать, господин майор? О, я несчастный, я конченый человек! Нет, ни за что! Пусть уж лучше съезжает дама. Господин майор не хочет уступить ей свою комнату — это ваша комната, господин майор, значит, даме надо отсюда убираться, я ничем не могу ей помочь. Пойду, сударь, скажу...

Тельхейм. Дружище, неужто вам мало одной глупой выходки? Пусть дама остается в предоставленной ей комнате...

Трактирщик. Ужели ваша милость подумали, что я из недоверия... боясь неуплаты?.. Словно я не знал, что ваша милость может в любую минуту оплатить мои счета... Запечатанный мешочек, на котором написано: пятьсот талеров в луидорах... ведь вы, ваша милость, оставили его в конторке, он в целости и сохранности.

Тельхейм. Я в этом не сомневался, надеюсь, целы и все мои вещи. Юст заберет их, когда расплатится с вами...

Трактирщик. Ей-богу, я здорово струхнул, увидев этот мешочек. Я всегда считал вашу милость за человека предусмотрительного, который не любит расходовать все до последнего геллера... Но если бы я мог думать, что в конторке лежит звонкая монета...

Тельхейм. Вы обошлись бы со мной повежливее. Все понятно. А теперь ступайте, сударь... оставьте меня, мне надо поговорить с моим слугой...

Трактирщик. Но, ваша милость...

Тельхейм. Идем, Юст, этот господин, видно, не хочет, чтобы я отдавал тебе распоряжения в его доме...

Трактирщик. Ухожу, ухожу, ваша милость! Весь мой дом — к вашим услугам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тельхейм, Юст.

Юст *(топает ногой и плюет вслед трактирщику)*. Тьфу!

Тельхейм. В чем дело?

Юст. Я задыхаюсь от злости.

Тельхейм. Эдак тебя, пожалуй, удар хватит.

Юст. А вас, сударь, я просто не узнаю. Провалиться мне на этом месте, если вы не стали покровителем немилосердного злобного жулика! Я бы его своими руками задушил, зубами бы разорвал, и плевать мне, что меня повесят, или обезглавят, или колесуют...

Тельхейм. Зверюга!

Юст. Лучше быть зверюгой, чем таким человеком, как он!

Тельхейм. Но чего ты, собственно, хочешь?

Юст. Хочу, чтобы вы почувствовали, как жестоко вас оскорбляют!

Тельхейм. И дальше?

Юст. Чтобы вы отомстили за оскорбление; впрочем, этот трактирщик для вас слишком ничтожная персона.

Тельхейм. Короче говоря, ты хочешь, чтобы я поручил тебе отомстить за меня. Я и сам так решил. Надо, чтобы он больше не видел меня и деньги, ему причитающиеся, получил из твоих рук. Я знаю, ты сумеешь с презрением швырнуть ему в лицо полную пригоршню монет.

Юст. Ничего себе месть!

Тельхейм. Но и ее нам придется на время отложить! У меня нет ни гроша в кармане; и где мне раздобыть хоть грош, я понятия не имею.

Юст. Нет ни гроша? А что ж это за мешочек, набитый луидорами, который хозяин нашел в вашей конторке?

Тельхейм. Мешочек с деньгами мне дали на сохранение.

Юст. Надеюсь, это не та сотня пистолей, что с месяц назад вам принес ваш прежний вахмистр?

Тельхейм. Та самая. Пистоли Пауля Вернера. Что тут, собственно, удивительного?

Юст. И вы их до сих пор не тронули? Сударь, да этими деньгами вы вправе распоряжаться как угодно. В ответе буду я...

Тельхейм. В самом деле?

Юст. Вернер слышал от меня, что главное военное казначейство тянет с выплатой денег, которые оно вам задолжало... Он знает...

Тельхейм. Что я наверняка стал бы нищим, если бы уже не был им. Я тебе весьма обязан, Юст. Это твой рассказ заставил Вернера разделить со мной свои жалкие гроши. Хорошо, хоть я догадался! Так вот что, Юст, заодно и ты заготовь-ка мне счет, нам надо расстаться...

Юст. Что? Как?

Тельхейм. Ни слова больше, кто-то идет сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дама в трауре, Тельхейм, Юст.

Дама. Прошу извинить меня, сударь!

Тельхейм. Кого вы ищете, мадам?

Дама. Того самого достойного человека, с кем я имею честь разговаривать. Вы не узнаете меня? Я вдова вашего бывшего штаб-ротмистра...

Тельхейм. Бог мой, сударыня! Как вы изменились!

Дама. Я только что поднялась с одра болезни, к которому меня пригвоздило горе. Мне неприятно, что я с самого утра докучаю вам, господин майор. Я еду в именье, где добросердечная, но тоже не очень-то счастливая приятельница предоставила мне временное пристанище.

Тельхейм *(Юсту)*. Поди, оставь нас одних.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дама, Тельхейм.

Тельхейм. Говорите со мной откровенно, сударыня! Передо мною вам не надо стыдиться вашего несчастья. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

Дама. Господин майор...

Тельхейм. Я всем сердцем соболезную вам, сударыня! Чем я могу служить вам? Вы ведь знаете, ваш супруг был мне другом, да, другом, а я не очень-то щедро раздаю этот титул.

Дама. Кому же и знать, как не мне, что вы были достойны его дружбы в той же мере, в какой он был достоин вашей! Вы были бы его последней мыслью, ваше имя — последним словом на его холодеющих устах, если бы еще более сильное чувство не даровало этой печальной привилегии его несчастному сыну, его несчастной супруге...

Тельхейм. Полноте, сударыня! Я бы хотел плакать вместе с вами, но сегодня у меня нет слез. Не обессудьте! Вы застали меня в тот час, когда я готов был возроптать на провидение. О, мой честный и храбрый Марлоф! Поторопитесь, сударыня, я жду ваших приказаний! Если я могу вам служить, если я...

Дама. Мне нельзя уехать, не исполнив его последней воли. Незадолго до кончины он вспомнил, что умирает вашим должником, и взял с меня клятву, что я оплачу этот долг при первой возможности. Я продала его амуницию и приехала выкупить расписку...

Тельхейм. Как, сударыня? Из-за этого вы приехали?

Дама. Да. Дозвольте вручить вам деньги.

Тельхейм. Бог с вами, мадам! Марлоф мой должник? Вряд ли, вряд ли. Впрочем, я сейчас посмотрю. *(Вынув свою записную книжку, листает в ней.)* Ничего не нахожу!

Дама. Вы, наверно, куда-нибудь задевали его расписку, но расписка значения не имеет. Дозвольте мне...

Тельхейм. Нет, сударыня, я не мог никуда задевать такой документ. Его нет у меня, а следовательно, никогда не было, или же долг был погашен, и я возвратил расписку должнику.

Дама. Господин майор!

Тельхейм. Не сомневайтесь, сударыня. Марлоф не остался мне должен ни гроша. Более того, я не помню, чтобы он когда-нибудь брал у меня взаймы. Заверяю вас, мадам, что скорее я его должник. Ни разу не удалось мне расплатиться с человеком, который в продолжение шести лет делил со мною счастье и горе, честь ратных подвигов и опасность. Я не забуду, что у него остался сын. Отныне он будет моим сыном, ежели я сумею быть его отцом. Трудности, что сейчас теснят меня...

Дама. Благородный, великодушный человек! Но не считайте и меня недостойным созданием! Примите эти деньги, господин майор, и я верну себе душевное спокойствие...

Тельхейм. Ужели вам нужно для спокойствия что-то еще, кроме моего заверения, что эти деньги мне не принадлежат? Или вы хотите, чтобы я обокрал малолетнего осиротевшего сына моего друга? Обокрал, мадам, в точнейшем смысле этого слова. Деньги принадлежат ему, для него вы и сберегите их!

Дама. Я поняла вас; простите меня лишь за то, что я еще не научилась принимать благодеяния. Но откуда вы знаете, что для сына мать готова сделать много больше, чем для собственного блага? Я ухожу...

Тельхейм. Идите, мадам, идите! Счастливого вам пути! Я не прошу, чтобы вы дали мне весть о себе. Эта весть может прийти в то время, когда это будет уже бесполезно. Ах, постойте, сударыня. Я чуть было не позабыл самого главного: Марлофу причитается еще кое-что в кассе бывшего нашего полка. Его права так же неоспоримы, как и мои. Ежели мне выплатят деньги, то выплатят и ему. За это я ручаюсь.

Дама. О господин майор! Нет, лучше мне промолчать. Так подготовлять будущие благодеяния в глазах господа значит уже совершить их. Примите же воздаяние господне и мои слезы. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тельхейм.

Тельхейм. Хорошая она женщина, бедняжка! Не позабыть уничтожить эту злополучную расписку. *(Вынимает бумагу из записной книжки и рвет ее.)* Кто поручится, что бедность не заставит меня когда-нибудь ею воспользоваться?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Юст, Тельхейм.

Тельхейм. Это ты?

Юст *(вытирая глаза)*. Да!

Тельхейм. Ты плакал?

Юст. Я писал счет на кухне, а там полно дыму. Вот, пожалуйста, ваша милость.

Тельхейм. Дай сюда.

Юст. Умилосердствуйтесь, господин майор. Я-то знаю, что люди немилосердно обошлись с вами, но...

Тельхейм. Чего тебе надобно?

Юст. Не ждал я, что вы меня прогоните, скорей смерти ждал.

Тельхейм. Я не могу больше держать тебя. Пришла, видно, пора научиться жить без слуги. *(Развернув счет, читает.)* «Что мне задолжал господин майор: жалованье за три месяца и еще за две недели, шесть талеров в месяц, выходит двадцать один талер. С первого сего издержал по мелочи: один талер семь грошей девять пфеннигов. Summa summarum — двадцать

два талера семь грошей девять пфеннигов». Ладно, и я, конечно, сполна заплачу тебе за текущий месяц.

Юст. Взгляните на другой стороне, господин майор.

Тельхейм. Значит, это еще не все? *(Читает.)* «Что я должен господину майору: за фельдшера для меня заплачено двадцать пять талеров. На уход за мной и питание во время болезни — тридцать девять талеров. Моему погорелому и ограбленному отцу по моей просьбе выдана ссуда в пятьдесят талеров, не считая двух лошадей, подаренных господином майором. Summa summarum — сто четырнадцать талеров. За вычетом вышеуказанных двадцати двух талеров семи грошей девяти пфеннигов, остаюсь должен господину майору девяносто один талер шестнадцать грошей три пфеннига». Да ты рехнулся, парень!

Юст. Наверно, я обхожусь вам дороже. Но все это подсчитывать — только зазря чернила тратить. Чем я, спрашивается, с вами расплачусь? А ежели вы заберете у меня ливрею,— я ведь се так и не успел отработать,— то, ей-богу, лучше бы вы дали мне подохнуть в лазарете.

Тельхейм. Да за кого ты меня принимаешь? Ты ничего мне не должен, и я собираюсь рекомендовать тебя одному знакомому, где тебе будет лучше, чем у меня.

Юст. Я вам ничего не должен, почему же вы меня прогоняете?

Тельхейм. Потому что не хочу вечно быть твоим должником!

Юст. Из-за этого? Только из-за этого? По правде-то я вам должен, а вы мне ничегошеньки не должны, и потому не за что вам меня прогонять. Делайте, что хотите, господин майор, а я все равно у вас останусь, нельзя мне иначе...

Тельхейм. А твое упрямство, твое своенравие, твоя неистовая злоба на всех, кто, по-твоему, мешается не в свое дело, давая тебе указания, твое злорадное ехидство, мстительность...

Юст. Черните меня сколько душе угодно, я все равно не стану думать о себе хуже, чем о своей собаке. Прошлой зимой шел я под вечер вдоль канала, слышу какой-то писк. Я живо спустился к воде и протянул руку на голос, думал, спасаю ребенка, а вытащил из воды собачонку. Что ж, и это недурно, подумал я. Собачонка увязалась за мной, но я до собак не охотник, я ее гнал от себя — ничего не помогло, бил — ничего не помогло. Ночью я ее не впустил к себе в чулан, она легла на пороге перед дверью. Когда она ко мне подходила, я пинал ее ногой, она взвизгивала, смотрела мне в глаза и виляла хвостом. Я ей

еще ни разу куска хлеба не дал, а слушается она только меня, мне только и позволяет себя трогать. Да еще прыгает передо мной и по доброй воле показывает все свои фокусы. Если так и дальше будет, я, ей-богу, полюблю собак.

Тельхейм *(в сторону)*. А я его! Не должно быть извергов среди людей!.. Юст, мы останемся вместе.

Юст. Ясное дело! Вы хотели обойтись без слуги. Видать, забыли свои раны, забыли, что у вас только одна рука здоровая. Вы и одеться-то сами не можете. Куда вам без меня; вдобавок, скажу не хвалясь — я такой слуга, что, если уж настанет черный день, пойду просить милостыню, а не то и воровать для своего хозяина.

Тельхейм. Юст, ты у меня не останешься.

Юст. Ладно уж, ладно!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Слуга, Тельхейм, Юст.

Слуга. Эй, приятель!

Юст. В чем дело?

Слуга. Не могли бы вы указать мне офицера, который еще вчера жил вот в этой комнате? *(Показывает на комнату, из которой сам сейчас вышел.)*

Юст. Ничего не может быть легче. А с чем вы к нему идете?

Слуга. С тем, что приносят, когда нечего принести,— с извинениями. Моя госпожа узнала, что из-за нее офицеру пришлось выехать из своей комнаты. Моя госпожа благовоспитанная дама и послала меня просить извинения от ее имени.

Юст. Ну и просите, вот он стоит.

Слуга. Кто он? Как его величать?

Тельхейм. Дружище, я уже слышал, какое у вас ко мне поручение. Ваша госпожа, пожалуй, излишне учтива, но я, разумеется, ценю эту учтивость как должно. Передайте мою благодарность своей госпоже. Как ее имя?

Слуга. Имя? Мы зовем ее сударыней.

Тельхейм. А фамилия?

Слуга. Никогда не слышал, а спрашивать не мое дело. Мне по большей части удается менять господ каждые шесть недель. Ихних фамилий и сам черт не упомнит!

Юст. Вот здорово-то, приятель!

Слуга. К этой я поступил в Дрездене всего несколько дней назад. Сдается мне, она ищет здесь своего жениха.

Тельхейм. Хватит, дружище, я хотел знать имя вашей госпожи, но не ее секреты. Идите!

Слуга. Мне, приятель, такой хозяин бы по душе не пришелся.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Тельхейм, Юст.

Тельхейм. Сделай все возможное, Юст, чтобы нам поскорее выбраться из этого дома. Учтивость незнакомой дамы ранит меня больнее, чем грубость трактирщика. Вот возьми этот перстень, последнюю драгоценность, которая у меня осталась! Никогда я не думал, что найду ей такое применение! Снеси его в заклад! Тебе, пожалуй, дадут восемьдесят фридрихсдоров, счет трактирщика, надо думать, не превысит тридцати. Расплатись с ним и забери мои вещи. А куда, собственно? Куда хочешь. Лучше самого дешевого постоялого двора все равно ничего не придумаешь. Ты найдешь меня в кофейне, по соседству. Я ухожу. Постарайся хорошо справиться с моим поручением.

Юст. Будьте спокойны, господин майор.

Тельхейм *(возвращается)*. Главное, не забудь мои пистолеты, они висят над кроватью.

Юст. Ничего я не забуду.

Тельхейм *(возвращается вторично)*. Да, вот еще что: возьми своего пса, слышишь, Юст!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Юст.

Юст. Пес уж сумеет позаботиться, чтобы от нас не отстать. Гм! Оказывается, у хозяина еще остался драгоценный перстень. И носил он его в кармане, а не на пальце. Да-с, добрый мой приятель-трактирщик, мы еще не такая голь, как ты думаешь. У тебя-то я и заложу этот перстенек! Ух, и разозлишься ты, что мы не все еще проели в твоем трактире.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Пауль Вернер, Юст.

Юст. Смотрите-ка, Вернер! Добрый день, Вернер! С возвращением в город.

Вернер. Будь она проклята, эта деревня! Не в силах я снова привыкать к ней. Радуйтесь, ребята, радуйтесь, я вам деньжонок привез! Где майор?

Юст. Да разве ты его не встретил? Он только что спустился вниз.

Вернер. Я с черного хода пришел. Ну как у него дела? Я бы уж на прошлой неделе к вам приехал, кабы...

Юст. Чего ж ты задержался?

Вернер. Юст, слыхал ты про князя Ираклия?

Юст. Ираклия? Отродясь не слыхивал.

Вернер. Неужто ты ничего не знаешь о великом герое Востока?

Юст. Я знаю волхвов с востока, что под Новый год шатаются по домам со звездой.

Вернер. Ты, парень, видать, газеты читаешь не чаще, чем Библию. Не знать князя Ираклия? Смельчака, что завоевал Персию? И через день-другой взорвет Оттоманскую порту? Слава тебе господи, хоть где-то на земле еще идет война! Я все надеялся, что она снова вспыхнет в наших краях. Куда там, здесь спят и зализывают раны. Нет, я был солдатом и буду им опять! Одним словом *(озирается в страхе не подслушивают ли его)*, по секрету, Юст, я еду в Персию, чтобы под началом его королевского высочества князя Ираклия хоть разок-другой принять участие в турецких походах.

Юст. Ты?

Вернер. Я, провалиться мне на этом месте! Наши предки, не щадя своих сил, сражались с турками; если мы честные люди и добрые христиане, нам надо следовать их примеру. Я, конечно, понимаю, что поход против турок и вполовину не такое веселое дело, как против французов. Зато он повыгоднее будет для этой и для будущей жизни. У турок сабли осыпаны бриллиантами.

Юст. Я бы и с места не двинулся для того, чтобы мне такой саблей перерубили голову. Ты что, спятил — покинуть должность и свой крестьянский двор?

Вернер. А я его с собой прихвачу!.. Намотай это себе на ус. Двор-то я продал.

Юст. Продал?

Вернер. Ш-ш! Вот сотня дукатов, вчера я получил их в задаток и принес майору.

Юст. А что ему с ними делать?

Вернер. Что делать? Проесть, проиграть, пропить, про... что угодно. Этот человек должен быть при деньгах; беда, что у него и кровные-то деньги хотят зажилить. Уж я-то на его месте знал бы, как поступить! Я бы подумал: а ну вас всех к дьяволу, и отправился бы вместе с Паулем Вернером в Персию. Черт побери! Князь Ираклий наверняка слыхал о майоре Тельхейме, если даже ничего не слыхал о его бывшем вахмистре Пауле Вернере. Наш патиск под Каценхаузером...

Юст. Рассказать тебе о нем?

Вернер. Что ты можешь мне рассказать? Отличная диспозиция, как я вижу, тебе не по разуму. Да я и не собираюсь метать бисер перед свиньей. Возьми эти сто дукатов и передай майору. Скажи, что я прошу их тоже сохранить. А сейчас мне надо на рынок: я туда прислал две меры ржи, выручку он тоже может взять себе.

Юст. Вернер, ты пришел с наилучшими намерениями. Но мы твоих денег не возьмем. Оставь при себе свои дукаты, и сотню своих пистолей тоже можешь в любую минуту получить обратно в целости и сохранности.

Вернер. Как? Разве у майора еще водятся деньги?

Юст. Нет.

Вернер. Призанял где-нибудь, что ли?

Юст. Нет.

Вернер. На что ж вы живете?

Юст. Велим записывать наш долг, а когда записывать больше не хотят и вышвыривают нас на улицу, какую-нибудь вещичку закладываем из тех, что у нас еще остались, и перебираемся в другое место. Слушай-ка, Пауль, надо нам сыграть шутку со здешним трактирщиком.

Вернер. Он чинит неприятности майору? В таком случае я готов.

Юст. Что, если бы нам подкараулить его ночью, когда он уходит из трактира, и хорошенько вздуть?

Вернер. Ночью? Подкараулить? Двое на одного? Нет, никуда не годится.

Юст. А может, поджечь его дом?

Вернер. Поджечь? Э, парень, сразу видно, что ты был обозником, а не солдатом, фу!

Юст. Или обесчестить его дочь. Хоть она и уродина, каких свет не видывал.

Вернер. Ну, это, уж наверно, давно состоялось! И вдобавок, тут тебе помощник не нужен. Но в чем дело? Что случилось?

Юст. Пойдем, я тебе таких чудес нарасскажу.

Вернер. Да, здесь, видать, черт орудует.

Юст. Ну, идем же!

Вернер. Что ж, тем лучше! В Персию! В Персию!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена изображает комнату фрейлейн Минны фон Барнхельм.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Минна, Франциска.

Минна *(в неглиже, смотрит на свои часики)*. Очень уж мы рано поднялись, Франциска. День покажется нам долгим-предолгим.

Франциска. В этих злосчастных больших городах до полудня не поспишь! Кареты, ночные сторожа, барабаны, кошки, капралы — все бесперечь громыхает, кричит, ругается, мяучит. Ночь, кажется, для чего угодно предназначена, только не для сна. Не угодно ли чашечку чая, сударыня?

Минна. Не люблю я чай.

Франциска. Я велю сварить шоколад из наших запасов.

Минна. Что ж, вели — для себя.

Франциска. Для меня? Пить шоколад в одиночестве — все равно что разговаривать сама с собою. Эдак время и вправду долго будет тянуться. Со скуки хорошо бы вам заняться своими нарядами и примерить платье, в котором вы пойдете на первый штурм.

Минна. О каком штурме ты говоришь? Я приехала сюда лишь затем, чтобы потребовать соблюдения условий капитуляции.

Франциска. А господин офицер, которого мы вытеснили и потом перед ним извинились, видно, человек не слишком-то благовоспитанный, иначе он попросил бы оказать ему честь и дозволить посетить нас.

Минна. Не все офицеры — Тельхеймы. По правде говоря, я послала слугу принести ему мои извинения, надеясь, что мне

представится случай что-нибудь разузнать у него о Тельхейме. Франциска, сердце говорит мне, что моя поездка закончится счастливо, что я найду его.

Франциска. Сердце, сударыня? Сердцу особенно доверять не следует. Сердце только и знает, что нашептывать нам то, что уже сказал язык. А если бы язык, в свой черед, хотел вторить сердцу, то давно бы уж выдумали моду запирать рот на замок.

Минна. Ха-ха! Подумать только — рот на замке. Такая мода, право же, пришлась бы мне по вкусу!

Франциска. Уж лучше скрывать даже самые красивые зубы, чем каждую минуту открывать свое сердце.

Минна. Будто уж ты такая скрытная!

Франциска. Увы, нет, сударыня, но я хотела бы быть скрытной. Люди редко говорят о добродетели, им присущей, но тем чаще о той, которой им недостает.

Минна. Ай да Франциска, ты сделала верное замечание.

Франциска. Сделала? Разве делают то, что само собой приходит на ум?

Минна. А знаешь, почему мне пришлись по вкусу твои слова? Они во многом относятся к моему Тельхейму.

Франциска. А что у вас к нему не относится?

Минна. Друзья и враги утверждают, что нет на свете человека отважнее его. Но разве когда-нибудь он заводил речь об отваге? У него честнейшее сердце, но честность и благородство — слова, ни разу не срывавшиеся у него с языка.

Франциска. О каких же добродетелях он изволит говорить?

Минна. Ни об одной, ибо обладает всеми.

Франциска. Это я и хотела услышать.

Минна. Погоди, Франциска, мне вспомнилось, что он частенько говорит о бережливости. Скажу тебе по секрету, я-то думаю, что он расточитель.

Франциска. И еще одно, сударыня. Я часто слышала его речи о постоянстве и верности вам. А что, если этот господин оказался ветреником?

Минна. Замолчи, несчастная! Неужто ты всерьез это сказала, Франциска?

Франциска. Как давно он вам не писал?

Минна. Ах, после заключения мира я получила одно-единственное письмо.

Франциска. Значит, и вы мирное время виноватите! Странное дело! Мир ведь должен был исправить зло, сотворен-

ное войной, а он, оказывается, разрушает доброе, что проявилось в войну. Не надо бы ему так озоровать! И давно ли у нас мир? Время кажется долгим и докучливым, когда нет никаких новостей. Много ли толку с того, что почта работает исправно: никто не пишет, потому что и писать теперь не о чем.

Минна. «Мир наконец заключен, и близится исполнение моих желаний...» — написал он мне. Но ведь всего один-единственный раз написал...

Франциска. Вот он и принудил нас поспешить навстречу исполнению его желаний. Ну да за это он у нас поплатится, как только мы его найдем! Впрочем, если желания этого господина уже исполнились, и мы здесь узнаем, что...

Минна *(в страхе и возбуждении)*. Что он погиб?

Франциска. Для вас, сударыня, в объятиях другой...

Минна. Не мучай меня, Франциска. Дай срок, он тебе это припомнит! Ну да ладно, болтай еще, не то мы опять заснем. После заключения мира его полк был расформирован. Кто знает, в какую пучину счетов и отчетов пришлось ему погрузиться? Кто знает, в какой полк его перевели, в какую загнали глухую провинцию? Кто знает, что за обстоятельства... К нам стучат!

Франциска. Войдите!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и трактирщик.

Трактирщик *(всовывает голову в дверь)*. Позвольте войти, сударыня?

Франциска. Наш хозяин? Милости просим.

Трактирщик *(за ухом у него перо, в руках бумага и чернильница)*. Я пришел, сударыня, смиренно пожелать вам доброго утра *(Франциске)* и вам тоже, прелестное дитя.

Франциска. Какой учтивый хозяин.

Минна. Благодарствуйте.

Франциска. Мы, в свою очередь, желаем вам доброго утра.

Трактирщик. Смею ли я осведомиться, как ваша милость изволили почивать первую ночь под моей убогой кровлей?

Франциска. Кровля не так уж плоха, но кровати могли быть лучше.

Трактирщик. Что я слышу? Вам не удалось хорошо

отдохнуть? Может быть, ваша милость слишком переутомились с дороги?

Минна. Возможно.

Трактирщик. Без сомненья, без всякого сомненья... А если вашей милости что-нибудь неудобно или не нравится, извольте только слово сказать и...

Франциска. Ладно, хозяин, ладно! Не такие уж мы робкие, а на постоялом дворе и подавно робеть не приходится. Конечно же, мы скажем, если нам что-либо понадобится.

Трактирщик. Я пришел еще и затем... *(Вытаскивает перо из-за уха.)*

Франциска. Ну же!

Трактирщик. Вашей милости, конечно, известны мудрые установления нашей полиции.

Минна. Понятия о них не имею, хозяин.

Трактирщик. Нам, трактирщикам, вменено в обязанность представлять в течение двадцати четырех часов письменные сведения о приезжих, к какому бы полу и сословию они ни принадлежали, включая имя, место рождения, ранг, причину приезда в данный город, предполагаемый срок пребывания в нем и так далее.

Минна. Что ж, хорошо.

Трактирщик. Значит, ваша милость, дозволит мне... *(Подходит к столу и готовится писать.)*

Минна. Итак, меня зовут...

Трактирщик. Минутку терпения. *(Пишет.)* Двадцать второго августа сего года прибыли в трактир «Испанский король». А теперь ваше имя, сударыня?

Минна. Фон Барнхельм.

Трактирщик *(пишет)*. «Фон Барнхельм». Откуда прибыли, ваша милость?

Минна. Из моих саксонских поместий.

Трактирщик *(пишет)*. «Из саксонских поместий». Из Саксонии! Ай-ай-ай, из Саксонии, значит, ваша милость из Саксонии?

Франциска. А что тут такого? Или в ваших краях считается грехом жить в Саксонии?

Трактирщик. Грехом? Упаси боже! Это был бы совсем новый грех! Из Саксонии, значит. Ай-ай-ай! Из Саксонии! Прекрасная Саксония! Но насколько мне известно, барышня, Саксония довольно велика, и там немало, как же это называется? Округов, провинций. Наша полиция любит точность, сударыня.

Минна. Понимаю: итак, из моих поместий в Тюрингии.

Трактирщик. Из Тюрингии! Это уж куда лучше, ваша милость, куда точнее. *(Пишет и читает.)* «Барышня фон Барнхельм прибыла из своих поместий в Тюрингии, с ней вместе камер-фрау и два лакея».

Франциска. Камер-фрау? Уж не я ли это?

Трактирщик. Вы, прелестное дитя.

Франциска. В таком случае, господин трактирщик, уж пишите не камер-фрау, а камер-юнгфера. Вы сказали, что полиция любит точность, а тут может произойти недоразумение, которое в свое время,— при моем вступлении в брак, например,— приведет к нежелательным пересудам. Я и в самом деле еще девица, и звать меня Франциской. Моя фамилия Виллиг, Франциска Виллиг. Я тоже из Тюрингии. Отец был мельником в одном из поместий моей барышни. В Клейн-Рамсдорфе. Теперь мельницу арендует мой брат. Меня рано взяли в господский дом и воспитали вместе с барышней. Мы с ней ровесницы, на сретенье нам обеим стукнет двадцать один год. Я училась тому же, что и моя барышня. И буду очень довольна, если полиция все это узнает.

Трактирщик. Хорошо, дитя мое, мы это отметим позднее. А теперь, сударыня, какие дела привели вас в наш город?

Минна. Дела?

Трактирщик. Ваша милость, вероятно, собирается подать прошение королю?

Минна. О нет!

Трактирщик. Или в нашу Высшую судейскую коллегию?

Минна. Тоже нет.

Трактирщик. Или...

Минна. Нет, нет, я приехала сюда по своим делам.

Трактирщик. Отлично, сударыня, но как называются эти «ваши» дела?

Минна. Они называются... Франциска, похоже, что нас допрашивают!

Франциска. Хозяин, неужто полиция старается проникнуть в тайны женского сердца?

Трактирщик. Разумеется, дитя мое: полиция хочет все, все знать, и в первую очередь тайны.

Франциска. Что же нам делать, сударыня? Ну, слушайте же, хозяин, только все, что я скажу, должно остаться между нами и полицией.

Минна. Что она скажет ему, эта озорница?

Франциска. Мы приехали, чтобы похитить у короля одного офицера.

Трактирщик. Как? Что вы говорите, дитя мое?

Франциска. Или устроить так, чтобы офицер похитил нас. Впрочем, это одно и то же.

Минна. Ты с ума сошла, Франциска! Хозяин, эта дерзкая девчонка смеется над вами.

Трактирщик. Что-то не верится! Я, конечно, человек маленький, надо мною можно и потешаться сколько душе угодно, но над нашей почтеннейшей полицией...

Минна. Знаете что, хозяин? Я в таких делах не разбираюсь. Хорошо, если бы вы отложили все это писанье до приезда моего дядюшки. Я еще вчера говорила вам, почему мы не приехали вместе. У него сломался экипаж в двух милях отсюда, и он не хотел, чтобы я из-за этой случайности провела бессонную ночь. Пришлось мне ехать вперед. Он прибудет не позднее чем через сутки.

Трактирщик. Хорошо, сударыня, дождемся его.

Минна. Он лучше меня сумеет ответить на ваши вопросы. Ему известно, с кем и о чем можно говорить, а также о каких делах следует упомянуть, а о каких умолчать.

Трактирщик. Тем лучше! Конечно же, конечно, нельзя требовать от молодой девицы *(бросает многозначительный взгляд на Франциску)*, чтобы она всерьез обсуждала серьезные вопросы с серьезными людьми.

Минна. Надеюсь, что комнаты для него приготовлены?

Трактирщик. Все в полной готовности, сударыня, в полной готовности, кроме одной...

Франциска. Из которой вам, пожалуй, сначала придется выселить честного человека.

Трактирщик. До чего же сострадательные девицы эти камер-юнгферы из Саксонии.

Минна. Она права, хозяин, вы дурно поступили. Лучше уж было отказать нам в пристанище.

Трактирщик. Бог с вами, сударыня!

Минна. Я слышала, что офицер, которого мы поневоле вытеснили...

Трактирщик. Всего-навсего офицер в отставке, сударыня.

Минна. Что с того?

Трактирщик. Человек, можно сказать, конченый.

Минна. Тем хуже! Мне, однако, довелось слышать о его заслугах.

Трактирщик. Я же вам говорю, что он уволен в отставку.

Минна. Король не может помнить всех заслуженных людей.

Трактирщик. О, напротив, он знает их наперечет.

Минна. И тем паче не может достойно наградить каждого.

Трактирщик. Король бы всех наградил, если бы все жили, как положено. Но покуда шла война, эти господа вели себя так, словно она будет длиться вечно, словно что «твое», то «мое». Сейчас ими битком набиты все трактиры и постоялые дворы, и хозяевам приходится держать ухо востро. С этим отставным офицером я еще кое-как выпутался. Деньги-то у него, правда, кончились, но кое-какие ценности еще остались. Два-три месяца я бы, конечно, мог его не беспокоить. Но бережеиого бог бережет. Кстати, сударыня, вы, наверно, знаете толк в драгоценностях?

Минна. Не слишком.

Трактирщик. Неужто? А я хотел показать вам перстень, драгоценный перстень. У вас, сударыня, на руке — я чем больше смотрю, тем больше удивляюсь,— очень уж похожий на мой. Взгляните, прошу вас, взгляните! *(Вынимает перстень из футляра и подает Минне.)* Какая игра! Один средний бриллиант весит больше пяти каратов.

Минна *(пристально смотрит на перстень)*. Что это значит? Что я вижу? Это кольцо...

Трактирщик. Худо-бедно стоит полторы тысячи талеров.

Минна. Франциска! Взгляни же!

Трактирщик. Я не задумываясь дал под него восемьдесят пистолей.

Минна. Неужто ты его не узнаешь, Франциска?

Франциска. Он самый! Откуда вы его взяли, хозяин?

Трактирщик. Откуда бы ни взял, у вас, дитя мое, не имеется никаких прав на него.

Франциска. У нас не имеется прав на него? На внутренней стороне должен быть вензель моей барышни. Покажите же ему, барышня!

Минна. Да, это он, он! Как попал к вам этот перстень, хозяин?

Трактирщик. Наичестнейшим образом, сударыня. Сударыня, не захотите же вы ввергнуть меня в беду и горе? Откуда мне знать, что это за перстень и чей он? За время войны многие вещи переменили своих владельцев с ведома таковых или без оного. Война есть война. Думается, это не первый и не последний саксонский перстень, перекочевавший через границу. Отдайте мне его, сударыня, прошу вас, отдайте!

Франциска. Сначала ответьте — кто вам дал его?

Трактирщик. Человек, которого я ни в чем худом заподозрить не могу, человек настолько добропорядочный...

Минна. Лучший человек на земле, если перстень достался вам от того, кому он принадлежит. Живо приведите сюда этого человека! Это он или, по крайней мере, тот, кто его знает.

Трактирщик. Кто же это? Кого мне привести, сударыня?

Франциска. Да что вы оглохли, хозяин? Нашего майора.

Трактирщик. Майора? Он и вправду майор, постоялец этой комнаты, который заложил у меня...

Минна. Майор фон Тельхейм.

Трактирщик. Фон Тельхейм, да! Он знаком вам?

Минна. Знаком ли? И он здесь? Тельхейм здесь? И он, он занимал эту комнату? И он, он заложил у вас свой перстень? Как мог этот человек попасть в такое положение? Где он? Он задолжал вам? Франциска, неси сюда шкатулку! Отопри ее!

Франциска ставит шкатулку на стол и отпирает ее.

Сколько он должен вам? И кому еще? Приведите ко мне остальных его кредиторов. Вот деньги. И векселя. Все принадлежит ему.

Трактирщик. Что я слышу?

Минна. Где он? Где?

Трактирщик. Час назад был здесь.

Минна. Гадкий человек, как вы смели так грубо, так безжалостно, так жестоко поступить с ним?

Трактирщик. Простите, ваша милость...

Минна. Скорей приведите его сюда.

Трактирщик. Майоров слуга, возможно, еще здесь. Вашей милости угодно, чтобы я велел ему разыскать хозяина?

Минна. Угодно ли мне? Торопитесь, бегите бегом, за одну эту услугу я прощу вам возмутительное обхождение с ним.

Франциска. Живо, хозяин, а ну попроворнее. *(Выталкивает его.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минна, Франциска.

Минна. Подумай только, Франциска, я нашла его! Нашла! Право же, от радости я себя не помню! Радуйся и ты со мной, Франциска, милочка. Впрочем, чего тебе радоваться? И все-таки ты должна, ты обязана радоваться со мной. Подойди ко мне, я хочу кое-что подарить тебе, чтобы и у тебя был повод для радости. Что тебе подарить, Франциска, скажи? Какое всего лучше идет к тебе из моих платьев? Какое тебе по душе? Бери любое. Я вижу, ты ничего не хочешь брать. Погоди! *(Сует руку в шкатулку.)* Вот, моя милочка *(дает ей деньги)*, купи себе что-нибудь по своему вкусу. Если не хватит, скажи, я дам еще. Только радуйся вместе со мной. Ну, бери же...

Франциска. Выйдет, что я ворую у вас эти деньги, вы же просто пьяны от радости!

Минна. А раз пьяна, значит, я сердитая, бери же, девочка. *(Сует ей в руку деньги.)* И смотри, если вздумаешь меня благодарить! Погоди, хорошо, что я вспомнила. *(Снова вытаскивает деньги из шкатулки.)* Вот эти деньги, милочка, отложи для первого же раненого солдата, который нам встретится.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Трактирщик, Минна, Франциска.

Франциска. Ну? Идет он?

Трактирщик. Нахальный, неотесанный мужлан!

Минна. Кто?

Трактирщик. Его слуга. Не желает, видите ли, сходить за ним.

Франциска. Ведите сюда этого мошенника! Я ведь наперечет знаю всех слуг майора. Который же это из них?

Минна. Сейчас же приведите его сюда. Увидит нас — живо перестанет упрямиться.

Трактирщик уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Минна, Франциска.

Минна. Не могу дождаться этой минуты. А ты, Франциска, холодна, видно, не хочешь радоваться вместе со мной.

Франциска. Всей душой хочу, да вот...

Минна. Что «да вот»?

Франциска. Мы его нашли, но в каких обстоятельствах? По всему, что мы слышали, ему, видно, круто приходится. Он несчастен. И меня это просто убивает.

Минна. Убивает? Позволь я обниму тебя, дорогая моя подруга! Никогда я тебе этого не забуду! Я только влюблена, а ты — ты добрая душа!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, трактирщик, Юст.

Трактирщик. Силком приволок!

Франциска. Его лицо мне незнакомо! Я не знаю этого парня.

Минна. Скажите, мой друг, вы служите у Тельхейма?

Юст. Да.

Минна. Где же ваш хозяин?

Юст. Не здесь.

Минна. Но вы сумеете его найти?

Юст. Да.

Минна. Не можете ли вы привести его к нам, да поскорей?

Юст. Нет.

Минна. Этим вы оказали бы мне большую услугу.

Юст. Еще чего!

Минна. И сделали бы приятное своему хозяину.

Юст. Может, и неприятное.

Минна. Почему вы так думаете?

Юст. Вы ведь та приезжая дама, что сегодня присылала к нему слугу с извинениями.

Минна. Да.

Юст. Выходит, я не ошибся.

Минна. Ваш хозяин знает мое имя?

Юст. Нет, но он терпеть не может слишком учтивых дам, точь-в-точь как и грубых трактирщиков.

Трактирщик. Кажись, камень в мой огород?

Юст. Да.

Трактирщик. Нечего срывать свою злобу на барышне; живехонько доставьте его сюда.

Минна *(Франциске)*. Франциска, дай ему денег...

Франциска *(сует деньги Юсту)*. Мы не задаром просим вас об услуге.

Юст. А я задаром не беру ваших денег.

Франциска. Рука руку моет.

Юст. Нет, не могу. Хозяин приказал мне вывезти отсюда вещи. Я уже почти все уложил и покорнейше прошу мне больше не мешать. Как управлюсь, скажу ему, чтобы он сюда пришел. Он тут рядом, в кофейне, и если не найдет лучшего занятия, то, наверно, зайдет к вам. *(Хочет уйти.)*

Франциска. Постойте, моя барышня — сестра господину майору.

Минна. Да, да, я сестра ему.

Юст. Кто-кто, а я-то знаю, что у майора никакой сестры нет. За полгода он два раза гонял меня в Курляндию к своей семье. Конечно, сестры разные бывают!

Франциска. Наглец!

Юст. Приходится нагличать, ежели тебя не отпускают. *(Уходит.)*

Франциска. Вот негодяй!

Трактирщик. Я же вам говорил. Ну, да бог с ним. Теперь-то я знаю, где его хозяин. И сам его приведу. Только, сударыня, покорнейше прошу вас замолвить за меня словечко перед господином майором. Надо же было эдакой беде стрястись — против своей воли выселил почтеннейшего человека.

Минна. Идите скорее, прошу вас. Я уж сумею все это уладить.

Трактирщик уходит.

Франциска, беги за ним: пусть не называет моего имени!

Франциска бежит за трактирщиком.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Минна, потом Франциска.

Минна. Я нашла его! Кажется, я здесь одна. Пусть же не пропадут даром эти мгновения! *(Молитвенно складывает руки.)* Я одна, но я не одинока! *(Подымает взор горе.)* Одна

благодарная мысль, устремленная к всевышнему,— лучше любой молитвы! Я нашла его, нашла! *(Простирая руки.)* Я счастлива и весела! А творцу разве не милее всего веселость его создания?

Входит Франциска.

Ты уже здесь? Ты жалеешь его? Я не жалею. И несчастье может обернуться благодатью. А что, если всевышний все отнял у него, чтобы во мне все ему возвратить!

Франциска. Он должен вот-вот прийти — а вы, сударыня, еще в неглиже. Нехудо бы вам одеться, да поскорее.

Минна. Брось! Прошу тебя. Отныне он чаще будет видеть меня такою, чем разряженной.

Франциска. О, вы себя знаете, сударыня.

Минна *(подумав)*. Твоя правда, девочка. Ты опять попала в точку.

Франциска. Красавица всего красивее без всяких уборов.

Минна. Так ли уж важно быть красивой? Но вот считать себя такою, пожалуй, необходимо. Ах, лишь бы я для него, для него была хороша! Франциска, если всем девушкам знакомы чувства, которые сейчас испытываю я, значит, мы — чудные создания. Нежные и гордые, добродетельные и суетные, сладострастные и благочестивые. Ты не поймешь меня. Я сама себя не понимаю. От радости у меня голова идет кругом.

Франциска. Возьмите себя в руки, сударыня, я слышу шаги...

Минна. Взять себя в руки? И спокойно встретить его?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, фон Тельхейм, трактирщик.

Тельхейм *(входит и, завидев Минну, бросается к ней)*. Ах, моя Минна!

Минна *(бежит ему навстречу)*. Ах, мой Тельхейм!

Тельхейм *(отпрянув)*. Простите меня, сударыня,— увидеть здесь фрейлейн фон Барнхельм...

Минна. Ужели для вас это такая неожиданность? *(Ближе подходит к нему, он отступает.)* Простить вам то, что я по-прежнему ваша верная Минна? И да простит вам господь, что я все еще зовусь Минной фон Барнхельм!

Тельхейм. Сударыня... *(Пристально смотрит на трактирщика и пожимает плечами.)*

Минна *(заметив трактирщика, подает знак Франциске)*. Сударь...

Тельхейм. Если мы оба не ошибаемся...

Франциска. Какого это человека вы нам привели, хозяин? Идемте поскорей искать того, кого мы хотели видеть.

Трактирщик. Да разве ж это не тот? Ей-богу, тот самый.

Франциска. Ей-богу, нет!.. Поторапливайтесь, я еще не пожелала «доброго утра» вашей дочке.

Трактирщик. Много чести... *(Не трогается с места.)*

Франциска *(тянет его за собой)*. Идемте же, нам надо составить меню. Я хочу знать, чем нас будут потчевать сегодня!

Трактирщик. На первое будет...

Франциска. Тише, тише! Если барышня узнает, что́ ей подадут на обед, у нее сразу пропадет аппетит. Пойдемте, вы мне это сообщите по секрету. *(Насильно уводит его.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фон Тельхейм, Минна.

Минна. Значит, мы все еще блуждаем впотьмах?

Тельхейм. О, если бы так было угодно небесам. Но на свете есть только *одна* девушка, и это вы.

Минна. Почему вы говорите обиняками? То, что нам надо сказать друг другу, могут слышать все.

Тельхейм. Вы — здесь? Что вы здесь ищете, сударыня?

Минна. Больше ничего не ищу. *(Раскрыв объятия, идет к нему.)* Я нашла все, что искала.

Тельхейм *(отступая)*. Вы искали счастливого человека, достойного вашей любви, а нашли — неудачника.

Минна. Вы меня больше не любите? Вы любите другую?

Тельхейм. Ах! Тот, кто мог бы после вас полюбить другую, никогда не любил, сударыня.

Минна. Вы выдернули из моего сердца только одну занозу. Если я утратила вашу любовь, не все ли равно, что́ отняло ее у меня,— безразличие или чьи-то более сильные чары? Вы не любите меня? И никакую другую не любите? Несчастный человек, не ведающий любви!

Тельхейм. Вы правы, сударыня; несчастному никого нельзя любить. Он заслужил свое несчастье, если у него недостало сил одержать победу над собой, не допустить, чтобы любимая делила с ним его злую долю. Как тяжело достается эта победа! Сколько усилий я затратил с тех пор, как разум и необходимость приказали мне позабыть Минну фон Барнхельм! И только-только во мне забрезжила надежда, что эти усилия не останутся тщетными навек, как явились вы, сударыня!

Минна. Правильно ли я вас поняла? Погодите, сударь, давайте, прежде чем плутать дальше, разберемся, куда мы зашли. Согласны ли вы ответить мне на один-единственный вопрос?

Тельхейм. На любой, сударыня...

Минна. Но ответить без околичностей и оговорок, прямым «да» или «нет»?

Тельхейм. Я согласен, если смогу.

Минна. Сможете. Итак: несмотря на усилия, которые вы приложили, чтобы забыть меня, любите ли вы меня еще, Тельхейм?

Тельхейм. Сударыня, этот вопрос...

Минна. Вы обещали ответить только «да» или «нет».

Тельхейм. Но я добавил: если смогу.

Минна. Вы можете; должны же вы знать, что́ творится в вашем сердце. Любите ли вы меня еще, Тельхейм? Да или нет?

Тельхейм. Если мое сердце...

Минна. Да или нет?!

Тельхейм. В таком случае — да!

Минна. Да?

Тельхейм. Да, да. Но...

Минна. Не спешите. Вы еще любите меня: мне этого достаточно. Какой тон мне пришлось взять с вами! Противный, унылый, навязчивый. Нет, я вернусь к своему обычному тону. Так вот, милый мой неудачник, вы еще любите свою Минну, она еще верна вам, а вы несчастливы. Послушайте же, каким самоуверенным глупым созданием была и осталась ваша Минна. Она позволяла и позволяет себе воображать, что в ней — все ваше счастье. Скорее рассказывайте о своих бедах. А уж она решит, что́ больше весит. Ну же!

Тельхейм. Сударыня, я не привык плакаться.

Минна. Вот и хорошо. В солдате, после бахвальства, мне всего противнее сетования на судьбу. Но можно ведь и в сухой,

небрежной манере рассказать о своей храбрости и о своих невзгодах.

Тельхейм. И в сущности, это будет то же бахвальство и те же сетования.

Минна. Эх вы, правдолюбец, в таком случае не следовало называть себя несчастным... Либо уж молчать, либо выкладывать всю правду. Необходимость, голос разума приказывают вам забыть меня? Я преклоняюсь перед разумом и благоговею перед необходимостью. Но докажите же мне, насколько разумен ваш разум и необходима ваша необходимость!

Тельхейм. Хорошо, слушайте же, сударыня! Вы зовете меня Тельхеймом. Это имя совпадает с моим. Но вы полагаете, что я тот Тельхейм, которого вы знали в своих родных краях: цветущий мужчина, исполненный желаний и честолюбия, человек, властвующий над своим телом и своей душой, перед которым распахнутыми стоят врата счастья и славы, который если еще и не был достоин вашей руки и сердца, то мог надеяться, что с каждым днем будет все достойнее. Мне назваться тем Тельхеймом так же невозможно, как назваться собственным отцом. Нет больше ни того, ни другого. Я Тельхейм, но Тельхейм в отставке, уязвленный в своей чести, калека, нищий. Сударыня, вы дали слово тому Тельхейму, захотите ли вы снова дать его этому?

Минна. Звучит трагически! Но, сударь, покуда я найду того — а к Тельхеймам я питаю неизменно нежные чувства,— этому придется протянуть мне руку помощи. Вашу руку, милый нищий! *(Берет его руку.)*

Тельхейм *(держа шляпу в другой руке, прикрывает ею лицо и отворачивается)*. Это уж слишком! Где я? Пустите меня, сударыня! Ваша доброта — пытка для меня. Пустите!

Минна. Что с вами? Куда вы?

Тельхейм. Прочь от вас.

Минна. Прочь от меня? *(Кладет его руку себе на грудь.)* Пустые мечты!

Тельхейм. Отчаяние бросит меня мертвым к вашим ногам.

Минна. Прочь от меня?

Тельхейм. Да, прочь! Никогда, никогда не видеть вас. Я решил, решил твердо и бесповоротно — не совершать низости. Не допустить вас до опрометчивого шага. Пустите меня, Минна! *(Вырывается и убегает.)*

Минна *(ему вслед)*. Мине — отпустить вас? Тельхейм! Тельхейм!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зал в трактире. Юст с письмом в руке.

Юст. Опять пришлось мне идти в этот дом, будь он неладен. Письмецо от моего хозяина к барышне, что выдает себя за его сестрицу. Только бы у них ничего не закрутилось! А то — бегай взад-вперед с письмами. Хоть бы уж это сбыть поскорей, а в комнату к ним идти душа не лежит. Девица все меня расспрашивает, а я отвечать не охотник! Эге, открывается дверь. Как по заказу! Душанчик горничная!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Франциска, Юст.

Франциска *(обернувшись к двери, из которой только что вышла)*. Не тревожьтесь, я уж его подкараулю. Ой *(заметив Юста)*, вот сразу и наскочила! Ну, да с этой скотиной разговаривать нечего!

Юст. Ваш слуга...

Франциска. Больно мне нужен такой слуга...

Юст. Ладно, ладно, ты уж прости мне это слово! Я принес письмо от моего хозяина вашей барышне, его сестрице. Верно ведь, она ему сестра?

Франциска. Дайте сюда. *(Вырывает у него письмо.)*

Юст. Вы уж будьте так добры, передайте письмо, мой хозяин очень просит вас. И еще он просит, чтоб вы были так добры... Не подумайте только, что это я прошу!

Франциска. Чего ж ему надо?

Юст. Мой хозяин знает, что к чему, и знает — к барышне не подберешься без помощи камеристки — так я, по крайней мере, полагаю! Вот он и просит, чтобы вы были так добры и передали через меня, может ли он рассчитывать на удовольствие минут эдак пятнадцать побеседовать с камеристкой.

Франциска. Со мною?

Юст. Простите, коли я вас не так величаю. Да, да, с вами! Какие-нибудь четверть часика, но только украдкой, без свидетелей, что называется с глазу на глаз. Ему, мол, надо сказать вам нечто очень важное.

Франциска. Хорошо. У меня тоже найдется, что́ ему сказать. Пусть приходит, я к его услугам.

Юст. А когда ему приходить? Когда вам удобнее? Вечером, что ли?

Франциска. К чему эти разговоры? Ваш хозяин может прийти, когда ему вздумается, а теперь — скатертью дорожка.

Юст. Ухожу с удовольствием. *(Хочет уйти.)*

Франциска. Постойте, еще одно слово. А где же остальные слуги господина майора?

Юст. Остальные? Там, сям и онять там.

Франциска. Где Вильгельм?

Юст. Камердинер? Майор отправил его путешествовать.

Франциска. Так. А Филипп куда подевался?

Юст. Егерь? Майор его хорошо пристроил.

Франциска. Наверно, потому, что он теперь не держит охоты. Ну, а Мартин?

Юст. Кучер? Уехал кататься верхом.

Франциска. А Фриц?

Юст. Скороход? Повысился в должности.

Франциска. А где же вы были, когда майор стоял на зимних квартирах у нас в Тюрингии? Вы, верно, еще не служили у него?

Юст. Служил. Конюхом, только я тогда в лазарете лежал.

Франциска. Конюхом? А сейчас?

Юст. Один за всех: я и камердинер, и егерь, и скороход, и конюх.

Франциска. Ну и дела! Прогнать столько хороших усердных людей и оставить у себя самого никудышного! Хотела бы я знать, что в вас нашел господин майор?

Юст. Может быть, он нашел, что я честный малый.

Франциска. Да ведь это страх как мало быть всего-навсего честным человеком. Вильгельм — тот совсем был другой. И майор отпустил его путешествовать?

Юст. Да, потому что ничего другого сделать не мог.

Франциска. Как так?

Юст. Вильгельму теперь везде почет и уважение. Он прихватил с собою всю одежду майора.

Франциска. Что? Неужто и он сбежал?

Юст. Точно сказать не могу. Знаю только, что, когда мы уезжали из Нюрнберга, он от нас отстал, и со всеми вещами в придачу.

Франциска. Ах, мошенник!

Юст. А ведь какой был парень, умел стричь и брить, болтовней развлекать и девчонок соблазнять. Верно я говорю?

Франциска. Но уж егеря-то я, на месте майора, ни за что бы от себя не отпустила. Ежели егерь ему стал не нужен, мог бы его заставить другую работу выполнять, малый-то он был смекалистый. К кому же его устроил майор?

Юст. К коменданту Шпандау.

Франциска. В крепость? Ну, на крепостных валах не очень-то поохотишься...

Юст. Филипп там не охотится.

Франциска. А что же он делает?

Юст. Тачку возит.

Франциска. Тачку?

Юст. Но возить ее будет всего три года. Он устроил небольшой заговор в роте господина майора, хотел вывести шесть человек, минуя сторожевое охранение.

Франциска. Ну и ну!

Юст. А что, он парень смышленый, на пятьдесят миль в округе знает все стежки и тропинки через леса и болота. И стреляет — дай боже!

Франциска. Хорошо, что у майора хоть его бравый кучер остался!

Юст. А остался он у него?

Франциска. Надеюсь. Вы ведь сказали, что Мартин куда-то поехал верхом, надо думать, он скоро вернется.

Юст. Вы так полагаете?

Франциска. Куда же он уехал?

Юст. Вот уже третий месяц пошел, как он ускакал купать единственную и последнюю верховую лошадь майора.

Франциска. И до сих пор не вернулся? Висельник проклятый!

Юст. Может, наш бравый кучер захлебнулся, когда коня купал! Он и вправду был отличный кучер! Десять лет ездил в Вене. Майору такого больше не найти. Стоило ему крикнуть «тпр-ру», и кони на полном скаку останавливались и стояли как вкопанные. К тому же он был хорошим коновалом!

Франциска. Ей-богу, я уж не верю, что скороход повысился в должности.

Юст. Нет, нет, это сущая правда. Он служит барабанщиком в гарнизонном полку.

Франциска. Хорошо, коли так!

Юст. Фриц спутался с негодной бабой, не являлся домой ночевать, наделал долгов, прикрываясь именем майора, и еще

«Минна фон Барнхельм»
Действие третье, явление второе.

сотни разных подлостей. Одним словом, майор заметил, что этого малого так и тянет подняться повыше *(жестами показывает, как вешают Фрица)*, и направил его на праведный путь.

Франциска. Вот беда-то!

Юст. Но скороход он отличный, что правда, то правда. Майор давал ему пятьдесят шагов форы и не мог угнаться за ним на лучшем своем скакуне. Только Фриц, дай он виселице хоть тысячу шагов форы, все равно ее догонит, тут я готов голову прозакладывать. Все они, наверно, были вашими добрыми друзьями? Вильгельм и Филипп, Мартин и Фриц? Ну-с, а Юсту пора идти. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Франциска, потом трактирщик.

Франциска *(задумчиво смотрит ему вслед)*. Хорошо он меня проучил, по заслугам! Спасибо тебе, Юст, я слишком низко ценила честь и никогда твою науку не забуду. Ах, несчастный человек! *(Поворачивается, собираясь идти в комнату Минны.)*

В это мгновение входит трактирщик.

Трактирщик. Не спешите, милое дитя.

Франциска. Мне сейчас некогда, господин трактирщик.

Трактирщик. Одну минуточку! Все еще никаких вестей от господина майора? Не может быть, чтобы таково было его прощанье!

Франциска. О чем это вы?

Трактирщик. Разве барышня вам ничего не рассказала? Когда я, мое прелестное дитя, оставил вас внизу, в кухне, то снова ненароком забрел сюда в зал...

Франциска. Намереваясь ненароком кое-что подслушать.

Трактирщик. Ах, дитя мое, почему вы так обо мне думаете? Трактирщику негоже быть любопытным. Не успел я войти, как дверь из комнаты вашей барышни распахнулась. Оттуда опрометью выбежал майор, за ним — сама барышня, оба невесть до чего взволнованные, глаза у обоих так и сверкают — словом, такое не часто увидишь. Она схватила его за руку; он вырвался, она опять его схватила. Кричит: «Тельхейм», а он: «Пустите меня, сударыня».— «Куда вы?» Он протащил ее до

самой лестницы. Я даже испугался, как бы они оба не скатились вниз. Но он опять сумел высвободиться. Барышня осталась стоять на верхней ступеньке; она смотрела ему вслед, звала его, ломала руки. Вдруг она круто обернулась, шагнула к окну, от окна опять бросилась к лестнице, тут же от нее отскочила и заметалась по залу. Я стоял в уголке, она три раза пробежала мимо, а меня так и не заметила. Потом мне показалось, что она все-таки меня увидела, но... господи, помилуй нас грешных, решила, что это стоите вы, милое дитя. «Франциска,— крикнула она, невидящим взором глядя на меня,— ну что, нашла я свое счастье?» Потом уставилась в потолок, все твердя: «Ну что, нашла я свое счастье?» Она вытерла слезы, улыбнулась и вновь повторила: «Ну что, Франциска, нашла я свое счастье?» Ей-богу, словами не скажешь, что я почувствовал! Наконец барышня быстро пошла к своей двери и, дойдя до нее, снова ко мне повернулась: «Идем же, Франциска! Кого ты теперь жалеешь?» С этими словами она вошла в комнату.

Франциска. О господин трактирщик, вам это приснилось.

Трактирщик. Приснилось? Нет, милое дитя, такие подробности не снятся. Я человек не любопытный, но много бы дал, чтобы найти ключ от...

Франциска. Ключ? От нашей двери? Да он же торчит внутри, мы трусихи и заперлись на ночь.

Трактирщик. Не о том ключе речь. Я хочу сказать, милое дитя, ключ — объяснение тому, что я видел...

Франциска. Ах, вот как! Прощайте, господин трактирщик. Скоро ли будет готов обед?

Трактирщик. Милое дитя, я чуть не позабыл самого главного из того, что хотел сказать вам.

Франциска. Говорите же, только покороче.

Трактирщик. У вашей барышни осталось мое кольцо: я называю его своим...

Франциска. Никуда оно не денется.

Трактирщик. Мне нечего беспокоиться, я только хотел напомнить. Видите ли, я совсем не стремлюсь заполучить его обратно. И как свои пять пальцев знаю, почему ей знакомо это кольцо и почему оно похоже на ее собственное. В ее руках оно будет сохраннее. Мне оно совсем не нужно, а сто пистолей, которые я дал за него, я запишу на счет вашей барышни. Так все будет по справедливости, верно, дитя мое?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пауль Вернер, трактирщик, Франциска.

Вернер. Ага, вот он!

Франциска. Сто пистолей? А разве не восемьдесят?

Трактирщик. Ах, я и позабыл, девяносто, всего-навсего девяносто. Так я и запишу, моя красавица, не беспокойтесь.

Франциска. Там видно будет, господин трактирщик.

Вернер *(подкрадывается сзади и вдруг хлопает по плечу Франциску)*. Девушка! Душечка!

Франциска *(испуганно)*. Ой!

Вернер. Не пугайтесь, девушка, не пугайтесь, душечка, видать, вы прехорошенькая и нездешняя. А нездешнюю красотку я обязан предостеречь — девушка, душечка, остерегайтесь этого человека! *(Указывает на трактирщика.)*

Трактирщик. Скажите пожалуйста, нежданная радость! Господин Пауль Вернер! Добро пожаловать! А вы все тот же весельчак, балагур и славный человек! Это меня-то вам следует остерегаться, деточка! Ха-ха-ха!

Вернер. Смотрите не попадайтесь ему на пути!

Трактирщик. Это мне-то не попадаться! Да что ж во мне опасного? Ха-ха-ха! Вы только послушайте, что он несет, моя красотка! Хорошая шуточка, верно?

Вернер. Такие, как он, всегда считают за шутку правду, которую им говорят.

Трактирщик. Правду! Ха-ха-ха! Час от часу не легче, моя красотка! Ох, и шутник же! Я — опасный человек?! Я? Лет двадцать назад в этом, возможно, и была доля правды. Да, да, дитя мое, в ту пору я был опасен, женщины могли бы кое-что обо мне порассказать, а теперь...

Вернер. Не слушайте этого старого плута.

Трактирщик. То-то и оно. Мы стареем и уже никому более не опасны. И вам не миновать того же самого, господин Вернер!

Вернер. Пропади ты пропадом, чертов сын! Душечка, вы, надо думать, понимаете, что я не о *той* опасности говорю. Один бес из него вышел, а семеро других вселились...

Трактирщик. Вы только послушайте, как это у него ловко выходит! Так и сыплет шутками, да все новенькими! Ох, уж и остряк этот Пауль Вернер! *(На ухо Франциске, но достаточно громко.)* Зажиточный человек и пока еще холост. В трех милях отсюда у него отличная усадьба. Неплохо нажился на

войне! Он был вахмистром у нашего господина майора. И остался его верным другом, в любую минуту готов за него голову сложить!

Вернер. Да, этот тоже друг моего майора, и еще какой друг! Майору следовало бы снять у него голову с плеч.

Трактирщик. Что? Как? Ну, уж увольте, господин Вернер, это недобрая шутка! Я ли не друг господину майору? Честное слово, в толк не возьму, что вы такое говорите.

Вернер. Юст рассказал мне хорошенькую историю.

Трактирщик. Юст? Я сразу подумал, что Юст говорит вашими устами. Юст злой, противный человек. Но, к счастью, здесь стоит прелестная девица, она подтвердит, что я друг господину майору, что я не раз оказывал ему услуги. Да и почему бы мне не быть ему другом? Разве он не почтенный, заслуженный человек? Правда, к несчастью, он получил отставку, но что за беда? Король не может знать всех заслуженных людей, а если бы и знал, то не может всех наградить.

Вернер. Что правда, то правда. Но Юст, в Юсте, конечно, тоже ничего особенного нет, тем не менее он не лжец, и если правда то, что он мне сказал...

Трактирщик. Слышать о нем не хочу. К счастью, как я уже говорил, за меня может заступиться сие прелестное дитя! *(На ухо Франциске.)* Вы же знаете, дитя мое,— кольцо! Расскажите об этом господину Вернеру. Тогда он лучше узнает меня. А чтобы не вышло, будто вы говорите мне в угоду, я лучше уйду отсюда. Да, да, я уйду, но потом, господин Вернер, вы сами расскажете мне, что вы наконец убедились, какой гнусный клеветник этот Юст.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пауль Вернер, Франциска.

Вернер. Итак, душенька, вы, кажется, знаете моего майора?

Франциска. Майора фон Тельхейма? Конечно, я знаю этого достойного человека.

Вернер. Да, он достойный человек. И вы расположены к нему, не так ли?

Франциска. Я всем сердцем ему предана.

Вернер. Правда? Теперь, душенька, вы мне вдвойне милы. А какие это услуги оказал нашему майору трактирщик?

Франциска. Право, не знаю. Наверно, он хочет приписать себе то хорошее, чем, слава богу, обернулись его мошеннические проделки.

Вернер. Выходит, что Юст сказал мне правду? *(Повернувшись в ту сторону, куда ушел трактирщик.)* Твое счастье, что ты ушел! Он, значит, выбросил из комнаты вещи майора? Сыграть эдакую штуку с майором! Только потому, что в его ослиной башке угнездилась мысль, будто у майора нет больше денег? Это у майора-то?

Франциска. Ах, так! А разве майор еще при деньгах?

Вернер. Да у него денег куры не клюют! Он им и счета не знает. Я сам брал у него взаймы и сейчас принес старый долг. Смотрите, душенька, вот в этом кошельке *(вынимает кошелек из кармана)* сотня луидоров, а в этом свертке *(из другого кармана вынимает сверток)* сотня дукатов. Всё его денежки!

Франциска. Ей-богу? А зачем же майор закладывает вещи? Он ведь заложил перстень...

Вернер. Заложил? Что-то не верится. Может, просто хотел сбыть старый хлам.

Франциска. Какой же это хлам? Драгоценный перстень, вдобавок полученный из рук любимой.

Вернер. Вот тут собака и зарыта. Из рук любимой! Да, да, такие штучки иной раз напоминают то, что вспоминать неохота, а потому их и стараются поскорее сбыть.

Франциска. Не пойму что-то!

Вернер. Солдатам чудо как хорошо живется на зимних квартирах. Делать им там нечего, они холят себя и нежат, да еще со скуки заводят знакомства, как полагают, на зимнее время, но бедные созданья, за которыми волочится солдатня, убеждены, что это на всю жизнь. Глянь — и на палец уже надет перстень; как это случилось, солдат сам не знает и частенько готов отрубить себе палец, лишь бы отделаться от этого дара.

Франциска. Неужто так было когда-нибудь и с майором?

Вернер. Конечно. В Саксонии. Будь у него по десять пальцев на каждой руке, они все были бы унизаны кольцами.

Франциска *(в сторону)*. Ну и дела, тут надобно поглубже вникнуть. Господин сельский староста, или господин вахмистр...

Вернер. Если вам, душенька, все равно, то «господин вахмистр» для моего слуха звучит приятнее.

Франциска. Так вот что, господин вахмистр, у меня письмецо от господина майора к моей барышне. Я отнесу его и мигом вернусь. Будьте так добры, подождите меня здесь. Очень мне хочется с вами еще немножко поболтать.

Вернер. Да вы, душенька, видать, болтушка. Что до меня, идите и поскорей возвращайтесь, я тоже люблю почесать язык. Буду вас ждать.

Франциска. Да, очень прошу вас, подождите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пауль Вернер.

Вернер. А ведь премиленькая! Только зря я посулился ждать ее. Надо бы мне поскорее разыскать майора. Он не хочет брать у меня денег и предпочитает закладывать вещи! Узнаю его. Но мне пришла на ум одна хитрость. Две недели назад, когда я был в городе, я навестил жену ротмистра Марлофа. Бедняжка лежала больная и сокрушалась о том, что ее муж остался должен майору четыреста талеров, а она не знает, где их взять, чтобы отдать долг. Сегодня я снова собрался ее навестить, хотел сказать, что, как получу деньги за свое именьице, дам ей взаймы пятьсот талеров. Надо же хоть часть их пристроить в надежные руки, ежели мне не повезет в Персии. Но этой дамы и след простыл. И уж конечно, она не сможет вернуть долг майору. Сделаю же это я, и чем скорее, тем лучше. Пусть милая девочка на меня не сетует, мне ждать нельзя. *(Уходит в задумчивости и сталкивается с входящим майором.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тельхейм, Пауль Вернер.

Тельхейм. Что же это ты так задумался, Вернер?

Вернер. Ах, вот и вы, а я только что собирался навестить вас на новой квартире, господин майор.

Тельхейм. Чтобы оглушить меня проклятиями в адрес хозяина старой. Даже не помышляй об этом.

Вернер. Уж конечно бы, я не удержался, нет! Я, собственно, хотел поблагодарить вас за то, что вы были так добры и сохранили мне мои сто луидоров. Юст отдал их мне. Правда,

мне было бы приятнее, если бы вы подольше оставили их у себя. Но вы перебрались на новую квартиру, а о ней ни мне, ни вам еще ничего не известно. Кто знает, каково там будет. У вас могут украсть деньги, и вам придется возмещать их мне, тут уж ничего не попишешь. Поэтому я и не вправе доверить их вам.

Тельхейм *(улыбаясь)*. С каких пор ты стал так осторожен, Вернер?

Вернер. Поневоле научишься. Нынче не знаешь, как уберечь свои деньги. Кстати, мне надо кое-что передать вам, господин майор, от ротмистерши Марлоф, я только что заходил к ней. Ротмистр остался вам должен четыреста талеров, она посылает вам в счет долга сто дукатов. Остальное пришлет на будущей неделе. Я, наверно, сам виноват, что она возвращает вам не всю сумму. Дело в том, что мне она тоже была должна один талер восемьдесят и потому решила, что я пришел ей напомнить о долге, впрочем, так оно и было,— вот она и отсыпала эти деньги из свертка, уже приготовленного для вас. Вам легче еще недельку обойтись без ваших ста талеров, чем мне без моих грошей. Вот, держите! *(Подает ему сверток с дукатами.)*

Тельхейм. Вернер!

Вернер. Что это вы на меня вытаращились? Держите же, господин майор.

Тельхейм. Вернер!

Вернер. Чем вы недовольны? И за что вы на меня сердитесь?

Тельхейм *(ударив себя по лбу и топнув ногой, с горечью)*. За то, что ты принес мне не все деньги!

Вернер. Полноте, господин майор! Неужто вы меня не поняли?

Тельхейм. В том-то и беда, что я тебя понял! Странно, но самые хорошие люди теперь больше других терзают меня.

Вернер. Что вы сказали?

Тельхейм. К тебе это относится только отчасти! Ступай, Вернер! *(Отталкивает руку Вернера, протягивающего ему дукаты.)*

Вернер. Не раньше чем отделаюсь от этого свертка.

Тельхейм. А что, если я скажу тебе, Вернер, что Марлофша сама была у меня сегодня утром?

Вернер. Ах, так!

Тельхейм. И что она мне ничего более не должна.

Вернер. Честное слово?

Тельхейм. Она полностью расплатилась со мной, что ты на это скажешь?

Вернер *(задумавшись на мгновение)*. Скажу, что я соврал и что вранье это — проклятая штука, в любую минуту тебя могут изобличить.

Тельхейм. И тебе будет стыдно?

Вернер. А что прикажете делать тому, кто принуждает меня врать? Ему стыдиться не надо? Видите ли, господин майор, скажи я, что ваше поведение не сердит меня, я бы опять соврал, а мне не хочется врать снова.

Тельхейм. Не сердись, Вернер! Я высоко ценю твое сердце, твою приверженность ко мне. Но денег твоих мне не надо.

Вернер. Не надо? Значит, лучше вам продавать вещи, носить их в заклад, лучше, чтобы все, кому не лень, чесали языки на ваш счет?

Тельхейм. Пусть люди знают, что у меня ничего больше нет. Не надо делать вид, что ты богаче, чем на самом деле.

Вернер. А что беднее? Покуда у нашего друга есть деньги — они есть и у нас.

Тельхейм. Негоже мне быть твоим должником.

Вернер. Негоже? А когда-то в жаркий день — солнце и враг изрядно поддали нам жару — стремянный же ваш с баклагой куда-то задевался, вы пришли ко мне и сказали: «Вернер, не найдется ли у тебя воды испить?» — и я протянул вам свою фляжку, помните небось, вы взяли ее и напились? Это было гоже? Клянусь богом, глоток гнилой воды тогда стоил дороже, чем вся эта дребедень! *(Вытаскивает кошелек с луидорами и подает майору вместе со свертком.)* Возьмите, майор, голубчик мой! Представьте себе, что берете воду. Ведь и это господь для всех сотворил.

Тельхейм. Ты мучаешь меня. Я же сказал, что не хочу быть твоим должником.

Вернер. Сначала вам было негоже, теперь вы не хотите. Это уж дело другое! *(С досадой.)* Вам не угодно быть моим должником? А если вы все-таки являетесь им, господин майор? Или вы ничего не должны тому, кто отвел удар, едва не раскроивший вам череп, а в другой раз отрубил руку, уже спускавшую курок, чтобы вогнать вам в грудь пулю? Можно ли больше задолжать человеку? Или кошелек, по-вашему, дороже головы? Может, вы и по-благородному рассуждаете, но, клянусь богом, рассуждаете не умно!

Тельхейм. С кем это ты так разговариваешь, Вернер?

Мы здесь одни, и я могу сказать тебе,— будь здесь третий, это отдавало бы похвальбой,— что с радостью признаю: я дважды обязан тебе жизнью. Но, друг мой, чего же недоставало мне, чтобы при случае сделать то же самое для тебя? А?

Вернер. Недоставало случая! Кто может в этом сомневаться, господин майор? Разве я сотни раз не видел, как вы готовы были жизнь отдать за последнего солдата, когда он оказывался в самой гуще боя?

Тельхейм. Следовательно?..

Вернер. Но...

Тельхейм. Почему ты не хочешь понять меня? Я сказал: негоже мне быть твоим должником, не хочу я им быть. Не хочу при тех обстоятельствах, в коих сейчас нахожусь.

Вернер. Так, так. Вы хотите дождаться лучших времен, хотите в другой раз взять у меня взаймы, когда вам не нужны будут деньги, когда у вас карман будет полон, а у меня, скорей всего, пуст.

Тельхейм. Нельзя брать взаймы, не зная, чем ты отдашь долг.

Вернер. Такой человек, как вы, не всю жизнь будет сидеть без денег.

Тельхейм. Ну, ты мудрец! И уж никак нельзя занимать у того, кто сам нуждается в деньгах.

Вернер. Да, я как раз из таких! На что мне деньги? Там, где нужен вахмистр,— его кормят и поят.

Тельхейм. Нельзя тебе вечно оставаться вахмистром, а чтобы преуспеть, нужны деньги, без них даже самый достойный не сдвинется с места.

Вернер. Преуспеть? Да я об этом и не помышляю. Я хороший вахмистр и, конечно, стал бы плохим ротмистром, а генералом и того плоше. Мы таких уже навидались.

Тельхейм. Не заставляй меня плохо думать о тебе, Вернер! Я с неудовольствием выслушал то, что мне рассказал Юст. Ты продал свою усадьбу и собрался кочевать с места на место. Не хочется мне верить, что ты не столько любишь свое солдатское ремесло, сколько дикую беспутную жизнь, которая, увы, связана с ним. Солдатом надо быть во имя отчизны или из любви к делу, за которое ты идешь в бой. Без цели служить сегодня здесь, а завтра там — значит быть подручным мясника, не более.

Вернер. Хорошо, господин майор, я повинуюсь. Вы лучше знаете, как следует поступать. Я остаюсь при вас. Но, дорогой майор, пока что возьмите у меня деньги. Не сегодня-

завтра ваше дело будет решено. Вы получите кучу денег. И вернете мне долг с процентами. Я ведь только из-за процентов и хлопочу.

Тельхейм. Замолчи!

Вернер. Клянусь честью, только из-за процентов! Иной раз подумаешь: как-то ты будешь жить в старости, когда тебя вконец искалечат и ни гроша за душой у тебя не останется? По миру, видно, идти придется. И тут же мне на ум приходило: нет, ты побираться не будешь, а пойдешь к майору Тельхейму, он с тобою последний пфенниг разделит, кормить тебя будет на убой, у него ты и помрешь честным человеком.

Тельхейм *(хватает его за руку)*. А теперь, дружище, ты этого уже не думаешь?

Вернер. Нет, уже не думаю. Ежели тот, кто сейчас в нужде, ничего не хочет взять у меня, хоть я и при деньгах, он, уж конечно, и мне не даст, когда разбогатеет, а в нужде окажусь я. Ну да ладно, что ж тут поделаешь. *(Хочет уйти.)*

Тельхейм. Не доводи меня до бешенства, Вернер! Куда ты собрался? Честью заверяю тебя, что деньги у меня еще есть, и честью клянусь, что скажу тебе, когда они выйдут, что ты будешь первым и единственным, у кого я возьму в долг. Ну, теперь ты доволен?

Вернер. Конечно. Дайте мне на этом руку, господин майор.

Тельхейм. Вот моя рука, Пауль. А теперь иди. Я пришел сюда поговорить с одной девушкой...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Франциска (выходит из комнаты), Тельхейм, Вернер.

Франциска *(в дверях)*. Вы еще здесь, господин вахмистр? *(Увидев Тельхейма.)* И вы, господин майор? Сию минуту я буду к вашим услугам. *(Быстро идет обратно в комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тельхейм, Пауль Вернер.

Тельхейм. Это она! Да и ты, Вернер, я вижу, знаешь ее?

Вернер. Знаю.

Тельхейм. Хотя, насколько мне помнится, когда я стоял на зимней квартире в Тюрингии, ты не служил у меня?

Вернер. Нет, я закупал обмундирование в Лейпциге.

Тельхейм. Откуда же ты ее знаешь?

Вернер. Знакомство наше новешенькое. С сегодняшнего дня. Но чем новее, тем горячее.

Тельхейм. Значит, ты и барышню ее уже видел?

Вернер. Выходит, госпожа ее — барышня? Она сказала, что вы знаетесь с ее госпожой.

Тельхейм. А ты об этом не слышал? Еще с Тюрингии.

Вернер. А барышня ее молодая?

Тельхейм. Да.

Вернер. И красивая?

Тельхейм. Очень красивая.

Вернер. Богатая?

Тельхейм. Очень.

Вернер. И барышня благоволит к вам так же, как служанка? Да это же прекрасно!

Тельхейм. Что ты имеешь в виду?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Франциска (снова выходит из комнаты с письмом в руках), Тельхейм, Пауль Вернер.

Франциска. Господин майор...

Тельхейм. Франциска, милочка, я даже толком с тобой не поздоровался.

Франциска. Ну, так вы это сделали мысленно. Я знаю, вы ко мне расположены. Нехорошо только, что вам пришла охота пугать людей, расположенных к вам.

Вернер *(про себя)*. Эге, выходит, я догадался!

Тельхейм. Такова моя судьба, Франциска! Ты передала ей письмо?

Франциска. Да, а теперь передаю вам. *(Отдает ему письмо.)*

Тельхейм. Ответ?

Франциска. Нет, ваше собственное письмо.

Тельхейм. Как? Она не захотела прочитать его?

Франциска. Хотеть-то она хотела, да мы плохо разбираем почерк.

Тельхейм. Плутовка!

Франциска. И вдобавок полагаем, что письма приду-

маны не для тех, кто может объясниться устно, стоит ему лишь пожелать.

Тельхейм. Пустое! Она должна прочитать его. В этом письме изложены мои оправдания, то бишь уважительные причины.

Франциска. Барышня желает все выслушать от вас, а не читать в письме.

Тельхейм. Выслушать от меня? Чтобы любое ее слово, любое изменение в лице повергало меня в смятение, чтобы в любом ее взгляде я чувствовал всю непомерность моей утраты?

Франциска. Нечего вас жалеть! Возьмите! *(Отдает ему письмо.)* Барышня ждет вас в три часа. Она хочет ехать кататься и смотреть город. Вы поедете с нею.

Тельхейм. Поеду с нею?

Франциска. А что вы дадите мне, если я оставлю вас совсем одних? Хочется мне дома побыть.

Тельхейм. Совсем одних?

Франциска. В отличной закрытой карете.

Тельхейм. Нет, это невозможно!

Франциска. Да, да. В карете господин майор получит хороший нагоняй! Тут уж деться некуда. Для того все и придумано. Одним словом, господин майор, ровно в три. Ах, вы, кажется, хотели и со мной поговорить с глазу на глаз. У вас есть что сказать мне? *(Замечает Вернера.)* Увы, мы не одни.

Тельхейм. Все равно что одни. Но так как твоя барышня не прочитала письма, то мне пока что нечего тебе сказать.

Франциска. По-вашему, мы все равно что одни? У вас, значит, нет секретов от господина вахмистра?

Тельхейм. Нет, никаких.

Франциска. А мне вот думается, что кое-какие секреты вам бы следовало от него иметь.

Тельхейм. Что это значит?

Вернер. Почему, душенька моя?

Франциска. Я говорю о секретах особого рода. Все двадцать, господин вахмистр? *(Растопырив пальцы, поднимает обе руки.)*

Вернер. Ш-ш, ш-ш, душенька моя, ш-ш!

Тельхейм. Что это значит?

Франциска. Р-раз, и уже на пальце, так, господин вахмистр? *(Делает вид, будто быстро надевает кольцо на палец.)*

Тельхейм. Ничего не понимаю!

Вернер. Вы, душенька, конечно же, понимаете шутки.

Тельхейм. Я не раз говорил тебе, Вернер, и надеюсь, ты еще помнишь мои слова, что есть пункты, относительно коих нельзя шутить с женщинами.

Вернер. Ей-богу, забыл. Душенька, я прошу вас...

Франциска. Ну коли то была шутка, то я на этот раз вас прощаю.

Тельхейм. Если мне так уж надобно явиться, Франциска, постарайся, чтобы твоя барышня успела прочитать письмо до моего прихода. Это избавит меня от мучения снова думать, снова говорить о том, что я всей душой хотел бы позабыть. Отдай ей! *(Он переворачивает письмо, намереваясь передать его Франциске, и видит, что оно вскрыто.)* Что я вижу? Франциска, мое письмо вскрыто.

Франциска. Все может быть. *(Осматривает письмо.)* И правда вскрыто. Кто бы это мог сделать? Но мы вашего письма не читали, господин майор, честное слово, не читали. Да и зачем нам было читать, если тот, кто его писал, сам будет у нас. Мы вас ждем, господин майор. Но знаете что, господин майор, не приходите к нам в таком виде — плохо причесанным, в сапогах. Наденьте башмаки и велите причесать себя. А то обличье у вас очень уж бравое и очень уж прусское!

Тельхейм. Благодарствуй, Франциска.

Франциска. Можно подумать, что прошлую ночь вы провели на биваке.

Тельхейм. Ты почти угадала.

Франциска. Мы тоже принарядимся, а потом сядем за стол. Мы бы охотно пригласили вас пообедать с нами, но ваше присутствие отобьет у нас аппетит, а мы не так уж влюблены, чтобы позабыть о еде.

Тельхейм. Иду, а ты, Франциска, подготовь ее немного, дабы я не внушил презрения ни ей, ни даже самому себе. Идем, Вернер, ты пообедаешь со мной.

Вернер. Здесь, в трактирной зале? Да мне кусок в горло не полезет.

Тельхейм. Нет, у меня в комнате.

Вернер. Ладно, я сейчас приду. Мне надо еще словечком с этой душенькой перекинуться.

Тельхейм. И то дело. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Пауль Вернер, Франциска.

Франциска. Я слушаю вас, господин вахмистр.

Вернер. Скажите, душенька, я, когда вернусь, тоже должен припарадиться?

Франциска. Это уж как вам угодно, господин вахмистр. Мой глаз вы в любом виде тешите. А вот ухо с вами приходится держать востро. Двадцать пальцев, и все в кольцах. Ай-ай-ай, господин вахмистр!

Вернер. Погодите, душенька, я вот что еще хотел вам сказать: эта глупая шутка нечаянно сорвалась у меня с языка! Не думайте вы о ней. Человеку и одного кольца предостаточно. Майор сотни раз мне твердил: «Мерзавец тот солдат, что совратит девушку!» И я с ним вполне согласен! На меня, душенька, можно положиться. Приятного аппетита, душенька! *(Уходит.)*

Франциска. И вам того же желаю, господин вахмистр! Ох и нравится же мне этот человек! *(Идет к двери, из комнаты навстречу ей выходит Минна.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Минна, Франциска.

Минна. Майор уже ушел? Франциска, я поуспокоилась и, думается, теперь выдержала бы его присутствие.

Франциска. А я еще больше вас успокою.

Минна. Тем лучше! Письмо, о, это его письмо! Каждая строчка исполнена чести и благородства! То, что он от меня отказывается, лишь подтверждает его любовь ко мне. Наверно, он заметил, что мы прочли письмо. Не важно, лишь бы он пришел. Но ведь он наверняка придет, так ведь? Мне только кажется, Франциска, что он, пожалуй, слишком горд. Не желать, чтобы все счастье тебе подарила любимая,— это же гордость, непростительная гордость! Если он уж очень сильно даст мне ее почувствовать, Франциска...

Франциска. То вы откажетесь от него?

Минна. Ишь ты! Тебе опять его жалко стало? Нет, дурочка, из-за одного такого недостатка от любимого не отказываются. Но мне хочется сыграть с ним шутку и за эту гордость гордостью же немножко помучить его.

Франциска. Ну, барышня, вы, видать, совсем успокоились, если у вас снова проказы на уме.

Минна. Да, я спокойна, пойдем, тебе тоже предстоит играть роль в моей затее.

Уходят в комнату.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Минны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Минна, одетая нарядно и со вкусом, Франциска. Обе встают из-за стола, с которого слуга уже убирает посуду.

Франциска. Да вы же, барышня, голодная остались.

Минна. Нет, Франциска, я и за стол-то садилась не голодная.

Франциска. Мы положили не упоминать его имени за обедом. Но, оказывается, должны были приказать себе еще и не думать о нем.

Минна. Что правда, то правда, я только о нем и думала.

Франциска. Я уж заметила. О чем только я не заговаривала, вы на все отвечали невпопад.

Другой слуга приносит кофе.

А вот и напиток, располагающий к мечтам и фантазиям. Милый меланхолический кофе!

Минна. Фантазия? Я не фантазирую. Я думаю лишь о том уроке, который ему преподам. Ты понимаешь меня, Франциска?

Франциска. Да, конечно. Но было бы лучше, если б этот урок не потребовался.

Минна. Ты увидишь, что я знаю Тельхейма как свои пять пальцев. Человек, который отвергает меня и мое богатство, готов будет сразиться за меня со всем миром, узнав, что я несчастна и покинута.

Франциска *(очень серьезно)*. Надо думать, это доставляет необыкновенную приятность женскому самолюбию.

Минна. Ах ты, критиканша! Подумать только, сначала она уличала меня в суетности, теперь в себялюбии. Оставь уж меня в покое, голубушка. Ты ведь тоже вправе делать со своим вахмистром все, что тебе вздумается.

Франциска. С моим вахмистром?

Минна. Да, можешь отрицать сколько тебе угодно, но это так. Я его еще не видела, однако из каждого слова, тобой о нем сказанного, понимаю, что это твой суженый.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рикко де ла Марлиньер, Минна, Франциска.

Рикко *(за сценой)*. Est-il permis, Monsieur le Major? [1]

Франциска. Это еще что такое? Неужто к нам? *(Идет к двери.)*

Рикко. Parbleu! [2] Моя обшибался. Mais non... [3] Моя не обшибался. C'est sa chambre... [4]

Франциска. Барышня, этот господин, видно, думал, что здесь еще живет майор фон Тельхейм.

Рикко. Так точно. Le Major de Tellheim; juste, ma belle enfant, c'est lui que je cherche. Où est-il? [5]

Франциска. Он здесь больше не живет.

Рикко. Comment? Он здесь живаль? И уже нет? Где он живьет?

Минна *(подходит к нему)*. Сударь...

Рикко. Ах, мадам, мадемуазель, ваша милость, простить меня...

Минна. Сударь, ваша ошибка вполне простительна, и ваше удивление — понятно. Господин майор любезно уступил мне комнату, так как я приехала издалека и не могла найти пристанища.

Рикко. Ah voilà de ses politesses! C'est un très-galant-homme que ce Major! [6]

Минна. А вот куда он переехал, я, к стыду моему, не знаю.

Рикко. Ваша милость не знай? C'est dommage; j'en suis faché [7].

---

[1] Можно войти, господин майор? *(франц.)*

[2] Черт возьми! *(франц.)*

[3] Да нет *(франц.)*.

[4] Это его комната *(франц.)*.

[5] Верно, мое прелестное дитя, я ищу майора Тельхейма. Где он? *(франц.)*

[6] А, узнаю его учтивость! Он очень галантный мужчина, этот майор *(франц.)*.

[7] Это досадно; огорчительно *(франц.)*.

Минна. Конечно, я должна была узнать, где он теперь. Друзья будут здесь искать его.

Рикко. Я ошень его друг, ваша милость...

Минна. Франциска, может быть, ты знаешь?

Франциска. Нет, барышня.

Рикко. Я ошень нужно говорить с майор. Я ему привез nouvelle [1], которая он ошень будет рад.

Минна. Тем более я сожалею. Но я надеюсь вскоре его увидеть. Если не важно, из чьих уст он узнает эту приятную новость, то я, сударь, предлагаю свои услуги...

Рикко. Я понимай. Mademoiselle parle françois? Mais sans doute, telle que je la vois! La demande etoit bien impolie, Vous me pardonnerés, Mademoiselle [2].

Минна. Сударь...

Рикко. О, вы не говорить французски, ваша милость?

Минна. Сударь, во Франции я бы уж постаралась говорить по-французски, но здесь к чему бы это? Вы меня понимаете, пойму и я вас, сударь; впрочем, говорите, как вам угодно.

Рикко. Корош, очень корош. Я буду суметь explicier [3] по-немецки. Sachés donc, Mademoiselle [4], ваша милость знай, я был на обед у министр... министр... как называйт этот министр? На такой длинный улица? И большой площадь?

Минна. Я здесь еще ничего и никого не знаю.

Рикко. Ну, министр военный ведомство. Я у него обедаль. Я обедаю у него à l'ordinaire [5], за обед речь зашель про майор Тельхейм et le Ministre m'a dit en confidence, car Son Exellence est de mes amis, et il n'y a point de mystères entre nous [6]. Я хочу говорить: его превосходительность мне секретно поверила, что дело наш майор уже коншается, и коншается хорошо. Министр делал рапорт для король, и король начертал на нем tout-à-fait en faveur du Major. Monsieur, m'a dit Son Excellence, Vous comprenés bien, que tout depend de la manière, dont on fait envisager les choses au Roi, et Vous me connoissés. Cela fait un très-joli garçon que ce Tellheim, et ne sais-je pas que Vous l'aimés? Les amis

---

[1] Новость *(франц.)*.

[2] Мадемуазель говорит по-французски? Но конечно же, ведь я вижу! Вопрос был неучтив, вы уж простите, мадемуазель *(франц.)*.

[3] Объясняться *(франц.)*.

[4] Узнайте же *(франц.)*.

[5] Запросто *(франц.)*.

[6] Министр по секрету сказал мне, мы ведь друзья с его превосходительством, и у нас нет тайн друг от друга *(франц.)*.

de mes amis sont aussi les miens. Il coute un peu cher au Roi ce Tellheim, mais est-ce que l'on sert les Rois pour rien? Il faut s'entr'aider en ce monde; et quand il s'agit de pertes, que ce soit le Roi, qui en fasse, et non pas un honnêt-homme de nous autres. Voilà le principe, dont je ne me départ jamais [1].

Что вы на это скажет, ваша милость? Бравый шеловек, верно? Ah que Son Excellence a le coeur bien placé! [2]. Он меня завериль au reste [3], если майор еще не получать une Lettre de la main [4] — письмо королевской руки, то сегодня получит infailliblement [5].

Минна. Разумеется, сударь, такое письмо будет весьма радостным для майора фон Тельхейма. И мне бы хотелось заодно с радостным известием назвать ему имя друга, принявшего столь горячее участие в его судьбе.

Рикко. Ваша милость желает мой имя? Vous voyés en moi — ваша милость видит во мне le Chevalier Riccaut de la Marlinière, Seigneur de Pret-au-val, de la Branche de Prensd'or [6]. Ваша милость удивляется узнать, что я из такой высокий и знатный род, qui est véritablement du sang Royal. Il faut le dire, je suis sans doute lé cadet lé plus aventureux, que la maison a jamais eu [7]. Я служить с одиннадцать лет. Из-за одного affaire d'honneur [8] я бежаль. Потом был на служба его папского святейшества, республика Сан-Марино, на служба корона польской, Генеральных штатов и, наконец, сюда приехал. Ah, Mademoiselle, que je voudrois n'avoir jamais vu ce pays-là! [9] Если бы меня оставлять на служба Генеральные штаты, я уже

---

[1] Вполне благоприятную для майора. «Сударь,— сказал мне его превосходительство,— вы понимаете, что все зависит от того, как представить дело королю, а меня вы знаете. Этот Тельхейм отличный малый, и мне известно, что вы его любите. Друзья моих друзей — мои друзья. Правда, этот Тельхейм обойдется королю недешево, но кто же служит королям задаром? В этом мире надо стоять друг за друга, и если кто-нибудь должен нести убытки, так уж лучше король, а не благородные люди вроде нас с вами. Таково мое убеждение, которым я никогда не поступлюсь» *(франц.)*.

[2] Да, у его превосходительства золотое сердце! *(франц.)*

[3] Под конец *(франц.)*.

[4] Собственноручное письмо короля *(франц.)*.

[5] Непременно *(франц.)*.

[6] Я, кавалер Рикко де Эшафот, сеньор де Вор-Вора из ветви Златохват *(франц.)*.

[7] Истинно королевской крови. Должен признаться, что я, несомненно, самый непоседливый отпрыск нашего рода *(франц.)*.

[8] Дело чести *(франц.)*.

[9] Ах, лучше бы мне никогда не видеть этой страны! *(франц.)*

был не меньше полковник. А здесь я навек capitaine, и еще отставной capitaine...[1]

Минна. Как это печально.

Рикко. Oui, Mademoiselle, me voilà reformé, et par-là mis sur le pavé![2]

Минна. Мне очень жаль.

Рикко. Vous étes bien bonne, Mademoiselle[3]. Нет, здесь не ценят заслуга. Выгнать шоловека, как я, какой разорил себя на эта служба. Двадцать тысяч ливров я вынул из свой карман. И что теперь в мой карман? Tranchons le mot, je n'ais pas le sou, et me voilà exactement vis-à-vis du rien[4].

Минна. Мне всем сердцем жаль вас.

Рикко. Vous étes bien bonne, Mademoiselle, но пословиц говорит: беда тащит за собой родной сестра — qu'un malheur ne vient jamais seul[5], так и со мной arrivir[6]. Какой же Honnèt-homme[7] моего происхождения имеет ressource[8], кроме карты. И я играль ошень удашно, пока мне не нужен был удаша. А как он стал мне нушен, Mademoiselle, je joue avec un guignon, qui surpasse toute croyance[9]. Две недели не быль один день, что они не сорвали мне банк. Вчера тоже три раза сорваль. Je sais bien, qu'il avoit quelque chose de plus, que le jeu. Car parmi mes pontes se trouvoient certaines dames...[10] Больше я ишшего не хотель сказать. С дамами надо быть галантно. Они и на сегодня invitir[11] меня для revanche, mais — Vous m'entendés, Mademoiselle[12] — надо знайть, на чего жить, раньше чем знайть, на чего играть.

Минна. Я надеюсь, сударь, что...

Рикко. Vous étes bien bonne, Mademoiselle...

Минна *(отзывает в сторону Франциску)*. Франциска, мне

---

[1] Капитан *(франц.)*.

[2] Мне дали отставку, и я оказался на улице! *(франц.)*

[3] Вы очень добры *(франц.)*.

[4] Откровенно говоря, у меня нет ни гроша в кармане и никаких надежд *(франц.)*.

[5] Беда никогда не приходит одна *(франц.)*.

[6] Случилось *(франц.)*.

[7] Честный человек *(франц.)*.

[8] Источник дохода *(франц.)*.

[9] Мне так не везло в игре, что и представить себе невозможно *(франц.)*.

[10] Я, конечно, знаю, дело не только в игре. Ведь среди моих партнеров были и дамы... *(франц.)*

[11] Пригласили *(франц.)*.

[12] Реванша, но — вы понимаете, мадемуазель *(франц.)*.

искренне жаль этого человека. Как ты думаешь, он не обидится, если я ему предложу немного денег?

Франциска. Не похоже, чтобы обиделся.

Минна. Хорошо! Вы сказали, сударь, что играете и держите банк, вероятно, в тех домах, где можно рассчитывать на выигрыш. Признаюсь, я тоже не прочь попонтировать...

Рикко. Tant mieux, Mademoiselle, tant mieux! Tous les gens d'esprit aiment le jeu à la fureur [1].

Минна. Я, конечно, люблю выигрывать и охотно войду в долю с человеком, умеющим играть. Согласны ли вы, сударь, принять меня в компанию? И предоставить мне возможность участвовать в вашем банке?

Рикко. Comment, Mademoiselle, Vous voulés être de moitié avec moi? De tout mon coeur [2].

Минна. Для начала моя доля будет очень скромной... *(Достает деньги из шкатулки.)*

Рикко. Ah, Mademoiselle, que Vous étes charmante! [3]

Минна. Вот мой недавний выигрыш, всего десять пистолей — мне, разумеется, неловко предлагать столь малую сумму...

Рикко. Donnés toujours, Mademoiselle, donnés!.. [4] *(Берет деньги.)*

Минна. Вы, сударь, конечно, делаете солидные ставки...

Рикко. Да, ошень солидно. Десять пистоль? Знашит, ваша милость будет interessir, в одна треть, pour le tiers [5]. Хотя для треть бы надо шуть больше. Но с прекрасной дамой нельзя быть мелошен. Я счастлив завязать liaison [6] с ваша милость, et de ce moment je recommence à bien augurer de ma fortune [7].

Минна. Нет, при игре, сударь, я присутствовать не буду.

Рикко. Зашем, ваша милость, присутствовать? Мы, игроки, шестный шеловек между собой.

Минна. Ежели нам посчастливится, сударь, вы принесете мне мою долю, а ежели нас постигнет неудача..

---

[1] Тем лучше, сударыня, тем лучше! Все умные люди страстно любят играть *(франц.)*.

[2] Как, мадемуазель, вы хотите вступить со мной в долю? Сердечно рад *(франц.)*.

[3] Ах, мадемуазель, как вы любезны! *(франц.)*

[4] Давайте, только давайте!.. *(франц.)*

[5] Участвовать *(франц.)*.

[6] Связь, союз *(франц.)*.

[7] С этой минуты я начинаю верить в свое счастье *(франц.)*.

Рикко. Я приду полушить подкрепление, так, ваша милость?

Минна. Подкреплений надолго не хватит. Посему, сударь, хорошенько защищайте наши деньги.

Рикко. За кого меня считайт ваша милость? За проста́шка? За дурашка?

Минна. Простите меня.

Рикко. Je suis de bons, Mademoiselle... Savés-vous ce que cela veut dire? [1] Я выушеник тех...

Минна. Но я не совсем попимаю, сударь...

Рикко. Je sais monter un coup... [2]

Минна *(удивленно)*. Неужто вы...

Рикко. Je file la carte avec une adresse... [3]

Минна. Нет, нет, нет...

Рикко. Je fait sauter la coupe avec une dexterité... [4]

Минна. Сударь, не хотите же вы сказать, что...

Рикко. Чего я не хошу? Ваша милость, чего? Donnés-moi un pigeonneau à plumer, et... [5]

Минна. Вы шулер и плутуете в игре?

Рикко. Comment, Mademoiselle? Vous appellés cela «плутуете»? Corriger la fortune, l'enchainer sous ses doigts, être sûr de son fait [6],— и это немцы называть «плутуете»? О, немецкая язык, какая бедная язык! Какая нетсуразная язык!

Минна. Нет, сударь, если вы так думаете...

Рикко. Laissés moi faire, Mademoiselle [7], и будьте спокойная! Вас не может интересовайт, как я играю! Хватит, завтра я буду приходить со сто пистоль, или ваша милость никогда меня не увидайт. Votre très-humble, Mademoiselle, votre très-humble... [8] *(Быстро уходит.)*

Минна *(с досадой и удивлением смотрит ему вслед)*. Последнее было бы для меня самым желательным.

---

[1] Я из тех умельцев... Понимаете ли вы, что это значит? *(франц.)*

[2] Есть у меня известная сноровка... *(франц.)*

[3] Я ловко передергиваю карты... *(франц.)*

[4] По части подтасовки я виртуоз... *(франц.)*

[5] Дайте мне ощипать голубка, и... *(франц.)*

[6] Как, мадемуазель, вы это называете... Исправлять судьбу, подчинять ее своим ловким пальцам, знать свое дело... *(франц.)*

[7] Не мешайте мне действовать *(франц.)*.

[8] Ваш покорный слуга, мадемуазель, ваш покорный слуга... *(франц.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минна, Франциска.

Франциска *(огорченно)*. Ну что тут скажешь! Славно, куда как славно!

Минна. Смейся, смейся, я это заслужила. *(Подумав, уже спокойнее.)* Не смейся, Франциска, я этого не заслужила.

Франциска. Вот прекрасно! Напротив, вы совершили благородный поступок — помогли мошеннику снова встать на ноги.

Минна. Я помогала несчастному.

Франциска. Но самое-то замечательное, что он принял вас за своего брата — шулера. Ой, сейчас побегу за ним, отниму деньги. *(Бежит к двери.)*

Минна. Франциска, налей мне кофе, я не люблю пить холодный.

Франциска. Он обязан все вернуть вам, ведь вы же передумали вступать с ним в долю. Десять пистолей! Разве вы не видите, что это нищий!

Минна сама наливает кофе.

А кто же столько подает нищему? Да еще при этом старается не унизить его подачкой? Ежели вы по своему милосердию нищего не считаете нищим, то и нищий вашу милостыню не считает милостыней. Вот вам и благодарность, он, видно, принял ваш дар я уж и не знаю за что...

Минна протягивает ей чашку кофе.

Вы хотите еще больше разгорячить мне кровь? Нет, я пить не стану.

Минна отодвигает от нее чашку.

«Parbleu, ваша милость, здесь не ценят заслуга». *(Передразнивает француза.)* Конечно, нет, если разрешают таким мошенникам разгуливать на свободе.

Минна *(отпивая кофе, холодно и задумчиво)*. Девочка моя, ты превосходно разбираешься в хороших людях, но когда же ты научишься понимать дурных? Они ведь тоже люди. И частенько вовсе не такие плохие, как кажется. Надо уметь и в них найти хорошие стороны. Сдается мне, что этот француз просто суетный малый. Из суетности он и выдает себя за шулера; не хочет быть обязанным мне, старается избавить себя от

необходимости меня благодарить. Возможно, что, выйдя отсюда, он заплатит свои мелкие долги, а если у него что-нибудь еще останется, будет тихо и скромно жить, даже не помышляя об игре. Если это так, милая моя Франциска, то пусть приходит за подкреплением. *(Передает ей чашку.)* На, убери. И скажи, неужто Тельхейму не пора еще быть здесь?

Франциска. Нет, сударыня, я ни на то, ни на другое не способна, не умею разглядеть хорошую сторону в дурном человеке и плохую в хорошем.

Минна. Но он точно придет?

Франциска. А следовало бы ему не приходить! В нем, в этом лучшем из людей, вы углядели толику гордости и собрались жестоко над ним надсмеяться.

Минна. Ты опять за свое? Молчи, я так хочу. Если ты испортишь мне игру, если не будешь все делать и говорить, как условлено... смотри, я оставлю тебя с ним наедине и тогда... да вот, кажется, и он.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пауль Вернер входит, выправка у него, как в строю. Минна, Франциска.

Франциска. Нет, это только его милый вахмистр.

Минна. Милый вахмистр? К кому же относится твое «милый»?

Франциска. Сударыня, прошу вас, не смущайте человека. К вашим услугам, господин вахмистр, с чем вы к нам пожаловали?

Вернер *(не обращая внимания на Франциску, приближается к Минне)*. Майор фон Тельхейм приказал мне, вахмистру Вернеру, засвидетельствовать свое нижайшее почтение ее милости, фрейлейн Минне фон Барнхельм, и сказать, что он вскорости будет здесь.

Минна. Что же его задержало?

Вернер. Вы уж простите, ваша милость. Еще трех не пробило, как мы вышли из дому, да по дороге нам встретился военный казначей, а от такого господина скоро не отвяжешься: вот майор и подал мне знак, чтобы я шел к вам и отрапортовал, почему он задерживается.

Минна. Благодарю вас, господин вахмистр. Надеюсь, что

военный казначей сообщит майору какое-нибудь приятное известие.

Вернер. У этих редко находятся приятные известия для господ офицеров. Не прикажет ли мне чего ваша милость? *(Хочет уйти.)*

Франциска. Куда ж это вы опять торопитесь, господин вахмистр? Разве нельзя нам и словом перемолвиться?

Вернер *(тихо и серьезно)*. Не здесь, душенька. Это было бы неуважительно и против правил субординации. Сударыня...

Минна. Благодарю за труд, господин вахмистр. Я рада была с вами познакомиться. Франциска рассказала мне о вас много хорошего.

Вернер чопорно откланивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Минна, Франциска.

Минна. Значит, это твой вахмистр, Франциска?

Франциска. Какой насмешливый тон, да некогда мне укорять вас за ваше «твой». Да, сударыня, это мой вахмистр. Вы, конечно, находите его немного чопорным и деревянным. Он и мне сейчас таким показался, хоть я и понимаю, что он считал нужным явиться к вашей милости, как на парад. Ну а когда солдаты маршируют на параде — они больше похожи на заводных кукол, чем на людей. Посмотрели бы вы на него, послушали бы его, когда он сам себе хозяин.

Минна. Что же, я не против.

Франциска. Он, наверно, еще в зале.. Позвольте мне пойти туда перекинуться с ним словечком.

Минна. Мне неприятно отказывать тебе в этом удовольствии, Франциска, но ты должна остаться здесь и присутствовать при нашем разговоре. Да, мне вот еще что пришло на ум. *(Снимает кольцо.)* Возьми мое кольцо и спрячь его, а мне взамен дай перстень майора.

Франциска. Зачем?

Минна *(в то время как Франциска достает другое кольцо)*. Толком я еще сама не знаю, но предвижу, что он мне пригодится. Стучат! Живо давай его сюда! *(Надевает перстень.)* Это он!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тельхейм (в том же платье, но причесанный и в башмаках, как того требовала Франциска), Минна, Франциска.

Тельхейм. Сударыня, прошу прощения за то, что задержался...

Минна. О господин майор, к чему нам военная пунктуальность! Вы здесь! А дожидаться радости тоже радость. Итак *(с улыбкой смотрит на него)*, мой милый Тельхейм, разве мы оба не вели себя сегодня как дети?

Тельхейм. Так точно, сударыня, как дети, которые упорствуют, вместо того чтобы спокойно подчиниться...

Минна. Давайте поедем кататься, милый майор, посмотрим город, кстати, встретим моего дядюшку.

Тельхейм. Что?

Минна. Вот видите, даже самого важного мы не успели сказать друг другу. Да, сегодня он приезжает. Я по чистой случайности опередила его на один день.

Тельхейм. Граф фон Брухзаль? Разве он возвратился?

Минна. Тревоги военного времени заставили его уехать в Италию, мир вернул его в родные края. Не беспокойтесь, Тельхейм. Если прежде мы полагали, что он будет чинить серьезнейшие препятствия нашему союзу...

Тельхейм. Нашему союзу?

Минна. Он ваш друг. Слишком много хорошего слышал он о вас, чтобы не быть им. И теперь горит желанием лично узнать человека, который стал избранником его единственной наследницы. Дядя, опекун, отец, он приедет сюда, чтобы отдать меня вам.

Тельхейм. Ах, сударыня, почему вы не прочитали моего письма? Почему не захотели прочитать его?

Минна. Какое письмо? Да, да, припоминаю, вы писали мне. Франциска, что сталось с письмом господина майора? Прочитали мы его или нет? Так что же вы мне писали, милейший Тельхейм?

Тельхейм. Лишь то, что мне повелевала честь.

Минна. Конечно же, она повелевает вам не покидать честной и любящей вас девушки. Да, мне следовало прочитать письмо. Но я ведь услышу сейчас то, что не удосужилась прочитать.

Тельхейм. Да, услышите...

Минна. Нет, мне и слышать не надо. Это же само собой понятно. Вы не способны на такой низкий поступок — теперь

отречься от меня. Разве вы не понимаете, что я на всю жизнь стала бы посмешищем в глазах людей? Мои соотечественницы будут показывать на меня пальцами: «Вот она, девица фон Барнхельм; будучи богатой, она решила залучить себе в мужья бравого Тельхейма, словно за деньги можно купить честного вояку!» Вот какие пойдут разговоры, ведь все они завидуют мне. Что я богата, они отрицать не могут; но никак не хотят признать, что я еще и неплохая девушка, достойная своего будущего мужа.

Тельхейм. О сударыня, я узнаю ваших землячек. Конечно же, им внушает смертельную зависть отставной и опозоренный офицер, вдобавок еще калека и нищий.

Минна. Это вы о себе говорите? Если не ошибаюсь, что-то в этом роде я уже слышала сегодня утром. Здесь все вперемешку — добро и зло. Давайте же получше рассмотрим то и другое. Вы уволены в отставку? Я об этом слышала и думала, что полк ваш расформирован. Как же случилось, что столь достойного человека не оставили на службе?

Тельхейм. Все было так, как и быть должно. Сильные мира сего убедились, что некий солдат мало что делает из симпатии к ним, немногим больше по долгу службы, но готов на что угодно из чувства чести. Так разве же могут они считать себя в долгу перед ним? После войны наш брат стал им не нужен, да в конце концов им и вообще-то никто не нужен.

Минна. Вы говорите, как подобает мужу, не заискивающему перед сильными мира сего. И никогда еще не были вы столь независимы. Я всей душой благодарна им за то, что они более не претендуют на вас, ибо мне бы очень не хотелось делить вас с ними. Я ваша повелительница, Тельхейм, другого повелителя вам не нужно. Узнать, что вы в отставке,— боже, такое счастье мне даже и не снилось! Но этого мало. Вы сказали о себе «я — калека» *(оглядывает его с головы до пят)*, а между тем этот калека достаточно строен, держится прямо, да и вообще выглядит еще довольно здоровым и сильным. Милый Тельхейм, если вы, как инвалид, пойдете просить милостыню, то, смею вас уверить, перед вами вряд ли откроется дверь, разве что в дому какой-нибудь добросердечной девушки вроде меня.

Тельхейм. Сейчас я слышу только речи озорницы девочки, милая Минна.

Минна. А я в вашем укоре слышу лишь одно: «Милая Минна!» Я больше не буду озорничать, ибо помню, что вы и в самом деле чуть-чуть калека. У вас прострелена правая рука. Если вдуматься поглубже, то это совсем уж не так плохо. Я, таким образом, избавлюсь от ваших побоев.

Тельхейм. Сударыня!

Минна. Вы хотите сказать, что не избавитесь от моих. Но, милый мой Тельхейм, я надеюсь, что до этого вы меня не доведете.

Тельхейм. Вам угодно смеяться, сударыня. Я сожалею, что не могу хохотать вместе с вами.

Минна. А почему, собственно? Разве смеяться — дурно? И разве нельзя смеяться, сохраняя полную серьезность? Дорогой мой майор, смех лучше сохраняет нам разум, нежели досада и огорчения. За доказательством недалеко ходить. Ваша смешливая подруга судит о ваших делах куда правильнее, нежели вы сами. Вы в отставке и полагаете, что тем самым нанесен урон вашей чести. У вас прострелена рука, и вам этого довольно, чтобы объявить себя калекой. Нет, вы не правы! Все это преувеличение. И не моя вина, что преувеличения заставляют смеяться. Бьюсь об заклад, что и ваша нищета не выдержит серьезного испытания. Пусть вы раз, другой, третий, наконец, теряли свое имущество, а теперь у того или другого банкира еще погибли ваши деньги, но разве это делает вас нищим? Даже если у вас ничего не осталось, кроме того, что привезет мой дядюшка.

Тельхейм. Ваш дядюшка, сударыня, ничего не привезет мне.

Минна. Ничего, кроме двух тысяч пистолей, которые вы великодушно ссудили нашим сословным представителям.

Тельхейм. Ах, если бы вы прочитали мое письмо, сударыня!

Минна. Я его прочитала. Но то, что в нем касалось этого пункта,— все равно осталось для меня загадкой. Невозможно, чтобы вам вменили в преступление благородный поступок. Объясните же мне, в чем дело...

Тельхейм. Помните ли вы, сударыня, что мне был дан приказ, применяя самые суровые меры, взыскать с населения ваших земель контрибуцию, и притом звонкой монетой. Я хотел избавить себя от столь суровых действий и внес недостающую сумму.

Минна. Да, я помню. Я вас полюбила за этот поступок еще до знакомства с вами.

Тельхейм. Представители сословий выдали мне вексель, и я думал после заключения мира приобщить эту сумму к долгам, подлежащим утверждению. Вексель был признан действительным, но мое право на получение по нему денег взято под сомнение. Язвительная улыбка была мне ответом, когда я заверял, что внес всю сумму наличными. Вексель этот сочли взят-

кой, «благодарностью» сословий за то, что я без промедлений столковался с ними о сумме, удовлетвориться коей, согласно моим полномочиям, имел право лишь в самом крайнем случае. Так вексель уплыл из моих рук, и если деньги по нему и будут выплачены, то, уж конечно, не мне. Вот почему, сударыня, я считаю себя оскорбленным, а вовсе не из-за отставки, которую я бы все равно потребовал, если б не получил ее. У вас серьезное выражение лица, сударыня! Почему же вы не смеетесь? Ха-ха-ха! Я-то ведь смеюсь!

Минна. О, не смейтесь так, Тельхейм! Заклинаю вас! Это страшный смех ненависти ко всему роду людскому. Нет, не такой вы человек, чтобы раскаиваться в хорошем поступке оттого, что он привел к плачевным последствиям. Заверяю вас, эти последствия недолго будут давать знать о себе! Правда выйдет на свет божий! Свидетельство моего дядюшки, всех наших сословий...

Тельхейм. Вашего дядюшки! Ваших сословий! Ха-ха-ха!

Минна. Ваш смех убивает меня, Тельхейм. Если вы верите в добро и в провидение, не смейтесь так! Я даже проклятий никогда не слышала более страшных, чем ваш смех. Давайте предположим наихудшее! Если здесь не пожелают оценить вас по достоинству, то уж у нас вас оценят. Нет, Тельхейм, мы не можем, не смеем стринуть вас! И если наши сословия имеют хоть малейшее понятие о чести, я знаю, что им надо делать! Но я несу вздор, к чему все это нужно? Представьте себе, Тельхейм, что в один злополучный вечер вы проиграли две тысячи пистолей. Король оказался для вас несчастливой картой, тем больше счастья *(показывая на себя)* принесет вам дама. Верьте мне, провидение всегда вознаграждает честного человека за его утраты. Нередко даже заранее. Поступком, лишившим вас двух тысяч пистолей, вы завоевали меня. Не будь его, во мне не вспыхнуло бы желание увидеть вас. Вы же знаете, я без приглашения пришла на тот раут, где надеялась встретить вас. Только из-за вас и пришла. Пришла с твердым намерением полюбить вас — да что там, я уже вас любила,— с твердым намерением соединить с вами свою жизнь, даже если вы окажетесь черным и некрасивым, как венецианский мавр. Вы не черны, и не безобразны, и никогда не будете таким ревнивцем, но, Тельхейм, Тельхейм, у вас все еще много общего с ним! О, вы неистовые, непреклонные мужчины, со взглядом, вечно устремленным на призрак чести, слишком суровые для других чувств! Взгляните же, взгляните на меня, Тельхейм.

Погруженный в свои думы, он неподвижно уставился в одну точку. О чем вы думаете? Слышите ли вы меня?

Тельхейм *(рассеянно)*. О да! Но скажите мне, сударыня: почему мавр служил Венеции? Разве не было у него отчизны? Почему отдал он внаем чужой стране свою руку и свою кровь?

Минна *(испуганно)*. Тельхейм, что с вами, где вы? Хватит, не надо больше этих разговоров. Идемте! *(Берет его под руку.)* Франциска, скажи, чтобы подавали карету.

Тельхейм *(вырывает руку и идет вслед за Франциской)*. Нет, Франциска, я должен отказаться от чести сопровождать фрейлейн фон Барнхельм. Сударыня, отпустите меня и оставьте мне еще хоть на день мой разум. Вы очень скоро сведете меня с ума. Я упираюсь что есть сил. И покуда я еще в своем уме, выслушайте, сударыня, мое решение, с которого уже ничто на свете меня не своротит. Если мне не выпадет счастливый жребий, если мои дела не примут другого оборота, если...

Минна. Я должна перебить вас, господин майор. Нам надо было сразу сказать ему об этом, Франциска. Никогда ты вовремя не напомнишь. Наш разговор протекал бы совсем иначе, Тельхейм, если бы я начала его с доброй вести, только что принесенной нам кавалером де Марлиньер.

Тельхейм. Кавалером де Марлиньер? Кто это такой?

Франциска. Может, он и хороший человек, господин майор, да только...

Минна. Помолчи, Франциска! Тоже отставной офицер, в свое время бывший на голландской службе...

Тельхейм. Ха! Лейтенант Рикко!

Минна. Он назвал себя вашим другом...

Тельхейм. Зато я себя его другом не назову.

Минна. По его словам, какой-то министр сообщил ему, что ваше дело подходит к благополучному концу. Собственноручное письмо короля уже направлено вам.

Тельхейм. Где ж это они сошлись, Рикко и министр? Что-то, правда, сдвинулось в моем деле. Только сейчас военный казначей уведомил меня, что король отменил все обвинения, мне предъявленные, и освободил меня от письменного обязательства не уезжать, покуда я не буду полностью оправдан. Но пусть я лучше погибну от жестокой нужды на глазах у моих клеветников, чем...

Минна. Упрямец!

Тельхейм. Милость мне не нужна, я жажду справедливости, моя честь...

Минна. Честь такого человека, как вы...

Тельхейм *(запальчиво)*. Нет, сударыня, вы можете правильно судить о чем угодно, но не об этом. Честь — не голос совести, не свидетельство нескольких добропорядочных людей...

Минна. Да, да, я понимаю. Честь это честь.

Тельхейм. Короче, сударыня... вы прервали меня, а я хотел сказать: если у меня так оскорбительно будет отнято все, что принадлежит мне, если моя честь не будет восстановлена, я не стану вашим супругом, ибо в глазах света я этого не достоин. Фрейлейн фон Барнхельм заслуживает мужа с незапятнанным именем. Ничтожна та любовь, что не страшится навлечь презрение на любимую. И ничтожен тот мужчина, которому не стыдно всем своим счастьем быть обязанным женщине, чья слепая нежность...

Минна. Вы это серьезно говорите, господин майор? *(Внезапно поворачивается к нему спиной.)* Франциска!

Тельхейм. Не гневайтесь, сударыня...

Минна *(в сторону, Франциске)*. Теперь пора! Что ты мне посоветуешь, Франциска?

Франциска. Ничего я не советую. Хотя он уже, конечно, пересолил.

Тельхейм. Вы разгневаны, сударыня?

Минна *(насмешливо)*. Я? Ничуть!

Тельхейм. Если бы я меньше любил вас...

Минна *(в том же тоне)*. О, конечно, это составило бы мое несчастье... Но, видите ли, господин майор, я тоже не хочу видеть вас несчастным... Любить надо бескорыстно. Как хорошо, что я не была с вами откровенна! Может быть, ваше сострадание одарило бы меня тем, в чем мне отказала ваша любовь. *(Медленно снимает с пальца перстень.)*

Тельхейм. Что вы хотите этим сказать, сударыня?

Минна. Никто не вправе делать другого счастливее или несчастнее. Таков закон истинной любви! Я верю вам, господин майор, в вас слишком сильно чувство чести, чтобы вы не понимали истинной любви.

Тельхейм. Вы смеетесь надо мной?

Минна. Вот, возьмите обратно это кольцо — залог вашей верности. *(Передает ему перстень.)* Все кончено! Пусть будет так, словно мы никогда друг друга не знавали.

Тельхейм. Что я слышу?

Минна. Вас это удивляет? Возьмите, сударь. Ведь ваши слова не были пустым жеманством.

Тельхейм *(принимая кольцо из ее рук)*. Боже! И это говорит моя Минна!

Минна. Вы не можете быть моим по одной причине, я ни по одной не могу быть вашей. Прощайте! *(Идет к двери.)*

Тельхейм. Куда вы, Минна?

Минна. Господин майор, теперь вы оскорбляете меня не в меру вольным обращением.

Тельхейм. Что с вами, сударыня? Куда вы?

Минна. Оставьте меня! Скрыть от вас мои слезы, изменник!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тельхейм, Франциска.

Тельхейм. Она плачет? И мне оставить ее? *(Хочет идти за Минной.)*

Франциска *(удерживает его)*. Куда вы, господин майор? Не пойдете же вы за нею в спальню?

Тельхейм. Она несчастна? Правда ведь, она говорила, что несчастна?

Франциска. А как же? Несчастье потерять вас, после того как...

Тельхейм. После чего? Нет, тут кроется что-то большее. Но что именно, Франциска? Скажи мне, скажи...

Франциска. После того, хотела я сказать, как она столь многим для вас пожертвовала.

Тельхейм. Пожертвовала? Для меня?

Франциска. Слушайте же, я буду краткой. Вам на руку, господин майор, что вы сумели так от нее отделаться. Почему бы мне и не сказать вам всего? Мы бежали! Ведь граф фон Брухзаль лишил мою барышню наследства за то, что она отказалась выйти замуж за выбранного им жениха. Из-за этого все от нее отвернулись, все стали свысока относиться к ней. Что нам было делать? Мы решили отыскать того, кому можно было...

Тельхейм. Довольно. Идем, я брошусь к ее ногам...

Франциска. Что вы надумали? Идите-ка лучше поскорей и благодарите судьбу за то, что вам так повезло...

Тельхейм. Несчастная, за кого ты меня принимаешь? Нет, голубушка, не сердце подсказало тебе эти слова. Прости мне мою запальчивость.

Франциска. Не задерживайте меня. Пойду посмотрю, что там, как бы с нею чего не случилось. Уходите-ка. Придете в другой раз, когда вам взаправду захочется прийти. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тельхейм.

Тельхейм. Куда же вы, Франциска? Я буду ждать вас здесь! Нет, другое важней! Если она поймет, сколь серьезны мои намерения, она непременно простит меня. Вот когда мне нужен мой славный Вернер! Нет, Минна, я не предатель. *(Поспешно уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена изображает зал в трактире.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тельхейм входит с одной стороны, Вернер с другой.

Тельхейм. Вернер! А я-то тебя ищу. Куда ты запропастился?

Вернер. А я вас ищу, господин майор, ну да, так оно всегда бывает. Я к вам с доброй вестью.

Тельхейм. Ах, не нужны мне сейчас твои вести, мне твои деньги нужны. Живо, Вернер, давай мне все, что у тебя есть, и еще постарайся достать, сколько удастся.

Вернер. Господин майор! Ей-богу, я как в воду глядел, сказавши: он возьмет у меня деньги, когда сам сможет давать взаймы.

Тельхейм. Надеюсь, ты не отвиливаешь?

Вернер. А чтобы мне не в чем было упрекнуть своего майора, он берет у меня правой рукой и тут же возвращает левой.

Тельхейм. Не задерживай меня, Вернер! Я, разумеется, верну тебе деньги, но когда и каким образом — одному богу известно.

Вернер. Вы, значит, еще не слыхали, что дворцовому казначейству приказано выплатить вам всю сумму? Я только что узнал это от...

Тельхейм. Что ты несешь? Почему позволяешь себя дурачить? Неужто не можешь взять в толк, что, будь все так, как

«Минна фон Барнхельм»
Действие пятое, явление тринадцатое.

ты говоришь, я бы первым об этом знал. Одним словом, Вернер, деньги, деньги!

Вернер. Да с удовольствием! Вот — тут кое-что имеется. Сто луидоров и сто дукатов. *(Передает ему оба свертка.)*

Тельхейм. Сто луидоров! Вернер, сходи отдай их Юсту. Пусть немедля выкупит кольцо, которое он заложил сегодня утром. Но где же взять еще, Вернер? Мне куда больше надо.

Вернер. Об этом уж позвольте мне позаботиться. Покупатель моего имения живет в городе. Правда, срок платежа только через две недели, но деньги у него отложены, и полпроцентика скидки...

Тельхейм. Ладно! Видишь, Вернер, ты моя единственная опора. И я должен во всем тебе открыться. Барышня — ты видел ее здесь — очень несчастна.

Вернер. О, горе!

Тельхейм. Но завтра она станет моей женой.

Вернер. О, радость!

Тельхейм. А послезавтра я уеду с ней. Я должен, я хочу уехать. Лучше бросить здесь все, как есть. Кто знает, где ждет меня счастье. Коли хочешь, Вернер, поедем со мной. Мы опять будем служить вместе.

Вернер. Ей-богу? Только там, где идет война, господин майор.

Тельхейм. А как же! Иди, Вернер, голубчик, мы позднее обо всем потолкуем.

Вернер. О дорогой мой майор! Послезавтра? А почему бы и не завтра? Я живехонько все устрою. В Персии, господин майор, идет отличная война, что вы на это скажете?

Тельхейм. Мы с тобой еще все обсудим. А сейчас иди, Вернер.

Вернер. Виват! Да здравствует князь Ираклий! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тельхейм.

Тельхейм. Что со мною? Все ожило во мне, мой дух воспрял! Собственное несчастье пригнуло меня к земле, сделало злым, недальновидным, робким и ленивым; ее беда меня окрыляет, я снова гляжу на мир без боязни, я чувствую себя сильным, способным совершить для нее любой подвиг... Но что ж я мешкаю? *(Направляется в комнату Минны, откуда навстречу ему выходит Франциска.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Франциска, Тельхейм.

Франциска. Да это и вправду вы. Мне показалось, будто я слышу ваш голос. Что вам угодно, господин майор?

Тельхейм. Что мне угодно? Чем занята твоя барышня? Идем!

Франциска. Она сейчас поедет кататься.

Тельхейм. Одна? Без меня? Куда же?

Франциска. Вы забыли, господин майор?

Тельхейм. Ты о чем, Франциска? Я ее рассердил, но я буду молить ее о прощении, и она простит меня.

Франциска. Простит, господин майор, после того как вы взяли у нее обратно свое кольцо?

Тельхейм. О, я был тогда, как в дурмане. И сейчас только вспомнил о кольце. Куда ж это я его засунул? *(Шарит в карманах.)* Вот оно!

Франциска. Вы уверены, что это то самое? *(Он снова прячет кольцо, Франциска в сторону.)* Хоть бы он повнимательнее на него посмотрел.

Тельхейм. Она мне его навязала в страшном раздражении... Но я уже забыл, как она была раздражена. Когда сердце переполнено — слов не взвешивают. Но она, не колеблясь, возьмет его обратно. Ведь ее-то кольцо у меня осталось.

Франциска. Она ждет, чтобы вы, в свою очередь, вернули его. Где оно, господин майор? Покажите-ка мне это кольцо.

Тельхейм *(не без смущения)*. Я... я позабыл его надеть. Юст... Юст сейчас принесет его.

Франциска. Да они, кажется, почти одинаковые, дайте же посмотреть на ваше; я до смерти люблю такие безделки.

Тельхейм. В другой раз, Франциска. А сейчас идем...

Франциска *(в сторону)*. Никак не выберется из своего заблуждения.

Тельхейм. Что ты сказала? Заблуждения?

Франциска. Я говорю, что вы заблуждаетесь, полагая, что моя барышня все еще хорошая партия для вас. Ее собственное состояние совсем невелико, а опекуны своекорыстными расчетами могут и вовсе пустить его на ветер. Всех благ она ждет от своего дядюшки, но он жестокий человек.

Тельхейм. Оставь эти разговоры. Разве у меня недостанет сил все возместить ей?

Франциска. Слышите? Она звонит, я должна идти к ней.

Тельхейм. Я иду с тобой.

Франциска. Ради бога, не ходите! Она строго-настрого запретила мне разговаривать с вами. Или уж идите после меня. *(Уходит в комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тельхейм.

Тельхейм *(кричит ей вслед)*. Доложи обо мне! Замолви за меня словечко, Франциска! Я сейчас приду! Но что я скажу ей? Нет, не надо готовиться, когда за тебя говорит сердце. Надо продумать лишь, как бережнее обойтись с ней! И помнить о ее сдержанности, ее сомнениях, вправе ли она, обездоленная, упасть в мои объятия, об ее уменье прикинуться счастливой, тогда как из-за меня она утратила свое счастье. Надо сделать, чтобы она простила себе неверие в мою честь, неверие в свои собственные совершенства... Я уже все простил ей! Чу, она идет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Минна, Франциска, Тельхейм.

Минна *(выходит из комнаты, делая вид, что не замечает майора)*. Экипаж ведь уже подан, Франциска? Мой веер!

Тельхейм *(приближается к ней)*. Куда вы, сударыня?

Минна *(с напускной холодностью)*. В город, господин майор. Я догадываюсь, почему вы взяли на себя труд еще раз явиться сюда: вы хотите вернуть мне мое кольцо. Отлично, господин майор, будьте любезны вручить его Франциске. Франциска, возьми кольцо у господина майора! Я спешу. *(Хочет идти.)*

Тельхейм *(преграждает ей путь)*. Сударыня! Бог мой, что́ я узнал, сударыня! Я был недостоин вашей любви!

Минна. Франциска, ты рассказала?..

Франциска. Да, все рассказала.

Тельхейм. Не гневайтесь на меня, сударыня. Я не предатель. По моей вине вы немало потеряли в глазах света, но не в моих. В моих глазах вы бесконечно много выиграли из-за своей утраты. Для вас она была еще внове, вы испугались, что она и на меня произведет неблагоприятное впечатление. Вам было угодно поначалу скрыть от меня эту утрату. На ваше недоверие я не сетую. Его породило желание сохранить меня. И я горжусь этим желанием. Вы застали меня в беде и не за-

хотели одну беду громоздить на другую. Не могли же вы знать, что ваше несчастье высоко взнесет меня над моим собственным.

Минна. Все очень хорошо, господин майор! Но все это уже в прошлом. Я освободила вас от вашего обязательства, вы же, взяв назад кольцо, с этим...

Тельхейм. Нисколько не согласился! Напротив, сейчас я себя считаю более связанным, чем когда-либо. Вы моя, Минна, моя навеки... *(Вынимает из кармана кольцо.)* Вот, примите вторично залог моей верности...

Минна. Мне взять назад ваше кольцо? Это кольцо?

Тельхейм. Да, моя дорогая Минна, да!

Минна. За кого вы меня считаете? Это кольцо?

Тельхейм. В первый раз вы приняли его из моих рук, когда оба мы были одинаково счастливы. Счастье изменило нам, и мы теперь одинаково несчастливы. А равенство — самые прочные узы. Дозвольте же, милая моя Минна! *(Берет ее руку, чтобы надеть кольцо.)*

Минна. Как? Насильно, господин майор? Нет такой силы на свете, которая заставила бы меня вновь принять это кольцо!.. Или вы полагаете, что у меня нету кольца? Смотрите *(показывая на свое кольцо)*, одно еще осталось, и, пожалуй, не хуже вашего.

Франциска. Уж заметил бы наконец!

Тельхейм *(выпускает ее руку)*. Что это? Я вижу Минну фон Барнхельм, но слышу не ее. Вы жеманитесь, сударыня? Простите, что повторяю ваши слова.

Минна *(своим обычным тоном)*. Мои слова обидели вас, господин майор?

Тельхейм. Они причинили мне боль.

Минна *(растроганно)*. Я этого не хотела, Тельхейм. Простите меня.

Тельхейм. А этот доверительный тон свидетельствует, что вы пришли в себя, сударыня, что вы еще меня любите, Минна.

Франциска *(вспылив)*. Шутка зашла уже слишком далеко.

Минна *(властно)*. Позволь тебя просить, Франциска, не портить мне игру.

Франциска *(опешив, в сторону)*. Неужто еще не довольно?

Минна. Да, сударь, с моей стороны было бы жеманством притворяться холодной и насмешливой. Прочь все это! Вы за-

служили, чтобы я была с вами правдива, ибо вы всегда говорите правду. Я все еще люблю вас, Тельхейм, все еще люблю, но тем не менее...

Тельхейм. Не продолжайте, дорогая моя Минна, умоляю вас! *(Снова хватает ее руку, чтобы надеть кольцо.)*

Минна *(вырывает руку)*. Но тем не менее, вернее, тем паче я никогда больше не допущу ничего подобного, никогда! О чем вы думаете, господин майор? По-моему, с вас и собственной беды предостаточно. Вы должны остаться здесь, должны переупрямить судьбу. Второпях я не подыщу другого выражения, именно переупрямить. Даже если страшная нужда будет терзать вас на глазах ваших клеветников.

Тельхейм. Так я думал, так говорил, когда сам не знал, что думаю и что говорю. Обида, затаенная ярость обволокли мою душу туманом, и сама любовь в светлом сиянии счастья не могла рассеять его. Но она ниспослала мне свое дитя — сострадание, ближе знакомое с безысходной скорбью, оно рассеяло туман и вновь вернуло моей душе способность предаваться сладостным восторгам. Инстинкт самосохранения пробудился во мне, ибо отныне я должен хранить и оберегать нечто куда более ценное, чем я сам. Не обижайтесь, сударыня, на слово «сострадание». Слышать его от невольного виновника нашего несчастья ничуть не унизительно. Виновник — я. Из-за меня, Минна, вы теряете друзей и родных, состояние и отчизну. Через меня, во мне вы должны вновь обрести все это, или же моя совесть будет отягощена гибелью прелестнейшей представительницы слабого пола. Не заставляйте же меня думать, что в будущем я сам себя возненавижу. Нет, ничто здесь меня долее не удержит. С этой минуты я буду клеймить презрением несправедливость, причиненную мне. Ужели эта страна — весь божий свет? Ужели только здесь восходит солнце? Какие пути мне заказаны? Где откажутся принять меня на службу? Пусть даже мне придется искать ее под далеким небом — с доверием следуйте за мной, моя дорогая; мы ни в чем не будем нуждаться. У меня есть друг, который охотно поддержит меня.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фельдъегерь, Тельхейм, Минна, Франциска.

Франциска *(увидев фельдъегеря)*. Тсс! Господин майор!

Тельхейм *(фельдъегерю)*. Кого вам надо?

Фельдъегерь. Я ищу господина майора фон Тельхейма.

А, да это же вы собственной персоной. Господин майор, мне приказано вручить вам послание короля. *(Вынимает письмо из сумки.)*

Тельхейм. Мне?

Фельдъегерь. Надпись не оставляет сомнений...

Минна. Ты слышишь, Франциска? Француз, оказывается, сказал правду.

Фельдъегерь *(в то время как Тельхейм берет у него письмо)*. Прошу прощения, господин майор, я еще вчера должен был доставить вам королевское послание, но не смог разыскать вас. Лишь сегодня на смотру лейтенант Рикко сообщил мне, где вы проживаете.

Франциска. Вы слышите, сударыня? Это же кавалеров министр. «Как там его звать, министр на большая площадь?»

Тельхейм. Весьма обязан вам за ваши труды.

Фельдъегерь. Это мой долг, господин майор. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тельхейм, Минна, Франциска.

Тельхейм. Ах, сударыня, что ждет меня? О чем говорит это послание?

Минна. Я не вправе так далеко заходить в своем любопытстве.

Тельхейм. Как? Вы все еще отделяете свою участь от моей? Но почему я медлю вскрыть его? Оно не может сделать меня еще несчастнее, нет, дорогая Минна, не может оно нас сделать еще несчастнее, разве что — счастливее... Дозвольте мне, сударыня! *(Вскрывает письмо и читает его.)*

Тем временем трактирщик неприметно прокрадывается на сцену.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Трактирщик и те же.

Трактирщик *(Франциске)*. Т-с-с! Прелестное дитя, на одно словечко!

Франциска *(подходит к нему)*. Господин трактирщик, мы же сами еще не знаем, что́ стоит в этом письме.

Трактирщик. Кому какое дело до письма? Я насчет

кольца. Надо, чтобы ваша барышня поскорей мне его вернула. Там Юст дожидается. Он пришел его выкупить.

Минна *(в свой черед подходит к трактирщику)*. Скажите Юсту, что кольцо уже выкуплено. И не забудьте прибавить, что выкуплено мною.

Трактирщик. Но...

Минна. Я за все отвечаю. Уходите!

Трактирщик уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тельхейм, Минна, Франциска.

Франциска. Ну, сударыня, пора уж перестать мучить беднягу майора.

Минна. Хватит тебе за него заступаться. Как будто узел не развяжется сам собою.

Тельхейм *(прочитав письмо, взволнованный и растроганный)*. О, он и здесь остался верен себе! Ах, сударыня, как справедлив король. Как милостив! Это больше того, что я ожидал! Больше того, что я заслужил! Мое счастье, моя честь — все восстановлено. Ведь это не сон! *(Заглядывает в письмо, желая еще раз удостовериться, что все это правда.)* Не мираж, порожденный моими желаниями. Читайте сами, сударыня! Читайте сами!

Минна. Это было бы нескромностью, господин майор.

Тельхейм. Нескромностью? Но ведь письмо адресовано мне, вашему Тельхейму. В нем стоит то, что не может отнять ваш дядя. Вы должны прочитать его, вот — читайте!

Минна. Ежели вам это будет приятно. *(Берет письмо и читает.)* «Мой славный майор фон Тельхейм! Ставлю вас в известность, что обстоятельства дела, заставившего меня поневоле усомниться в вашей чести, разъяснились в вашу пользу. Мой брат тщательно в таковом разобрался и засвидетельствовал вашу полную невиновность. Дворцовому казначейству отдано распоряжение возвратить вам пресловутый вексель и возместить понесенные расходы. И еще я приказал отменить решение военно-полевого казначейства, опротестовавшего ваши счета. Сообщите мне, дозволяет ли вам здоровье возвратиться на службу. Мне бы очень не хотелось лишаться человека, столь отважного и благонамеренного. Остаюсь неизменно благосклонным к вам королем и прочее и прочее».

Тельхейм. Итак, что вы скажете об этом, сударыня?

Минна *(складывает письмо и возвращает ему)*. Я? Ничего.

Тельхейм. Ничего?

Минна. Хорошо, скажу. Видно, ваш король, сей великий человек, к тому же и добрый человек. Но мне-то что до этого? Он не мой король.

Тельхейм. А больше вам нечего сказать? Хотя бы о нас обоих?

Минна. Вы вернетесь под его знамена; господин майор станет подполковником, а там, глядишь, и полковником. От всего сердца вас поздравляю.

Тельхейм. Как же мало вы знаете меня! Нет, если того, что счастье возвратило мне, достаточно, чтобы удовлетворить желания разумного человека, то теперь единственно от моей Минны зависит, буду ли я принадлежать кому-нибудь, кроме нее. Служению вам будет отныне посвящена моя жизнь! Служение сильным мира сего опасно и не стоит труда, усилий, унижений, связанных с ним. Минна не из тех суетных женщин, которым мужья милы лишь своими титулами и положением в свете. Она будет любить меня ради меня самого, а я подле нее позабуду весь мир. Я стал солдатом из симпатии к неким политическим принципам — каким и сам не знаю,— да еще мне взбрело на ум, что честному человеку полезно попытать свои силы на военном поприще, сродниться с тем, что зовут опасностью, воспитать в себе хладнокровие и решительность. Лишь крайняя нужда могла бы заставить меня сделать из этого опыта — призвание, из случайного занятия — дело своей жизни. Но нынче, когда ничто больше не принуждает меня, все мое честолюбие сводится к одному — быть мирным и счастливым человеком. Подле вас, моя дорогая Минна, я, без сомнения, стану им. Подле вас навеки таким останусь. Завтра священные узы соединят нас; тогда в необозримом мире мы поищем самый тихий, самый радостный и влекущий уголок, которому для того, чтобы стать раем, недостает лишь одного — счастливой, любящей четы. Там станем мы жить, там каждый наш день... Что с вами, сударыня?

Минна тревожно мечется по сцене, силясь скрыть свою растроганность.

Минна *(овладев собою)*. Вы жестоки, Тельхейм! Так живописать мне счастье, на котором я должна поставить крест. Моя утрата...

Тельхейм. Ваша утрата? Что вы называете утратой? Что бы ни утратила Минна, себя самое она не утратит. Вы по-

прежнему самое сладостное, милое, очаровательное, самое доброе создание под солнцем, воплощение невинных радостей! Временами это создание любит пошалить, иной раз своенравно поставить на своем, что ж, тем лучше! Тем лучше! Иначе Минна была бы ангелом, перед которым можно лишь благоговейно преклонять колена, но любить ангела — невозможно. *(Хочет поцеловать ее руку.)*

Минна *(отнимая руку)*. Как же так, сударь? Столь неожиданное превращение! Ужели этот пылкий влюбленный — холодный Тельхейм? Или вернувшееся счастье разожгло его? Поскольку вас сотрясает приступ лихорадки, позвольте мне, за нас обоих, сохранить ясность мысли. Когда вы сами были в состоянии рассуждать, вы говорили, будто презрения достойна та любовь, что не страшится навлечь презрение на предмет своей любви. Пусть так, но и я, подобно вам, жажду благородной, чистой любви... Теперь, когда честь ваша восстановлена и великий монарх призывает вас к себе, разве могу я согласиться, чтобы заодно со мной вы предались любовным грезам? Чтобы доблестный воин выродился в любезного пастушка? Нет, господин майор, повинуйтесь велению своей счастливой судьбы...

Тельхейм. Хорошо, Минна! Если большой свет привлекательнее для вас,— хорошо! Будем жить в большом свете! Как мал и убог этот свет! Вы знаете лишь его показную сторону. Но, разумеется, Минна, вы останетесь... Будь что будет! До поры до времени пусть ваши совершенства вызывают восторг и поклонение, мое счастье все равно не будет знать недостатка в завистниках.

Минна. Нет, Тельхейм, не то я хотела сказать! Я вас отсылаю обратно в большой свет, на путь почестей и славы, но не намереваюсь следовать за вами. На том пути Тельхейму нужна незапятнанная супруга! Саксонская девушка, сбежавшая из дому, чтобы броситься ему на шею...

Тельхейм *(вздрогнув, дико озирается вокруг)*. Кто бы посмел это сказать? Ах, Минна, я страшусь самого себя, стоит мне себе представить, что эти слова мог сказать кто-нибудь другой, а не вы, моя ярость была бы беспредельна.

Минна. О том и речь. Вы не потерпели бы ни малейшей насмешки надо мной, но каждый день должны были бы выслушивать самые язвительные... Я сейчас скажу вам, Тельхейм, что я решила и от чего не отступлюсь ни за какие блага мира...

Тельхейм. Не договаривайте, сударыня, заклинаю вас! Минна, подумайте хоть одно мгновение, ведь вы выносите мне смертный приговор!

Минна. Мне думать нечего! Как верно то, что я возвратила вам кольцо, некогда бывшее залогом вашей верности, как верно то, что вы взяли обратно это кольцо, так же верно, что несчастная Минна никогда не станет супругой счастливого Тельхейма!

Тельхейм. Значит, вы переломили жезл, сударыня?

Минна. Равенство — вот самые крепкие узы любви! Счастливая Минна хотела жить для одного только счастливого Тельхейма. Несчастная Минна тоже дала бы себя уговорить и согласилась бы все равно смягчить или усугубить несчастье своего друга. Вы, верно, заметили, что до этого письма, которое вновь уничтожило равенство между нами, я противилась вам только для виду.

Тельхейм. Это правда, сударыня? Благодарю вас, Минна, за то, что вы еще не переломили жезла. Вам люб только несчастный Тельхейм? Он к вашим услугам. *(Холодно.)* Я сейчас понял, что мне не приличествует эта запоздалая справедливость, что лучше мне было не принять того, что обесчещено столь низким подозрением. Я буду считать, что этого письма не было. Вот и весь мой ответ на него! *(Намеревается разорвать письмо.)*

Минна *(хватает его за руки)*. Чего вы хотите, Тельхейм?

Тельхейм. Обладать вами.

Минна. Остановитесь же!

Тельхейм. Сударыня, письмо будет разорвано, если вы не заговорите по-другому. А тогда посмотрим, какие еще доводы против меня у вас найдутся.

Минна. Каким тоном вы со мной говорите! По-вашему, я должна пасть в собственных глазах. Нет, никогда. Только ничтожной женщине не стыдно всем своим счастьем быть обязанной слепой любви мужчины!

Тельхейм. Вы не правы! Как вы не правы!

Минна. Осмелитесь ли вы в моих устах порицать свои собственные речи?

Тельхейм. Вот софистка! Выходит, что слабый пол бесчестит все, что не подобает сильному? А следовательно, и мужчина может себе позволить все, что позволяет себе женщина? Но тогда какой же пол, по велению природы, должен служить опорой другому?

Минна. Успокойтесь, Тельхейм! Я не останусь беззащитной, даже отклонив честь ваших забот и попечений. На худой конец, найдется кому обо мне позаботиться. Я обратилась к нашему посланнику. Он назначил мне прийти сегодня. Надо ду-

мать, его участие мне обеспечено. Но время не ждет. Позвольте, господин майор...

Тельхейм. Я буду сопровождать вас, сударыня.

Минна. Не надо, сударь, оставьте меня...

Тельхейм. Скорее ваша собственная тень оставит вас! Идите, сударыня, идите, куда и к кому вам угодно. Но я везде и всюду, всем встречным и поперечным, к тому же при вас, стану по сто раз в день рассказывать, какие узы связывают вас со мной и из какого жестокого своеволия вы хотите порвать их...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Юст.

Юст *(врывается)*. Господин майор! Господин майор!

Тельхейм. Что тебе?

Юст. Идите скорей, скорей!

Тельхейм. Куда? Поди ты ко мне! Объясни, в чем дело?

Юст. Вы только послушайте... *(Шепчет ему на ухо.)*

Минна *(тоже шепотом Франциске)*. Ты ничего не замечаешь, Франциска?

Франциска. Очень уж вы жестоки, сударыня. Я тут как на раскаленных угольях стою!

Тельхейм *(Юсту)*. Что ты болтаешь? Этого быть не может! Она? *(В полном смятении смотрит на Минну.)* Скажи это вслух. Скажи ей в лицо! Выслушайте его, сударыня.

Юст. Трактирщик говорит, что фрейлейн фон Барнхельм забрала кольцо, которое я у него заложил. Она заявила, что это ее собственность, и не желает его отдавать.

Тельхейм. Он правду сказал, сударыня? Нет, этого не может быть!

Минна *(улыбаясь)*. Почему же, Тельхейм? Почему это не может быть правдой?

Тельхейм *(в негодовании)*. Значит, так! Какой страшный свет забрезжил передо мной! Теперь я понял вас, милое, лживое, неверное создание.

Минна *(испуганно)*. Кто, кто неверное создание?

Тельхейм. Вы! Отныне я даже имени вашего не произнесу!

Минна. Тельхейм!

Тельхейм. А вы забудьте мое! Вы приехали сюда, чтобы порвать со мною! Все ясно! Видно, случай охотно служит веро-

ломству. Он дал вам в руки это кольцо. А коварство научило вас подсунуть мне мое.

Минна. Что вам мерещится, Тельхейм! Успокойтесь и выслушайте меня.

Франциска *(про себя)*. Ну, теперь он ей покажет!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Вернер (с кошельком, полным золота), Тельхейм, Минна, Франциска, Юст.

Вернер. Вот уже и я, господин майор!

Тельхейм *(не удостаивает его взглядом)*. Кто тебя звал сюда?

Вернер. А вот деньги, тысяча пистолей!

Тельхейм. Мне их не надо!

Вернер. Завтра, господин майор, в вашем распоряжении будет сумма вдвое большая.

Тельхейм. Оставь при себе свои деньги.

Вернер. Да ведь они ваши, господин майор! Похоже, вы не видите, с кем говорите!

Тельхейм. Убирайся вместе со своими деньгами.

Вернер. Что с вами? Это я, Вернер.

Тельхейм. Любая доброта — притворство! Любая услужливость — обман.

Вернер. Вы это обо мне?

Тельхейм. Понимай как хочешь.

Вернер. Я ведь выполнял ваш приказ.

Тельхейм. Так выполни и второй — убирайся!

Вернер. Господин майор! *(С горечью.)* Я — человек!

Тельхейм. Нашел чем хвалиться!

Вернер. У меня тоже есть желчь.

Тельхейм. Что ж, желчь — лучшее из того, что у нас есть...

Вернер. Прошу вас, господин майор...

Тельхейм. Сколько раз тебе повторять? Не нужны мне твои деньги!

Вернер *(гневно)*. Коли так, пусть достаются первому встречному! *(Швыряет кошелек к ногам Тельхейма и отходит в сторону.)*

Минна *(Франциске)*. Ах, Франциска, голубушка, если бы я послушалась тебя! Я слишком далеко зашла в этой шутке. Не-

обходимо, чтобы он выслушал меня. *(Направляется к Тельхейму.)*

Франциска *(не отвечая своей госпоже, идет к Вернеру)*. Господин вахмистр!

Вернер *(сердито)*. Отвяжись!

Франциска. Ишь ты! Ну и мужчины нынче пошли...

Минна. Тельхейм! Тельхейм!

Тельхейм в ярости кусает пальцы, отворачивается от нее и не слушает.

Нет, это ужасно! Да выслушайте же меня! Вы ошибаетесь. Все случившееся — просто недоразумение... Тельхейм! Вы даже не хотите выслушать вашу Минну? Как вы могли заподозрить?.. Я хотела порвать с вами? Затем и приехала? Тельхейм!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Два лакея один за другим с разных сторон вбегают в залу. Те же.

Первый лакей. Сударыня, его сиятельство господин граф!

Второй лакей. Он сейчас войдет, сударыня!

Франциска *(подбегает к окну)*. Это он, он!

Минна. Он? Тельхейм, скорее...

Тельхейм *(внезапно приходит в себя)*. Кто, кто приехал? Ваш дядюшка, сударыня, ваш грозный дядюшка? Пусть входит, пусть! Не бойтесь ничего! Он не посмеет даже взглядом обидеть вас! Или ему придется иметь дело со мной, правда, вы этого не заслужили...

Минна. Скорее обнимите меня, Тельхейм, и забудьте все, что было...

Тельхейм. Кабы я знал, что вы способны на раскаяние!

Минна. Нет, я не могу каяться в том, что́ сумела так глубоко заглянуть в ваше сердце! Ах, какой же вы человек! Обнимите свою Минну, свою счастливую Минну! Счастливую благодаря вам, только вам! *(Падает в его объятия.)* А сейчас поспешим ему навстречу!

Тельхейм. Кому?

Минна. Лучшему из неведомых вам друзей.

Тельхейм. Что вы хотите сказать?

Минна. Навстречу графу, моему дяде, моему отцу, вашему отцу... Мое бегство, его гнев, лишение наследства... неужто вы не поняли, что все это выдумка? Легковерный рыцарь!

Тельхейм. Выдумка? Но кольцо? Кольцо?

Минна. Где оно, кольцо, что я возвратила вам?

Тельхейм. Вы снова примете его? О, значит, я и вправду счастлив! Вот оно, Минна! *(Подает ей кольцо.)*

Минна. Так взгляните же на него хорошенько! Нельзя же быть слепцом, не желающим прозреть! Какое это кольцо? То, что я дала вам, или то, что вы дали мне? Разве не это кольцо я не хотела, не могла оставить в руках трактирщика?

Тельхейм. О, боже, что я вижу, что слышу?

Минна. Взять мне его обратно? Взять мне его? Дайте сюда, скорее дайте-ка его сюда! *(Вырывает кольцо из рук Тельхейма и сама надевает ему на палец.)* Ну вот. Теперь все хорошо! Правда?

Тельхейм. Где я? *(Целует ее руку.)* О злобный ангел! Так терзать меня!

Минна. Это репетиция, дорогой мой супруг, если вам вздумается когда-либо сыграть со мной недобрую шутку, то знайте, что я в долгу не останусь. Неужто вы не догадываетесь, что тоже мучили меня?

Тельхейм. О комедьянтки! Но мне следовало бы знать вас!

Франциска. Я-то уж комедьянтка поневоле! Меня бросало то в жар, то в холод, и, ох, как трудно мне было держать язык за зубами.

Минна. Мне тоже нелегко далась моя роль! Но идемте же!

Тельхейм. Я все никак не опомнюсь. Как хорошо мне и как боязно! Точно я вдруг пробудился от страшного сна!

Минна. Нам нельзя больше медлить. Я слышу его шаги.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же. Граф фон Брухзаль в сопровождении многочисленных слуг и трактирщика.

Граф *(входя)*. Значит, она прибыла благополучно.

Минна *(подбегая к нему)*. Ах, мой отец!

Граф. Вот и я, моя девочка! *(Обнимает ее.)* Но что это, Минна? *(Заметив Тельхейма,)* Не прошло и суток, как ты приехала, и уже новые знакомства, гости?

Минна. Отгадайте, кто это?

Граф. Уж не твой ли Тельхейм?

Минна. Конечно же, он. Идите сюда, Тельхейм! *(Подводит его к графу.)*

Граф. Сударь, мы никогда друг друга не видели, но я едва ли не с первого взгляда узнал вас. Мне хотелось, чтобы это были вы. Обнимите меня. И позвольте мне засвидетельствовать вам мое глубокое уважение. Я надеюсь на вашу дружбу. Моя племянница, моя дочь любит вас...

Минна. Вы знаете это, отец! Но разве моя любовь слепа?

Граф. Нет, Минна, твоя любовь не слепа, но твой избранник нем.

Тельхейм *(бросается в объятия графа)*. Дайте мне прийти в себя, отец!

Граф. Хорошо, сын мой! Я понял: если уста твои немы, то сердце достаточно красноречиво. Признаться, я недолюбливаю офицеров *(указывает на мундир Тельхейма)* в мундирах этого цвета. Но вы честный человек, Тельхейм, а честного человека нельзя не любить, в каком бы мундире он ни был.

Минна. О, если бы вы все знали!

Граф. А что мне мешает все узнать? Трактирщик, где мои комнаты?

Трактирщик. Соблаговолите пройти вот сюда, ваше сиятельство.

Граф. Идем, Минна! Идемте, господин майор! *(Уходит в сопровождении слуг и трактирщика.)*

Минна. Идемте же, Тельхейм!

Тельхейм. Я немедленно последую за вами, сударыня, мне надо только сказать два-три слова этому человеку! *(Оборачивается к Вернеру.)*

Минна. И очень добрых слова! Мне думается, что это ваша обязанность. Так ведь, Франциска? *(Уходит за графом.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Тельхейм, Вернер, Юст, Франциска.

Тельхейм *(указывая на кошелек, брошенный Вернером)*. Юст, подними кошелек и снеси его к нам. Иди!

Юст выполняет приказание и уходит.

Вернер *(все еще стоит в уголке, сердитый и словно бы ко всему безучастный; услышав слова Тельхейма, говорит)*. Наконец-то!

Тельхейм *(подходит к нему, доверительно)*. Вернер, когда я получу вторую тысячу пистолей?

Вернер *(успокоившись)*. Завтра, господин майор, завтра.

Тельхейм. У меня уже нет надобности быть твоим должником, но я хочу стать твоим казначеем. Таких добряков, как ты, следовало бы отдавать под опеку за расточительство! Я рассердил тебя, Вернер?

Вернер. Богом клянусь, рассердили! Ну и я хорош, какого дурака из себя разыграл! Теперь-то я вижу! Мне бы сотню ударов следовало всыпать. Прикажите дать мне их немедленно, только не сердитесь больше, господин майор!

Тельхейм. Сердиться? *(Пожимает ему руку.)* Прочитай в моих глазах все, что я не умею высказать! О, хотел бы я найти человека, у которого невеста лучше моей и друг — вернее! Ты согласна со мной, Франциска? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Вернер, Франциска.

Франциска *(про себя)*. Да, он-то уж хороший человек! Такого во второй раз не встретишь! Надо ему сказать! *(Робко и стыдливо приближается к Вернеру.)* Господин вахмистр...

Вернер *(утирая слезы)*. Чего тебе?

Франциска. Господин вахмистр...

Вернер. Чего тебе надобно, душенька?

Франциска. Взгляните на меня, господин вахмистр!

Вернер. Погоди немножко, мне что-то в глаз попало.

Франциска. А вы все равно взгляните!

Вернер. Боюсь, душенька, что я и так слишком много на тебя глядел! А-а, теперь вижу! Что ж вам от меня понадобилось?

Франциска. Господин вахмистр... Не нужна ли господину вахмистру госпожа вахмистерша?

Вернер. Вы это всерьез, душенька?

Франциска. Очень даже всерьез!

Вернер. А поедет она со мной в Персию?

Франциска. Поедет куда угодно.

Вернер. Ей-богу? Ура! Не похваляйтесь, господин майор! Теперь и у меня есть такая же хорошая девушка и такой верный друг, как вы! Дайте мне вашу руку, душенька! Клянусь честью, через десять лет быть вам генеральшей или вдовой!

ЭМИЛИЯ ГАЛОТТИ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эмилия Галотти.

Одоардо, Клавдия } Галотти, родители Эмилии.

Хетторе Гонзага, принц Гвасталлы.

Маринелли, камергер принца.

Камилло Рота, один из советников принца.

Конти, художник.

Граф Аппиани.

Графиня Орсина.

Анжело.

Слуги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принц за письменным столом, заваленным письмами и бумагами, которые он просматривает.

Принц. Жалобы, одни лишь жалобы! Просьбы, одни лишь просьбы! Печальные дела, а нам еще завидуют! Вот если бы мы могли помочь всем, тогда, я думаю, нам стоило бы завидовать. Эмилия? *(Вскрывает одно из прошений и видит подпись.)* Но некая Эмилия Брунески — не Галотти. Не Эмилия Галотти! Что она хочет, эта Эмилия Брунески? *(Читает.)* Много требует, очень много. Но ее зовут Эмилия. Удовлетворить. *(Подписывает и звонит; входит камердинер.)* В приемной еще нет никого из советников?

Камердинер. Нет.

Принц. Я слишком рано начал день. Утро такое прекрасное. Я хочу проехаться. Маркиз Маринелли пусть сопровождает меня. Пошлите за ним.

Камердинер выходит.

Я больше не могу работать. Я был так спокоен, убедил себя, что спокоен. Надо же было, чтобы какую-то несчастную Брунески звали Эмилией — и спокойствия моего как не бывало!

Камердинер *(снова входит)*. За маркизом послано. Вот здесь письмо от графини Орсина.

Принц. Орсина? Положите его туда.

Камердинер. Ее гонец ждет.

Принц. Я пошлю ответ, если понадобится. Где она? В городе или в своей вилле?

Камердинер. Она прибыла вчера в город.

Принц. Тем хуже... тем лучше, хотел я сказать.

Камердинер уходит.

Моя дорогая графиня! *(Взяв в руки письмо, с горечью.)* Да, я верил, что люблю ее. Во что мы только не верим! Возможно, она действительно была любима мной. Но — была!

Камердинер *(входит опять)*. Художник просит позволения...

Принц. Конти? Прекрасно, пусть войдет. Это настроит меня на иные мысли. *(Встает.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Конти, принц.

Принц. Доброе утро, Конти. Как поживаете? Что поделывает искусство?

Конти. Искусство гонится за хлебом, принц.

Принц. Этого не может быть, этого не должно быть, хотя бы в моих маленьких владениях. Но у художника должно быть желание работать.

Конти. Работать? Это для него радость. Но если ему приходится работать слишком много, он перестает быть художником.

Принц. Я имею в виду не много работ, а большую работу. Одну — выполненную со старанием. Вы ведь пришли не с пустыми руками, Конти?

Конти. Я принес портрет, который вы заказывали мне, ваша светлость. И принес еще один, которого вы мне не заказывали, но на который стоит посмотреть.

Принц. Какой я заказывал? Не могу припомнить...

Конти. Графини Орсина.

Принц. Верно! Портрет только немного запоздал.

Конти. Наших прекрасных дам можно писать не каждый день. Графиня за три месяца лишь однажды согласилась позировать мне.

Принц. Где портреты?

Конти. В приемной, я сейчас принесу их.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принц.

Принц. Ее портрет! Что ж! Ее портрет — это еще не она сама. А может быть, в портрете я вновь найду то, чего не замечаю больше в оригинале. Но не к чему мне находить там что-либо. Докучливый художник! Я даже думаю, что она подкупила его. А хотя бы и так! Если ее образ, нарисованный иными красками, на ином фоне, снова бы занял место в моем сердце,— право, я бы, кажется, обрадовался. Когда я любил ее, я чувствовал себя всегда так легко, так радостно, так беззаботно. А теперь все пошло по-иному. Нет, нет, нет! Приятно или неприятно, но так мне лучше.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принц. Входит Конти с портретами и прислоняет один из них лицевой стороной к стулу.

Конти *(устанавливая другой портрет)*. Я вас прошу, принц, не забывать о границах нашего искусства. Многое из того, что нас пленяет в живой красоте, лежит за его пределами. Прошу вас встать сюда!

Принц *(взглянув на портрет)*. Отлично, Конти! Отлично! Я говорю о вашем мастерстве, о вашей кисти. Но вы польстили, Конти, бесконечно польстили!

Конти. Оригинал, кажется, был иного мнения. Да и на самом деле я польстил не больше, чем должно льстить искусство. Пусть искусство живописует так, как пластическая природа — ежели она существует — замыслила свой образ; без отступлений, неизбежных, когда образ воплощается в материю, без разрушений, которые приносит время.

Принц. Мыслящий художник ценен вдвойне. Но оригинал, вы говорите, нашел...

Конти. Прошу простить меня, принц. Оригинал — особа, к которой следует относиться со всяческим уважением. Я не хотел сказать ничего нелестного для нее.

Принц. Можете быть откровенным! Что же сказал оригинал?

Конти. «Я довольна,— сказала графиня,— что не выгляжу еще безобразнее».

Принц. Еще безобразнее? О, я действительно узнаю оригинал.

Конти. И она сказала это с гримасой, о которой, разумеется, и не догадаешься по портрету.

Принц. Вот это я и имел в виду! Именно это я и считаю безграничной лестью. О! Я хорошо знаю это гордое, насмешливое выражение, способное обезобразить лицо самой Грации! Не отрицаю, что красивые губы, складываясь в слегка насмешливую улыбку, нередко становятся еще прелестней. Но, должен заметить,— слегка; усмешка не должна превращаться в гримасу, как у нашей графини. А глаза должны господствовать над этой шаловливой усмешкой — глаза, каких нет у нашей любезной графини! Нет их и на этом портрете.

Конти. Ваша светлость, я чрезвычайно удивлен...

Принц. Чем же? Все, что искусство способно сделать хорошего из больших, выпуклых, оцепенелых, неподвижных, как у медузы, глаз графини,— вы, Конти, честно сделали. Честно сказал я? Менее честно — было бы, пожалуй, честнее. Ну, скажите сами, Конти, можно ли по этому портрету сделать заключение о характере оригинала? А ведь следовало бы. Вы превратили надменность в чувство достоинства, сарказм — в улыбку, склонность к мрачным фантазиям — в тихую грусть.

Конти *(немного раздосадованный)*. Ах, мой принц, мы, художники, рассчитываем на то, что готовый портрет застанет любовника таким же пылким, каким он был, заказывая его. Мы пишем глазами любви, и только глазам любви следует судить нас.

Принц. Оставим, Конти,— и почему только вы не принесли это месяцем раньше? В сторону его! А что представляет из себя другой?

Конти *(держит в руках портрет, не показывая его)*. Тоже женский портрет.

Принц. Я бы охотнее вовсе не смотрел его. Ведь к моему идеалу *(указывает пальцем на лоб)* — или скорее здесь *(указывая на сердце)* — он все равно не приблизится. Я бы хотел, Конти, иметь возможность восхищаться вашим искусством на других предметах.

Конти. Существует искусство, более достойное восхищения, но, безусловно, нет предмета, более достойного восхищения, чем этот.

Принц. Держу пари, Конти, что это повелительница самого художника.

В этот момент Конти поворачивает портрет.

Что я вижу? Это ваше произведение? Или произведение моей фантазии? Эмилия Галотти!

Конти. Как, мой принц? Вы знаете этого ангела?

Принц *(стараясь взять себя в руки, но не сводя глаз с портрета)*. Немного! Ровно столько, чтобы узнать при встрече. Несколько недель тому назад я встретил ее с матерью на одном вечере. После этого она встречалась мне только в церкви — где еще менее удобно было смотреть на нее. Я также знаю ее отца. Он не из моих друзей. Это он больше других противился моим притязаниям на Сабионетту,— старый воин, гордый и грубый, но в то же время добрый и честный!

Конти. Отец! Но здесь перед нами его дочь.

Принц. Клянусь богом! Будто ее выкрали из зеркала. *(Все еще не отрывая глаз от портрета.)* О, вы ведь знаете, Конти, что высшая похвала художнику — это когда перед его произведением забываешь о похвалах.

Конти. А между тем я вовсе недоволен собой; и в то же время весьма доволен своим недовольством. Ах, почему мы не можем писать непосредственно глазами! Сколько теряется на длинном пути от глаз к кисти через посредство руки! Но, как я уже говорил, именно потому, что я знаю, что утеряно, как утеряно и почему утеряно,— я горжусь этим своим знанием столь же, сколь и тем, что́ мне удалось не утерять. В утраченном больше, чем в сохраненном, черпаю я убеждение, что я действительно великий художник и что только рука моя не всегда бывает совершенна. Или вы думаете, принц, что Рафаэль не был бы величайшим гением в живописи, родись он, по несчастной случайности, без рук? Как ваше мнение, принц?

Принц *(оторвавшись на момент от портрета)*. Что вы сказали, Конти? Что вы хотите знать?

Конти. О, ничего, ничего! Болтовня! Я видел в ваших глазах всю вашу душу. Мне милы такие души и такие глаза.

Принц *(с напускной холодностью)*. Итак, Конти, вы действительно считаете, что Эмилия принадлежит к числу первых красавиц нашего города?

Конти. Итак? Принадлежит к числу? К числу первых красавиц, да еще нашего города? Вы надо мной смеетесь, принц. Или же все это время вы столь же мало видели, как и слышали.

Принц. Милейший Конти *(снова устремляя глаза на портрет)*, как можем мы доверять своим глазам? В сущности, один лишь художник может судить о красоте.

Конти. Неужели же восприятие каждого человека должно ожидать приговора художника? В монастырь того, кто

хочет у нас учиться пониманию прекрасного! Но вот что я должен сказать вам как художник, принц: одна из величайших удач моей жизни — то, что Эмилия Галотти согласилась позировать мне. Эта голова, это лицо, лоб, глаза, нос, рот, подбородок, шея, эта грудь, стан, вся эта фигура стали для меня с тех пор единственным образцом изучения женской красоты. Портрет, для которого она позировала, получил ее отец, живущий не здесь. Но эта копия...

Принц *(быстро оборачиваясь к нему)*. Ну, Конти? Надеюсь, еще никому не обещана?

Конти. Предназначена вам, принц, если только она пришлась вам по вкусу.

Принц. По вкусу! *(Улыбаясь.)* Что я еще могу сделать, Конти, как не превратить ваш образец изучения женской красоты также в образец и для себя. А тот портрет возьмите снова с собой — закажите для него раму.

Конти. Хорошо!

Принц. Самую красивую, самую богатую, какую только сможет сделать резчик. Портрет будет выставлен в моей галерее. А этот останется здесь. С наброском не стоит так церемониться; его не вывешивают, а предпочитают держать у себя. Я вам благодарен, Конти, я вам чрезвычайно благодарен. И, как было сказано, искусство в моих владениях не должно искать хлеба, пока я сам имею его. Пошлите, Конти, к моему казначею, и пусть он под вашу расписку заплатит вам за оба портрета столько, сколько вы захотите, Конти.

Конти. Пожалуй, мне следует опасаться, принц, что помимо искусства вы хотите вознаградить еще нечто иное.

Принц. О, ревнивые художники! Нет, нет! Так вы слышали, Конти,— сколько захотите.

Конти уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принц.

Принц. Сколько он захочет! *(Обращаясь к портрету.)* Какую бы цену я ни дал за тебя — она будет слишком мала! Ах, прекрасное произведение искусства, действительно ли я владею тобой? Если бы владеть и тобой, еще более прекрасное создание природы! Все отдам, что хотите, почтеннейшая мать! Все, что ты хочешь, старый ворчун! Только потребуй! Только потребуйте!

А еще охотнее купил бы я тебя, волшебница, у тебя же самой! Эти глаза, полные прелести и скромности. Этот рот! А когда он раскрывается, чтобы заговорить, когда он улыбается! О, этот рот! Сюда идут. Я еще слишком ревную тебя, чтобы показывать другим. *(Поворачивает портрет лицом к стене.)* Это, должно быть, Маринелли. Если бы я не вызвал его, какое у меня могло быть прекрасное утро!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маринелли, принц.

Маринелли. Простите меня, ваша светлость. Я не ожидал такого раннего вызова.

Принц. Мне захотелось проехаться. Такое было хорошее утро. А теперь оно уже прошло, да и желание у меня тоже пропало. *(После краткого молчания.)* Что нового, Маринелли?

Маринелли. Ничего интересного, насколько могу судить. Графиня Орсина вчера прибыла в город.

Принц. Здесь уже лежит ее утреннее приветствие *(показывает ему письмо)* или что-нибудь еще. Мне совсем не любопытно. Вы говорили с ней?

Маринелли. Разве я, к сожалению, не ее поверенный? Но если я еще раз стану поверенным дамы, которой вздумается по-настоящему, серьезно полюбить вас, принц, то...

Принц. Не зарекайтесь, Маринелли!

Маринелли. Да? В самом деле, принц? Так это еще может случиться? О, возможно, графиня не так уж не права.

Принц. Во всяком случае — не права. Близость моего брака с принцессой Массá требует, чтобы я прежде всего покончил со всеми этими связями.

Маринелли. Если бы дело было только в этом, то, разумеется, Орсина должна была бы покориться своей участи, так же как покоряетесь вы, принц.

Принц. А участь моя несравненно тяжелее. Сердце мое приносится в жертву презренным интересам государства. Ей же следует только взять свое сердце обратно, это совсем не то, что отдавать его против воли.

Маринелли. Взять его обратно? Зачем же брать обратно, спрашивает графиня, если это не что иное, как супруга, которую привела к принцу не любовь, а политика? Подле

такой супруги возлюбленная может всегда сохранить свое место. Она боится, что ее приносят в жертву не супруге, а...

Принц. Новой возлюбленной. И что же? Не хотите ли вы это назвать преступлением, Маринелли?

Маринелли. Я? О мой принц, не смешивайте меня с безумной, чьи слова я передаю — передаю из сострадания. Вчера она в самом деле необычайно растрогала меня. Она вовсе не хотела говорить о своих отношениях с вами. Хотела казаться равнодушной и холодной. Но посреди самого безразличного разговора у нее невольно прорывались намеки на другую, и так она выдала свои сердечные муки. С веселым видом говорила она самые грустные вещи и, наоборот, шутила с трагическим выражением лица. Она пристрастилась к книгам, и боюсь, что они ее вконец погубят.

Принц. Ведь они-то впервые и пошатнули ее бедный разум. Но не хотите же вы, Маринелли, вернуть меня к ней именно с помощью того, что главным образом оттолкнуло меня. Если она сойдет с ума от любви, значит, раньше или позже сошла бы с ума и без нее. Ну и довольно о ней. Поговорим о другом. Неужели в городе решительно ничего не произошло?

Маринелли. Почти ничего. Ведь свадьба графа Аппиани, которая сегодня состоится,— немногим больше, чем ничего.

Принц. Графа Аппиани? И с кем же? Мне следовало бы знать о его помолвке.

Маринелли. Дело держали в большом секрете. Да и не из чего было поднимать много шума. Вы посмеетесь, принц,— но такова судьба людей чувствительных! Любовь всегда играет с ними самые скверные шутки. Девушка без состояния, без положения сумела завлечь его в свои сети — ей помогли некоторое притворство, блеск добродетели, чувствительность, острота ума — и уж не знаю, что там еще.

Принц. Тот, кто способен полностью, без оглядки предаваться впечатлению, которое производят на него невинность и красота, тот, я полагаю, скорее достоин зависти, чем сожаления. Как имя этой счастливицы? Ведь при всем том Аппиани,— я знаю, Маринелли, что вы его терпеть не можете, так же как и он вас,—при всем том граф очень достойный молодой человек, он красив, богат, полон благородства. Мне бы очень хотелось приблизить его к себе. Я еще об этом подумаю.

Маринелли. Если вы уже не опоздали. Насколько я слышал, в его планы вовсе не входит искать свое счастье при дворе. Он собирается вместе со своей повелительницей в долины

Пьемонта — там его поместья; будет охотиться в Альпах за дикими козами и приручать сурков. Да и что ему остается делать? Здесь, вследствие неравного брака, в который он вступает, для него все кончено. Отныне двери всех лучших домов для него закрыты.

Принц. Ах, эти ваши лучшие дома, в которых царит чопорность, принужденность, скука, а нередко и убожество. Но назовите же мне ту, ради которой он приносит столь великую жертву.

Маринелли. Это некая Эмилия Галотти.

Принц. Как, Маринелли? Некая...

Маринелли. Эмилия Галотти.

Принц. Эмилия Галотти! Не может быть!

Маринелли. Вполне достоверно, ваша светлость.

Принц. Нет, говорю я вам, нет, этого не может быть. Вы ошиблись именем. Род Галотти обширен — она может быть Галотти, но не Эмилия, не Эмилия!

Маринелли. Эмилия, Эмилия Галотти!

Принц. Значит, существует еще одна, которая носит это имя. К тому же вы сказали — некая Эмилия Галотти, некая. Только глупец может так сказать о настоящей.

Маринелли. Вы вне себя, ваша светлость. Разве эта Эмилия известна вам?

Принц. Задавать вопросы, Маринелли, буду я, а не вы. Эмилия Галотти, дочь полковника Галотти из Сабионетты?

Маринелли. Именно она.

Принц. И живет здесь в Гвасталле со своей матерью?

Маринелли. Именно она.

Принц. Неподалеку от храма Всех Святых?

Маринелли. Именно она.

Принц. Одним словом... *(Бросается к портрету и передает его Маринелли.)* Вот! Эта? Эта Эмилия Галотти? Скажи еще раз твое проклятое «именно она» и порази меня кинжалом в сердце!

Маринелли. Именно она.

Принц. Палач! Эта? Эта Эмилия Галотти станет сегодня...

Маринелли. Графиней Аппиани!

Принц вырывает у Маринелли портрет и отбрасывает его в сторону.

Обряд совершится без шума в имении ее отца близ Сабионетты. В полдень туда отправляются мать, дочь, граф и, быть может, несколько друзей.

Принц *(в отчаянии бросаясь на стул)*. Если так, я погиб! Если так, я не хочу больше жить!

Маринелли. Но что с вами, ваша светлость?

Принц *(снова вскакивая)*. Предатель! Что со мной? Ну да, я люблю ее! Я ее боготворю! Вы могли бы это знать, вы все, предпочитающие, чтобы я вечно носил постыдные оковы взбесившейся Орсина! Но то, что вы, Маринелли, вы, так часто уверявший меня в преданнейшей дружбе,— о, у государей нет друзей, не может быть друзей,— то, что вы, вы могли так вероломно, так коварно скрывать от меня до этой минуты опасность, угрожавшую моей любви... если я вам когда-нибудь прощу это — пусть я никогда не получу отпущения своих грехов.

Маринелли. Я не нахожу слов, принц, — даже если вы позволите выразить вам свое изумление. Вы любите Эмилию Галотти? Так вот вам клятва в ответ на вашу клятву: пусть отступятся от меня все ангелы и все святые, если у меня было хоть малейшее представление, хоть малейшее подозрение об этой любви. Именно в этом я могу поклясться и от имени графини Орсина. Ее подозрения направлены совсем в иную сторону.

Принц. Так простите же меня, Маринелли *(бросается в его объятия)*, и посочувствуйте мне.

Маринелли. Ну, что ж, принц! Вот плоды вашей скрытности! «У государей нет друзей, не может быть друзей». А если так, то по какой причине? По той, что они не хотят иметь их. Сегодня они нас удостаивают своим доверием, делятся с нами своими самыми затаенными желаниями, открывают перед нами всю свою душу, а завтра мы вновь так чужды им, будто бы никогда прежде не обменивались ни единым словом.

Принц. Ах, Маринелли, как мог я доверить вам то, в чем едва решался признаться самому себе?

Маринелли. А значит, и еще менее решились признаться виновнице ваших мучений?

Принц. Ей? Все мои усилия поговорить с ней второй раз оказались напрасными.

Маринелли. А в первый раз...

Принц. Я говорил с ней... О, я схожу с ума! Сколько мне еще рассказывать вам? Вы видите, что я добыча волн; зачем вам расспрашивать, как это случилось? Спасите меня, если можете, а потом уж спрашивайте.

Маринелли. Спасти? Трудно ли здесь спасти? В чем вы, ваша светлость, опоздали признаться перед Эмилией Галотти, в том признайтесь перед графиней Аппиани. Товар который нельзя купить из первых рук, покупают из вторых — и нередко такой товар стоит значительно дешевле.

Принц. Говорите серьезно, Маринелли, серьезно или...

Маринелли. Разумеется, и товар бывает похуже...

Принц. Вы забываетесь!

Маринелли. Кроме того, граф собирается уехать из этих мест. Да, значит, надо придумать что-нибудь другое.

Принц. Но что? Милейший, добрейший Маринелли, подумайте за меня. Что бы вы сделали на моем месте?

Маринелли. Прежде всего смотрел бы на пустяк как на пустяк, и сказал бы себе: не напрасно я — властелин.

Принц. Не обольщайте меня властью, для которой я не вижу применения. Сегодня, говорите вы? Уже сегодня?

Маринелли. Еще только сегодня это должно совершиться. А поправить нельзя лишь то дело, что уже совершилось. *(После краткого размышления.)* Предоставляете ли вы мне полную свободу действий? Одобрите ли вы все, что бы я ни сделал?

Принц. Все, Маринелли, все, что может отвести этот удар.

Маринелли. В таком случае, не будем терять времени. Вам не следует оставаться в городе. Отправляйтесь немедленно в ваш загородный замок в Дозало. Дорога в Сабионетту проходит мимо него. Если мне не удастся немедленно удалить графа, то я думаю... но нет, нет, он безусловно попадет в эту западню. Вы ведь хотите, принц, отправить в Масса́ посла по случаю вашего бракосочетания? Пусть этим послом будет граф, с условием, что он выедет сегодня. Вы понимаете?

Принц. Превосходно! Привезите его ко мне. Ступайте, торопитесь. Я тотчас же сажусь в карету.

Маринелли уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Принц.

Принц. Сейчас! Сейчас! Где же портрет? *(Оглядывается в поисках портрета.)* На полу? Это уж слишком. *(Поднимая портрет.)* Полюбоваться еще? Нет, больше я не могу любоваться тобой. К чему еще глубже растравлять свою рану? *(Отставляет портрет в сторону.)* Я достаточно долго вздыхал и томился — дольше, чем следовало бы, и ничего не сделал! Еще немного, и из-за моей преступной бездеятельности все по-

гибло бы! А если и сейчас уже все потеряно? Если Маринелли не сделает ничего? К чему полагаться только на него? Припоминаю, что в это время *(смотрит на часы)*, именно в это самое время благочестивая девушка каждый день ходит слушать мессу в доминиканскую церковь. Что, если я попробую поговорить с нею там? Но сегодня, сегодня в день свадьбы — сегодня ей будет не до мессы. Впрочем, кто знает? Это все-таки способ. *(Звонит, после чего начинает поспешно собирать бумаги.)*

Входит камердинер.

Велите подавать. Из советников никого еще нет?

Камердинер. Камилло Рота.

Принц. Пусть войдет.

Камердинер уходит.

Только бы он не задержал меня. Не в этот раз. В другое время я охотно выслушаю все его сомнения. Да, здесь было еще прошение этой Эмилии Брунески. *(Ищет его.)* Вот оно. Но, моя любезная Брунески, там, где твоя заступница...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Камилло Рота с бумагами, принц.

Принц. Входите, Рота, входите. Здесь все, что я распечатал сегодня утром. Утешительного мало! Вы сами увидите, что здесь надо делать. Берите же.

Камилло Рота. Хорошо, ваша светлость.

Принц. Вот здесь еще прошение некой Эмилии Галот... Брунески, хотел я сказать. Я уже написал здесь о своем согласии. Однако дело совсем не малое — повремените с исполнением,— впрочем, можете и не ждать, как захотите.

Камилло Рота. Дело не в том, хочу ли я, ваша светлость.

Принц. Что там еще? Что-нибудь подписать?

Камилло Рота. Да, на подпись, смертный приговор.

Принц. Охотно. Давайте сюда! Поскорее!

Камилло Рота *(в изумлении пристально смотрит на принца)*. Смертный приговор, я сказал.

Принц. Прекрасно слышу. Я бы уже успел подписать. Мне некогда.

Камилло Рота *(просматривает бумаги)*. Я его, видимо, не захватил с собой! Простите, ваша светлость,— с делом можно повременить до завтра.

Принц. Согласен! Забирайте все — я должен ехать,— завтра продолжим, Рота! *(Уходит.)*

Камилло Рота *(качая головой, собирает бумаги и направляется к выходу)*. Охотно? Смертный приговор — охотно? В эту минуту я бы не смог его дать на подпись, даже если бы дело касалось убийцы моего единственного сына. Охотно! Охотно! До глубины души моей проникает это страшное слово — охотно!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала в доме Галотти.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клавдия Галотти, Пирро.

Клавдия *(выходя, обращается к Пирро, который появляется с другой стороны)*. Кто прискакал к нам во двор?

Пирро. Наш господин, сударыня.

Клавдия. Мой муж? Возможно ли?

Пирро. Он идет вслед за мной.

Клавдия. Так внезапно? *(Спешит ему навстречу.)* Ах, мой милый!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Одоардо Галотти.

Одоардо. Доброе утро, моя дорогая! Вот это я называю удивить, не правда ли?

Клавдия. И самым приятным образом! Если это и вправду всего лишь неожиданность.

Одоардо. Ничего более! Успокойся. Счастье нынешнего дня разбудило меня очень рано; утро было такое прекрасное, путь так недалек; я знал, что вы здесь в хлопотах. Как вам легко недосмотреть чего-либо! — подумал я. Одним словом, при-

шел, увидел и возвратился обратно. Где Эмилия? Верно, занята убранством...

Клавдия. Своей души! Она слушает мессу... «Сегодня больше, чем когда-либо, надо молить всевышнего о милости»,— сказала она, оставила все, схватила свою вуаль и поспешила...

Одоардо. Совсем одна?

Клавдия. Всего лишь несколько шагов...

Одоардо. И одного достаточно, чтобы оступиться!

Клавдия. Не сердитесь, мой дорогой, войдите — отдохните и подкрепитесь, если хотите.

Одоардо. Как тебе угодно, Клавдия,— но ей не следовало идти одной.

Клавдия. А вы, Пирро, оставайтесь здесь в передней и отказывайте сегодня всем посетителям...

. . .

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пирро и вскоре затем Анжело.

Пирро. Которые являются из любопытства... Чего только не выспрашивали у меня за этот час! Кто там еще?

Анжело *(наполовину высовываясь из-за кулис. Он в коротком плаще, которым прикрывает лицо, в шляпе, надвинутой на лоб.)* Пирро!.. Пирро!..

Пирро. Знакомый?

Анжело выходит и распахивает плащ.

Боже мой! Анжело! Ты?

Анжело. Как видишь. Я уже достаточно долго брожу вокруг дома, чтобы поговорить с тобой. На одно слово!

Пирро. И ты рискнул снова показаться на свет? Ты же объявлен вне закона за последнее убийство; за твою голову обещана награда...

Анжело. Которую ты ведь не захочешь заработать!

Пирро. Чего тебе нужно? Умоляю, не делай меня несчастным.

Анжело. Уж не этим ли? *(Показывает ему кошелек с деньгами.)* Бери! Он принадлежит тебе!

Пирро. Мне?

Анжело. Ты забыл? Немец, твой прежний хозяин...

Пирро. Молчи!

Анжело. Которого ты привел в западню по пути в Пизу.

«Эмилия Галотти»
Действие первое, явление четвертое.

Пирро. Если бы кто-нибудь услышал нас!

Анжело. Он любезно оставил нам ценный перстень. Ты не знал? Он был слишком дорогой, этот перстень, чтобы сразу, не вызывая подозрений, обратить его в деньги. Наконец мне удалось. Я получил за него сотню пистолей, и это твоя доля. Бери!

Пирро. Мне ничего не нужно — оставь себе.

Анжело. Пожалуй, как хочешь! Если тебе безразлично, за сколько ты продаешь свою голову... *(Делает вид, что снова хочет спрятать кошелек.)*

Пирро. Давай уж! *(Берет кошелек.)* Ну, а теперь что? Неужто ты только ради этого разыскал меня...

Анжело. Тебе не верится? Негодяй! Ты что о нас думаешь? Что мы способны отнять у кого-нибудь его заработок? Это, может быть, принято среди так называемых честных людей, а не среди нас. Будь здоров. *(Делает вид, что собирается уходить и снова возвращается.)* Кое о чем я все-таки должен спросить тебя. Сейчас старый Галотти совсем один прискакал в город. Чего ему нужно?

Пирро. Ничего ему не нужно, просто верховая прогулка. Сегодня вечером в их поместье дочь его выходит замуж за графа Аппиани. Он не может дождаться этой минуты...

Анжело. И скоро поскачет обратно?

Пирро. Так скоро, что застанет тебя здесь, если ты еще задержишься. Но не замышляешь ли ты что-нибудь против него? Берегись. Он такой человек...

Анжело. Как будто я его не знаю! Разве я не служил под его началом? Если бы у него еще было чем поживиться... Когда за ним последуют молодые?

Пирро. Около полудня.

Анжело. Много сопровождающих?

Пирро. Едут в одной карете: мать, дочь и граф. Несколько друзей приедут из Сабионетты как свидетели.

Анжело. А слуги?

Пирро. Только двое, не считая меня, потому что я должен буду ехать впереди верхом.

Анжело. Это хорошо. Еще одно: чья карета? Ваша или графа?

Пирро. Графа.

Анжело. Плохо! У него кроме здоровенного кучера еще и форейтор. Впрочем...

Пирро. Поражаюсь! Чего тебе надо? Стоит ли стараться из-за каких-то украшений, которые могут оказаться на невесте?

Анжело. Стоит постараться из-за самой невесты.

Пирро. И я должен стать соучастником этого преступления?

Анжело. Ты скачешь верхом впереди? Скачи себе и скачи! И ни на что не обращай внимания.

Пирро. Ни в коем случае!

Анжело. Как? Мне показалось, будто ты хочешь разыграть из себя честного малого... Гляди же! Если ты проболтаешься... Пусть только что-нибудь окажется не так, как ты мне рассказал!

Пирро. Но, Анжело, ради всего святого!

Анжело. Делай все, как тебе сказано. *(Уходит.)*

Пирро. Ах! Протяни только раз дьяволу мизинчик — и ты у него в лапах навеки. Несчастный я!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одоардо и Клавдия Галотти, Пирро.

Одоардо. Что-то она заставляет себя ждать.

Клавдия. Еще минутку, Одоардо! Она огорчится, что не застала тебя.

Одоардо. Мне еще надо повидаться с графом. Едва могу дождаться часа, когда назову его своим сыном. Все в нем восхищает меня, и больше всего решение поселиться в отцовских поместьях.

Клавдия. Сердце мое разрывается, когда подумаю об этом. Неужели мы должны потерять нашу единственную любимую дочь?

Одоардо. Что ты называешь потерять ее? Знать, что она находится в объятиях любви? Не смешивай радости, которую она тебе доставляет, с ее собственным счастьем. Ты способна возродить во мне подозрение, что шум и развлечения света, близость двора, скорее, чем надобность дать нашей дочери пристойное воспитание, побудили тебя остаться с нею в городе — вдали от мужа и отца, который любит вас всем сердцем.

Клавдия. Как ты несправедлив, Одоардо! Но позволь мне сегодня сказать одно лишь в пользу города и двора, которые так ненавистны твоей суровой добродетели. Здесь, только здесь могла соединить любовь тех, кто был создан друг для друга. Только здесь граф мог найти Эмилию и нашел ее.

Одоардо. Я допускаю это. Но, друг мой Клавдия, разве

ты права, если даже развязка дела говорит в твою пользу? Хорошо, что это городское воспитание так закончилось. Не надо считать себя мудрым там, где нам только повезло! Хорошо, что этим кончилось! Ну, а теперь созданные друг для друга встретились и пусть направятся туда, куда призывает их невинность и покой. Что нужно здесь графу? Гнуть спину, льстить и ползать да пытаться вытолкать всяких Маринелли, чтобы добиться наконец успеха, в котором он не нуждается? Удостоиться почестей, которые он ни во что не ставит? Пирро!

Пирро. Я здесь.

Одоардо. Отведи мою лошадь к дому графа. Я сейчас там буду, а уж тогда отправлюсь дальше.

Пирро уходит.

Есть ли надобность графу состоять здесь на службе, если там он сам может быть господином? К тому же не забывай, Клавдия, что из-за нашей дочери он окончательно испортит отношения с принцем. Принц ненавидит меня...

Клавдия. Быть может, меньше, чем ты опасаешься.

Одоардо. Опасаешься! Этого ли мне опасаться!

Клавдия. Значит, я уже говорила тебе, что принц видел нашу дочь?

Одоардо. Принц? И где же?

Клавдия. У канцлера Гримальди, на последнем вечере, который он почтил своим присутствием. Он проявил к ней такую благосклонность...

Одоардо. Благосклонность?

Клавдия. Так долго беседовал с ней...

Одоардо. Беседовал с ней?

Клавдия. Казалось, был так очарован ее веселостью и остроумием...

Одоардо. Очарован?

Клавдия. Расточал такие похвалы ее красоте...

Одоардо. Расточал похвалы? И ты рассказываешь мне об этом с восхищением? О Клавдия! Тщеславная, безрассудная мать!

Клавдия. Что такое?

Одоардо. Ну, хорошо, хорошо! С этим покончено. Ах, стоит мне только себе представить... Нет места, куда вернее всего можно нанести мне смертельную рану. Сластолюбец, который восхищается, горит желанием... Клавдия! Клавдия! Одна только мысль об этом приводит меня в ярость. Ты немедленно должна была известить меня. Но оставим, я не желаю сегодня

говорить тебе неприятное. А если я еще помедлю здесь *(она берет его за руку)*, то уж непременно скажу. Пусти меня, пусти! С богом, Клавдия! Счастливо вам доехать вслед за мной!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клавдия Галотти.

Клавдия. Какой человек! О, суровая добродетель! Если только она заслуживает этого названия. Все ему кажется подозрительным, все достойно наказания! Если это называется знать людей — кто бы пожелал знакомства с ними? Однако где же Эмилия? Он враг ее отца; значит... значит, если он обратил свою благосклонность на дочь, то только с целью опозорить его?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эмилия и Клавдия Галотти.

Эмилия *(вбегает в страшном смятении)*. Какое счастье! Какое счастье! Наконец я в безопасности. Не следовал ли он за мною? *(Сбрасывает вуаль и замечает мать.)* Неужели следовал, матушка! Слава всевышнему, нет!

Клавдия. Что с тобой, дочь моя? Что с тобой?

Эмилия. Ничего, ничего...

Клавдия. Ты так дико озираешься вокруг себя? Ты дрожишь всем телом?

Эмилия. Что я только выслушала! И где, где я все это выслушала!

Клавдия. Я думала, что ты в церкви...

Эмилия. Да, там я и была! Но много ли значат для порока алтарь и церковь? О матушка! *(Бросается в ее объятия.)*

Клавдия. Говори, дочь моя! Покончи с моими опасениями! Что страшного могло приключиться с тобой там, в святом месте?

Эмилия. Сегодня моя молитва должна была быть такой сердечной, такой пылкой, как никогда; и никогда она не была так далека от этого.

Клавдия. Все мы только люди, Эмилия. Способность молиться не всегда зависит от нас. Желание вознести молитву к небу — уже молитва.

Эмилия. А желание согрешить — уже грех.

Клавдия. Моя Эмилия не могла желать этого.

Эмилия. Нет, матушка, по божьей милости, так низко я еще не пала. Но и против собственной нашей воли чужой порок может заставить нас стать его сообщником!

Клавдия. Старайся совладать с собой! Соберись с мыслями. Скажи мне сразу, что с тобой случилось?

Эмилия. Только что я опустилась на колени, чуть подальше от алтаря, чем обычно, ибо я опоздала, только что начала возноситься душой к небу, как кто-то занял место позади меня, но совсем близко! Совсем близко позади меня! Как мне ни хотелось, но я не могла подвинуться ни вперед, ни в сторону из опасения, что молитва другого может помешать моим собственным молитвам. Молитва! Это было худшее, чего я опасалась. Но вскоре, у самого своего уха, после глубокого вздоха, я услышала не имя святого, а имя — не сердитесь, матушка,— имя вашей дочери! Мое имя! О, если бы могучие раскаты грома помешали мне слушать дальше! Он говорил о красоте, о любви... Жаловался, что день, который принесет счастье мне, сделает его навсегда несчастным. Он заклинал меня — и все это я должна была выслушать. Но я не обернулась, я хотела сделать вид, что ничего не слышала... Что мне оставалось еще? Молить своего ангела-хранителя, чтобы он поразил меня глухотой, пусть даже на всю жизнь! Я молила об этом: это было единственное, о чем я могла молить. Наконец, пришло время снова подняться. Служба кончилась. Я боялась обернуться. Я боялась взглянуть на того, кто мог себе позволить такую дерзость... И тут я обернулась, и тут я увидела его...

Клавдия. Кого, дочь моя?

Эмилия. Угадайте, матушка, угадайте... Я думала, что провалюсь сквозь землю. Его самого!

Клавдия. Кого самого?

Эмилия. Принца.

Клавдия. Принца? О, благословенно будь нетерпение твоего отца, который только что был здесь и не захотел дождаться тебя!

Эмилия. Мой отец был здесь? И не захотел дождаться меня?

Клавдия. Если бы ты в своем смятении все это рассказала ему!

Эмилия. И что же, матушка? Что в моем поведении мог он найти достойным порицания?

Клавдия. Ничего! Так же как и в моем. И все-таки, все-таки. Ах, ты не знаешь своего отца! В гневе он бы не отличил

невинную жертву преступления от преступника. В бешенстве ему бы показалось, что я допустила то, чему не могла помешать и чего не могла предвидеть. Но дальше, дочь моя, дальше! Когда ты узнала принца,— я хочу надеяться, ты достаточно владела собой, чтобы одним взглядом выразить ему все то презрение, какое он заслужил.

Эмилия. Нет, я не овладела собой, матушка! После того как с первого взгляда я узнала его, у меня не хватило сил взглянуть на него еще раз. Я полетела...

Клавдия. И принц за тобой...

Эмилия. Я не знала этого до тех пор, пока не почувствовала, как на паперти меня схватили за руку. Это был он! Стыд заставил меня остановиться; ведь было бы слишком заметно для окружающих, если бы я начала вырываться от него. Это было единственное соображение, на которое я была способна или которое я еще способна припомнить. Он говорил, и я отвечала ему. Но что он говорил и что отвечала я — сейчас я не могу вспомнить; когда вспомню, то скажу вам, матушка. Сейчас я ничего не знаю. Разум покинул меня. Тщетно пытаюсь я вспомнить, как освободилась от него и выбежала за ограду. Я пришла в себя только на улице и слышу, как он следует за мной, и слышу, как вместе со мной входит в дом, вместе со мной поднимается по лестнице...

Клавдия. У страха глаза велики, дочь моя! Я никогда не забуду, с каким видом ты ворвалась в дом. Нет, он не мог отважиться последовать за тобой сюда... Бог мой! Бог мой! Если бы это знал твой отец! Он пришел в ярость, только узнав, что принц недавно видел тебя и что ты понравилась ему! Но успокойся, дочь моя! Считай все, что с тобой случилось, сном. Да и последствий это будет иметь так же мало, как сон. Сегодня ты сразу избавишься от всех преследований.

Эмилия. Нет, матушка! Граф должен узнать об этом! Ему я должна рассказать.

Клавдия. Ради всего святого, не надо! Зачем? Для чего? Неужели ты хочешь из-за пустяков, да, из-за пустяков встревожить его? А если сейчас он и не встревожится, то знай, дитя мое, что яд, который влияет не сразу, от этого не становится менее опасен. Что не производит впечатления на влюбленного, то может подействовать на мужа. Влюбленному может даже польстить победа над столь могущественным соперником. Но после того как он уже победит его... ах, дитя мое, как часто влюбленный становится совершенно иным человеком. Да убережет тебя от этого испытания твоя счастливая звезда!

Эмилия. Вы знаете, матушка, как охотно я во всем подчиняюсь вашему опыту. Но если он узнает от кого-нибудь другого, что принц сегодня говорил со мной? Разве то, что я умолчала об этом, не увеличит раньше или позже его беспокойства? Я все же думаю, что лучше мне ничего не таить от него.

Клавдия. Слабость! Слабость влюбленной. Нет, дочь моя, ни в коем случае не говори ему ничего. Не давай ему ничего заметить.

Эмилия. Пусть будет так, матушка! Я подчиняюсь вашей воле. Ах! *(Глубоко вздохнув.)* Мне опять становится совсем легко. Что я за глупое, пугливое создание, не правда ли, матушка? Ведь я могла совсем иначе вести себя и так же мало заслуживала бы осуждения, как и сейчас.

Клавдия. Я не хотела говорить, дочь моя, пока тебе этого не подскажет твой собственный здравый рассудок. А я знала, что, как только ты придешь в себя, он это подскажет тебе. Принц галантен. Ты непривычна к ничего не значащему языку галантности. Простая учтивость превращается здесь в чувство, лесть в клятву, каприз в желание, а желание в намерение. Ничто становится здесь всем, а все — ровно ничего не значит.

Эмилия. О матушка! Значит, я могла показаться совсем смешной из-за своих страхов. Так пусть же мой милый Аппиани ничего об этом и не знает! Он бы счел меня более тщеславной, чем добродетельной! Но вот и он сам идет сюда, это его походка.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и граф Аппиани.

Аппиани *(входит в задумчивости с опущенными глазами, не замечая Эмилии, пока она сама не бросается ему навстречу)*. Ах, моя дорогая! Я не ожидал вас встретить при входе.

Эмилия. Я бы желала, господин граф, чтобы вы были веселым и тогда, когда вы не ожидаете меня встретить. Вы так торжественны, так серьезны? Разве этот день не стоит более радостного настроения?

Аппиани. Он стоит дороже всей моей жизни. Но он преисполнен для меня таким счастьем, что, может быть, само это счастье делает меня серьезным или, как вы, дорогая, выражаетесь, торжественным. *(Замечает мать.)* Ах, и вы здесь, сударыня! Скоро я смогу назвать вас более нежным именем.

Клавдия. И оно станет моей величайшей гордостью. Какая ты счастливица, Эмилия! Почему отец твой не пожелал разделить нашей радости?

Аппиани. Я только что вырвался из его объятий — или, вернее, он из моих. Что за человек ваш отец, моя Эмилия! Образец всех мужских добродетелей! До каких чувств возвышается моя душа в его присутствии. Никогда я так живо не ощущаю решимости быть постоянно добрым и благородным, как в те минуты, когда я вижу его, когда думаю о нем. Да и как же иначе, как не выполняя это решение, могу я оказаться достойным чести назвать себя его сыном — стать вашим, моя Эмилия?

Эмилия. А он не пожелал дождаться меня!

Аппиани. Я думаю, потому, что за эту короткую встречу Эмилия слишком потрясла бы его, овладев всей его душой.

Клавдия. Он думал, что найдет тебя занятой подвенечными нарядами, а услышал...

Аппиани. То, что я, в свою очередь, услышал от него с сердечнейшим восхищением. Чудесно, моя Эмилия! У меня будет благочестивая жена, которая не кичится своим благочестием.

Клавдия. Но, дети мои, занимаясь одним делом, нельзя забывать о другом. Тебе уже давно пора приготовиться, Эмилия.

Аппиани. О чем вы, сударыня?

Клавдия. Не хотите же вы, господин граф, вести ее к венцу в таком виде?

Аппиани. Право, я только сейчас заметил. Кто может, глядя на вас, Эмилия, обращать внимание на ваш наряд! А почему бы и не так, как сейчас?

Эмилия. Нет, мой дорогой граф, не так, не совсем так, но и не намного наряднее, нет. Я мигом буду готова! На мне не будет ничего, решительно ничего из тех драгоценностей, которыми я обязана вашей великодушной щедрости! Ничего, решительно ничего такого, что соответствовало бы этим драгоценностям. Я бы возненавидела их, эти драгоценности, если бы они не были подарены вами. Ведь три раза я видела их во сне...

Клавдия. Неужели? Об этом я и не знала.

Эмилия. Будто бы я надела их и будто бы вдруг каждый камень превратился в жемчужину. А жемчуг, матушка, жемчуг означает слезы.

Клавдия. Дитя! Твое толкование сна призрачнее, чем самый сон. Разве ты до сих пор не предпочитала жемчуг другим камням?

Эмилия. Конечно, матушка, конечно.

Аппиани *(задумчиво и грустно)*. Означает слезы — означает слезы...

Эмилия. Как? Вас это поражает? Вас?

Аппиани. Да, мне следовало бы стыдиться... Но когда человек уже настроен на грустные мысли...

Эмилия. А почему же он так настроен? Знаете, что я придумала? Помните вы, что было надето на мне и как я выглядела, когда впервые понравилась вам? Помните ли вы еще?

Аппиани. Помню ли я? Другой я и не представляю вас и вижу вас такой даже тогда, когда вы выглядите иначе.

Эмилия. Итак, платье того же цвета, того же покроя, легкое и развевающееся...

Аппиани. Прекрасно!

Эмилия. А волосы...

Аппиани. Темные и блестящие, в локонах — такие, какими создала их природа.

Эмилия. Не забудьте и розу! Чудесно! Чудесно! Потерпите немножко, и такой я явлюсь к вам.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Граф Аппиани, Клавдия Галотти.

Аппиани *(глядя ей вслед, печально)*. Жемчуг означает слезы! Потерпите немножко! Да, если бы время существовало помимо нас. Если бы часто одна минута на циферблате не превращалась для нас в целую вечность!

Клавдия. Замечание Эмилии было сделано мимоходом, но оно справедливо, господин граф. Вы сегодня серьезней, чем обычно. Один миг отделяет вас от исполнения ваших желаний — не раскаиваетесь ли вы в том, что было их целью?

Аппиани. Ах, матушка, и вы могли заподозрить в этом своего сына? Однако я сегодня действительно необычайно печален и мрачен. Только, видите ли, сударыня, находиться на расстоянии одного шага от цели либо вовсе не достичь ее — в сущности, одно и то же. Вот уж два дня, как все, что я вижу, все, что я слышу, все, о чем мечтаю,— все твердит мне об этой истине. Эта единственная мысль связывается с любой другой, приходящей мне в голову. Что все это значит? Я не понимаю этого.

Клавдия. Вы тревожите меня, господин граф...

Аппиани. Одно связано с другим. Я сержусь, сержусь на своих друзей, на самого себя...

Клавдия. Отчего же?

Аппиани. Друзья мои настоятельно требуют, чтобы я хоть словом уведомил принца о своей свадьбе, прежде чем она состоится. Они говорят, что, хотя я и не обязан делать этого, все же из уважения к нему нельзя поступить иначе. Я был настолько слаб, что пообещал им и сейчас только собирался поехать к нему.

Клавдия *(пораженная)*. К принцу?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Пирро и сразу вслед за ним Маринелли.

Пирро. Сударыня, маркиз Маринелли остановился у дома и осведомляется о господине графе.

Аппиани. Обо мне?

Пирро. Вот он сам. *(Открывает ему дверь и выходит.)*

Маринелли. Прошу простить меня, сударыня. Мой милый граф, я был у вас и узнал, что смогу застать вас здесь. Сударыня, еще раз прошу простить меня, я займу всего несколько минут.

Клавдия. Не стану их затягивать. *(Кланяется и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Маринелли, Аппиани.

Аппиани. В чем дело, милостивый государь?

Маринелли. Я сюда явился по поручению его светлости принца.

Аппиани. Каковы будут его распоряжения?

Маринелли. Я горжусь тем, что могу известить вас об его особой милости, и если граф Аппиани так и не хочет признать в моем лице одного из своих преданнейших друзей...

Аппиани. Прошу без предисловий.

Маринелли. Как вам угодно. Принц должен немедленно отправить посла к герцогу Масса по случаю своего бракосочетания с принцессой, дочерью герцога. Он долгое время не знал, на ком остановиться, наконец его выбор пал на вас, граф. И если дружбе позволено быть хвастливой,— не без моего содействия.

Аппиани. Вот уж и не знаю, благодарить вас или нет. Я уже давно утратил надежду, что принцу будут надобны мои услуги.

Маринелли. Я уверен, что у него просто не было достойного вас повода. Но если и этот случай недостоин такого человека, как граф Аппиани, то, разумеется, дружба моя была опрометчивой.

Аппиани. Дружба и дружба на каждом третьем слове! С кем же я говорю? Я не искал дружбы маркиза Маринелли.

Маринелли. Я ошибся, граф, непростительно ошибся, пожелав стать вашим другом без вашего согласия. Впрочем, какое это имеет значение? Милость принца и честь, вам предложенная, остаются неизменными, и я не сомневаюсь, что вы с радостью примете их.

Аппиани *(после некоторого раздумья)*. Конечно.

Маринелли. В таком случае поедем.

Аппиани. Куда?

Маринелли. К принцу в Дозало. Все уже подготовлено, вы еще сегодня должны выехать.

Аппиани. Что вы сказали? Еще сегодня?

Маринелли. И лучше сейчас же, чем через час. Дело чрезвычайно спешное.

Аппиани. Действительно? В таком случае, сожалею, что вынужден отказаться от предложенной мне принцем чести.

Маринелли. Как?

Аппиани. Сегодня я не могу выехать... завтра тоже — и послезавтра тоже.

Маринелли. Вы шутите, граф.

Аппиани. С вами?

Маринелли. Бесподобно! Тем более забавно, если шутка относится к принцу. Итак, вы не можете?

Аппиани. Нет, сударь, нет. Я надеюсь, что принц сам сочтет мое извинение достаточным.

Маринелли. Любопытно было бы услышать и мне.

Аппиани. О, пустяк! Я, видите ли, сегодня женюсь.

Маринелли. Ну и что же?

Аппиани. Что же? Что же? Ваш вопрос безнадежно наивен.

Маринелли. Бывали случаи, граф, когда свадьбы откладывались. Конечно, я не стану утверждать, что этим всегда оказывалась услуга жениху или невесте; это может иметь и свои неприятные стороны. Но все же я полагаю, что приказание повелителя...

Аппиани. Приказание повелителя? Повелителя? Повелитель, которого избираешь себе сам, в сущности, еще не совсем повелитель. Я допускаю, что вы обязаны принцу беспрекословным подчинением, но никак не я. Я прибыл ко двору принца по своей воле. Я хотел служить ему, но не превратиться в его раба. Я вассал более могущественного повелителя...

Маринелли. Более могущественный или менее могущественный, а повелитель есть повелитель.

Аппиани. И я еще с вами спорю! Довольно, передайте принцу то, что вы слышали,— мне жаль, что я не могу воспользоваться его милостью, потому что именно сегодня вступаю в брак, в котором заключается все мое счастье.

Маринелли. Не угодно ли вам будет заодно сообщить ему с кем?

Аппиани. С Эмилией Галотти.

Маринелли. Дочерью владельца этого дома?

Аппиани. Да, этого дома.

Маринелли. Гм! Гм!

Аппиани. Что вам угодно еще?

Маринелли. Я полагал, что в таком случае отложить церемонию до вашего возвращения еще менее затруднительно.

Аппиани. Церемонию? Только лишь церемонию?

Маринелли. Добрые родители не посмотрят на это так строго.

Аппиани. Добрые родители?

Маринелли. А Эмилия уж тем более останется вашей.

Аппиани. Тем более? Вы со своими «тем более» — тем более совершеннейшая обезьяна.

Маринелли. Это вы говорите мне, граф?

Аппиани. А почему бы и нет?

Маринелли. Черт побери! Мы поговорим еще!

Аппиани. Ба! Обезьяна, правда, зла, но...

Маринелли. Проклятие! Граф, я требую удовлетворения.

Аппиани. Это разумеется само собой.

Маринелли. И потребовал бы его немедленно, но не хочу портить сегодняшнего дня счастливому жениху.

Аппиани. Какое добросердечное существо! Нет же! *(Хватает его за руку.)* В Массá я сегодня, разумеется, не позволю себя отправить, но для прогулки с вами у меня хватит времени. Идемте! Идемте!

Маринелли *(вырывается и уходит)*. Терпение, граф, только терпение!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Аппиани, Клавдия Галотти.

Аппиани. Убирайся, негодяй! Мне это пошло на пользу. Кровь моя пришла в волнение, я чувствую себя иначе и лучше.

Клавдия *(входит поспешно, в тревоге)*. Боже! Граф, я слышала бурную ссору — лицо ваше пылает, что случилось?

Аппиани. Ничего, сударыня, ровно ничего. Камергер Маринелли оказал мне небольшую услугу. Он избавил меня от визита к принцу.

Клавдия. В самом деле?

Аппиани. Значит, мы можем выехать еще раньше. Я пойду потороплю своих людей и тотчас же вернусь; меж тем и Эмилия будет готова.

Клавдия. Могу я быть спокойна, граф?

Аппиани. Вполне, сударыня.

Уходят в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зала в загородном замке принца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принц, Маринелли.

Маринелли. Все напрасно, он отверг предложенную ему честь с величайшим презрением.

Принц. Тем дело и кончилось? Значит, все это совершится? Значит, Эмилия еще сегодня будет принадлежать ему?

Маринелли. По всей видимости.

Принц. Я так надеялся на вашу выдумку! Кто может знать, как неловко вы при этом действовали. Если совет глупца вдруг и окажется удачным, то выполнять его должен непременно умный человек. Мне следовало помнить об этом.

Маринелли. Вот меня и наградили!

Принц. За что же награждать?

Маринелли. За то, что я готов был рискнуть даже жизнью. Когда я увидел, что ни убеждения, ни насмешки не могут заставить графа променять свою любовь на почести, я попытался вывести его из себя. Я наговорил ему таких вещей, которые заставили его забыться. Он начал осыпать меня оскорблениями, и я потребовал удовлетворения, потребовал его немедленно, здесь же, не сходя с места. Я думал так: или он убьет меня, или я его. Если я убью его — значит, поле битвы останется за нами. Если же он меня — ну что ж! Ему, во всяком случае, придется бежать, и принц выиграет время.

Принц. И вы это сделали, Маринелли?

Маринелли. А! Когда проявляешь такую глупую готовность жертвовать собой для сильных мира сего, надо бы заранее знать, надо бы заранее знать, какова будет их благодарность...

Принц. Что же граф? О нем идет молва, что таких вещей ему дважды не скажешь.

Маринелли. С ним бывает по-разному. Кто же станет его этим попрекать? Он возразил, что сегодня у него есть дела поважнее, чем драка со мной, и отложил нашу встречу на неделю после свадьбы.

Принц. С Эмилией Галотти! Мысль эта приводит меня в ярость. А вы успокоились и ушли — и теперь приходите ко мне похваляться, что ради меня рисковали жизнью, что жертвовали собой.

Маринелли. А что, ваша светлость, я должен был еще сделать?

Принц. Еще сделать? Как будто вы что-нибудь сделали.

Маринелли. Послушаем лучше, ваша светлость, что сделали вы сами для себя? Вам посчастливилось встретиться с нею в церкви, о чем же вы договорились?

Принц *(насмешливо)*. Какое любопытство! И его мне еще нужно удовлетворить. О, все шло так, как только можно пожелать. Вам не о чем больше беспокоиться, мой слишком услужливый друг. Она пошла навстречу моим желаниям, мне оставалось только взять ее с собой. *(Холодно и повелительно.)* Ну, теперь вы знаете все, что хотели узнать... и можете идти!

Маринелли. Можете идти! Да, да — тут и песне конец! Соверши я даже невозможное, все осталось бы, как было. Невозможное, сказал я? Нет, не столь все это невозможно, однако же здесь надобна дерзость. Пусть только невеста окажется в наших руках, и я могу поручиться, что свадьбе не бывать.

Принц. Ах, за что только не берется этот человек! Мне следовало поручить ему команду над своими телохранителями, чтобы он устроил засаду на большой дороге, окружил с пятьюдесятью солдатами карету, выхватил из нее девушку и торжественно привез бы ее ко мне.

Маринелли. Бывало, что девушку увозили насильно, и это не выглядело насильственным похищением!

Принц. Если бы вы сумели это сделать, то не болтали бы об этом так долго.

Маринелли. Однако нельзя отвечать за исход: бывают и несчастные случаи.

Принц. Как это похоже на меня, не правда ли, возлагать на людей ответственность, когда они не могут отвечать!

Маринелли. Итак, ваша светлость...

Вдали раздается выстрел.

А! Что это? Не послышалось ли мне? А вы, ваша светлость, не слыхали выстрела? Вот и еще один!

Принц. В чем дело? Что случилось?

Маринелли. А как вы думаете? Что, если я оказался деятельнее, чем вы предполагали?

Принц. Деятельнее? Скажите же наконец...

Маринелли. Короче, случилось то, о чем я говорил.

Принц. Возможно ли?

Маринелли. Только не забывайте, принц, в чем вы сейчас меня заверили... Повторите еще раз свои слова.

Принц. Но такие меры...

Маринелли. Только те, которые неизбежны! Исполнение поручено людям, на которых я могу положиться. Дорога проходит вдоль самой ограды Зоологического сада. Там часть моих людей нападет на карету как бы с целью грабежа, в то время как остальные, в их числе один из моих слуг, бросятся из сада на помощь подвергшимся нападению. Во время стычки, устроенной и теми и другими только для виду, мой слуга должен схватить Эмилию, будто бы желая спасти ее, и через Зоологический сад доставить во дворец. Таков уговор. Что вы теперь скажете, принц?

Принц. Вы поразили меня самым необыкновенным образом. Меня охватывает страх...

Маринелли подходит к окну.

Куда вы смотрите?

Маринелли. Там должно произойти это! Так и есть! Человек в маске перескочил ограду... несомненно, для того, чтобы известить меня об успехе. Удалитесь, ваша светлость.

Принц. Ах, Маринелли...

Маринелли. Ну? Не правда ли, теперь я сделал слишком много, а прежде слишком мало?

Принц. Нет, не то. Но при всем этом я не вижу...

Маринелли. Не видите? Лучше покончить разом! Удалитесь скорее. Маска не должна застать вас.

Принц уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маринелли и вскоре затем Анжело.

Маринелли *(снова подходя к окну)*. Карета медленно возвращается в город. Так медленно? И у каждой дверцы слуга? Эти признаки мне не нравятся; это значит, что дело удалось лишь наполовину, что обратно осторожно везут раненого, а не убитого. Маска спешилась. Это сам Анжело. Смельчак! Здесь он знает все ходы. Он делает мне знак головой, значит, уверен в успехе дела. А, господин граф, вам не угодно было ехать в Массá, а теперь пришлось пуститься в более далекий путь! Кто, научил вас так хорошо разбираться в обезьянах? *(Подходит к двери.)* Они действительно злые. Ну, Анжело?

Анжело *(сняв маску)*. Будьте наготове, господин камергер! Ее должны сейчас привести.

Маринелли. А как вообще закончилось дело?

Анжело. По-моему — все хорошо.

Маринелли. Как обстоит дело с графом?

Анжело. Ему не так уж повезло! Но он, видно, что-то подозревал, потому что оказался захваченным не совсем врасплох.

Маринелли. Скорее скажи мне все, что ты можешь сказать. Он убит?

Анжело. Мне жаль доброго господина.

Маринелли. Вот, получи за свое чувствительное сердце. *(Дает ему кошелек с золотом.)*

Анжело. Покончено и с моим бравым Николо, и ему пришлось поплатиться.

Маринелли. Даже так? Обе стороны понесли потери?

Анжело. Я готов был бы плакать об этом честном малом, если бы вот это *(взвешивает в руке кошелек)* частично не возместило мне его смерти. Ведь я его наследник, потому что отомстил за него. Таков наш закон, и я думаю, лучшего закона для дружбы и верности еще не бывало. Этот Николо, господин камергер...

Маринелли. К черту твоего Николо! Что граф? Граф?

Анжело. Граф ловко угодил в него, зато я угодил в графа! Он упал, и если еще добрался живым до кареты, то могу поручиться, что живым из нее не выйдет.

Маринелли. Если бы только это было верно, Анжело.

Анжело. Пусть я лишусь службы у вас, если это неверно! Имеются ли у вас еще приказания? Ведь мне предстоит далекий путь, мы сегодня же хотим перебраться через границу.

Маринелли. Так отправляйся.

Анжело. Если опять что понадобится, господин камергер,— вы знаете, где меня можно разыскать. То, что может сделать другой, и для меня не хитрость. А возьму я дешевле любого другого.

Маринелли. Это хорошо! Но все-таки еще не совсем хорошо. Эх, Анжело! Можно ли быть таким скупым! Конечно же, он заслуживал второго выстрела. А теперь, как он, быть может, мучится, бедный граф! Эх, Анжело! Плохо ты выполняешь свое дело, только портишь его... Но принц не должен пока ничего знать об этом. Он должен раньше сам убедиться, насколько ему выгодна эта смерть! Эта смерть! Чего бы я не дал, чтобы быть в ней совершенно уверенным!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принц, Маринелли.

Принц. Она уже идет по аллее. Спешит, опережая слугу. Страх будто бы окрылил ее. Вероятно, она еще ничего не подозревает. Думает только, что спасается от разбойников. Но долго ли это может продолжаться?

Маринелли. Все же она пока у нас.

Принц. А мать разве не разыщет ее? Разве граф не последует за нею? Что же мы будем делать тогда? Как я смогу скрыть ее от них?

Маринелли. На все это я еще, правда, не могу отве-

тить... Посмотрим! Потерпите немного, ваша светлость. Так или иначе, а первый шаг надо было сделать.

Принц. К чему? Все равно придется возвращаться назад.

Маринелли. А может быть, и не придется. Существует тысяча обстоятельств, на которые можно опереться в дальнейшем. И притом вы забываете самое главное.

Принц. Как я могу забыть то, о чем вовсе еще и не думал? Самое главное? Что самое главное?

Маринелли. Искусство нравиться, убеждать — в нем никогда не испытывал недостатка влюбленный принц.

Принц. Никогда не испытывал! За исключением тех случаев, когда оно ему было всего нужней. Сегодня я уже весьма неудачно испробовал это искусство. Никакой лестью, никакими уверениями не смог я добиться от нее ни слова. Безмолвная, подавленная, дрожащая, стояла она передо мной, как преступница, услышавшая свой смертный приговор. Ее страх заразил и меня, я содрогнулся сам и кончил тем, что попросил у нее прощения. Я и теперь едва решусь заговорить с нею. Во всяком случае, я не отважусь встретить ее, когда она войдет. Вы, Маринелли, должны принять ее. Я буду здесь поблизости, послушаю, что произойдет, и выйду, когда найду в себе достаточно силы.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маринелли и вскоре затем его слуга Баттиста с Эмилией.

Маринелли. Если только она сама не видела, как он упал... а она так спешила, что не должна была видеть... Идет. Я тоже не хочу попасться ей на глаза первым. *(Отступает и прячется в углу.)*

Баттиста. Сюда, пожалуйте сюда, сударыня.

Эмилия *(едва переводя дыхание)*. Ах! Ах! Благодарю вас, друг мой, благодарю... Но, боже, боже! Где я? И совершенно одна? Где моя матушка? Где граф? Они ведь идут за нами? Сразу же вслед за нами?

Баттиста. Я полагаю.

Эмилия. Вы полагаете! Вы не знаете этого? Вы их не видели? Разве позади нас не стреляли?

Баттиста. Стреляли? Возможно!

Эмилия. Несомненно! И попали в графа или в мою матушку...

Баттиста. Я сейчас пойду за ними.

Эмилия. Не оставляйте меня. Я хочу быть с вами, я должна быть с вами, пойдемте, друг мой!

Маринелли *(внезапно появляется, как будто только что вошел)*. Ах, сударыня! Что за несчастье, или, скорее, что за счастье, что за счастливое несчастье доставило нам честь...

Эмилия *(в изумлении)*. Как? Вы здесь, милостивый государь? Значит, я попала к вам? Простите, господин камергер. На нас напали разбойники неподалеку отсюда. На помощь к нам пришли добрые люди... этот честный человек вынес меня из кареты и привел сюда. Но я боюсь и думать, что спаслась одна. Моя матушка еще в опасности, позади нас стреляли. Быть может, она погибла, а я жива? Простите, я должна бежать туда, к ним, где мне и следовало оставаться.

Маринелли. Успокойтесь, сударыня. Все идет хорошо, скоро вы будете вместе с дорогими вам лицами, за которых вы так тревожитесь. Скорей, Баттиста, ступай, беги, быть может, они не знают, где сейчас находится барышня. Быть может, они разыскивают вас в одной из садовых построек. Незамедлительно приведи их сюда.

Эмилия. Это правда? И они все спасены? С ними ничего не случилось? Ах, какой ужасный, какой страшный день для меня! Но мне нельзя оставаться здесь, я должна спешить им навстречу.

Маринелли. Для чего, сударыня? Вы и без того уже задыхаетесь и выбились из сил. Вам следует пройти сейчас в более удобную комнату, успокоиться и отдохнуть. Могу держать пари, что принц уже сам разыскал вашу дражайшую почтенную матушку и ведет ее к вам.

Эмилия. Кто, сказали вы?

Маринелли. Наш всемилостивейший принц.

Эмилия *(в крайнем смятении)*. Принц!

Маринелли. Он при первой же вести поспешил к вам на помощь. Он в высшей степени возмущен, что такое преступление осмелились совершить так близко, чуть ли не на его глазах. Он послал в погоню за злодеями, и, если они попадутся, наказание их будет неслыханным.

Эмилия. Принц! Где же я нахожусь?

Маринелли. В Дозало, загородном дворце принца.

Эмилия. Какое совпадение! И вы думаете, он может сейчас появиться сам? Но вместе с моей матушкой, конечно!

Маринелли. Вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принц, Эмилия, Маринелли.

Принц. Где она? Где? Мы повсюду разыскиваем прекраснейшую Эмилию. С вами ведь ничего не случилось? Ну, значит, все хорошо. Граф, ваша матушка...

Эмилия. Ах, ваша светлость! Где они? Где моя матушка?

Принц. Недалеко, вернее — даже близко.

Эмилия. Боже, в каком состоянии я, быть может, увижу матушку или графа! Конечно, я не ошиблась! Вы что-то скрываете от меня, ваша светлость!.. Я вижу, вы что-то скрываете от меня...

Принц. Нет же, милейшая Эмилия. Дайте мне вашу руку и смело следуйте за мной.

Эмилия *(нерешительно)*. Но... если с ними ничего не случилось... если мое предчувствие обманывает меня, почему же их нет здесь? Почему они не пришли вместе с вами, ваша светлость?

Принц. Так поспешите же, милая Эмилия, и вы сами увидите, как рассеются ваши страхи.

Эмилия. Что мне делать? *(В отчаянии ломает руки.)*

Принц. Как, сударыня? Вы не доверяете мне?

Эмилия *(падает перед ним на колени)*. У ног ваших молю, ваша светлость...

Принц. Вы устыдили меня. Да, Эмилия, этот немой упрек заслужен мною. Нельзя оправдать мое поведение, каким оно было сегодня утром... в лучшем случае его можно извинить. Простите мне мою слабость. Я не должен был тревожить вас признаниями, от которых мне нечего ждать. Я был уже достаточно наказан тем безмолвным смятением, с которым вы выслушали или, вернее, не захотели выслушать меня. Этот случай, который еще раз дает мне счастье видеть вас и говорить с вами, прежде чем навсегда исчезнут мои надежды,— этот случай я мог бы объяснить как знак будущего счастья, как чудеснейшую отсрочку моего окончательного приговора, я мог бы еще раз осмелиться просить о помиловании, но я хочу — не дрожите, сударыня,— хочу зависеть только от вашего взгляда. Вас не оскорбят ни единым словом, ни единым вздохом. Лишь не казните меня своим недоверием. Лишь не сомневайтесь ни мгновения в своей неограниченной власти надо мной, пусть вам никогда не приходит в голову, что вы нуждаетесь в чьей-то защите против меня. А теперь идемте, идемте, милая Эмилия, идемте туда, где вас ожидают радости, которых вы куда более

достойны. *(Уводит Эмилию не без сопротивления с ее стороны.)* Следуйте за нами, Маринелли.

Маринелли. Следуйте за нами — это, я полагаю, значит «не следуйте за нами». Да и к чему мне следовать за ними? Он должен убедиться сам, много ли сможет добиться от нее с глазу на глаз... Все, что мне остается,— это устроить так, чтобы им никто не помешал. Со стороны графа, я надеюсь, этого уже не приходится опасаться... Но мать, мать! Я был бы весьма удивлен, если бы она спокойно удалилась, покинув свою дочь в беде.

Входит Баттиста.

Ну, Баттиста? Что слышно нового?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Баттиста, Маринелли.

Баттиста *(поспешно)*. Мать, господин камергер...

Маринелли. Я так и думал! Где она?

Баттиста. Через минуту она появится здесь, если вы не предупредите ее... я и не собирался искать ее, как вы приказали мне для виду, но вдруг издали услышал ее крик. Она напала на след дочери, а может, и догадывается о нашем замысле! Весь народ, какой только есть в этом пустынном месте, собрался вокруг нее, и все наперебой указывают ей дорогу. Сказали ли ей уже, что здесь и принц и вы,— я не знаю. Что прикажете делать?

Маринелли. Дай сообразить. *(Размышляет.)* Не впускать ее, когда она знает, что ее дочь здесь?.. Не годится. Ну и вытаращит же она глаза, когда увидит, что овечка угодила к волку. Глаза? Это бы еще ничего. Пусть смилуется небо над нашими ушами! Да и это не страшно! Утомляются и самые лучшие легкие, даже женские. Все женщины перестают кричать, когда выбьются из сил. К тому же она все-таки мать, и нужно, чтобы она была на нашей стороне. Насколько мне известны матери — большинству из них лестно сделаться чем-то вроде тещи принца. Впусти ее сюда, Баттиста! Впусти ее!

Баттиста. Вы слышите, слышите!

Клавдия Галотти *(за сценой)*. Эмилия! Эмилия! Дитя мое, где ты?

Маринелли. Ступай, Баттиста, и постарайся только удалить ее любопытных провожатых.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клавдия Галотти, Баттиста, Маринелли.

Клавдия *(входит в ту дверь, в которую хочет выйти Баттиста)*. А! Это он вынес ее из кареты! Он увел ее! Я узнаю тебя. Где она, отвечай, несчастный!

Баттиста. Вот и благодарность.

Клавдия. О, если ты заслужил благодарность *(мягким тоном)*, то прости меня, добрый человек! Где же она? Зачем длить эту разлуку с ней! Где она?

Баттиста. О ваша милость, лучше ей не могло быть даже в раю. Вот мой господин, он отведет к ней вашу милость. *(К людям, которые хотят войти.)* Эй, вы! Назад!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клавдия Галотти, Маринелли.

Клавдия. Твой господин? *(Отступает, увидев Маринелли.)* А! Так это твой господин! Вы здесь, сударь? И здесь же моя дочь? И вы отведете меня к ней?

Маринелли. С большим удовольствием, сударыня.

Клавдия. Стойте! Мне только что пришло в голову... Ведь это были вы, не правда ли? Вы сегодня утром разыскали графа в моем доме? Вас я оставила вдвоем? С вами у него вышла ссора?

Маринелли. Ссора? Понятия не имею — незначительный спор, к тому же деловой.

Клавдия. И ваше имя — Маринелли?

Маринелли. Маркиз Маринелли.

Клавдия. Значит, так и есть. Выслушайте меня, господин маркиз. Имя Маринелли, имя Маринелли, сопровождаемое проклятием,— нет, я не хочу клеветать на этого благородного человека, проклятия не было, проклятие я прибавила сама,— имя Маринелли было последним словом умирающего графа.

Маринелли. Умирающего графа? Графа Аппиани? Вы слышите, сударыня, что меня больше всего поражает в ваших странных речах,— умирающего графа? Что вы еще хотите сказать, я решительно не понимаю...

Клавдия *(горько и медленно)*. Имя Маринелли было последним словом умирающего графа! Понимаете вы теперь? Вначале и я не могла понять, хотя оно было сказано таким тоном,—

я и сейчас еще слышу его! Где был мой разум, что я сразу не поняла этого тона!

Маринелли. В чем же дело, сударыня? Я всегда был другом графа, его преданнейшим другом. И если, умирая, он назвал мое имя...

Клавдия. Но каким тоном? Я не могу передать, не могу описать его, но в нем заключалось все! Все! Вы скажете, что на нас напали разбойники? Убийцы это были, подкупленные убийцы! И Маринелли, Маринелли было последнее слово умирающего графа! И этот тон!

Маринелли. Этот тон! Слыханное ли дело, обвинять честного человека из-за тона, который мог почудиться под влиянием страха.

Клавдия. О, если бы я только могла предъявить суду этот тон! Но горе мне! Из-за всего этого я забываю о собственной дочери. Где она? Неужели и она убита? Чем виновата моя дочь, если граф Аппиани был твоим врагом?

Маринелли. Я все готов простить встревоженной матери. Идемте, сударыня, ваша дочь здесь, в одной из ближайших комнат, и, надо надеяться, уже вполне оправилась от своего испуга. Сам принц с нежнейшей заботой ухаживает за нею...

Клавдия. Кто? Кто сам?..

Маринелли. Принц.

Клавдия. Принц? Вы действительно сказали принц? Наш принц?

Маринелли. Какой же еще?

Клавдия. О, я несчастная мать! А отец? Ее отец! Он проклянет день, в который она родилась! Он проклянет и меня!

Маринелли. Ради всего святого, сударыня! Что за мысли у вас?

Клавдия. Все ясно! Разве все это не так? Сегодня в церкви, пред оком всевышнего, в присутствии предвечного началось это преступление — здесь оно довершилось. *(Обращается к Маринелли.)* А, убийца! Трусливый, жалкий убийца! Тебе не хватает храбрости, чтобы убивать своей рукой, но ты достаточно низок, чтобы убивать ради угождения чужой похоти,— убивать руками наемных убийц. Подлейший среди убийц! Честные убийцы не потерпят тебя в своем обществе! Тебя! Тебя! Я бы хотела одним-единственным словом выплюнуть тебе в лицо всю свою желчь, всю свою горечь! О, ты, ты — сводник!

Маринелли. Вы бредите, достопочтенная женщина. Но умерьте, по крайней мере, ваши дикие крики и вспомните, где вы находитесь.

Клавдия. Где я нахожусь! Вспомнить, где я нахожусь? Какое дело львице, у которой отобрали детенышей, в чьем лесу слышен ее рев?

Эмилия *(за стеной)*. О моя матушка! Я слышу голос моей матушки!

Клавдия. Ее голос? Да, это она! Она услыхала меня, она меня услыхала! И я не должна была кричать? Где ты, дитя мое? Я иду, я иду. *(Бросается в соседнюю комнату, Маринелли за нею.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Там же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принц, Маринелли.

Принц *(выходя из комнаты Эмилии)*. Идемте, Маринелли! Я должен отдохнуть... должен получить от вас некоторые разъяснения.

Маринелли. Ну и материнская ярость! Ха, ха, ха!

Принц. Вы смеетесь?

Маринелли. Если бы вы только видели, принц, как эта мать бесилась здесь в зале,— вы сами слышали ее вопли,— и как она сразу присмирела, только взглянув на вас. Ха, ха! Мне хорошо известно, что ни одна мать не выцарапает глаза принцу за то, что он находит ее дочь красивой.

Принц. Вы плохой наблюдатель! Дочь без чувств упала в объятия матери, и только поэтому, а вовсе не из-за меня забыла мать о своем гневе. Дочь свою, а не меня щадила она, стараясь не произносить ясно и громко этих слов, которых я не хотел бы ни слушать, ни понимать.

Маринелли. Что же она сказала, ваша светлость?

Принц. К чему притворство? Говорите сейчас же. Правда это или нет?

Маринелли. А если правда?

Принц. Если правда? Значит, так и есть? Он умер? Умер? *(Угрожающе.)* Маринелли! Маринелли!

Маринелли. И что же?

Принц. Клянусь богом! Всемогущим богом! Я неповинен в этой крови. Если бы вы меня предупредили, что графу это будет стоить жизни... Нет, нет! Даже ценою собственной жизни.

Маринелли. Если бы я вас предупредил? Как будто его смерть входила в мои планы! Я строго-настрого приказал Анжело следить за тем, чтобы никто не пострадал. И все сошло бы без малейшего насилия, если бы граф первый не прибегнул к нему. Он без церемоний уложил выстрелом одного из наших.

Принц. Ну, конечно, ему следовало понимать шутки.

Маринелли. Тогда Анжело пришел в ярость и отомстил за смерть своего товарища.

Принц. Еще бы, это вполне естественно.

Маринелли. Он получил от меня достаточно строгое внушение.

Принц. Внушение! Какая дружба! Предупредите его, чтобы он больше не появлялся в моих владениях. Мое внушение может оказаться не столь дружеским.

Маринелли. Превосходно! Я и Анжело, умысел и случай — оказывается, все это одно и то же. Хотя и было оговорено заранее, заранее было обещано, что никакой несчастный случай, который может произойти при этом, не будет поставлен мне в вину.

Принц. Который может произойти... говорите вы? Или, вернее, должен был произойти?

Маринелли. Все лучше и лучше! Все же, ваша светлость, прежде чем вы мне прямо выскажете, за кого вы меня принимаете, я приведу один довод! Смерть графа мне далеко не безразлична. Я его вызвал на дуэль, он должен был дать мне удовлетворение, а он покинул этот мир, не рассчитавшись со мной, и от этого страдает моя честь. Пусть при любых других обстоятельствах я бы заслуживал подозрения, которое вы против меня имеете, но неужели я его заслуживаю и при этих? *(С напускной горечью.)* Кто может так думать обо мне?

Принц *(уступая)*. Ну, хорошо, хорошо!

Маринелли. О, будь он жив еще! О, будь он жив! Всем, всем на свете пожертвовал бы я тогда *(с горечью)*, даже милостью принца — этой неоценимой милостью, которою нельзя шутить,— я поступился бы и ею.

Принц. Я понимаю. Ну, ладно, ладно. Его смерть случайность, чистая случайность. Вы утверждаете это, а я этому верю. Но кто еще вам поверит? Мать? Эмилия? Весь свет?

Маринелли *(холодно)*. Едва ли.

Принц. А если этому не поверят, чему тогда будут ве-

рить? Вы пожимаете плечами? Меня будут считать убийцей, а вашего Анжело орудием убийства.

Маринелли *(еще холоднее)*. Весьма возможно.

Принц. Меня! Меня самого! Или с этого часа я должен отказаться от всех видов на Эмилию...

Маринелли *(совершенно равнодушно)*. Что вам пришлось бы сделать и в том случае, если бы граф остался жив.

Принц *(гневно, но тотчас же овладевая собой)*. Маринелли! Не советую приводить меня в ярость. Пусть будет так! Так и есть на самом деле! Ведь вы хотите сказать, что смерть графа для меня счастье — величайшее счастье, какое могло встретиться на моем пути, единственное счастье, которое способно послужить моей любви. А если так — то не все ли равно, как это произошло. Одним графом больше или меньше на свете, подумаешь. Так ли я понял вас? Ну, хорошо! Я тоже не останавливаюсь перед небольшим преступлением. Но, милый друг, преступление это должно быть небольшим и тайным — маленькое спасительное преступление. А наше, видите ли, не оказалось ни тайным, ни спасительным. Оно, правда, очистило мне дорогу, но в то же время и преградило ее. Каждый может свалить его на нашу голову — лучше бы мы ничего не затевали. А ведь все дело в ваших мудрых, поразительных действиях.

Маринелли. Как вам угодно.

Принц. В чем же другом? Объясните.

Маринелли. Вы относите на мой счет больше, чем следует.

Принц. Я требую объяснений.

Маринелли. Пусть так! Заключалось ли в моих действиях что-либо такое, что могло бы при всех этих происшествиях навлечь на принца столь явное подозрение? Вся суть в том мастерском номере, которым он соизволил дополнить выработанную мною программу.

Принц. Я?!

Маринелли. Да позволено мне будет заметить, что сегодняшний случай в церкви, если даже все это и было вполне пристойно, если во всем этом и была своя неизбежность, все же не относился к нашему танцу, каким он был задуман.

Принц. А что же он мог испортить?

Маринелли. Ну, если он и не испортил весь танец, то в данную минуту — нарушил его такт.

Принц. Гм! Я не понимаю вас.

Маринелли. Итак, коротко и ясно: когда я взялся за это дело, то Эмилия, не правда ли, еще ничего не знала о любви

принца? А мать Эмилии и того меньше? Что, если я все построил на этом? А принц подкопал самый фундамент моего здания?

Принц *(ударяя себя по лбу)*. Проклятье!

Маринелли. Что, если он сам раскрыл свой замысел?

Принц. Несчастная затея!

Маринелли. А если бы он сам себя не выдал, то, право, я желал бы узнать, какое из моих действий могло подать матери или дочери хотя бы малейший повод заподозрить его.

Принц. Вы правы!

Маринелли. Именно поэтому я и не прав... Вы простите меня, ваша светлость...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Баттиста, принц, Маринелли.

Баттиста *(поспешно)*. Только что прибыла графиня.

Принц. Графиня? Что за графиня?

Баттиста. Орсина.

Принц. Орсина? Маринелли, Орсина! Маринелли!

Маринелли. Я поражен не менее вас.

Принц. Ступай, Баттиста, пусть она не выходит из кареты. Меня здесь нет. Для нее меня здесь нет. Пусть немедленно возвращается обратно. Иди, беги!

Баттиста выходит.

Чего хочет эта безумная? Что она себе позволяет? Откуда она знает, где мы находимся? Неужели она следит за мной? Быть может, уже узнала что-нибудь? Ах, Маринелли! Да говорите же, отвечайте! Неужели обиделся тот, кто желает быть моим другом? Обиделся из-за пустой словесной стычки! Неужели я должен просить у вас прощения?

Маринелли. Ах, мой принц, как только вы становитесь самим собой, я снова всей душой принадлежу вам! Приезд Орсина для меня такая же загадка, как и для вас. Однако вряд ли удастся не принять ее. Что вы намерены делать?

Принц. Не разговаривать с нею и удалиться отсюда...

Маринелли. Хорошо! Только поскорее. Я сам приму ее...

Принц. Но только для того, чтобы приказать ей убраться. Не пускайтесь с ней в объяснения. Нам предстоят совсем другие дела.

Маринелли. Нет, нет, принц! Эти «другие дела» уже сделаны. Мужайтесь! То, чего еще недостает, безусловно, придет

само собой. Но не ее ли шаги я слышу? Поскорее, принц! Сюда *(указывая на кабинет, в который бросается принц)*, если захотите, вы сможете здесь слушать нас. Боюсь, что выехала она не в самую благоприятную для нее минуту.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Графиня Орсина, Маринелли.

Орсина *(вначале не замечая Маринелли)*. Что это значит? Меня никто не встречает, кроме какого-то наглеца, который, видимо, еще охотнее вовсе не впустил бы меня? Ведь я же в Дозало? В том самом Дозало, где, бывало, прежде толпа угодливых льстецов выбегала мне навстречу? Где ожидали меня любовь и восторги? Да, место то же, но, но... О, здесь Маринелли! Хорошо, что принц взял вас с собой. Нет, худо! То, что мне хотелось бы разрешить, можно разрешить только вместе с ним. Где он?

Маринелли. Принц, любезнейшая графиня?

Орсина. Кто же еще?

Маринелли. Так вы полагаете, что он здесь? Вам известно, что он здесь? Он, по крайней мере, не предполагает встретить здесь графиню Орсина.

Орсина. Не предполагает? Значит, сегодня утром он не получил моего письма?

Маринелли. Вашего письма? Ах, да! Он говорил о письме от вас, теперь я припоминаю.

Орсина. А разве в этом письме я не просила о встрече сегодня здесь, в Дозало? Правда, он не соизволил ответить мне письмом. Но я узнала, что час спустя он действительно отправился в Дозало. Я сочла это за ответ и, как видите, приехала.

Маринелли. Какое странное совпадение!

Орсина. Совпадение? Вы же слышите, что это было условлено. С моей стороны — письмо, с его стороны — действие. Что же вы остолбенели, господин маркиз? И что за взгляд у вас? Вы не способны уразуметь? Но почему же?

Маринелли. Казалось, вчера вы были далеки от мысли когда-либо снова показаться на глаза принцу.

Орсина. Утро вечера мудренее. Где он? Где он? Уж наверно, в той комнате, откуда слышались крики и визг? Я хотела войти туда, но негодяй слуга преградил мне дорогу.

Маринелли. Моя милейшая, дражайшая графиня...

Орсина. Это был женский визг. Не так ли, Маринелли? О, скажите же мне, скажите, если я в самом деле ваша милейшая, дражайшая графиня. Будь они прокляты, эти придворные негодяи. Каждое их слово — ложь! Ну не все ли равно, скажете вы мне или нет? Я ведь увижу сама. *(Хочет идти.)*

Маринелли *(удерживает ее)*. Куда?

Орсина. Туда, где мне уже давно следовало быть. Не думаете ли вы, что мне прилично заниматься с вами здесь пустой болтовней, в то время как принц ожидает меня в своих покоях?

Маринелли. Вы ошибаетесь, уважаемая графиня. Принц не ожидает вас. Принц не может говорить с вами, не хочет говорить с вами здесь.

Орсина. И все-таки он здесь? Приехал сюда из-за моего письма?

Маринелли. Не из-за вашего письма, отнюдь.

Орсина. Вы же сказали, что он получил его.

Маринелли. Получил, но не прочел.

Орсина *(горячо)*. Не прочел? *(С меньшим жаром.)* Не прочел? *(С горечью, утирая слезу.)* Даже не прочел...

Маринелли. Я уверен, что по рассеянности — не из пренебрежения.

Орсина *(гордо)*. Пренебрежения? Кто смеет думать об этом? Кому вы говорите об этом? Вы дерзкий утешитель, Маринелли. Пренебрежение! Пренебрежение! Мною пренебрегают! Мною! *(Более мягко, с грустью.)* Конечно, он меня больше не любит. С этим покончено. И что-то другое заняло в душе его место любви. Это естественно. Но зачем же пренебрежение? Довольно и равнодушия. Не правда ли, Маринелли?

Маринелли. Разумеется.

Орсина *(насмешливо)*. Разумеется? О, этого мудреца можно принудить сказать все, что угодно! Равнодушие вместо любви? Иными словами, было нечто и вот — ничего. Узнайте же вы, придворный человек, вторящий чужим словам, узнайте от женщины, что равнодушие — пустое слово, один лишь звук, который ничего, ровно ничего не означает. Душа остается равнодушной только к тому, о чем мы не думаем, только к тем вещам, которые для нас не имеют и смысла вещей. А быть равнодушным к тому, что для нас не представляет никакой ценности,— вовсе не значит быть равнодушным. Это, пожалуй, для тебя недоступно?

Маринелли *(про себя)*. О, горе! Как правильны были мои опасения!

Орсина. Что вы такое там бормочете?

Маринелли. Только восхищаюсь! Кто же не знает, уважаемая графиня, что вы философ?

Орсина. Не правда ли? Да, да, я философ! Но разве я только теперь дала повод заметить это? Тем хуже, если я позволяла это заметить, и особенно если это замечали часто! Не удивительно, что принц разлюбил меня. Как может мужчина любить особу, которая, вопреки его воле, еще позволяет себе мыслить? Женщина, которая мыслит, так же отвратительна, как мужчина, который румянится. Ей следует смеяться, только лишь смеяться, для того чтобы поддерживать хорошее настроение у своего строгого господина — владыки всего живущего. Ну, а сейчас над чем же я смеюсь, Маринелли? Ах, да! Над этим совпадением. Я пишу принцу, чтобы он приехал в Дозало, а принц, не прочитав моего письма, все же приезжает в Дозало! Ха, ха, ха! Не правда ли, удивительный случай! Очень смешной и очень глупый! А вы не посмеетесь со мной, Маринелли? Ведь посмеяться с нами может и строгий наш господин, хоть он и не позволяет нам, жалким созданиям, мыслить вместе с ним. *(Серьезно и повелительно.)* Смейтесь же!

Маринелли. Сейчас, уважаемая графиня, сейчас!

Орсина. Чурбан! А пока проходят мгновенья. Нет, нет, только не смейтесь. Видите ли, Маринелли *(задумчиво и с большим чувством)*, то, что сейчас заставляет меня так искренне смеяться, имеет и свою серьезную, очень серьезную изнанку. Как и все в жизни. Случай? Случай ли, что принцу, который и не думал говорить со мной здесь, все же придется со мной разговаривать? Случай? Верьте мне, Маринелли, слово «случай» — богохульство. В мире нет ничего случайного — и уж меньше всего случайного там, где намерение так явно бросается в глаза. Всемогущее, всеблагое провидение, прости мне, если вслед за этим малоумным грешником назвала я случаем то, в чем так очевидна твоя воля, твоя прямая воля! *(Поспешно к Маринелли.)* Попробуйте только вновь толкнуть меня на подобное преступление!

Маринелли *(про себя)*. Это заходит слишком далеко! Но, уважаемая графиня...

Орсина. Не хочу я слышать ваших «но»! Каждое «но» требует размышлений, а моя голова... О, моя голова! *(Держась за лоб.)* Устройте, Маринелли, немедленно устройте мне встречу с принцем, иначе я совсем буду не в состоянии говорить с ним. Вы же видите, нам надо поговорить, мы должны поговорить!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принц, Орсина, Маринелли.

Принц *(выходя из кабинета, про себя)*. Нужно помочь ему...

Орсина *(увидев его, не решается пойти к нему навстречу)*. А! Вот и он!

Принц *(проходит мимо нее в соседнюю комнату через весь зал и говорит на ходу)*. Оказывается, здесь наша прелестная графиня! Я весьма сожалею, сударыня, что сегодня так мало могу насладиться честью вашего посещения! Я занят! Я не один... В другой раз, моя дорогая графиня, в другой раз. Я больше не задерживаю вас — да, не задерживаю. А вас я жду, Маринелли.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Орсина, Маринелли.

Маринелли. Ну вот, уважаемая графиня, вы не захотели поверить мне, а теперь то же самое услышали от него самого.

Орсина *(ошеломленная)*. Не ослышалась ли я? В самом деле, не ослышалась ли я?

Маринелли. Нет.

Орсина *(с горечью)*. «Я занят. Я не один». И это все оправдание, которым удостаивают меня? Кого только не спроваживают подобным образом. Каждого назойливого посетителя, каждого нищего. Он не счел даже нужным придумать для меня хотя бы маленькую ложь. Он занят. Но чем же? Он не один? Но кто же у него? Подите сюда, Маринелли! Из милости, дорогой Маринелли, солгите, как вы захотите. Что стоит вам солгать один раз? Чем он занят? Кто у него? Скажите мне все, что вам придет в голову, и я уйду.

Маринелли *(про себя)*. На этом условии я, пожалуй, могу открыть ей часть правды.

Орсина. Ну? Скорее, Маринелли, и я уйду. Принц ведь сказал: «В другой раз, моя милая графиня»? Не правда ли, он сказал так? Для того чтобы он сдержал свое слово, чтобы у него не было никакого повода не сдержать его,— скорей вашу ложь, Маринелли, и я уйду.

Маринелли. Принц, дорогая графиня, действительно не один. У него находятся лица, которых в данную минуту он ни-

как не может оставить, лица, избежавшие только что большой опасности. Граф Аппиани...

Орсина. Находится у него? Жаль, что в этой лжи я должна уличить вас. Спешите придумать другую. Ведь граф Аппиани, если вы этого еще не знаете, только что убит разбойниками. Недалеко от города я встретила карету с его телом. Быть может, это неправда? Быть может, это был всего лишь призрак?

Маринелли. К сожалению, не призрак. Но те, кто был вместе с графом, благополучно спаслись и укрылись в замке; я имею в виду его невесту и мать невесты, с которыми он направлялся в Сабионетту для того, чтобы там торжественно обвенчаться.

Орсина. Значит, они у принца? Невеста? И мать невесты? А невеста красива?

Маринелли. Принц необычайно огорчен ее несчастьем.

Орсина. Хочу надеяться, будь она безобразна, он отнесся бы к ней точно так же. Ведь судьба ее ужасна. Бедная, милая девушка, его оторвали от тебя навеки в ту самую минуту, когда он навеки должен был стать твоим. Кто же она, эта невеста? Знаю ли я ее? Я уже так давно покинула город, что ничего не знаю.

Маринелли. Это Эмилия Галотти.

Орсина. Кто? Эмилия Галотти? Эмилия Галотти! Маринелли, смотрите, как бы я не приняла эту ложь за правду!

Маринелли. Что вы хотите сказать?

Орсина. Эмилия Галотти?

Маринелли. Которую вы едва ли знаете.

Орсина. Все же! Все же! Пусть только с нынешнего дня! Скажите правду, Маринелли, это — Эмилия Галотти? Эмилия Галотти — та несчастная невеста, которую утешает принц?

Маринелли *(про себя)*. Уж не сказал ли я ей слишком много?

Орсина. И женихом этой невесты был граф Аппиани, только что убитый граф Аппиани?

Маринелли. Именно он.

Орсина. Браво! О, браво, браво! *(Хлопает в ладоши.)*

Маринелли. Что это значит?

Орсина. Я готова расцеловать дьявола, толкнувшего его на это.

Маринелли. Кто толкнул? Кого? Зачем?

Орсина. Да, готова расцеловать, расцеловать того дьявола... даже если бы этим дьяволом оказались вы сами, Маринелли.

«Эмилия Галотти»
Действие второе, явление шестое.

Маринелли. Графиня!

Орсина. Подите сюда! Смотрите на меня! Смотрите мне прямо, прямо в глаза!

Маринелли. Ну, и что же?

Орсина. Знаете ли вы, о чем я думаю?

Маринелли. Как я могу знать?

Орсина. Вы в этом не принимали участия?

Маринелли. В чем?

Орсина. Клянитесь! Нет, не надо, вам не стоит труда взять на себя и лишний грех! И все же поклянитесь. Одним грехом больше, одним грехом меньше — велика ли разница для того, кого бог и так осудил. Вы не участвовали в этом деле?

Маринелли. Вы пугаете меня, графиня.

Орсина. Так ли? И в вашем добром сердце нет никаких подозрений, Маринелли?

Маринелли. Каких? В чем?

Орсина. Хорошо — я вам такое доверю, от чего у вас волосы станут дыбом. Но здесь у самой двери нас могут услышать, идите сюда. Теперь *(подносит палец к губам)* слушайте! Но полная тайна! Полная тайна! *(Наклоняется к нему, как бы собираясь шепнуть на ухо, но вдруг очень громко кричит.)* Принц — убийца!

Маринелли. Графиня... Графиня... Вы решительно сошли с ума!

Орсина. Сошла с ума? Ха, ха, ха! *(Хохочет во все горло.)* Я очень редко, почти никогда не была так довольна состоянием своего рассудка, как сейчас. Поверьте, Маринелли... но пусть это остается между нами. *(Тихо.)* Принц — убийца! Убийца графа Аппиани! Не разбойники убили его, а сообщники принца, принц убил его!

Маринелли. Как могла вам прийти в голову такая гнусность, как могли вы произнести это?

Орсина. Как? Очень просто. С этой самой Эмилией Галотти, которая сейчас находится у него и жених которой так поспешно должен был убраться на тот свет,— с этой самой Эмилией Галотти сегодня утром на паперти Доминиканского храма принц долго разглагольствовал. Мне это известно, это подглядели мои шпионы. Они также подслушали, о чем он говорил с ней. Ну, милостивый государь? В своем ли я рассудке? Мне кажется, я еще умею связывать вещи, связанные между собой. Или тут тоже только совпадение? И это, по-вашему, не больше чем случайность? О Маринелли, если это только так, то вам столь же мало понятна низость людская, как и пути провидения.

Маринелли. Графиня, вы договоритесь до беды...

Орсина. Если дам всему этому огласку? Тем лучше, тем лучше! Завтра я закричу об этом на рыночной площади, и тот, кто станет возражать — да, возражать,— тот сообщник убийцы. Прощайте. *(Направляется к выходу, но в дверях встречает старого Галотти, который поспешно входит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Одоардо Галотти, графиня, Маринелли.

Одоардо. Простите меня, сударыня...

Орсина. Мне нечего прощать и не на что обижаться. Обращайтесь к этому господину. *(Указывает на Маринелли.)*

Маринелли *(увидев его, про себя)*. Только этого недоставало! Старик...

Одоардо. Простите, милостивый государь, находящемуся в крайнем смятении отцу за то, что он входит к вам без доклада.

Орсина. Отец? *(Снова возвращается.)* Несомненно, отец Эмилии? А, добро пожаловать!

Одоардо. Слуга прискакал мне навстречу с известием, что здесь неподалеку семейство мое подверглось опасности. Я примчался сюда и узнал, что граф Аппиани ранен, что его увезли обратно в город, а моя жена и дочь спасены и укрылись в замке. Где они, сударь? Где они?

Маринелли. Успокойтесь, господин полковник. С вашей супругой и дочерью не случилось ничего дурного, они отделались лишь испугом. Они чувствуют себя хорошо. С ними принц, и я тотчас же доложу о вас.

Одоардо. Почему сперва надо докладывать?

Маринелли. По соображениям... соображениям, касающимся принца. Вам известно, господин полковник, в каких отношениях вы находитесь с принцем. Никак не на дружеской ноге. Если он милостиво отнесся к вашей супруге и дочери, то ведь они дамы,— но может ли ваше неожиданное появление оказаться приятным для него?

Одоардо. Вы правы, сударь, вы правы.

Маринелли. Но, уважаемая графиня, не предоставите ли вы мне честь проводить вас до кареты?

Орсина. Нет, нет!

Маринелли *(настойчиво берет ее за руку)*. Разрешите мне исполнить свой долг.

Орсина. Осторожнее! Я освобождаю вас от ваших обязательств, сударь. Подобные вам всегда считают вежливость своим долгом для того, чтобы иметь возможность пренебречь исполнением своего подлинного долга. Как можно скорее доложить об этом достойном человеке — вот ваш долг.

Маринелли. Вы забываете о том, что вам приказал сам принц?

Орсина. Пусть он явится и прикажет мне снова. Я жду его.

Маринелли *(тихо, отводя полковника в сторону)*. Милостивый государь, я вынужден вас оставить с дамой, которая... рассудок которой... вы меня понимаете? Я вам это сообщаю, чтобы вам знать, как относиться к ее иногда очень странным речам. Лучше всего — не вступайте с нею в разговоры.

Одоардо. Хорошо, хорошо! Только поторопитесь, милостивый государь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Графиня Орсина, Одоардо Галотти.

Орсина *(после некоторого молчания, во время которого она с состраданием смотрит на полковника, а он на нее с легким любопытством)*. Что он наговорил вам, несчастный человек?

Одоардо *(полувопросительно)*. Несчастный?

Орсина. Во всяком случае, это не могло быть правдой, и меньше всего той правдой, которую вам предстоит узнать.

Одоардо. Предстоит узнать? Разве я еще недостаточно знаю? Сударыня... Впрочем, говорите, говорите.

Орсина. Вы ничего не знаете.

Одоардо. Ничего?

Орсина. Добрый, хороший отец! Чего бы я не дала за то, чтобы вы были и моим отцом! Простите меня! Простите меня, но ведь несчастье так сближает людей. Я искренне хотела бы разделить с вами боль и гнев.

Одоардо. Боль и гнев? Сударыня... Но я забыл — пожалуйста, говорите.

Орсина. Особенно, если это была ваша единственная дочь... Единственное ваше дитя! Да и не все ли равно? Несчастное дитя всегда единственное.

Одоардо. Несчастное? Сударыня!.. Чего я жду от нее? Но, клянусь богом, сумасшедшие так не говорят.

Орсина. Сумасшедшие? Так вот что наговорил он вам. Ну что ж, возможно, это еще не самая грубая его ложь. Я близка к этому. И поверьте мне, поверьте, что тот, кто не теряет рассудка при известных обстоятельствах,— тому и нечего терять.

Одоардо. Не знаю, что и думать.

Орсина. Не презирайте меня. Ведь и у вас есть рассудок, добрый старик, и у вас есть рассудок. Об этом мне говорит решительное, достойное выражение вашего лица. У вас есть рассудок, но достаточно мне сказать одно только слово, и рассудок покинет вас.

Одоардо. Сударыня, сударыня! Я сойду с ума раньше, чем вы заговорите, если вы не выскажете все тотчас же. Говорите же, говорите. А быть может, неправда, неправда, что вы принадлежите к племени этих благородных безумцев, достойных и нашего сочувствия и сострадания. Быть может, вы самая обыкновенная неумная женщина, и у вас нет того, чего вы никогда и не имели.

Орсина. Так слушайте же! Вы считаете, что вам многое известно, а что вы знаете? То, что Аппиани ранен? Только ранен? Аппиани мертв.

Одоардо. Умер? Умер? О сударыня, это уже нарушает уговор. Вы собирались лишить меня рассудка, а разбиваете мое сердце.

Орсина. Это так, между прочим! Теперь дальше. Жених умер, а невеста, ваша дочь, хуже чем умерла.

Одоардо. Хуже? Хуже чем умерла? Но все-таки умерла? Ведь только одно может быть хуже смерти...

Орсина. И в то же время не умерла. Нет, добрый отец, нет! Она жива, она жива. Только теперь она и начнет жить по-настоящему. Блаженная жизнь, прекрасная, веселая, среди кисельных берегов — до тех пор пока это будет длиться.

Одоардо. Ваше слово, сударыня, то единственное слово, которое должно свести меня с ума! Произнесите его! Не надо по капле наполнять ядом сосуд. Поскорее это слово.

Орсина. Ну, сложите-ка его по слогам. Утром, во время мессы, принц говорит с вашей дочерью, а днем она уже находится в его загородном замке.

Одоардо. Он говорил с ней во время мессы? Принц с моей дочерью?

Орсина. И с какой настойчивостью, с каким пылом! Не о маловажном деле им надо было договориться. Хорошо еще,

если они договорились, хорошо еще, если ваша дочь попала сюда добровольно! В таком случае это, видите ли, уже не насильственное похищение, а всего лишь небольшое... небольшое убийство.

Одоардо. Клевета! Проклятая клевета! Я знаю свою дочь. Если совершилось убийство, то совершилось и похищение! *(Дико озирается вокруг и в бешенстве топает ногами.)* Ну что, Клавдия? Что, матушка? Дождались мы с тобой радости! О, милостивый принц! О, какая исключительная честь нам оказана!

Орсина. Что, старик, подействовало? Подействовало?

Одоардо. Значит, я нахожусь в разбойничьем притоне. *(Обыскивает карманы своего камзола и убеждается, что он безоружен.)* Удивительно, что я в этой спешке не оставил дома и рук моих! *(Еще раз обыскивает все карманы.)* Ничего! Нигде — решительно ничего!

Орсина. А, понимаю! Я могу вам помочь! Кое-что я захватила с собой. *(Вытаскивает кинжал.)* Вот, берите скорее, пока никто не увидел. У меня есть еще яд, но яд годен только для нас, женщин,— не для мужчин. Берите... *(Передает ему кинжал.)* Берите же.

Одоардо. Благодарю, благодарю. Дорогое дитя, тот, кто посмеет назвать тебя безумной, будет иметь дело со мной.

Орсина. Спрячьте его! Спрячьте его поскорее. У меня не было случая пустить его в ход, но вам этот случай представится, и при первой удобной возможности вы употребите его,— если вы настоящий мужчина. Я — я только женщина, но пришла сюда с твердым решением. Мы все можем доверить друг другу, старик, потому что оба оскорблены, оскорблены одним и тем же обольстителем. Ах, если бы вы знали, как чудовищно, как немыслимо он оскорбил меня и еще будет оскорблять,— вы смогли бы позабыть, вы забыли бы свою собственную обиду. Знаете ли вы, кто я? Я — Орсина, обманутая, покинутая Орсина, покинутая, быть может, только из-за вашей дочери. Но чем виновата ваша дочь? Он скоро бросит и ее. А потом еще одну бросит и еще одну! Ах! *(Как в бреду.)* Какое великолепное видение! Что, если когда-нибудь все мы, все покинутые им, превратимся в вакханок и фурий, если он очутится среди нас и мы растерзаем его на части, будем рыться в его внутренностях, чтобы найти его сердце, которое изменник обещал каждой из нас и не отдал ни одной! Вот будет торжество! Вот будет торжество!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Клавдия Галотти.

Клавдия *(озирается при входе и, увидев мужа, бросается к нему)*. Я угадала! Ах, наш защитник, наш избавитель! Ты здесь, Одоардо? Ты здесь? Я догадалась об этом по их перешептыванию, по их лицам. Что мне сказать тебе, если ты еще ничего не знаешь? Что говорить, если ты знаешь все? Но мы не виновны. Я не виновна. Дочь твоя не виновна. Не виновны, ни в чем не виновны!

Одоардо *(при виде жены пытается овладеть собою)*. Хорошо, хорошо! Успокойся, только успокойся и отвечай мне. *(К графине.)* Не подумайте, сударыня, что я сомневаюсь. Граф скончался?

Клавдия. Скончался.

Одоардо. Правда ли, что принц сегодня утром во время мессы разговаривал с Эмилией?

Клавдия. Правда. Но, если бы ты знал, в какой ужас она пришла, в каком смятении вернулась домой...

Орсина. Ну что, солгала я вам?

Одоардо *(с горьким смехом)*. Я и не желал этого!

Орсина. Сошла ли я с ума?

Одоардо *(в бешенстве ходит взад и вперед)*. О, но и я еще тоже в своем уме.

Клавдия. Ты просил меня успокоиться, и я спокойна. Дорогой мой, позволь мне просить тебя...

Одоардо. Чего ты хочешь? Разве я не спокоен? Может ли человек быть спокойнее, чем я? *(Овладевая собой.)* Эмилия знает, что Аппиани убит?

Клавдия. Знать она не может. Но он не появляется, и я боюсь, что она начинает подозревать...

Одоардо. И она плачет, вздыхает...

Клавдия. Нет, уже перестала. Ты ведь знаешь ее, она самая пугливая и в то же время самая решительная в нашем роду. Не умея справиться со своим первым впечатлением, она после недолгого размышления снова становится находчивой, готовой ко всему. Она держит принца на почтительном расстоянии, говорит с ним в таком тоне... Устрой только так, Одоардо, чтобы мы могли уехать отсюда.

Одоардо. Я приехал верхом, как же быть? *(К графине.)* Впрочем, сударыня, вы ведь возвращаетесь в город?

Орсина. Конечно.

Одоардо. Не будете ли вы так любезны взять с собой мою жену?

Орсина. Почему же нет? С удовольствием.

Одоардо. Клавдия *(знакомит ее с графиней)*, графиня Орсина, дама большого ума, мой друг, моя благодетельница. Ты поедешь с ней для того, чтобы сразу же прислать за нами карету. Эмилии незачем возвращаться в Гвасталлу, она поедет со мной.

Клавдия. Но... если только... я не хочу расставаться с дочерью.

Одоардо. Разве отец не останется с нею? Допустят же его в конце концов. Никаких возражений! Идемте, милостивая сударыня. *(Тихо графине.)* Вы обо мне услышите. Идем, Клавдия. *(Уводит ее.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Обстановка та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маринелли, принц.

Маринелли. Сюда, ваша светлость, из этого окна вы сможете видеть его. Он ходит взад и вперед по галерее. Он повернул, направляется сюда... нет, снова поворачивает обратно. Он еще, видимо, не пришел в себя, но стал гораздо спокойнее — или кажется более спокойным. Нам-то все равно. Разве он осмелится высказать то, что обе женщины вбили ему в голову? Баттиста слышал, что жена должна ему тотчас же выслать карету, потому что он приехал верхом. Вот увидите, как только он появится перед вами, то начнет покорнейше благодарить вашу светлость за милостивое покровительство, которое вы в этих печальных обстоятельствах оказали его семье; вместе со своей дочерью будет просить вас не оставлять их своею милостью и далее спокойно отвезет ее в город и с глубочайшим почтением будет ожидать, какое дальнейшее участие соблаговолит принять ваша светлость в его несчастной, любимой дочери.

Принц. Ну, а если он окажется не таким сговорчивым? Вряд ли, вряд ли на это можно рассчитывать. Я его слишком хорошо знаю. Что, если он, в лучшем случае, подавит свои

подозрения, заглушит свой гнев, но увезет Эмилию с собой, вместо того чтобы доставить ее в город? Что, если он укроет ее у себя или даже отправит в монастырь, лежащий за пределами моих владений? Что тогда?

Маринелли. Испуганный влюбленный загадывает далеко вперед. Только ведь он этого не сделает...

Принц. А если сделает? Что будет тогда? Какая нам будет польза от того, что несчастный граф лишился жизни?

Маринелли. К чему эти грустные опасения? «Вперед!» — зовет победитель, не оглядываясь, падает ли рядом с ним друг или враг. А хотя бы и так. А пусть бы он и вознамерился, этот старый брюзга, сделать то, чего вы опасаетесь, принц. *(Раздумывая.)* Нашел, нашел! Дальше намерений ему не пойти. Ни при каких условиях! Но мы не должны упускать его из виду! *(Снова подходит к окну.)* Он чуть не застал нас врасплох! Идет. Пусть он еще подождет, а вы, принц, выслушайте, как надо будет поступить в самом худшем случае.

Принц *(угрожающе)*. Но, смотрите, Маринелли...

Маринелли. О, нечто совершенно безобидное.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Одоардо Галотти.

Одоардо. Никто не появлялся? Тем лучше, я наберусь еще большего хладнокровия. Мне посчастливилось. Нет ничего более презренного, чем юношеская горячность при седых волосах. Как часто я это повторял себе и все же позволил увлечь себя. И кому позволил? Ревнивой женщине, обезумевшей от ревности. Что общего между оскорбленной добродетелью и отмщением порока? Мое дело — спасти добродетель. Что же до тебя, мой сын... Мой сын! Плакать я не умел никогда, и теперь уже мне поздно этому учиться... Кто-то другой станет твоим заступником. А с меня довольно и того, если убийца не воспользуется плодом своего преступления. Пусть это терзает его больше, чем само преступление! Когда пресыщенность и отвращение заставят его бросаться от одного наслаждения к другому, пусть мысль, что в одном-единственном он не успел разочароваться, отравит ему все остальные. Пусть в каждом сновидении приводит ему окровавленный жених свою невесту, и если он все же протянет к ней свою сластолюбивую руку, пусть разбудит его насмешливый хохот ада.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Маринелли, Одоардо Галотти.

Маринелли. Куда вы исчезли, милостивый государь? Куда вы исчезли?

Одоардо. Дочь моя была здесь?

Маринелли. Нет, но принц выходил сюда.

Одоардо. Прошу простить меня — я провожал графиню.

Маринелли. И что же?

Одоардо. Милая дама.

Маринелли. А ваша супруга?

Одоардо. Уехала с графиней для того, чтобы немедленно прислать за нами карету. Пусть только принц простит, что мы с дочерью задерживаемся здесь так долго.

Маринелли. К чему церемонии! Разве принцу не доставило бы удовольствия самому отвезти в город мать и дочь.

Одоардо. Дочь, по крайней мере, должна была бы отказаться от этой чести.

Маринелли. Почему же?

Одоардо. Она больше не вернется в Гвасталлу.

Маринелли. Не вернется? Почему не вернется?

Одоардо. Графа нет в живых.

Маринелли. Тем более...

Одоардо. Она поедет со мной.

Маринелли. С вами?

Одоардо. Со мной. Я же вам говорю, что граф умер, если вы этого еще не знаете. Что же ей больше делать в Гвасталле? Она поедет со мной.

Маринелли. Разумеется, будущее местопребывание дочери будет зависеть от воли отца. Но только сейчас...

Одоардо. Что сейчас?

Маринелли. Вам придется, господин полковник, дать позволение на то, чтобы ее отвезли в Гвасталлу.

Одоардо. Моя дочь будет отвезена в Гвасталлу? А почему?

Маринелли. Почему? Поймите только...

Одоардо *(горячо)*. Поймите, поймите! Я понимаю только то, что здесь нечего понимать. Она должна ехать и поедет со мной.

Маринелли. О милостивый государь, зачем нам горя-

читься по этому поводу? Быть может, я ошибаюсь, быть может, то, что я считаю необходимым, вовсе не обязательно. Принцу всего лучше судить об этом. Принц и решит. Я пойду за ним. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одоардо Галотти.

Одоардо. Вот как! Предписывать мне, куда везти ее? Прятать ее от меня? Чьи это затеи? Кто на это осмелился? Тот, кому здесь позволено творить все, что ему вздумается? Хорошо, хорошо, ладно же, пусть он увидит, на что могу решиться я, даже не имея на это права! Близорукий изверг! Я еще поспорю с тобой! Тот, кто не соблюдает законов, так же могуществен, как тот, у кого их нет. Или ты не знаешь этого? Появись же наконец передо мной. Однако что же это я? Снова, снова ярость отуманивает мой разум. Чего я хочу? Пусть сперва на деле совершится то, из-за чего я здесь беснуюсь. Чего не наболтает придворный шаркун! Надо было дать ему поболтать вволю! Я бы узнал, быть может, зачем ее снова хотят отправить в Гвасталлу! Я смог бы тогда подготовить ответ. Впрочем, за ответом с моей стороны дело не станет. А если я не найду ответа, пусть она... Идут! Спокойствие, старик, спокойствие!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принц, Маринелли, Одоардо Галотти.

Принц. А, мой добрый, честный Галотти,— вот чему суждено было случиться для того, чтобы я смог увидеть вас у себя. По менее значительному поводу вы бы не сделали этого. Но оставим упреки!

Одоардо. Ваша светлость, в любом случае я считал неприличным навязываться своему государю. Если человек ему известен, он сам призовет его, когда в том будет надобность. Даже и при нынешних обстоятельствах прошу простить меня.

Принц. Хорошо, если бы и многие другие обладали вашей горделивой скромностью! Однако перейдем к делу. Вы, конечно, горите желанием увидеть вашу дочь. Она снова встревожена внезапным отъездом своей нежной матери. Да и к чему было удалять ее? Я ожидал только минуты, когда прелестная

Эмилия оправится, чтобы их обеих торжественно доставить в город. Вы наполовину испортили мне это торжество, но я не позволю вам полностью отнять его у меня.

Одоардо. Слишком много милости. Позвольте мне, принц, избавить мое несчастное дитя от различных обид, которые ей приуготовлены в Гвасталле врагами и друзьями, сочувствием и злорадством.

Принц. Было бы жестоко лишить ее сладостных утешений дружбы и сострадания. А о том, чтобы ее не коснулись обиды врагов и злорадство, об этом, любезный Галотти, разрешите позаботиться мне.

Одоардо. Отцовская любовь, принц, неохотно делится своими обязанностями. Полагаю, что мне известно также то единственное, что подобает сделать моей дочери в ее теперешних обстоятельствах. Отречение от мира — монастырь, и как можно скорее.

Принц. Монастырь?

Одоардо. А до тех пор пусть плачет на виду у своего отца.

Принц. И такой красоте суждено увянуть в монастыре? Должна ли одна разбившаяся надежда настроить нас так непримиримо ко всей жизни? Во всяком случае, отца никто не смеет уговаривать. Увозите вашу дочь, Галотти, куда вам угодно.

Одоардо *(к Маринелли)*. Что вы скажете, милостивый государь?

Маринелли. Если эти ваши слова — вызов!.

Одоардо. Ничуть, ничуть!

Принц. Что происходит между вами?

Одоардо. Ничего, ваша светлость, ничего. Мы лишь взвешиваем, кто из нас ошибся насчет вас.

Принц. В чем дело? Говорите, Маринелли.

Маринелли. Мне тяжело служить помехой там, где государь мой намерен проявить свою милость. И все же долг дружбы требует от меня прежде всего искать в государе судью...

Принц. Какой дружбы?

Маринелли. Вам известно, ваша светлость, как сильно любил я графа Аппиани, как тесно сплелись между собой наши души.

Одоардо. Вам это известно, принц? В таком случае это известно только вам одному.

Маринелли. Он сам избрал меня мстителем...

Одоардо. Вас?

Маринелли. Спросите вашу супругу. Маринелли, имя Маринелли было последним словом умирающего графа. И каким голосом, каким голосом оно было произнесено! Пусть вечно звучит у меня в ушах этот страшный голос, если я не приложу всех сил, чтобы разыскать убийц и покарать их!

Принц. Можете рассчитывать на мое самое верное содействие.

Одоардо. И на мои самые горячие пожелания! Ну, хорошо, а что же дальше?

Принц. Это и я спрашиваю, Маринелли.

Маринелли. Есть подозрения, что на графа напали не разбойники.

Одоардо *(насмешливо)*. Неужели? Не разбойники?

Маринелли. Что его хотел убрать с дороги соперник.

Одоардо *(с горечью)*. Вот как! Соперник?

Маринелли. Не иначе.

Одоардо. Если так... будь он проклят богом, подлец, убивший из-за угла.

Маринелли. Соперник, и к тому же счастливый соперник...

Одоардо. Что? Счастливый? Что вы говорите?

Маринелли. Не больше, чем говорит молва.

Одоардо. Счастливый? Осчастливленный моей дочерью?

Маринелли. Разумеется, нет. Этого быть не может. Я стану опровергать это даже наперекор вам. Но при всем том, милостивый государь... хотя самое основательное предубеждение ничего не тянет на весах правосудия, нельзя будет избежать допроса прекрасной пострадавшей.

Принц. Пожалуй, это верно.

Маринелли. А где же еще, где же еще это можно сделать, как не в Гвасталле?

Принц. Вы правы, Маринелли, вы правы. Да, это меняет дело, любезный Галотти. Не правда ли? Вы видите сами...

Одоардо. О да — я вижу... я вижу то, что вижу... Боже, боже!

Принц. Что с вами, что вас волнует?

Одоардо. Я не мог предвидеть того, что здесь увидел. Это досадно, а больше ничего. Итак, она должна снова вернуться в Гвасталлу. Я отвезу ее к матери, и пока самое строгое расследование не оправдает ее, я не выеду из Гвасталлы. Ведь кто знает *(с горьким смехом)*, кто знает. не признает ли правосудие необходимым допросить и меня.

Маринелли. Вполне возможно! В таких случаях правосудие скорее делает слишком много, чем слишком мало. Я даже опасаюсь поэтому...

Принц. Чего? Чего вы опасаетесь?

Маринелли. Пока что нельзя допустить разговоров между матерью и дочерью.

Одоардо. Разговоров?

Маринелли. Необходимо будет разлучить мать и дочь.

Одоардо. Разлучить мать и дочь?

Маринелли. Мать, дочь и отца. Форма следствия решительно требует соблюдения этой предосторожности. Мне жаль, ваша светлость, но я вынужден убедительно настаивать на том, чтобы, по крайней мере, Эмилия была взята под особую охрану.

Одоардо. Под особую охрану? Принц, принц! Впрочем, да. Конечно, конечно. Совершенно верно, под особую охрану! Не правда ли, принц? Не правда ли? О! Как прекрасно правосудие! Превосходно! *(Быстро опускает руку в карман, в котором находится кинжал.)*

Принц *(подходит к нему)*. Владейте же собой, любезнейший Галотти...

Одоардо *(в сторону, после того как вынул из кармана пустую руку)*. Эти слова сказал его ангел-хранитель.

Принц. Вы ошиблись, вы не поняли его. Под словом «охрана» вы подразумеваете тюрьму и даже тюремное заключение.

Одоардо. Позвольте мне так думать, и я успокоюсь.

Принц. Ни слова о тюрьме, Маринелли! Здесь легко совместить строгость законов с уважением к ничем не запятнанной добродетели. Если уж Эмилия должна находиться под особой охраной, то я знаю самую для нее пристойную. Дом моего канцлера Гримальди — без возражений, Маринелли! Я сам отвезу ее туда и передам на попечение одной из достойнейших дам. Эта дама будет мне отвечать за нее. Вы заходите слишком далеко, Маринелли, поистине слишком далеко заходите, требуя большего. Вы ведь знаете, Галотти, моего канцлера Гримальди и его супругу?

Одоардо. Как не знать? Я знаю даже милых дочерей этой благородной четы. Кто их не знает? *(К Маринелли.)* Нет, сударь, не допускайте этого. Если Эмилия должна находиться под охраной, то ее следует заключить в самое глубокое подземелье. Прошу вас — настаивайте на этом. Безумен я, обращаясь с такой просьбой! Старый я дурак! Да, она была права, эта

добрая сивилла,— кто не теряет рассудка в некоторых случаях, тому нечего терять!

Принц. Я не понимаю вас, любезный Галотти, что же больше могу я сделать? Оставьте это так, прошу вас. Да, да, в доме моего канцлера. Там ей следует быть, я сам отвезу ее туда, и если она не будет встречена с величайшим почетом, то слово мое больше ничего не значит. Только не беспокойтесь! Так и порешим! Вы же, Галотти, можете располагать собой, как вам угодно. Вы можете последовать за нами в Гвасталлу, можете вернуться обратно в Сабионетту — как вы хотите. Было бы смешно предписывать вам. А теперь, до свиданья, милейший Галотти! Идемте, Маринелли, уже становится поздно.

Одоардо *(в глубоком раздумье)*. Как? Неужели я совсем не могу поговорить с моей дочерью? Даже здесь? Ведь я на все согласен, все нахожу превосходным. Дом канцлера, разумеется, лучшее убежище добродетели. О ваша светлость, отвезите туда мою дочь, именно только туда. Но до этого я бы все-таки очень хотел поговорить с ней. Она еще не знает о смерти графа. Она не сможет понять, почему ее разлучают с родителями. Ее надо подготовить к этому, надо успокоить ее насчет разлуки, я должен поговорить с ней, ваша светлость, я с ней должен поговорить.

Принц. Так идемте же...

Одоардо. О, дочь с таким же успехом может выйти к отцу. Здесь, с глазу на глаз, я быстро покончу с нею. Только пришлите ее, ваша светлость.

Принц. Пришлю. О Галотти, если бы вы пожелали стать моим другом, моим руководителем, моим отцом!

Принц и Маринелли уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Одоардо Галотти.

Одоардо *(глядя им вслед, после паузы)*. А почему бы и нет? Очень охотно... Ха, ха, ха! *(Дико озирается.)* Кто здесь смеется? Клянусь богом, кажется, смеялся я сам. Все правильно! Весело, весело! Так или иначе, а представление идет к концу! Ну, а *(пауза)*... если она заодно с ним? Если это лишь обыкновенный фарс? Если она не стоит того, что я хочу для нее сделать? Хватит ли сил сознаться в этом самому себе? То, что задумано мною, может остаться лишь помыслом. Ужасно! Прочь,

прочь! Я не хочу дожидаться ее, нет! *(К небу.)* Тот, кто толкнул ее, невинную, в эту пропасть, тот пусть и спасает ее. Зачем ему моя рука? Прочь! *(Хочет идти и видит входящую Эмилию.)* Слишком поздно! О, ему нужна моя рука, она нужна ему.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Эмилия, Одоардо.

Эмилия. Как? Вы здесь, отец? Вы один? А матушка? Ее здесь нет? А граф? Его тоже нет? И вы так взволнованы, отец?

Одоардо. А ты так спокойна, дочь моя?

Эмилия. А почему бы и нет, отец? Либо еще ничего не потеряно, либо потеряно все. Заставляем ли мы сами себя сохранять спокойствие или же нас вынуждают к этому, разве это не одно и то же?

Одоардо. А как, по-твоему, обстоит дело сейчас?

Эмилия. Потеряно все — и мы должны быть спокойны, отец.

Одоардо. И ты спокойна, потому что должна быть спокойна? Кто же ты такая? Девушка и моя дочь? Мне, мужчине и отцу, стыдно перед тобой. Но я хочу узнать, что значит, по-твоему, «все потеряно»? Ты говоришь о смерти графа?

Эмилия. И о смерти, и о причине смерти. Ах, так это правда, отец мой? Значит, вся эта страшная повесть, которую я прочитала в диких, заплаканных глазах моей матушки,— правда? Где моя матушка? Куда она ушла?

Одоардо. Опередила нас с отъездом... если только мы последуем за ней.

Эмилия. Чем скорее, тем лучше. Ведь если граф убит, если такова причина его смерти, то зачем мы медлим здесь? Скорее бежим, мой отец!

Одоардо. Бежим? Какая в том надобность? Ты находишься, ты остаешься в руках своего похитителя.

Эмилия. Я остаюсь в его руках?

Одоардо. Одна! Без матери, без меня!

Эмилия. Я остаюсь в его руках, одна? Отец мой, никогда! Или вы больше не отец мне. Я остаюсь одна в его руках? Хорошо, только попробуйте оставить меня, только попробуйте. Я хочу посмотреть, кто меня удержит, кто меня заставит, кто тот человек, который вправе принуждать другого.

Одоардо. Я думал, ты спокойна, дитя мое.

Эмилия. Да, я спокойна. Но что вы называете быть спокойной? Сидеть сложа руки? Переносить незаслуженные страдания? Терпеть, чего стерпеть нельзя?

Одоардо. О, если ты так думаешь — дай заключить тебя в объятья, дочь моя! Я всегда говорил, что природа намеревалась сделать женщину вершиной творения, но ошиблась глиной и выбрала слишком мягкую. Во всем остальном — вы нас выше. О, если таково твое спокойствие, я снова обретаю в нем свое. Дай обнять тебя, дочь моя! Подумай только, под предлогом судебного расследования — о, адское комедиантство! — он хочет вырвать тебя из наших объятий и увозит к Гримальди.

Эмилия. Вырвать? Увезти? Хочет вырвать, хочет увезти, хочет, хочет! Будто у нас нет собственной воли, отец?

Одоардо. Я пришел в такую ярость, что уже схватился за кинжал *(вытаскивает его)*, чтобы кому-то, одному из двух,— одному из двух пронзить сердце.

Эмилия. Ради всего святого, не надо, отец. Жизнь — единственное, чем обладают порочные люди. Мне, отец мой, мне дайте этот кинжал.

Одоардо. Дитя, это не шпилька для волос.

Эмилия. Тогда шпилька превратится в кинжал! Все равно.

Одоардо. Как? Неужели дошло до того? Нет же, нет! Приди в себя. Ведь и у тебя всего одна жизнь.

Эмилия. И одна невинность.

Одоардо. Которая выше всякого насилия.

Эмилия. И не выше всякого соблазна. Насилие, насилие! Кто только не способен противодействовать насилию? То, что называют насилием,— ровно ничего не значит. Соблазн — вот настоящее насилие! В моих жилах течет кровь, отец, такая молодая и горячая кровь! И мои чувства — живые чувства! Я ни за что не отвечаю, ни за что не могу поручиться! Я знаю дом Гримальди — это дом веселья. Один час провела я там под наблюдением матери — и поднялась такая буря в душе моей, что нужны были недели поста и молитвы, раньше чем я успокоилась. Чтобы избежать зла, не большего, чем это, тысячи людей бросались в воду и превращались в святых! Дайте мне, отец мой, дайте мне этот кинжал.

Одоаро. Если бы ты только знала, чей это кинжал!

Эмилия. Что же, если я не знаю! Неизвестный друг — тот же друг! Дайте мне его, отец, дайте мне его.

Одоардо. А если я дам его... Возьми же. *(Отдает ей кинжал.)*

Эмилия. Так вот! *(Хочет заколоться, отец вырывает кинжал из ее рук.)*

Одоардо. Зачем так быстро!.. Нет, кинжал этот не для твоей руки.

Эмилия. Вы правы, я должна шпилькой... *(Проводит рукой по волосам и находит розу.)* Ты здесь еще? Прочь! Тебе не место в волосах той, в кого я превращусь по воле своего отца...

Одоардо. О моя дочь!

Эмилия. О мой отец, угадала ли я ваше намерение? Но нет, и этого вы тоже не хотите. Иначе зачем вы стали бы медлить? *(Говорит, с горечью обрывая лепестки розы.)* Были времена, когда отец, чтобы спасти свою дочь от позора, вонзал ей в сердце острую сталь и так вторично дарил ей жизнь. Но времена этих деяний миновали! Нет больше этих отцов!

Одоардо. Есть еще, дочь моя, есть! *(Закалывает ее.)* Боже, что я сделал.

Она падает, он подхватывает ее в свои объятия.

Эмилия. Сорвали розу, прежде чем буря успела измять лепестки. Дайте мне поцеловать вашу отцовскую руку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, принц, Маринелли.

Принц *(входя)*. Что такое? Эмилии дурно?

Одоардо. Ей хорошо, очень хорошо!

Принц *(подходя ближе)*. Что я вижу? О, ужас!

Маринелли. Горе мне!

Принц. Жестокий отец, что вы сделали?

Одоардо. Сорвал розу, прежде чем буря успела измять лепестки... Не так ли, дочь моя?

Эмилия. Не вы, отец мой,— я сама, я сама...

Одоардо. Нет, дочь моя,— нет! Не покидай мир с ложью на устах. Это не ты, дочь моя! Это твой отец, твой несчастный отец!

Эмилия. А... мой отец. *(Умирает, он бережно опускает ее на пол.)*

Одоардо. Иди в лучший мир! Что же, принц? Она еще нравится вам? Возбуждает она ваши желания, вся в крови, вопиющей об отмщении? *(После паузы.)* Вы хотите знать, чем все

это закончится? Вы ожидаете, быть может, что я обращу эту сталь против самого себя и так, по правилам пошлой трагедии, завершу свое деяние? Вы ошибаетесь! Вот! *(Бросает ему в ноги кинжал.)* Вот он лежит, кровавый свидетель преступления! Я пойду и сам отдамся в руки правосудия. Я ухожу и жду вас, как судью. А там — выше, буду ждать вас перед лицом нашего всеобщего судьи.

Принц *(после молчания, во время которого он с ужасом и отчаянием взирает на труп Эмилии. К Маринелли)*. Подними его. Ну, ты еще колеблешься? Трус! *(Вырывает из его рук кинжал.)* Нет, твоя кровь не должна смешаться с этой кровью. Уйди, скройся навсегда с глаз моих. Уходи, говорю я! Боже, боже! Неужели мало того несчастья, что государи — люди, зачем еще дьяволам притворяться их друзьями?

НАТАН МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Introite, nam et heic Dii sunt!
Apud Gellium [1]

[1] Войдите, ибо и здесь обитают боги!
Из Геллия (лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Султан Саладин.
Зитта, его сестра.
Натан, богатый еврей в Иерусалиме.
Рэха, его приемная дочь.
Дайя, христианка, живущая в доме Натана, наперсница Рэхи.
Молодой рыцарь-храмовник.
Дервиш, он же дефтердар султана.
Патриарх Иерусалимский.
Послушник.
Эмир и мамелюки Саладина.

Действие происходит в Иерусалиме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сени в доме Натана.

Натан, возвратившийся из длительного путешествия. Его встречает Дайя.

Дайя

Натан! Он самый! Господу хвала!
Ах, наконец-то вы домой вернулись!

Натан

Да, господу хвала. Но «наконец-то»
Твое несправедливо. Разве раньше
Я возвратиться мог? До Вавилона,
Считай, миль двести, если взять в расчет
Мои заезды в города и веси;
Сворачивать с пути пришлось не раз.
К тому же и долги взимать не так-то
Бывает просто, Дайя. В одночасье
С делами не управишься.

Дайя

Натан!
Какая страшная беда грозила
Обрушиться на вас! Ваш дом...

Натан

...горел?
Об этом мне сказали. Дай-то бог,
Чтоб худшего не довелось услышать!

Дайя

Но дом ваш мог бы и дотла сгореть.

Натан

Подумаешь! Построили бы новый,
И краше и просторнее.

Дайя

Пусть так.
Но вместе с домом и бедняжка Рэха
Чуть не сгорела...

Натан

Что? Сгорела Рэха?
Когда б такое надо мной стряслось,
Не надо мне ни очага, ни крова!
«Чуть не сгорела»? Ты сказала: «чуть»?
Чуть или впрямь? Нет, не щади меня!
Бей насмерть! Не томи пустой надеждой!
Скажи: она сгорела?

Дайя

Неужель
Я скрыла бы от вас беду такую?

Натан

Вот напугала-то! Ах, Рэха! Рэха!
Дитя мое!

Дайя

Такое ли уж ваше?

Натан

Могу ли я иначе называть
Ее, как не своей?

Дайя

С таким ли правом
И прочее, что вам принадлежит,
Зовете вы своим?

Натан

Не с бóльшим, Дайя!
Всем достоянием моим обязан
Природе я и случаю. Лишь это
Сокровище дала мне добродетель.

Дайя

Не малую взимаете вы плату
За вашу доброту! Но с добротою
Ваш умысел в ладу ли?

Натан

Ах, оставь!
Какой тут умысел?

Дайя

Мне совесть...

Натан

Дайя!
Позволь же рассказать тебе...

Дайя

Мне совесть,
Я говорю...

Натан

...какую в Вавилоне
Я ткань купил тебе — на загляденье!
Искусной роскошью она навряд ли
Уступит предназначенной для Рэхи.

Дайя

Что толку в том? Вам совести моей
Проснувшейся уже не усыпить.

Натан

Не терпится узнать, как эти бусы,
Как серьги эти, перстень и запястье,
Изделия дамасских мастеров,
Понравятся тебе?

Дайя

Какой вы, право!
Вам только бы дарить и ублажать.

Натан

Так забирай подарки и — молчи...

Дайя

По-прежнему? Могу ли отрицать
Я вашу праведность и щедрость вашу?
И все ж...

Натан

Я только жид? Должно быть, это
Хотела ты сказать?

Дайя

Что я хотела
Сказать, для вас — не тайна.

Натан

Так молчи!

Дайя

Я и молчу. Но если гром господень
Над нами разразится и невмочь
Мне будет божью кару отвратить,
В ответе вы.

Натан

Никто другой. Но что же
Я девочки моей не вижу?.. Дайя!
Меня ты не морочишь? Или ей
Неведом мой приезд?

Дайя

В толк не возьму...
Ее душа еще не поборола
Былого страха. Все-то ей огонь
Мерещится. Тревожный дух ее
Спит наяву и бодрствует во сне,
То неразумней твари бессловесной,
То ангела прозорливей...

Натан

Бедняжка!
Таков людской удел!

Дайя

Под утро, вижу,
Лежит она с закрытыми глазами,
Как мертвая. И вдруг очнулась. «Слышишь! —
Мне говорит.— Отцовские верблюды...
И голос ласковый отца...» Сказала
И тут же вновь забылась — голова
Беспомощно упала на подушку.
Я в сени ринулась — и вправду, вы,
Живой и невредимый, возвратились
Из долгих странствий под надежный кров.
Да это и не диво! Днем и ночью
Она лишь вами бредила... да им.

Натан

Лишь мной да им? Им? Кто же это?

Дайя

Тот,
Кто спас ее из пламени.

Натан

Кто он
И где он? *Кто* спас девочку мою?

Дайя

Храмóвник, юный рыцарь, взятый в плен
И присужденный к смерти, но по воле
Султана пощаженный.

Натан

Как? Храмовник
Нещадным Саладином был прощен?
И не случись такого чуда, Рэхи
Уж не было б в живых? О, боже!

Дайя

Если б
Он не рискнул вновь обретенной жизнью,
Вам Рэхи не видать бы.

Натан

Дайя! Где,
Где благородный этот человек?
Хочу в слезах припасть к его коленам!
Надеюсь, все, что я оставил вам,
Вы о́тдали ему, пообещавши
Дать многим больше?

Дайя

Нет. Хоть и пытались.

Натан

Нет? Нет!

Дайя

Явился он невесть откуда
И сгинул с глаз невесть куда. Никем
Не чаянный, он бросился на крик,
Взывавший о спасенье, в дым и пламя,
Прикрыв лицо спасительным плащом.
Уже считали мы его погибшим,
Как вдруг он вновь из пламени и дыма
Выходит, высоко поднявши Рэху
Могучею рукой. Ничуть не тронут
Восторженной признательностью нашей,
Он опускает ношу. И в толпе —
Теряется...

Натан

Не навсегда, надеюсь?

Дайя

На третий день он повстречался мне.
Под сенью пальм стоял он у гробницы,
Покинутой поправшим смертью смерть.
Я бросилась к нему, благодарила,
Молила, заклинала хоть разок
Порадовать ее своим приходом:
Не может-де найти она покоя,
Не выплакавши благодарных слез
У ног его.

Натан

И что же он ответил?

Дайя

Увы! Он был к моленьям нашим глух,
Язвительно глумился надо мною...

Натан

И этим отпугнул тебя?

Дайя

Ничуть!
Я, что ни день, к строптивцу приходила
С мольбой все тою же. Чего, чего
Я только не стерпела, не готова
Была еще стерпеть! Но он к гробнице
Воскресшего уже не приходил:
Исчез, как в воду канул. Ни вестей
О нем, ни слухов даже!.. Вы молчите?
Теряетесь в догадках?

Натан

Я предвижу
Как больно ранит сердце бедной Рэхи
Его отказ. Сносить пренебреженье —
И от кого? От лучшего из лучших
В ее глазах! Отвергнутой себя
Считать и все ж душой к нему тянуться!
Тут — корень распри сердца с головой.
Что победит? Тоскливое унынье?
Иль ненависть ко всем и ко всему?

Бывает и не так: воображенье,
Вторгаясь в эту распрю, порождает
Мечтателей, в которых то рассудок
Главенствует, то снова голос сердца.
Дурное равноправье! Или я
Своей не знаю Рэхи, или то же
Случилось с ней. Боюсь, что Рэха бредит.

Дайя

Но сколь невинно, сколь благочестиво!

Натан

Пусть даже так, и все же это бред.

Дайя

Одна, не спорю, *греза* завладела
Ее воображеньем. Будто он
Не детище Земли, а небожитель,
Тот неусыпный страж, кому она
Еще в младенчестве свое сердечко
Доверила. Из облака, глазам
Толпы незрим, он опустился наземь
В час роковой и перед ней предстал
В обличье рыцаря. Что тут смешного?
Не убивайте в ней мечты, священной
Для христиан, а также иудеев
И мусульман,— столь сладостной мечты!

Натан

И мне священной... Но ступай! Разведай,
Как там она, могу ли к ней зайти.
Ну, а потом я все же попытаюсь
И взбалмошного ангела сыскать,
Поскольку он с Землей не разлучился
И неучтивым рыцарством своим
Смущает наши души. Мне сдается,
Я приведу его.

Дайя

К добру ли это?

Натан

Пусть радость яви сменит сладость грезы!
Уж ты поверь мне, Дайя: человеку

Всех ангелов дороже *человек*.
Не обессудь, от набожного бреда
Я девочку надеюсь исцелить.

Дайя

Как вы добры и все ж — как беспощадны!
Иду. Но вот, смотрите, и она.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Рэха

Рэха

Отец? Глазам не верю! А уж мне
Подумалось, что только голос ваш
Прорвался к нам из непроглядной дали...
Отныне нас не разобщают горы,
Ни реки, ни пустыни... Что же вы
Не бросились к своей бедняжке Рэхе,
В живых оставшейся? А ведь она
Чуть не сгорела. О! Из всех смертей
Нет более ужасной, как сгореть!

Натан

Дитя мое!

Рэха

Вам переплыть пришлось
Евфрат и Тигр, пустынный Иордан
И много рек безвестных. Ежечасно
Я думала о вас и содрогалась,
Пока пожар меня не обступил
Стеною огнедышащей. С тех пор
Я почитаю смерть в пучине водной
Едва ли не блаженством. Но ведь вы
Не утонули, я не стала горсткой
Сыпучей пепла. Так восславим бога!
Он, милосердный, утлый ваш челнок
Руками ангелов *незримых* вынес
Из вод неверных на земную твердь.
И он же ангела в обличье *зримом*

Ко мпе послал, чтоб вознести меня
Из пламени на белых крыльях.

Натан
(в сторону)

Как?
На белых крыльях? Уж не плащ ли то
Храмовника, спасительно простертый
Над пышущим огнем?

Рэха

В обличье зримом
Меня пронес он сквозь огонь и дым
На белых крыльях. Я лицом к лицу
С ним повстречалась, с ангелом моим
Хранителем.

Натан

Ты встречу заслужила!
Ты восхитилась им, а он — тобой,
Как то и быть должно.

Рэха
(с улыбкой)

Кому вы льстите?
Себе иль ангелу?

Натан

А если ты
Была лишь *человеком* спасена,
Ты ангелом его бы не считала?

Рэха

Но не таким! Мой ангел — истый ангел,
Я знаю это твердо! Сами ж вы
Внушали мне: есть ангелы на свете!
И есть господь, творящий чудеса
В награду тем, кто чтит его и любит.
А я люблю его...

Натан

Как он — тебя!
Бог для тебе подобных днесь и присно

Свершает чудеса, как совершал их,
И вечности еще не сотворив.

Рэха

Такая речь — по мне.

Натан

Как? Потому лишь,
Что чересчур обыденно звучит
Спасенной быть не ангелом, а только
Храмовником, тебе не в чудо чудо
Великое? Превыше всех чудес
То, что вокруг чудесное творится
Ежемгновенно, каждый божий день.
Не будь сплошной чреды земных чудес,
Что́ разум человека почитал бы
Господним чудом? Неужели ж то,
Чему, разинув рты, дивятся дети
При встрече с небывалым?

Дайя
(Натану)

Вы вконец
Своими суемудрыми речами
Ее смятенный ум сгубить хотите?

Натан

Оставь! Так Рэха не считает чудом,
Что спас ее от смерти *человек,*
Сам спасшийся ничуть не меньшим чудом?
Да, да, на том стою: ничуть не меньшим!
Иль кто слыхал когда, чтоб Саладин
Храмовника помиловал? Чтоб пленник,
Представ перед султаном, о пощаде
Еще мечтал? Свободу обрести
Надеялся не от петли позорной
Или от милосердного клинка?

Рэха

К тому и клонит ваша речь: он не был
Храмовником, а только им казался.
Будь он храмовник, как бы он сумел
Избегнуть предрешенной казни или

Бродить свободно в Иерусалиме?
И стал бы он спасать по доброй воле
Меня от смерти?

Натан

Ах, как это тонко!
Ну, Дайя, твой черед! Ты кой о чем
Проведала, так расскажи подробней
О плене рыцаря, о жалости султана.

Дайя

Да всё пустые слухи! Говорят,
Помиловал-де рыцаря султан,
Заметив необычное в нем сходство
С любимым братом, без вести пропавшим
Уж двадцать с лишним лет тому назад.
Минувшее быльем позаросло,
Все, даже имя княжича, забыто.
Людские толки так невероятны,
Что всем-то им, сдается, грош цена.

Натан

Да чем же так они невероятны?
Не тем ли, Дайя, что тебе милей
Людской молвы иные пересуды,
И вовсе вздорные? Иль Саладин,
Приверженный ко всей своей родне,
В дни юности не мог к меньшому брату
Проникнуться особенной любовью?
Иль схожих лиц не видывал никто?
Иль прошлое бесследно угасает
В людских сердцах и дивное подобье
Минувшего не в силах воскресить
Былого чувства? Так ли это все
Невероятно? Но для мудрой Дайи
Все — трын-трава. Ее лишь чудеса
Для нас — нет, для нее! — *достойны* веры.

Дайя

Глумитесь вы...

«Эмилия Галотти»
Действие пятое, явление седьмое.

Натан

Глумишься *ты* над правдой!
Твое спасенье, Рэха, остается
Великим чудом, лишь тому посильным
Кто может грозный суд земных царей
Играючи свести на нет, в насмешку
Над их нещадной злобой обратить.

Рэха

В разладе с правдой жить я не умею,
Вы знаете, отец.

Натан

Но знаю также,
Что ты не прочь внимать разумной речи.
Смотри! Чуть выше, чуть пониже лоб,
Так нос изваян или по-другому;
Дугой изогнутые иль прямые
Нанесены — рукой природы — брови
На плоской иль на выпуклой кости;
Морщинка, родинка, другой изъян,
Роднящий с павшим принцем европейца,—
И ты уж спасена от лютой смерти!
Неужто для искательниц чудес
Не чудо это? Ангела им дайте!

Дайя

Помилуйте, Натан! Какой в том вред,
Что нам желаннее принять спасенье
От ангела, а не от человека?
Так мы, пожалуй, ближе подойдем
К первопричине дивного спасенья
И к промыслу всевышнего.

Натан

Все это —
Тщеславие одно! Хвальба, хвальба!
Котел чугунный хочет, чтоб его
Серебряным ухватом вынимали,
Чтоб самому серебряным прослыть.
Ты говоришь: «Какой в том вред?» — а я
Хотел бы знать, какая в этом польза.

Твоя «первопричина», «близость к богу» —
Все вздор один — нет, хуже! — богохульство.
«Какой в том вред?» Отвечу: превеликий!
Судите сами! Кто бы ни был он,
Ее спаситель, ангел, человек ли,
Вы обе, ты особенно, хотите
Его ответным даром осчастливить,
Не так ли? Но каким благодеяньем
Вы ангела могли б вознаградить?
Вы стали бы молиться, славословить,
Стонать от чувств избытка, слезы лить
И милостыню раздавать убогим
По праздникам, поститься... Вот и все!
Но это больше вам и вашим ближним
Пойдет на пользу, чем посланцу неба.
От ваших подаяний ангел божий
Богат не будет, от постов усердных
Не раздобреет, ваши славословья
Не приумножат святости его.
Не так ли? А вот будь он человеком...

Дайя

Да! Будь он человеком, мы сумели
Его бы пощедрее одарить,
И — бог свидетель! — мы к тому стремились.
Но ничего не брал он, ничего
Не требовал. Лишь созерцаньем бога
И счастлив был. Так только ангел может
Блаженствовать.

Рэха

Когда же он *исчез*...

Натан

Исчез? Как так исчез? Под сенью пальм
Вам более уже не повстречался?
А вы в других местах его искали?

Дайя

Нет, признаюсь...

Натан

Нет?! Вот он и сказался,
Вред пагубной восторженности вашей!
А что, коль ангел этот заболел?

Рэха

Он заболел?

Дайя

Зачем ему болеть?

Рэха

Меня знобит! Дотронься только, Дайя,
До головы моей. Она — как лед.

Натан

Он — франк. Ему наш климат непривычен,
К лишеньям не приучен он, к труду.
А тут бессонный бред, и жар, и голод...

Рэха

Он болен?

Дайя

Это лишь предположенье.

Натан

Вот он лежит. Нет ни друзей, ни денег,
Чтоб хоть слугу нанять.

Рэха

О, мой отец!..

Натан

Лежит без утешенья, без ухода,
Добыча тяжких мук, быть может, смерти...

Рэха

Где, где лежит?

Натан

Он, кто, не зная даже,
Чья ты и кто ты, бросился в огонь:
Там *человек горел!*

Дайя

Имейте жалость!

Натан

Кто не искал и встречи со спасенной!
Не приходил, чтоб не было и речи
О благодарности...

Дайя

Натан, довольно...

Натан

И не придет! Иль разве лишь затем,
Чтобы спасти тебя вторично — ибо
Ты *человек!..*

Дайя

Глядите, что с ней сталось!

Натан

Кто не имел другого утешенья
В свой час предсмертный, как сознанье долга
Исполненного...

Дайя

Вы ее убьете!

Натан

Нет, ты *его* убила! Иль могла
Убить в дурманящем восторге! Рэха!
Не яд, лекарство я тебе даю.
Очнись! Он жив! Надеюсь, и не болен,
Не болен даже!

Рэха

Жив? Не болен? Правда?

Натан

Клянусь, он жив! Господь и на земле
Вознаграждает добрых. Но запомни,
Что набожным восторгам предаваться
Безмерно легче, чем творить добро.
Знай, слабый человек, хоть он подчас
Того и сам не ведает, охотно
В восторженном безделье пребывает,
Чтоб только добрых дел не совершать.

Рэха

Отец! Не оставляйте больше Рэху
Одну, вдали от вас! А он — не правда ль? —
Куда-нибудь и отлучиться мог?

Натан

Конечно! Но идите-ка отсюда.
Я вижу, там какой-то мусульманин
Навьюченных моих верблюдов зорко
Разглядывает. Ты не знаешь, кто он?

Дайя

Он? Ваш дервиш.

Натан

Кто?

Дайя

Ваш дервиш, с которым
Вы в шахматы играли.

Натан

Аль-Гафи?

Дайя

Теперь он казначей султанский.

Натан

Как?
Ты снова бредишь? Нет, и вправду он.
Он самый, и сюда идет. Скорее
Ступайте-ка к себе! Услышим, с чем он.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Натан и дервиш.

Дервиш

Раскройте-ка глаза! Нет-нет, пошире!

Натан

Ты иль не ты? Дервиш — и вдруг в наряде
Придворного?

Дервиш

Чему тут удивляться?
Ужель дервиш не годен ли на что?

Натан

Конечно, годен! Но сдавалось мне,
Что истинный дервиш не соблазнится
Высоким званием.

Дервиш

Клянусь пророком!
Возможно, я не истинный дервиш,
Но я был принужден...

Натан

Никто не вправе,
Не должен поступать по принужденью.
Тем более — дервиш!

Дервиш

Но долг дервиша,
Он в том и состоит, чтоб, раз признав
За благо принужденье, подчиниться.

Натан

Ты прав! И сверх того, ты — *человек!*
Дай обниму тебя! Ведь мы друзья?

Дервиш

Сперва спросили б лучше, кем я стал.

Натан

Да кем бы ни было!

Дервиш

А ежель я
Стал при дворе таким негодным малым,
Что вам дружить со мной невместно?

Натан

Коль
Остался ты дервишем, что за дело
До чина мне и сана? Это — платье.

Дервиш

Ну, как сказать! По платью и почет.
Нет, угадайте, кто я! Кем при вашем
Дворе я был бы?

Натан

Кем, как не дервишем
А сверх того — хоть поваром.

Дервиш

Ну да!
Я — поваром? Пожалуй, судомоем?
А прежний опыт мой? Нет, Саладин
Умней мое призванье угадал!
Я — казначей.

Натан

Султана? Ты?

Дервиш

Всего лишь —
Домашний казначей. Большой казною
Поныне ведает его родитель.

Натан

Но дом велик.

Дервиш

Ах, и не говорите!
В нем кормится вся голытьба столицы.

Натан

Знать, Саладин так ненавидит нищих...

Дервиш

...что их мечом он и огнем поклялся
Стереть с лица земли. Хотя бы нищим
Стать самому пришлось.

Натан

Какой угадчик!
Я это и хотел сказать.

Дервиш

Признаться,
Он нищ уже теперь. Лишь сядет солнце,
Казна пустым-пуста. Наутро — вновь
Прилив, чуть не потоп, а в полдень — снова
Ни капельки!

Натан

Встречались мне такие
Канавы: чуть водой наполнишь их,
Глядь, вся в песок ушла.

Дервиш

Ну прямо — в точку!

Натан

Понагляделся.

Дервиш

Плохо, если царь
Орел средь падали, но ежель он
Сам падаль средь орлов,— пиши пропало!

Натан

Да, полно, друг.

Дервиш

Легко вам говорить!
Дадите отступного, место — ваше.

Натан

А что оно тебе приносит?

Дервиш

Мне?
Безделицу. Но вам — доход отменный!
Едва отлив начнется, тотчас вы
Свои откройте шлюзы. Назначайте
Любой процент! Нам это нипочем!

Натан

Процент, а там проценты на проценты?

Дервиш

А как же?

Натан

Чтобы весь мой капитал
В проценты обратился?

Дервиш

Не подходит
Вам это? Так разводную пишите
Старинной нашей дружбе. А, признаться,
Я на нее надеялся.

Натан

На что же?

Дервиш

На то, что вы поможете мне с честью
Нести мой долг служебный, что всегда
Сундук ваш будет для меня открыт.
Ан нет!

Натан

Попробуем понять друг друга.
Здесь надо различать! Есть Аль-Гафи —
Дервиш, мой друг желанный,— для него,
Что хочешь, сделаю; а рядом с ним
Есть Аль-Гафи — сановник, дефтердар,—
Вот с этим...

Дервиш

Издавна я знал: добры
Вы столь же, сколь умны, умны, сколь мудры.
Но — дайте срок! — и двух Гафи не будет,
Останется один. Одежда эта,
Присвоенная сану моему,
Еще не полиняет и в лохмотья
Не превратится — нищим на потребу,
Как будет уж на гвоздике висеть
В дворцовых кладовых. А я, Гафи,
Босой и в рубище, направлюсь к Тангу
Палящими песками, к мудрым братьям...

Натан

Не удивлюсь тому!

Дервиш

И буду с ними
Там в шахматы играть.

Натан

Как мы с тобой
Играли некогда.

Дервиш

Подумать только,
Чем я прельстился! Тем ли, что не стану
Впредь побираться сам? Что буду корчить
Вельможу из себя? Что стоит лишь
Мигнуть мне, и богатый духом нищий
Вмиг обернется бедным богачом?

Натан

На это ты не падок.

Дервиш

Я польстился
На худшее: прекраснодушный бред,
Которым Саладин меня пронзил.

Натан

Что ж он сказал тебе?

Дервиш

«Лишь нищий знает,
Что значит нищим быть. Лишь он один,
Благотворя, не оскорбит несчастных.
Предместник твой,— так он сказал,— был
слишком
Суров и черств и скуп на подаянья.
Он выведать старался, так ли нищий —
И нищ и хил. Злосчастья бедняков
Его не трогали; усердно он
Выискивал причину обнищанья,
Чтоб с ней соизмерять размер подачек.
Так поступать не станет Аль-Гафи!
Столь скаредным на щедрость доброхотом
Не выставит султана своего!
С трубою засоренной ты не схож,
В которой чистая струя воды
Становится какой-то мутной жижей.
Ты думаешь и чувствуешь — как я».
Так сладко пела дудка птицелова,
Что вот я и — в силках, щеглёнок глупый,
Бахвал бахвала!

Натан

Ну, потише, друг,
Потише!

Дервиш

Тут вскричишь! Иль не бахвальство —
В стране, где богатеи горемык
Бьют, душат, грабят, ставят на правеж,
Насилуют, пытают,— возомнить
Себя заступником простого люда?
И не бахвальство — милосердью бога,
Щедроты расточающего равно
На праведных и грешных, на луга
И на пустыни, в вёдро или в дождь,—
Предерзко подражать, не обладая
Благой десницей господа?

Натан

Довольно!

Дервиш

Нет, дайте и в своем грехе признаться!
Иль не бахвальство, что в бахвальстве я —
Заведомом! — искал зерно благого,
Чтобы свою причастность оправдать
К бахвальству, неугодному аллаху?
Иль я не прав?

Натан

Скорее, Аль-Гафи,
Уж шел бы ты в пустыню! Я боюсь,
Что средь людей разучишься ты вскоре
И человеком быть.

Дервиш

Страшусь того же.
Прощайте!

Натан

Почему же так поспешно?
Эй! Аль-Гафи! Не убежит твоя
Пустыня! Стой! Не слышит. Аль-Гафи!
И след простыл. А я-то расспросить
Хотел его о нашем крестоносце;
О нем он, верно, слышал.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дайя поспешно входит. Натан.

Дайя

О Натан!
Натан!

Натан

В чем дело?

Дайя

Он! Он! Снова здесь!
Он снова здесь!

Натан

Кто *он?*

Дайя

Кто, как не он?

Натан

Он! Он! Да, мало ли, кто *он?* Ах, да!
Для вас лишь Он есть он. Нехорошо!
Нехорошо, будь ангелом он даже!

Дайя

Под пальмами по-прежнему он ходит
Взад и вперед. И финики срывает.

Натан

И кушает? В обличье зримом? Ангел?

Дайя

Охота мучить нас! Она давно
Его пытливым взором углядела
Сквозь вековые ветви рослых пальм
И не теряет из виду! Она
Вас просит, даже небом заклинает,—
Пойти за ним! Кивком она укажет
Вам из окна, вперед ли, или вспять
Он зашагал, иль за угол свернул.
Но торопитесь!

Натан

Только слез с верблюда,
И — уж за ним? Годится ль так? Нет, ты
Пойди к нему сказать, что я вернулся.
Как чинный человек, он не посмел
Войти в мой дом, когда я был в отъезде.
Теперь же сам отец его, мол, просит
Пожаловать. Совсем другое дело!
Скажи: *усердно* просит.

Дайя

Все напрасно!
Короче, не пойдет он к иудею.

Натан

Останови его, по крайней мере!
Не упусти! А я не задержусь.

Натан поспешно входит во внутренние покои. Дайя уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет площадь с пальмами. Под ними храмовник ходит взад и вперед. Послушник следует за ним на малом расстоянии; держится в стороне, но, видимо, хочет с ним заговорить.

Храмовник

Нет, неспроста монах за мною ходит
И на руку косится! Милый брат...
Иль, может быть, отец?

Послушник

Всего лишь брат.
Я послушник и весь к услугам вашим.

Храмовник

Любезный брат! Хоть был бы грош в кармане!
Но, видит бог, в нем и полушки нет.

Послушник

Спасибо и на том! Господь сторицей
Воздаст вам за благой порыв! Не дар
Дарителя, а милосердье красит.
А впрочем, не за милостыней был
Я послан к вам.

Храмовник

Однако все же послан?

Послушник

Да, из монастыря...

Храмовник

Куда сейчас
Я заглянул в надежде подкрепиться.

Послушник

Столы все были заняты... Но коль
Угодно рыцарю зайти вторично...

Храмовник

К чему! Хоть мяса я не ел давненько,
Но, слава богу, финики поспели.

Послушник

Не ешьте их! Опасен этот плод!
Переберешь, и заурчит в желудке,
И нападет на рыцаря тоска.

Храмовник

А если я с тоскою неразлучен!
Но не о финиках же толковать
Вы посланы ко мне?

Послушник

Отнюдь. Я послан
Разговорить и раскусить вас толком.

Храмовник

И признаетесь в том открыто?

Послушник

Что ж тут
Такого?

Храмовник

Продувной, видать, монашек!
И много вас таких?

Послушник

Не знаю, рыцарь.
Мой долг — повиноваться.

Храмовник

Без промешки?
Не мудрствуя лукаво?

Послушник

Что ж иначе
Нам звать повиновеньем, добрый рыцарь?

Храмовник

(Простак не глуп!) Скажите, честный брат,
По совести, по дружбе, *кто* же хочет
Узнать меня поближе? Что не вы,
Бьюсь об заклад!

Послушник

Мне это не по сану
И не по разуму.

Храмовник

Кому ж по сану,
По разуму такое любопытство?

Послушник

Должно быть, патриарху. Он за вами
Меня послал вослед.

Храмовник

Сам патриарх?
Ему ль не знать, что значит белый плащ
И красный крест нагрудный?

Послушник

Это знаю
И я не хуже.

Храмовник

Так к чему ж дознанье?
Я — рыцарь, взятый в плен, сказать точнее —
На крепостном валу под самым Тиром,
Которым мы хотели завладеть,
Нарушив перемирье, чтоб затем,
Очистив путь, к Сидону двинуть рать.
Сказать точнее: взято было в плен
Нас двадцать человек. Лишь я один
Из них помилован был Саладином.
Вот все, с излишком даже, что узнать
Хотелось патриарху.

Послушник

Но не больше,
Что без того он знает. Патриарху

Угодно знать причину милосердья
Нещадного султана к вам одним
Из двадцати.

Храмовник

Не знаю сам! Уже
Я, распластав свой плащ, стал на колени
И, шею обнажив, удара ждал,
Как вдруг султан встает, пытливым взором
Меня пронзает и... велит поднять!
Уже оковы сняты. Я свободен.
Благодарю. И вижу, он — в слезах!
Молчит. И я молчу. Султан уходит.
Я остаюсь. Что здесь произошло
И по какой причине, я не знаю.
Пусть патриарх гадает.

Послушник

Заключил
Владыка патриарх, что для великих,
Зело великих дел вас бог упас.

Храмовник

Великих дел? Как-то: спасти еврейку
Из пламени? Сопровождать к Синаю
Паломников и прочее?

Послушник

Терпенье!
А впрочем, и свершенное — не малость.
Великие ж дела — не за горами:
Вас патриарх на них благословит.

Храмовник

Вы полагаете? Иль он уже
Вам намекнуть успел?

Послушник

Сказал намеком.
А мне велел сперва установить
Пригодность вашу...

Храмовник

Что ж, установите!
(Прелюбопытно, как он установит
Мою «пригодность»!)

Послушник

Лучше напрямки
Мне рыцарю поведать, что угодно
Владыке.

Храмовник

Верно: лучше!

Послушник

Вашу милость
Владыка порешил просить письмо
Одно вручить.

Храмовник

Меня? Я не посыльный.
И это — полагает патриарх —
Почетнее, чем из огня спасать
Еврейку?

Послушник

Да, почетней... От письма
Того, сказал он, многое зависит
Для мира христианского. И тот,
Кто передаст его, в загробной жизни
Святого нимба удостоен будет
От господа. Никто, рек патриарх,
Награды этой не достоин больше,
Чем ваша милость.

Храмовник

Чем достоин я?

Послушник

Да и едва ли кто, рек патриарх,
Способен заслужить награду эту
С таким умением, как он.

Храмовник

Как я?

Послушник

Наш патриарх сказал о вас: он всюду
Гуляет безвозбранно, и к тому же
Он знает, как штурмуют города

И как их защищают. Он точней,
Чем кто-либо,— так он сказал,— сумеет
Поведать крестоносцам, чем силен
И в чем он слаб, воздвигнутый султаном
Второй заслон зубчатого кремля.

Храмовник

Достойный брат, хотел бы я подробней
Узнать, что говорится в письмеце.

Послушник

Подробностей и я не знаю толком.
Но письмецо написано Филиппу.
Наш патриарх... всегда ему дивлюсь,
Как он, при святости своей, живя
Одним небесным, так подробно входит
В дела мирские. Горько, чай, ему
Сходить с высот небесных в мир юдольный.

Храмовник

И что же патриарх?

Послушник

Он знает точно,
Куда, откуда и с какою силой
Ударит Саладин, когда война
Вновь разгорится.

Храмовник

Знает?

Послушник

И намерен
Все сообщить Филиппу-королю,
Дабы король мог взвесить и решить,
Так ли грозна твердыня Саладина?
И надобно ль ему любой ценою
С султаном перемирие продлить,
Которое порвал ваш славный орден,
Горя отвагой и великой верой
В святое дело?

Храмовник

Что за патриарх!
Сей многоопытный, пречестный муж
Меня не как посланца шлет к Филиппу,
А как лазутчика! Скажите, брат,
Владыке патриарху, что, дознанью
Меня подвергнув, вы установили,
Что я для службы этой не гожусь.
Пока еще я пленник безоружный,
Храмовника ж призванье — быть бойцом,
А не лазутчиком.

Послушник

Так я и знал!
И рыцарю сие в укор не ставлю.
Но сыщется для вас другая служба:
Владыка патриарх сумел проведать,
Что где-то на Ливане крепость есть,
И в ней хранит несметную казну
Рачительный родитель Саладина
Для нужд военных и в оплату войску...
Туда султан нередко наезжает
С охраной малочисленной — кружною
Дорогою, нисколько не страшась
Опасности. Смекнули?

Храмовник

Нет, ничуть!

Послушник

Чего бы проще было б Саладина
В пути настигнуть и прикончить. Вижу,
Вы содрогнулись! Но уже нашлись
Два смельчака из секты маронитов.
Сыскался б лишь отважный человек
Возглавить их!

Храмовник

Угодно патриарху
Во мне найти такого человека
Отважного?

Послушник

Он полагает, что
Король Филипп вам из Птолемайды
Пошлет подмогу.

Храмовник

Мне? Мне, брат мой? Мне?
Ужели ж вы не слышали о том,
Сколь многим я обязан Саладину?
Ужель не слышали?

Послушник

Слыхал.

Храмовник

И что же?

Послушник

Наш патриарх сказал: пусть даже так,
Но орден и всевышний...

Храмовник

...не изменят
Здесь ничего! Благословить не могут
Меня на подлость эту.

Послушник

О, конечно!
Но патриарх сказал,— пусть пред людьми
Сие есть подлость, но не перед богом.

Храмовник

Мне? Мне у Саладина жизнь отнять?
Тогда как он мне возвратил — мою?

Послушник

Гм!.. Но,— так патриарх сказал,— султан
Врагом остался христианства — значит,
На вашу дружбу посягать не вправе.

Храмовник

Какая дружба? То, что не хочу
Я быть неблагодарным негодяем?

Послушник

Вы правы!.. Но, заметил патриарх,
Все ваши счеты пред людьми и богом
Погашены, коль он все тот же враг
Христовой церкви. Патриарх проведал,
Что Саладин простил вас потому,
Что и лицом вы и осанкой схожи
С его любимым братом.

Храмовник

Даже это
Известно патриарху? О, когда б
То было истиной! О, Саладин!
Природа сходство сообщила мне
С погибшим принцем. Только ли с лицом,
Не с сердцем также ль? Этим сходством должен
Я пренебречь в угоду патриарху?
Природа так не может лгать! Творец
Не вступит в распрю с собственным созданьем!
Уйдите! Желчь вскипит во мне! Уйдите!

Послушник

Я ухожу. И с меньшей скорбью в сердце,
Чем час назад. Простите! Мы, монахи,
Обязаны начальству послушаньем.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Храмовник и Дайя, которая уже давно следила за ним издали и теперь решилась к нему подойти.

Дайя

А послушник, видать, его оставил
Не в лучшем настроении. И все ж
Попробую!

Храмовник

Тьфу, пропасть! Нет, не лжет
Пословица, что «баба и монах,
Монах и баба — две ладони черта».
Сегодня бес бросает из одной
Меня в другую... Вот уж незадача!

Дайя

Кого я вижу? Вы ли это, рыцарь?
Ну, слава богу! Где ж вы пропадали
Все это время? Или вы болели,
Не дай-то бог?

Храмовник

Нет.

Дайя

Значит, вы здоровы?

Храмовник

Вполне.

Дайя

А мы тревожились за вас,
С ума сходили!

Храмовник

Да?

Дайя

Чай, отлучались
На время вы куда-то?

Храмовник

Угадали.

Дайя

А нынче снова прибыли?

Храмовник

Вчера.

Дайя

Сегодня и отец ее вернулся.
Так можно ль ей надеяться?

Храмовник

На что?

Дайя

На то, о чем не раз уже просила
Вас Рэха. И отец о том же просит:
К нам заглянуть. *Усердно* просит! Он
Из Вавилона в дом свой возвратился.
На двадцати навьюченных верблюдах —
Товаров тьма! Из Индии, Китая,
Из Персии, из Сирии! Тут ткани,
И кружево, и редкостные камни —
Ну просто...

Храмовник

Ничего не покупаю.

Дайя

Его народ Натана чтит, как князя,
Зовет Натаном Мудрым. Но вернеи
Его Богатым звать. Всегда казалось
Мне, что верней.

Храмовник

Быть может, сей народ
Отождествляет с мудростью богатство.

Дайя

А я его бы величала Добрым.
Себе представить трудно, как он добр!
Когда узнал он, что спасли вы Рэху,
Чем только в этот миг он не хотел
Вас одарить и наградить!

Храмовник

Ужель?

Дайя

Придите убедиться!

Храмовник

Чтоб узнать,
Как быстро миг бесследно исчезает?

Дайя

Неужто я, не будь он щедр, так долго
В их доме зажилась бы? Или я
Цены не знаю вере христианской?
Не пела же мне мать у колыбели,
Что я поеду с мужем в Палестину,
Чтоб нянчить там еврейское дитя?
Мой добрый муж, он был оруженосцем
В войсках у Барбароссы...

Храмовник

...по рожденью,
Швейцарцем, удостоившимся чести
С его величеством в одной реке
Водою захлебнуться... Сколько раз
Меня вы мучили рассказом этим!
Не стыдно вам преследовать меня?

Дайя

Преследовать? О, боже!

Храмовник

Как же скажешь
Тут по-другому? Не хочу я больше
Ни видеть вас, ни слышать! Не хочу,
Чтоб вы напоминали мне всечасно
О подвиге, который совершая,
Я толком и подумать не успел;
А вспомню, сам кажусь себе загадкой...
Не сожалею я о том! Но если
Я вновь столкнусь с бедою, на себя
Пеняйте, коль не брошусь в дым и пламя,
А стану спрашивать: кто он и чей он?
И *человек* сгорит...

Дайя

Помилуй бог!

Храмовник

Так окажите милость: с сей поры
Со мной не знаться, не сводить меня
С ее отцом премудрым. Жид есть жид!
Я грубый шваб. Ее девичий образ

Покинул сердце — да и жил ли в нем
Когда-либо?

Дайя

Но *ваш* в ней не померкнет.

Храмовник

К чему же это может привести?

Дайя

Бывают люди часто не такими,
Какими кажутся.

Храмовник

Но редко — лучше.
(Уходит.)

Дайя

Куда так спешно?

Храмовник

Женщина! Зачем
Хотите вы, чтоб я возненавидел
И тень от пальм, где я привык гулять?

Дайя

Иди, медведь тевтонский! Ну а я
След зверя этого не потеряю.

(Незаметно следует за ним.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет дворец султана.
Саладин и Зитта играют в шахматы.

Зитта

О чем ты думаешь? Как ты играешь?

Саладин

А разве плохо?

Зитта

Для меня — ничуть.
(Или, напротив,— очень...) Но возьми
Свой ход назад.

Саладин

А почему?

Зитта

Твой конь
Не защищен.

Саладин

Да! В самом деле. Так!

Зитта

Тогда я вилку сделаю.

Саладин

Что ж! Шах!

Зитта

А толку чуть! Ты в том же положенье,
Когда я *так* пойду.

Саладин

Мне из тисков
Твоих не вырваться без тяжкой жертвы.
Бери коня!

Зитта

К чему мне конь? Иду
Вперед!

Саладин

Сомнительный подарок! Видно,
Позиция тебе важней коня.

Зитта

Пожалуй!

Саладин

Без хозяина считала!
Ты не ждала такого? Что теперь
Сказать изволишь?

Зитта.

Где ж мне было ждать,
Что Саладин своею королевой
Пресытится так скоро!

Саладин

Королевой?

Зитта

Одно мне ясно: тысячу динаров
Я получу, но больше — ни пазери.

Саладин

Как так?

Зитта

Ах, брось хитрить! Иль я не вижу,
Что ты задался целью проиграть
Во что бы то ни стало? Но в такой
Игре — что проку? Для меня она
Разор один. Проигрывать тебе —
Куда как прибыльней! Ты всякий раз
Выплачиваешь мне двойную ставку,
Лишь бы сестрица на тебя не дулась.

Саладин

Ах так, плутовка! Значит, попарошку
Ты в шахматы проигрываешь мне?

Зитта

Одно бесспорно: из-за твоего
Великодушья я не научилась
Играть как следует, любезный братец.

Саладин

Мы отвлеклись. Не лучше ли кончать?

Зитта

Ты хода не меняешь? Шах и шах!

Саладин

Что делать, оплошал! Двойного шаха,
Благодаря которому и ферзь
Погибнуть должен, я и не приметил.

Зитта

Посмотрим, не удастся ль королеву
Еще спасти?

Саладин

Нет, забирай ее!
Мне с этим камнем что-то не везет.

Зитта

Лишь с *этим* камнем?

Саладин

Ну его совсем!
Невелика потеря! Видишь, так
Я снова защищен.

Зитта

Но с королевой,
Как старший брат учил, не поступают
Так непочтительно.

Саладин

Бери иль нет,
Я за собой ее уже не числю.

Зитта

Брать? А зачем? Шах, шах и шах!

Саладин

И — мат.

Зитта

Мат? Нет еще... Еще конем ты можешь
Прикрыться. Или что-нибудь другое
Изобрести.

Саладин

Да нет! Я проиграл.
Пусть кликнут Аль-Гафи с его мощною!
Ты не ошиблась, Зитта: я сегодня
Рассеян был. К тому ж и камни эти
Взамен фигур! Кто их подсунул нам?
Я ж не с имамом сел играть! А впрочем,
Все это отговорки. Нет, не камни
Меня сгубили, а твое умение,
Твой зоркий глаз и выдержка.

Зитта

Хоть этим
Ты хочешь жало притупить потери?..
Ты был расстроен. Более, чем я.

Саладин

Чем ты? С чего бы?

Зитта

Я свои тревоги
С твоими не равняю. Но скажи,
Мой милый брат, удастся ль нам когда
Играть с тобою в шахматы так часто?

Саладин

Чем реже, тем прельстительней игра.
Ах, ты войны страшишься? Пусть начнут!
Не дрогнем. Но, по мне, мудрее было б
Продолжить перемирье, а для Зитты
Достойного супруга подыскать.
Мой выбор уже сделан: это — брат
Бесстрашного Ричарда.

Зитта

Ты опять
Ричарда славишь!

Саладин

Если бы к тому ж
Мелек в супруги взял сестру Ричарда,
Вот род возник бы истинно державный,

Из лучших лучший, первый среди первых!
В надежде, что друзей не посрамлю,
Я и себя не обхожу хвалою.
Ах, что за люди были б то!

Зитта

Смеюсь я
Над взбалмошной твоей мечтой. Не знаешь
Ты христиан и знать о них не хочешь!
Спесивая их гордость: не людьми,
А христианами не быть, так слыть.
Ведь даже милосердие Христово,
Не заглушенное их суеверьем,
Не человечностью прельщает их,
А только тем, что так вещал учитель.
Их счастье, что он праведником был!
Их счастье, что Христову добродетель
Они на веру приняли! А впрочем,
На что им добродетель? Не ее,
А лишь Христово имя на земле
Распространить стремятся христиане,
Чтоб имена других людей достойных
Затмить и обесславить. Только имя
Его им надобно!

Саладин

Ты полагаешь,
Что потому и требуют они,
Чтоб ты и брат к их вере приобщились
Пред тем, как вас любовь соединит?

Зитта

А как же! Будто лишь у христиан
Царит любовь, которую всевышний
Вложил в сердца всех женщин и мужчин...

Саладин

У христиан так много суеверий,
Что впору им и в эту чушь поверить!
Ты не права в одном: не христиане,
Храмовники лишают нас надежд
На славный мир. Им Аккой поступиться,
Которую Ричардова сестра

В приданое Мелеку принесла бы,
Невмоготу! Чтоб рыцарству ущерба
Не нанести, они в блажных монахов
Готовы обратиться, лишь бы мир
С противником Христовых ратоборцев
Стал невозможен. Дерзко уповая
На легкую победу, орден их,
Пренебрегая сроком перемирья,
Возобновил кровавый натиск. Что ж!
Посмотрим. Продолжайте, господа!
Ваш пыл мне на руку! Лишь бы другие
Помехи не возникли...

Зитта

Милый брат!
Какие новые тебя сомненья
Терзают и тревожат?

Саладин

Да все те же,
Что издавна тревожили меня.
Я был в Ливане у отца. Заботы
Его вконец измучили.

Зитта

О, боже!

Саладин

Как быть ему? Покрыт один расход,
Другие набегают.

Зитта

В чем тут дело?

Саладин

Да в том, про что и говорить отвратно!
Что, коли есть они, я сбыть хочу,
А нет их, лишь о них и помышляю.
Где Аль-Гафи? Куда запропастился?
О, деньги подлые! Как хорошо,
Что ты пришел, Гафи!

«Натан Мудрый»
Действие первое, явление пятое.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дервиш Аль-Гафи, Саладин, Зитта.

Аль-Гафи

Знать, из Египта
Казна к нам подоспела. Лишь бы только
В ней вдосталь было денег.

Саладин

Эту новость
Ты слышал от кого?

Аль-Гафи

Да нет еще!
От вас бы я хотел ее услышать.

Саладин

Так выдай Зитте тысячу динаров.
(В раздумье ходит взад и вперед.)

Аль-Гафи

Не получай, а выдай! Бесподобно!
Что выдавать? Частицу от нуля?
И снова проигрыш? И снова Зитте?
И снова в шахматы? Но вот доска,
Камней с нее не сняли...

Зитта

Неужели
Мой выигрыш не радует тебя?

Аль-Гафи
(рассматривая игру)

Ваш выигрыш? Частица от нуля?

Зитта

Тсс, тсс, Гафи!

Аль-Гафи
(продолжая рассматривать)

Мне вас поздравить не с чем!

Зитта

Тсс, Аль-Гафи!

Аль-Гафи
(Зитте)

Вы белыми играли?
И дали шах?

Зитта

Он, к счастью, нас не слышит.

Аль-Гафи

И ход теперь за ним?

Зитта
(подходит к нему вплотную)

Скажи погромче,
Что тысячу динаров мне вручишь.

Аль-Гафи
(углубившись в игру)

Как в прошлый раз, назери не истратив.

Зитта

Да ты с ума сошел!

Аль-Гафи

Игра еще
Не кончена. Султан не проиграл.

Саладин
(почти не слушая)

Да, да! Плати! Плати!

Аль-Гафи

«Плати, плати!»
А ваша королева...

Саладин

Нет ее!
Она — не в счет.

Зитта

Ты понял? За деньгами
Могу ли я прислать к тебе?

Аль-Гафи

Конечно!
Допустим, королевы нет. И все ж
Султан не проиграл.

Саладин

А мне угодно
Считать, что проиграл.

Аль-Гафи

Так по игре —
И выигрыш, по выигрышу — плата.

Саладин
(Зитте)

Что он сказал?

Зитта

Ты знаешь Аль-Гафи.
Он несговорчив. И к тому ж — завистлив.

Саладин

Но не к тебе же, не к сестре моей?
Как! Ты завистлив?

Аль-Гафи

Кой на что: охотно
Я поменялся б с ней умом и сердцем.

Зитта

До сей поры он мне платил исправно,
Заплатит и теперь. Оставь его!
Ступай, Гафи! Я пыпче ж за деньгами
К тебе пошлю.

Аль-Гафи

Нет, я в обмане этом
Участвовать не стану! Все равно
Он обо всем узнает.

Саладин

Кто и *что?*

Зитта

Так, Аль-Гафи, ты держишь свое слово,
Мне данное?

Аль-Гафи

А мог ли я предвидеть,
Как далеко зайдет обман?

Саладин

В чем дело?

Зитта

Будь скромен, Аль-Гафи! Прошу тебя!

Саладин

Не странно ли? О чем сестра могла бы
Просить так горячо и так смиренно
Дервиша, а не брата своего
Единокровного? Я жду ответа!
Так говори, дервиш! Я приказал.

Зитта

Все эти дрязги мелочные, брат,
Едва ль достойны твоего вниманья.
Тебе известно, я не в первый раз
Выигрываю тысячу динаров.
А так как деньги не нужны мне вовсе,
К тому ж в подвалах Аль-Гафи порой
Не так уж много золота хранится,
Я их и не брала. Но будь спокоен,
Свой выигрыш я не хочу дарить
Тебе или казне домашней.

Аль-Гафи

Если б
Одно лишь это!

Зитта

И о прочем тоже
Не стоит говорить! Я не брала

Ряд месяцев тех денег, что так щедро
Мне были предназначены тобой
На мелкие расходы.

Аль-Гафи

Нет! И это
Еще не все!

Саладин

Не все? Так доскажи!

Аль-Гафи

С тех пор как дани нам не шлет Египет,
Она...

Зитта

Не слушай ты его!

Аль-Гафи

...не только
Не получала денег...

Саладин

...а сама
Давала мне взаймы? Ведь так?

Аль-Гафи

Расходы
По содержанью стражи и двора
Лишь ею покрывались.

Саладин
(обнимая Зитту)

Друг ты мой!
Вот какова сестра моя!

Зитта

А кто же
Дал мне возможность выручить тебя,
Кто столь богатой сделал, как не брат мой?

Аль-Гафи

И вскоре сделает такой же нищей,
Как нищ он сам.

Саладин

Я — нищ? Брат Зитты — нищ?
Когда я был бедней, когда богаче?
Кольчуга, меч и конь да бог на небе —
Все, что мне надобно, на это хватит.
И все ж, Гафи, как не корить тебя?

Зитта

Корить? За что? О, как бы я хотела
Снять груз забот и с бедного отца!

Саладин

Увы! Едва во мне взыграла радость
И тут же вновь поникла. У меня
Нет нужд и быть не может. Но его —
А с ним и нас! — следают недостачи!
Как быть? Что делать? Из Египта дани
Не шлют по-прежнему. С чего бы это?
Бог весть! Пока в Египте все спокойно.
Себе во всем могу я отказать
Без ропота и жалоб. Но себе лишь,
А не другим! Чтоб я, а не другой
Терпел нужду! Но только впрок ли это?
Кольчуга, меч и конь, хотя б один,
Нужны и мне. А с бога взятки гладки:
Он сам обходится ничтожной данью —
Моим горячим сердцем. На избытки
Твоей казны я уповал, Гафи,
До этих пор.

Аль-Гафи

Как? На избытки? Если б
Вам удалось в казне моей избыток,
То бишь утайку, обнаружить, вы же
Меня велели б на кол посадить
Иль удавить по меньшей мере!

Саладин

Худо!
Так что ж нам делать? Неужели ты
Не мог занять потребную нам сумму
На стороне, а не у Зитты?

Зитта

Разве
Я разрешила б первенство мое
Другому уступить, любезный братец?
Я и теперь на том стою. Еще я
Не вовсе на мели.

Саладин

Недоставало,
Чтобы и ты нужды хлебнула! Слушай,
Дервиш! Займи, где можешь и как можешь!
Сули любую прибыль! Лишь у тех
Не занимай, кого обогатил я;
Для них «дай в долг» звучит как «возврати».
Иди к скупцам! Они всего охотней
Дадут взаймы султану. Им известно,
Как деньги в рост пойдут в моих руках.

Аль-Гафи

Не знаю я таких.

Зитта

Совсем забыла,
И вдруг припомнилось! Сказали мне,
Что друг твой возвратился?

Аль-Гафи
(в смущении)

Друг? Мой друг?
Какой такой?

Зитта

Твой жид высокочтимый.

Аль-Гафи

Как? Мною чтимый жид?

Зитта

«Кого господь,—
Еще в ушах звучит твое реченье! —
Кого господь,— сказал ты,— наградил
Двумя благами мира: наименьшим

И наибольшим, несравнимо высшим
Из благ земных».

Аль-Гафи

Что я имел в виду?

Зитта

Под наименьшим — бренное богатство,
Под наивысшим — мудрость.

Аль-Гафи

Как? Жида,
Неверного, я к мудрым сопричислил?

Зитта

Ужель не помнишь, что ты о Натане
Мне говорил?

Аль-Гафи

Ах вот что! О Натане!
Совсем забыл, совсем... Так он вернулся
Из долгих странствий наконец? Так-так!
Его дела, поди, теперь неплохи.
Народ прозвал его Натаном Мудрым,
Да и Богатым...

Зитта

О его богатстве
Великом вся столица говорит.
Какие драгоценности, какие
Алмазы, ткани он привез!

Аль-Гафи

Вернулся
Натан богатым, мудрость не утратив.

Зитта

К нему б тебе наведаться, Гафи!

Аль-Гафи

К нему? Уж не за займом ли? Нет, тут
Найдет коса на камень! В том и мудрость
Его, что не дает взаймы.

Зитта

По прежним
Твоим рассказам судя, у меня
О нем другое мнение сложилось.

Аль-Гафи

Он разве что взаймы дает товаром —
Куда ни шло! Но де́ньгами? Никак
И нипочем! На этот счет он жид,
Допустим, лучший. Он умен, не спорю,
Умеет жить и в шахматы играет,
Как мало кто. И в добром и в худом
Он — не чета другим жидам. И все же
Нам на него рассчитывать нельзя.
На бедных он дает... Как Саладин!
Не так, быть может, много, но охотно
И не справляясь, кто ты: иудей,
Христианин, парс или мусульманин.
Он всем дает!

Зитта

И человек такой...

Саладин

Не странно ли, что я о нем не знаю?

Зитта

...не даст взаймы султану Саладину?
Тому, кто только о других печется,
Не о себе?

Аль-Гафи

На этот счет он — жид,
И самый заурядный, уж поверьте!
На подаянья так-то он ревнив
И так завистлив, что «Воздай вам, боже!»,
Звучащее по всем концам земли,
Один хотел бы слышать; потому-то
И не дает взаймы, чтоб нищей братье
Побольше перепало. Их закон
Повелевает милосердным быть,
А не угодливым. Из милосердья
Он неуслужливейшим малым стал
В подлунном мире. Я с недавних пор

С ним не в ладах. Но это не мешает
Мне справедливым быть. Он добр, отзывчив
На все людские нужды, но на это
Он *не* отзывчив. Не пойти ль мне к мавру?..
Он и богат и скуп. Иду, иду!

Зитта

Куда ты, Аль-Гафи?

Саладин

А! Пусть бежит!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зитта, Саладин.

Зитта

Не от меня ль ударился он в бегство?
Что это значит? Сам ли обманулся
В Натане он? Иль нас ввести в обман
Задумал?

Саладин

И на твой вопрос ответить
Я должен, толком даже и не зная,
О ком ты говоришь? Ведь лишь сейчас
Услышать мне впервые довелось
Об этом мудреце.

Зитта

Ужель не слышал
О человеке ты, о ком всеместно
Толкуют люди, будто он проник
К гробницам Соломона и Давида
И сокровенным словом с них сумел
Печати снять? Из тех гробниц священных
Уже не раз он изымал богатства —
Сокровища, которым равных нет.

Саладин

Допустим даже,— из гробниц, но только
Навряд ли Соломона и Давида.

Ведь не заказано ж и дуракам
Лежать в гробницах?

Зитта

А не то — злодеям!
Сказать по правде, не сыскать гробницы,
Вместившей бы сокровища Натана
Несметные.

Саладин

Он, говорят, купец?

Зитта

Его верблюды мешкотно шагают
По всем пустыням. Пристани такой
На свете нет, где не стояли б судна
Натановы. Так мне сказал Гафи,
Не уставая заверять, как щедро,
Как благородно друг его умеет
Расходовать, что он обрел трудом.
И к этому добавил: ум его
Не знает предрассудков, сердце только
К добру стремится и всегда в согласье
С присущею творенью красотой.

Саладин

Так почему ж так холодно Гафи
О друге говорил?

Зитта

Скорей — смущенно:
Боялся: то переложить похвал,
То, невзначай, превысить порицанье.
Выходит-де, и лучший из евреев
Изжить не может неприглядных черт
Своей народности. Вот Аль-Гафи
И силится стереть иные пятна,
Порочащие друга. Нам-то что?
Будь жид, как все жиды, иль их превыше,
Лишь был бы он богат! Все дело в том.

Саладин

Неужто порешила ты насильем
Его принудить?

Зитта

Что насильем звать?
Конечно, не огнем и не мечом,
А слабостью его же подобает
Бить слабого. Ну а теперь ко мне
Идем в гарем! Послушаем певицу,
Ту девочку, что я вчера купила.
Тем временем во мне созреет план,
Как провести Натана. Так идем же!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена представляет место перед домом Натана, где с ним граничит пальмовая роща.

Рэха и Натан выходят из дома. Потом с противоположной стороны — Дайя.

Рэха

Как вы замешкались, отец! Пожалуй,
Теперь вам с ним не встретиться.

Натан

Ну что ж!
Не здесь, под пальмами, так мы в другом
Проулке встретимся, уж будь спокойна!
Смотри-ка, к нам не Дайя ли спешит?

Рэха

Она. И, как всегда, ни с чем.

Натан

Как знать!

Рэха

Добилась бы чего, быстрее шла бы.

Натан

Еще она не видит нас.

Рэха

Но вот
Как будто и заметила...

Натан

И тотчас
Ускорила шаги. Но будь спокойна!

Рэха

Как быть спокойной? Как не ждать вестей
О том, кто жизнь мне даровал вторично,
Лишь тем и драгоценную, что ею
Я вам обязана? В такую дочь,
Бесчувственную, мне не превратиться!

Натан

Я не хочу, чтоб ты была иной
И в час, когда в твоем сердечке чувство
Другое зашевелится.

Рэха

Какое?

Натан

Ты спрашиваешь? У меня? Так робко?
Все, что свершается в твоей душе,
И свято и невинно. Будь спокойна!
Я за тебя нисколько не тревожусь.
Но обещай: когда сильнее сердце
В тебе заговорит, не делай тайн
Из чувств твоих.

Рэха

Мне и подумать страшно
Хоть что-то утаить от вас, отец!

Натан

Вот и договорились. И — ни слова
Об этом больше! Дайя, ты? Ну, что?

Дайя

Под пальмами — по-прежнему. Сейчас
Из-за угла появится! Глядите,
У той стены...

Рэха

Он сам, видать, не знает,
Куда идти: налево ли, направо
Иль к нам, сюда.

Дайя

Нет! Он обычно бродит
Вокруг монастыря, и нас ему
Не миновать!

Рэха

Да, так и есть! Ты с ним
Уж говорила? Как он?

Дайя

Как всегда.

Натан

Смотрите, чтоб он вас не увидал!
К стене прижмитесь! А еще надежней —
Ступайте в дом.

Рэха

Одну минутку только!
Кустарник заслонил его.

Дайя

Нет, нет!
Отец ваш прав. Он может нас заметить
И повернуть назад.

Рэха

Злодей кустарник!

Натан

Лишь выйдет он из-за живой ограды
И сразу же увидит вас. Скорее
Ступайте в дом!

Дайя

Бежим! Там есть окно,
Откуда нам все будет видно.

Рэха

Правда?

Обе скрываются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Натан, за ним храмовник.

Натан

Почти страшусь я этого чудилы,
Его суровой доблести. И надо ж,
Чтоб человека человек вогнал
В такую робость! Вот он! Ей-же-ей,
Хоть юноша, но муж уже. По нраву
Мне этот взор, и добрый и строптивый,
Осанка, поступь. Скорлупа тверда,
Ядро — едва ль. Кого он мне напомнил?
Простите, славный рыцарь!

Храмовник

Что?

Натан

Дозвольте...

Храмовник

Что, жид?

Натан

Дозвольте обратиться к вам,
Отважный франк?

Храмовник

Могу ль того избегнуть?
Но — в двух словах!

Натан

Зачем с таким презреньем
Хотите вы отвергнуть человека,
Вам верного до гробовой доски?

Храмовник

С чего бы? А! Догадываюсь! Верно...

Натан

Меня зовут Натаном. Я отец
Той девушки, что вы спасли от смерти.
Я вас пришел...

Храмовник

Благодарить? Избавьте!
Я столько претерпел уже похвал
За этот жалкий подвиг. Вы ничем
Мне не обязаны. Ведь я не ведал,
Что *вашу* дочь от гибели спасаю.
Наш долг, храмовников,— спешить на помощь
Всем страждущим и гибнущим, кому б
Беда ни угрожала. Жизнь была
И без того мне в тягость. Как охотно
За случай ухватился я: свою
Проставить жизнь, спасая жизнь другую,
Хотя бы и еврейки!

Натан

Благородно!
Да! Благородно и... мерзостно! И все ж —
Как не понять вас? Скромное величье
Спасается за мерзостным забралом
От суетных похвал. Но если вам
Так тягостна признательность людская,
Какую дань вы предпочли бы ей?
Не будь вы пленником и на чужбине,
Я не дерзнул бы, рыцарь, вас спросить,
Чем я могу сужить вам?

Храмовник

Вы? Ничем.

Натан

Но я богат.

Храмовник

Богатый жид, по мне,
Не лучший жид.

Натан

Пусть даже так. Но это
Не помешает пользоваться вам
Одним из бренных благ — моим богатством.

Храмовник

Ну, что же! Из-за этого плаща
Я не отвергну вашу дань. Как только
Мой плащ уже совсем придет в негодность,
До ниток и на лоскуты порвется,
Я к вам явлюсь и попрошу взаймы
На новый — денег пль сукна. Не хмурьтесь!
Опасность вам покуда не грозит:
Взгляните, он еще вполне пристоен.
Лишь краешек один прожег огонь,
Когда я вашу дочь сквозь дым и пламя
Из дома выносил.

Натан

Не странно ль, рыцарь,
Что это безобразное пятно
Свидетельствует громче о герое,
Чем собственный язык его? Позвольте
Прильнуть к нему. Простите! Я невольно...

Храмовник

Что?

Натан

Оросил его слезой.

Храмовник

Не важно!
Он влаги не боится. (Этот жид
Сумел-таки пронять меня!)

Натан

Могли бы
Вы этот плащ, пожаром опаленный,
Прислать и дочери моей?

Храмовник

Зачем?

Натан

Чтоб и ее уста к нему прильнули.
Мечта ее — припасть к коленам вашим,
Сдается мне, несбыточна.

Храмовник

Но, жид,—
Ведь вас зовут Натаном? Но, Натан,
Вы говорили так... умно, так метко...
Я с толку сбит!.. Конечно... Я бы мог...

Натан

Какой бы маской вы ни прикрывались,
Я понял все. Вам доброта, вам честь
Не разрешили поступать иначе:
Спасенная — полудитя, служанка —
Потворщица, отец — далече. Вы
О добром имени ее радели,
Бежали, чтоб не победить. За это
Я вам вдвойне обязан.

Храмовник

Признаюсь,
Вам ведомо, как мыслить надлежало б
Храмовникам.

Натан

Храмовникам одним?
И только «надлежало б», ибо так
Устав велит? Мне ведомо другое:
Как думать должен честный человек,
А много их живет в подлунном мире.

Храмовник

Но все-таки — различных?

Натан

О, конечно!
По платью, стати и по цвету кожи.

Храмовник

Но в той стране их больше, в этой меньше?

Натан

Различие не столь большой руки:
Великий муж нуждается в просторе;
Расти они погуще, так один

Другому ветви поломал бы. В нас же,
Не столь великих, недостачи нет.
Нам не пристало брезговать друг другом!
Чтоб шишка перед почкой не кичилась,
Верхушке не казалось, что она
Не вскормлена землей, как всё на свете!

Храмовник

Прекрасно! Но уж вам ли не знаком
Народ, что первый изо всех вот эту
Брезгливость в мир привнес, себя хвастливо
Провозгласивши избранным народом?
Натан! Я ненависти не питаю
К народу вашему, но не могу
Не презирать его гордыни, нами
Воспринятой и миром мусульманским:
«Лишь наш господь есть истый бог!»
Вам странно,
Что я, храмовник, это говорю?
Но где, когда слепое изуверство
С таким свирепым рвением решалось
За веру биться в «бога своего»,
Провозглашать *его* лишь истым богом,
Навязывать его другим народам?
Когда и где такое ослепленье
В столь черном облике себя являло,
Как не сейчас и здесь? Ужель повязка
Не упадет с прозревших глаз людских?
Но смотрят и не видят! Позабудьте,
Что я вам говорил... Прощайте!
(Хочет уйти.)

Натан

Нет!
Теперь-то я и не оставлю вас.
О, будемте друзьями! Презирайте
Народ мой, сколь угодно. Мы себе
Его не выбирали. Я и вы —
Не наш народ еще. Народ — что значит?
Жид иль христианин не в той же ль мере
И человек? О, если б я нашел
В вас мужа, что довольствуется быть
Лишь человеком!

Храмовник

Вы нашли его.
Вот вам рука моя! Как я стыжусь,
Что вас, Натан, не опознал я сразу!

Натан

А я горжусь, напротив! Лишь в обычном
Нетрудно разобраться.

Храмовник

Лишь о редком
Нетрудно помнить вечно! Мы должны,
Должны, Натан, друзьями стать!

Натан

А разве
Мы не друзья? Как Рэха будет рада!
Какие дали дивные открылись
Моим глазам! Но повидайтесь с ней.

Храмовник

Сам не дождусь свиданья! Кто бежит
Из дома вашего? Не Дайя ль это?

Натан

Да... И в таком испуге!

Храмовник

С нашей Рэхой
Чего бы не стряслось?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Дайя.

Дайя

Натан!

Натан

Ну, что?

Дайя

Уж вы простите, благородный рыцарь,
Что я вам помешала.

Натан

Ну?

Храмовник

В чем дело?

Дайя

Султан прислал за вами. Он желает
Вас видеть! Боже упаси!

Натан

Меня?
Султан? Он, верно, хочет посмотреть,
Что я привез. Скажи, товар-де прибыл,
Но я его еще не разгрузил.

Дайя

Не о товарах речь! Он хочет с вами
Поговорить лицом к лицу, и тотчас!

Натан

Ступай! Скажи, что я к нему иду.

Дайя

Не обессудьте, благородный рыцарь,
Но — видит бог! — мы в страхе и сомненьях.
Что вздумалось султану?

Натан

Вот узнаем.
Ступай себе, ступай!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Натан и храмовник.

Храмовник

Так, значит, с ним
Вы не встречались раньше?

Натан

С Саладином?
Я не искал и не бежал с ним встречи.
Молва о нем так хороша, что ей
Хотелось верить, а не дознаваться,
Верна ль она. Теперь — другое дело!
Кто б ни был он, но он вернул вам жизнь...

Храмовник

Вы правы! Жизнь, которой я живу,—
Его подарок.

Натан

Мне же Саладин
Две жизни, нет, три жизни подарил.
Все изменилось между ним и мною:
Он приковал нерасторжимой цепью
Меня к себе; как ревностный слуга,
Жду не дождусь я первого приказа
Из уст его. Всем жертвовать готовый,
Не откажусь признаться я и в том,
Что из-за вас я стал ему слугою.

Храмовник

Благодарить его я не успел,
Хоть часто на пути ему встречался.
Мгновенно чувство жалости ко мне
В нем вспыхнуло, чтоб тут же и погаснуть.
Как знать? Быть может, он забыл меня...
Но должен будет вспомнить хоть однажды
И обо мне, чтоб навсегда решить
Судьбу мою. Мне мало сознавать,
Что я живу по воле Саладина,
Мне хочется услышать от него,
Чьей воле я покорствовать обязан.

Натан

Вы правы. Но, простите, я иду,
И тем охотней, что, быть может, случай
Позволит мне за вас замолвить слово.
Так до свиданья! Вы когда хотели б
Нас посетить?

Храмовник

Назначьте день и час.

Натан

Мы рады вам всегда.

Храмовник

Еще сегодня.

Натан

Позвольте же узнать мне имя ваше?

Храмовник

Мое?.. Я — Курд... А звался Курд фон Штауфен.

Натан

Фон Штауфен?.. Штауфен?..

Храмовник

Чем же это имя
Так удивительно?

Натан

Его носило
Немало рыцарей...

Храмовник

О да! Немало
Их тлеет здесь, в земле обетованной,
Мой дядя... Мой отец, хотел сказать я...
Но отчего так пристально ваш взор
Ко мне прикован?

Натан

Ни с чего! Не в силах
Я наглядеться досыта на вас.

Храмовник

Не лучше ли мне первому уйти?
Пытливый взгляд нередко открывает
Нам больше, чем хотелось бы узнать.

Й я... страшусь его! Пусть неприметно
Нас время сблизит, а не любопытство.
(Уходит.)

Натан

«Пытливый взгляд нередко открывает
Нам больше, чем хотелось бы узнать».
Как будто он в душе моей читал,
Как будто он проник в мою догадку!..
Не только стать, не только голос Вольфа,
Его осанка, поступь, так же гордо
И голову закидывает он,
И опирается на меч. Как Вольф,
Ладонью брови заслоняет, словно
Огонь скрывая взора своего...
Как образы былого, долго дремля
На дне души, нежданно оживают
От слова, вдруг прорезавшего мглу!
Фон Штауфен! Да, Фильнек и Штауфен! Точно.
Ну, а пока — к султану! Кто там в прятки
Со мной играет? Дайя, не таись!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дайя, Натан.

Натан

Ну, что? Так ведь и знал: отнюдь не встреча
Моя с султаном, а совсем другое
Покою не дает вам.

Дайя

Нас за это
И осудить нельзя. Едва он начал
Доверчивее с вами говорить,
Как скороход нагрянул, и пришлось
Нам от окна уйти.

Натан

Скажи ей только:
Пусть ждет его с минуты на минуту!

Дайя

И это верно?

Натан

Дайя! На тебя
Могу я положиться? Будь разумна
И осмотрительна. Не подведи меня!
Ты в этом не раскаешься, поверь,
И с совестью своею примиришься.
Одно лишь: не нарушь моих расчетов
Да не вдавайся в лишние расспросы
И россказни!

Дайя

Уж я не подведу,
Могли бы знать! Ступайте к Саладину!
Никак, второй гонец к вам от султана?
Дервиш, никто другой — ваш Аль-Гафи.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Натан, Аль-Гафи.

Аль-Гафи

Ха! Ха! Ха! Ха! Опять я к вам явился!

Натан

Но что за спешка? И с чего меня
Он видеть хочет?

Аль-Гафи

Кто?

Натан

Да Саладин.
Иду, иду!

Аль-Гафи

К кому? К султану?

Натан

Разве
Не он тебя прислал?

Аль-Гафи

Ей-богу, нет!
А был уж кто-то послан?

Натан

Был, конечно.

Аль-Гафи

Так я и знал!

Натан

Что знаешь, расскажи!

Аль-Гафи

Но я не виноват, клянусь пророком!
Что только я не врал о вас, что только
Им не наплел, чтоб отвратить беду!

Натан

Беду?

Аль-Гафи

Ведь казначей-то вы отныне.
Как мне ни жаль вас, но глядеть на это
Мне невтерпеж! Нет, я уйду! Куда,
Вы слышали. Дорога вам известна.
Есть поручения ко мне? Скажите!
Исполню все. Одно лишь: почта ваша
Была б в подъем дервишу-голяку!
Но поскорей!

Натан

Опомнись, Аль-Гафи!
В уме ли ты? Я ничего не знаю.
О чем ты там бормочешь?

Аль-Гафи

И кошель
С собой захватите?

Натан

Кошель?

Аль-Гафи

А как же!
Да не пустой, а золотом набитый,
Чтоб дать взаймы и выручить султана?

Натан

И только-то?

Аль-Гафи

А мне глядеть на то,
Как Саладин разденет и разует
Вас донага? Как этот вертопрах
Начнет тащить из тучных закромов
Добро, которым ваше милосердье
Злосчастных нищих прежде наделяло?
Тащить день изо дня, и все-то в долг,
Пока не сдохнут мыши с голодухи?
Иль вы воображаете, что тот,
Кто ваши деньги взял, к советам вашим
Прислушиваться будет? Не надейтесь!
Когда внимал советам Саладин?
Подумайте, Натан, что приключилось
Со мной всего лишь час назад.

Натан

А что?

Аль-Гафи

Пришел я к Саладину. Он признал
Победу за сестрой — играет Зитта
Недурно в шахматы. А на доске
Игра, никем не тронута, стояла.
И вот я вижу, что она еще
Не кончена — султан не посрамлен,
Как он считал.

Натан

Вот для тебя находка!

Аль-Гафи

Ему бы только пешкою прикрыться
В ответ на Зиттин «шах»! Дадите доску,
Так покажу...

Натан

Да я и так поверю.

Аль-Гафи

А вслед за тем пойти ладьей — и Зитте
Была бы крышка! Я его зову,
Хочу все толком разъяснить. А он —
Подумайте!..

Натан

С тобой не согласился?

Аль-Гафи

И слушать не хотел! Махнул рукой
И всю игру рассыпал.

Натан

Быть не может!

Аль-Гафи

«Я, говорит, хочу, чтоб был мне мат!»
Ну, как, по-вашему? Игра ли это?

Натан

Нет! Разве лишь — игра в игру.

Аль-Гафи

Играли
Они, чай, не на фуники!

Натан

Что — деньги!
Не в деньгах суть! А в том, что он тебя
И слушать не хотел! В таком вопросе
Первейшей важности не посчитался
С твоим советом! И орлиным взглядом
Твоим не восхитился! Вот в чем суть!
Вот что взывает к грозному отмщенью!

Аль-Гафи

А!.. Бог с ним! Я хотел лишь пояснить,
С какой башкой упрямой вы связались.
Нет, с ним якшаться мне невмоготу!
Таскайся день-деньской по грязным маврам
И вопрошай: «Дадите ль нам взаймы?»
И это — я, кто ввек не побирался,
Хожу и в долг прошу для Саладина!
А в долг просить, по мне, ничуть не лучше,
Чем побираться; как ничуть не лучше,
Чем воровать, с лихвой давать взаймы.
Нет я уйду! А там, в долине Ганга,
Всю эту скверну смою! И не буду
Для смрадных дел орудием покорным!
Там только встречусь я с людьми! А здесь
Лишь вы один у вод священных Ганга
Достойны жить. Пошли бы вы со мной!
Швырнули бы ему свои богатства!
Он все равно очистит вас дотла.
Не лучше ль сразу сбагрить этот хлам,
Чем день за днем? Я и далáк дервиша
Вам раздобуду... Ну?

Натан

Сдается мне,
Все это не уйдет от нас. Дай срок
Обдумать только! Потерпи!

Аль-Гафи

Обдумать?
Тут нечего обдумывать!

Натан

Дай только
Домой вернуться от султана!..

Аль-Гафи

Кто
Обдумывает, тот предлога ищет
Не разрубить узла! Кто напролом
Не рвется к цели, раб других навеки!
Живите, как хотите! Будьте здравы!
Мой путь туда пролег, а ваш — сюда.

Натан

Гафи! Ведь ты и сам еще отчета
Султану не представил.

Аль-Гафи

Ерунда!
В моей казне — хоть покати шаром.
А счеты вы заверите да Зитта.
Прощайте же!
(Уходит.)

Натан
(ему вслед)

Да, счеты я заверю,
Мой дикий, добрый — как еще назвать?
Лишь истый нищий в мире истый царь!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет комнату в Натановом доме.
Рэха и Дайя.

Рэха

Как мой отец велел сказать? «Пусть ждет
Она его с минуты на минуту!»
Не правда ль, Дайя, это значит: скоро
Он будет здесь? А сколько их уже
С тех пор, минут постылых, набежало!
Но почему мне думать об ушедших?
Я буду каждой из грядущих жить!
В одну из них он все-таки придет!

Дайя

А все злосчастный вызов к Саладину!
Не будь напасти этой, так Натан
Его давно привел бы.

Рэха

А придет
Минута эта, сбудется мечта,
Исполнится заветное желанье,—
И что тогда? Потом-то что?

Дайя

Потом?..
Потом, надеюсь, и мое желанье
Горячее исполнится.

Рэха

А чем
Заполнить пропасть в опустевшем сердце,
Отвыкшем жить без брезжущей мечты,
Без тайного желания? Ничем!
Как страшно это!..

Дайя

Пусть *моя* мечта
Тогда в твоем сердечке утвердится —
Мое желанье: знать, что ты живешь
В Европе, средь людей, тебя достойных.

Рэха

Ну что ты говоришь? Твое желанье
Как может стать когда-либо моим?
Тебя к себе не родина ль зовет?
А мне пришлось бы с нею расставаться.
Ужели тени родичей твоих,
В душе едва клубящиеся зыбко,
Осилят тех, кого я вижу, слышу,
К кому рукой притронуться могу?
Подумай только!

Дайя

Как ты ни упрямься,
А не уйдешь от божьего перста!
Что, если твой спаситель предназначен
Благоволеньем бога своего,
За коего он бился, возвратить
Тебя стране, тем людям, для которых
Ты рождена на свет!

Рэха

Ах, Дайя, Дайя!
Опять ты за свое, родная Дайя?
Диковинны понятия твои!
Как ты сказала? «Бога *своего,*
За коего он бился»? Что за бог,
Который бы принадлежал кому-то
И за кого нам с кем-то биться надо?
Кто знает, для какого он клочка
Земли рожден, когда не для того,
Где он родился? Что отец сказал бы,
Услышавши тебя? В чем виноват
Он пред тобой, что ты сулишь мне счастье
Лишь от него вдали? Зачем зерно
Чистейшее отцовых поучений
Ты тщишься сорняками заглушить
Или цветами родины твоей?
О Дайя милая, отец не хочет,
Чтобы твои роскошные цветы
В моем произрастали вертограде.
Я и сама не раз уж замечала:
Как бы они ни красили мой сад,
Он чахнет, глохнет от твоих цветов.
Их запах кисло-сладкий! Он дурманит,
Он голову кружит мне... Твой-то мозг
Давно привык к нему, и за такую
Выносливость тебя я не корю.
Но мне он вреден. Вот хотя б твой ангел!
Из-за него я чуть не помешалась.
Я и сейчас перед отцом краснею
За глупость эту!

Дайя

Глупость? Будто ум
У вас одних лишь дома? Глупость! Глупость!
Могла б я говорить!

Рэха

А разве — нет?
Когда же я вся в слух не превращалась,
Лишь только начинала ты рассказ
О мучениках ваших; не дивилась
Их стойкости, подвижничеству их;

«Натан Мудрый»
Действие третье, явление седьмое.

Без слез не слушала об их мученьях?
Не их вероученьем я пленилась,
Не в нем их подвиг видела великий,
Но тем охотней слышала о том,
Что близость к богу вовсе не зависит
От суемудрых вымыслов людских.
Все это и отец нам говорил.
И ты с ним соглашалась, помнишь, Дайя?
Зачем же ты теперь колеблешь зданье,
Что с ним же строила? Но, друг мой Дайя,
Уместно ли, скажи, такой беседой
Встречать нам гостя? Хоть не безразлично
Мне знать, как *он* об этом... Слышишь, Дайя?
Не он ли там, у двери нашей?.. Слышишь?
О, кабы он!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рэха, Дайя и храмовник, перед которым кто-то распахивает двери со словами:

Теперь идите прямо!

Рэха
(вздрагивает, но тут же овладевает собой и хочет пасть к его ногам)

Он! Мой спаситель!

Храмовник

Чтоб того избегнуть,
Так медлил я, и все же...

Рэха

Я хочу
Пасть ниц пред гордым этим человеком,
Чтоб не его благодарить, а бога.
Спесивец в благодарности моей
Нуждается не больше, чем ведро
С водою, что так славно потрудилось
Тогда же, при тушении пожара:
Давало наполнять и выливать
Себя — кому-то там — попеременно.

Вот так и этот гордый муж! И он
Был брошен кем-то в пышущее пламя.
Тут я ему случайно подвернулась,
Случайно же ему попала в руки,
Как искорка на белый плащ его,
Покуда — уж не знаю что? — опять нас
Не выбросило из огня. За что ж тут
Благодарить? В Европе, говорят
Вино войска на приступ поднимает.
Храмовники *должны*-де всех спасать,
Как псы высокой выучки добычу
Брать из пруда, а надо — из огня.

Храмовник

(изумленно и с возрастающей тревогой ее слушавший)

О Дайя, Дайя! Если я в минуты
Отчаянья, уныния с тобой
Несдержан был, зачем же повторять
Любую глупость, что с моих гневливых
Срывалась губ? Как мстительна ты, Дайя!
Прошу тебя, сложи свой гнев на милость
И будь заступницей моей!

Дайя

Мне, рыцарь,
Сдается, эти терния, что вы
Вонзали в сердце ей, вас не поранят,
Ее сочувствия вас не лишат.

Рэха

Как, рыцарь? Вас отчаянье снедало?
Вам было легче жизнью поступиться,
Чем так страдать?

Храмовник

О доброе дитя!
О милая! Душа решить не может:
Глядеть на вас иль слушать? Нет! Такою
Та девушка, что спас я, не была.
Иначе каждый бросился бы в пламя,
Меня не дожидаясь!.. Но испуг
Лицо любое может исказить...

Пауза. Он весь погружается в ее созерцание.

Рэха

Вы ж для меня всегда такой, кем были...

Снова пауза. Чтобы вывести его из оцепенения, она продолжает.

Скажите, рыцарь, где вы пропадали
Все эти дни? И я прибавлю: где вы
Теперь витаете?

Храмовник

Наверно, там,
Где мне не быть бы лучше...

Рэха

Ну — а раньше?
И раньше — там, где лучше б вам не быть?
Нехорошо!

Храмовник

Где раньше был я? Раньше —
На... как его? Синае.

Рэха

На Синае?
Вот чу́дно! Есть теперь кого спросить,
А верно ли...

Храмовник

...что сохранилось место,
Где Моисей, как говорят, стоял
Пред ликом господа?

Рэха

Я не о том!
Где б он ни встал, стоял он перед богом,
Об этом я наслышана. Но верно ль —
Вот я о чем хотела вас спросить,—
Что на Синай подняться многим легче,
Чем вновь с него спускаться? Мне всегда,—
А я в горах не раз уже бывала,—
Казалось, что совсем наоборот.
Так как же? Что ж вы, рыцарь, отвернулись?
Смотреть наскучило?

Храмовник

Чтоб лучше слушать.

Рэха

Сказали б прямо, чтобы скрыть насмешку
Над простотой моей, над тем, что я
Умней чего придумать не могла
Для разговора о горе священной,
Горе всех гор! Не так ли?

Храмовник

Нет, не так!
Уж я-то буду вам в глаза смотреть,
Но вам их — в свой черед — пришлось потупить.
Вы улыбнулись мне! И тем ясней
Признались в том, что я хотел бы слышать
Из ваших уст. Но вы теперь умолкли...
О Рэха, Рэха! Как же был он прав,
Сказав тогда: «Лишь повстречайтесь с ней!»

Рэха

Кто? И кому?

Храмовник

«Лишь повстречайтесь с нею!» —
Мне ваш отец сказал.

Дайя

А я того же
Не говорила вам?

Храмовник

Но где же он,
Где ваш отец? Неужто у султана?
С тех самых пор?

Рэха

Наверно.

Храмовник

Быть не может!
Как я забывчив! Нет, едва ли он
У Саладина... Верно, ждет меня

У монастырских врат... Конечно, ждет!
Мы так с ним и условились. Простите!
Сейчас я с ним вернусь.

Дайя

Останьтесь, рыцарь!
Зачем вам беспокоиться? Сыщу!

Храмовник

Да нет же, нет! Меня он ждет, не вас.
К тому же он легко — что не бывает? —
Мог и в беду попасть!.. Султана вы
Не знаете... Глядишь, и не потрафишь!
Поверьте мне, ему грозит опасность!
Нет, медлить мне никак нельзя!

Рэха

Опасность?

Храмовник

Да, да! Ему, и мне, и вам — коль скоро,
Не тотчас я уйду!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Рэха и Дайя.

Рэха

Подумать только!
Пришел и вдруг — сбежал! Что это значит?
Ума не приложу!

Дайя

Уж вы поверьте —
Отличная примета!

Рэха

Ты о чем?

Дайя

Вскипело сердце, вот он и боится,
Что пена через край перебежит.
Теперь — черед за вами.

Рэха

Что такое?
И ты загадки задаешь?

Дайя

Приспела
Пора воздать ему за все мученья.
Пусть он теперь помучится, глупец!
Но мой совет: не будьте слишком строги!

Рэха

В толк не возьму, о чем ты говоришь.

Дайя

Неужто вы уже совсем спокойны?

Рэха

Спокойна? Да, спокойна.

Дайя

Хоть признайтесь,
Что любы вам страдания его,
Что в них-то вы свое и почерпнули
Спокойствие?

Рэха

Опять не понимаю!
Все, в чем тебе могла б признаться я,
Так разве в том, что даже странно мне,
Как после стольких бурь внезапно в сердце
Такая тишь могла восстановиться...
Вся стать его, его повадки, речь
Меня...

Дайя

Насытили?

Рэха

Я б не сказала!
Насытиться я ими не могла...

Дайя

Но первый голод все же утолили?

Рэха

Да, если хочешь...

Дайя

Вовсе не хочу!

Рэха

Он будет вечно дорог мне! Дороже
Всего на свете! Но теперь — увы! —
При имени его не участится
Биенье сердца, не отхлынет кровь
От щек, когда я вспомню ненароком
О рыцаре. Но что ж я разболталась?
Пойдем-ка лучше, милая, к окну,
Где мы тогда стояли.

Дайя

Значит, все же
Сердечный голод так и не утих?

Рэха

Теперь я и на пальмы погляжу,
Не только на него.

Дайя

Сердечный холод,
Быть может, жар сердечный предвещает?

Рэха

Нет! Я не холодна. Но трезвым взором
Смотреть на мир не менее отрадно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена представляет приемный зал во дворце Саладина.
Саладин и Зитта.

Саладин
(при входе говорит в открытую дверь)

Как только жид придет, ввести сюда!
Он, видимо, не склонен торопиться.

Зитта

Гонец Натана дома не застал.
Не горячись!

Саладин

Сестра! Сестра!

Зитта

Ты прямо —
Как перед боем!

Саладин

И притом с оружьем,
Которым я сражаться не обучен.
Я должен притворяться, страх внушать,
Рыть волчьи ямы и ловушки ставить.
Пристало ль это мне? Где и когда
Я этому учился? И во имя
Чего все это? Чтоб побольше денег
Нам выжать из сробевшего жида.
И ради этой мелочной победы
Пускаться мне на мелочные плутни!

Зитта

Но если мелочь мелочью считать,
Она отмстит сторицей!

Саладин

Да, к несчастью!
Но если этот жид и впрямь тот самый
Достойный, мудрый муж, каким дервиш
Его изображал когда-то?

Зитта

Что же!
Беды я в том не вижу. Ведь петлю
Готовишь ты лукавому, скупому,
Трусливому жиду — не мудрецу,
Не праведнику божью. Этот другом
Нам будет и без западни. Послушать,
Как поведет он речь,— прелюбопытно!
Одним ли сокрушительным ударом
Расставленные сети он порвет
Иль обойдет ловушку стороною —
Все будет интересно! Все тебя
Порадует! Не так ли?

Саладин

Это верно.
Надеюсь, так и будет.

Зитта

А тогда,
Чего же нам смущаться? Если ж он —
Один из дюжинных умов и только
Жид средь других жидов, пред ним, мой брат,
Стыдиться нечего предстать таким,
Какими всех считает он. Напротив,
Кто добродетелен, того болваном
И дурнем он сочтет.

Саладин

Выходит, значит,
Нам нужно дурно поступать, чтоб дурно
Дурной о нас не думал?

Зитта

Что дурным
Считать? Ужель сноровку: каждой вещи
Сыскать достойнейшее примененье?

Саладин

Таков ваш женский ум! Что ни измыслит,
Он тут же приукрасит.

Зитта

Приукрасит?

Саладин

Боюсь я только, как бы не сломалась
В моей ладони хрупкая вещица.
Задуманное столь хитро и тонко
С не меньшей ловкостью исполнить надо.
Но будь что будет! Спляшем, как умеем!
По мне, чем хуже, тем оно и лучше,
Не обессудь!

Зитта

Не скромничай, мой друг!
Я за тебя готова поручиться.
Всегда вояки храбрые хотят
Уверить нас, что лишь мечом одним
Они вершин достигли бранной славы.
Конечно, льву травить лисиц зазорно,
Но он не хитрости — лисы стыдится.

Саладин

Всегда-то бабам любо низвести
Мужчину до себя! Ступай отсюда!
Я вызубрил урок свой наизусть.

Зитта

Как? Мне уйти?

Саладин

Ты думала остаться?

Зитта

Нет, не остаться, а... сюда поближе...
Пристроиться.

Саладин

Чтобы подслушать нас?
Нет, нет, сестра! Не то я оробею!
Прочь, прочь! Уж занавес шуршит!.. Он — здесь!
И уходи подальше! Я проверю.

Она уходит в небольшую дверь, в другую входит Натан.
Саладин садится в кресла.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Саладин и Натан

Саладин

Поближе, жид! Нет, ближе! Вот сюда!
Не бойся!

Натан

Пусть враги тебя страшатся!

Саладин

Тебя зовут Натаном?

Натан

Да.

Саладин

И Мудрым?

Натан

Нет.

Саладин

Сам не скажешь так. А твой народ?

Натан

Возможно.

Саладин

Ты меня не заподозришь
В презрении к людской молве: давно уж
Надеялся я повстречаться с тем,
Кого народ счел мудрым.

Натан

Не в насмешку ль?
В народе «мудрый» все равно что «умный»,
А умный — тот, кто выгоды свои
Блюдет усердней, чем другие люди.

Саладин

Те выгоды — в твоих глазах — презренны?

Натан

По их воззреньям, всех умнее тот,
Кто всех корыстней. Тут и ум и мудрость —
Что в лоб, что по лбу.

Саладин

Ты лишь подтверждаешь,
Что хочешь опровергнуть. Пусть народ
Не знает высшей выгоды своей,
Но ты-то знаешь иль узнать стремишься
По меньшей мере. Много дум продумал,
А этого достаточно, чтоб мудрым
Тебя считать.

Натан

Кто из людей премудрым
Не мнит себя?

Саладин

Нет! Побоку смиренье!
Довольно сладких слов! Где трезвый разум
К ответу призван, их навал мне гадок!
(Вскакивает.)
Но обратимся к сути! Только, жид,
Будь откровенен! Не виляй!

Натан

Султан,
Я услужу тебе! И так усердно,
Что ты других поставщиков забудешь.

Саладин

Услужишь? Чем?

Натан

Ты лучшее, поверь,
Изо всего, чем я богат, получишь
По самым сходным ценам.

Саладин

Ты о чем?
О тряпках? Так иди к сестре-мотовке!

(Подслушиваешь? Вот и получила!)
А я с купцами не имею дел.

Натан

Так ты, наверное, услышать хочешь,
Что я в пути-дороге разузнал
О происках врага, а он опять
Зашевелился... Если без утайки...

Саладин

И к этой цели я отнюдь с тобой
Плыть не намерен. Я о том наслышан
Достаточно...

Натан

Приказывай, султан!

Саладин

Я в наставлении твоем нуждаюсь
Совсем другом. Ты — по всему — мудрец.
Так уж поведай мне: какая вера,
Какой закон тебя своею правдой
Всех более пленил?

Натан

Султан, ты знаешь,
Я — иудей.

Саладин

А я — так мусульманин,
А тот — христианин. Из этих трех
Вероучений может лишь одно
Быть истинным. Разумный человек
Стоять не будет там, куда случайность
Рождения закинула его.
А если будет, то по убежденью,
На прочном основанье. Так скажи
Мне — на каком? Дай в доводы проникнуть,
Которые я взвесить не успел
За недосугом. Дай мне выбор твой
Без соглядатаев проверить толком,
Чтоб я пришел к тому же. Ты смущен?

Ты смотришь с недоверием? Пожалуй,
Я первый из султанов, кем причуда
Такая овладела, хоть она
С достоинством султана не в разладе.
Не так ли? Почему же ты молчишь?
Иль дать тебе минуту на раздумья?
Даю! (Хотел бы я узнать, довольна ль
Моею речью Зитта?) Поразмысли!
Но — побыстрей! И я вернуться тоже
Потороплюсь.
(Выходит в ту же дверь, в какую вышла Зитта.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Натан один.

Натан

Гм, гм! Разодолжил!
Сумел задачку выбрать! Я-то думал,
О займе речь пойдет, ан нет — о правде!
Подай ее наличными, по счету!
Как будто правда — горсточка монет.
И хоть бы древних, весовых — все легче!
Нет, новеньких, какие на базаре
Берешь по выбитой на них цене.
А кто определит, что стоит правда?
Как золотом мешок, так правдой череп
Хотел бы он набить. Кто жид из нас?
Я или он? А если... если правду
Взаправду он не ищет, а ее
В ловушку обратил? Как мелок я
В моем предположенье боязливом!
А впрочем, что не мелко для великих?
Я чую, сердцем чую: он ворвался
Как тать в мой дом! Друг так не поступает:
Он постучится, прежде чем войти.
Будь начеку! На страже будь! Но — как?
Столпом быть иудейства — здесь не к месту,
Вероотступником — еще опасней!
Вот тут-то он и спросит: «Коль не жид,

Зачем не мусульманин?» Что ответишь?
Нашел решенье! Не одних детей
Мы кормим сказками. Теперь пусть входит!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Саладин и Натан.

Саладин

(Так! Поле чисто!) Или слишком скоро
Я возвратился? Все ли ты обдумал?
Ну что ж, начни! Никто нас не услышит —
Лишь ты да я.

Натан

По мне, хоть целый мир —
Мне все равно.

Саладин

Так в правоте своей
Уверен ты? Похвально! Вот что значит —
Быть мудрецом! И жизнь и достоянье,
И кровь и кров, как то и быть должно,
Готов ты правде в жертву принести.

Натан

Да, ради вящей пользы, если надо.

Саладин

Отныне, значит, я носить по праву
Свой титул буду «Устроитель мира
И ратоборец правды»?

Натан

Славный титул!
Но прежде, чем довериться тебе,
Дозволь, султан, развлечь тебя мудреным
Одним рассказом?

Саладин

Почему бы нет?
Всегда охотно я внимал рассказам
В искусном исполненье.

Натан

Не такой уж
Искусник я рассказывать.

Саладин

Довольно
Смиренно-гордых слов! Так начинай!

Натан

В седую старину жил человек.
Был перстень у него с бесценным камнем —
Дар женщины, им некогда любимой.
Опал, мерцавший пестрыми лучами,
Таинственною силой обладал:
Кто с верою носил его, всегда
Угоден был и господу и людям.
Так диво ли, что человек с Востока
Ни днем, ни ночью с ним не расставался
И завещал заветное кольцо
Хранить из века в век своим потомкам?
В предчувствии конца он отказал
Свое кольцо любимейшему сыну
И повелел, чтобы оно и впредь
К любимейшему сыну отходило
И обладатель перстня, невзирая
На право первородства, был главой
И властелином княжеского рода.
Султан, ты понял?

Саладин

Да. Но продолжай!

Натан

Итак, от сына к правнукам кольцо,
Из века в век переходя, досталось
Отцу трех сыновей. Они все трое
Ему покорны были в равной мере

И в равной мере были им любимы,
Как он ни проверял себя. Порой
Случалось, правда, что ему казался
То старший сын, то средний, то меньшой,
Ну, словом, тот, с кем был он с глазу на глаз,
Достойней прочих; почему он всем
По слабости кольцо и обещал.
Но время шло, грозя секирой смерти,
А любящий отец все не решался
Двух сыновей достойных оскорбить
Отменой обещанья. Что ж тут делать?
Он мастера велел тайком позвать
И поручил ему по образцу
Заветного кольца два изготовить
Таких же в точности, как то, на них
Ни денег не жалея, ни усилий.
Искуснику работа удалась
На славу! Их не мог и сам заказчик
Хоть в чем-то друг от друга отличить.
Вот радость-то! Старик позвал поврозь
Трех сыновей, и каждому кольцо
Вручил такое же. Вручил и умер.
Ты слушаешь, султан?

Саладин
(в смущении отвернувшись)

Да, да! Однако
Кончай-ка сказку!

Натан

Я ее окончил.
Что было дальше, ясно. Лишь отец
Закрыл глаза, как каждый кольценосец
Провозгласил себя главою рода.
Тут вспыхнула вражда: пошли попреки,
Проклятья, обвиненья! Доказать,
Чей перстень настоящий, было тщетно...

Пауза — в ожидании того, как на эту притчу откликнется Саладин.

Почти столь тщетно, как установить,
Где истинная вера.

Саладин

Это все,
Что мне должно служить ответом?

Натан

Нет,
Лишь — в извинение тому, что этих
Я трех колец не в силах различить.
Они отцом и были для того
Заказаны, чтоб их не различали.

Саладин

Что — кольца! Не шути со мной! Те три
Религии, что я тебе назвал,
Сдается, даже очень различимы,
Вплоть до питья, и пищи, и обрядов.

Натан

Но только не по их обоснованью!
Основа их преданием крепка,
Где устным, где, напротив, летописным.
Приходится принять его на веру
С благоговеньем детским. Разве — нет?
Кому ж мы верим на слово охотней,
Чем прочим всем? Не родичам ли нашим,
Чья кровь течет и в нас, кто с детских лет
Нас осенял любовью и заботой
И никогда нас не вводил в обман
Иль разве лишь для нашего же блага?
Могу ль я праотцам моим не верить,
Как ты — своим? Иль требовать, напротив,
Чтоб предков ты изобличал во лжи
Моим в угоду иль в угоду предкам
Христианина? Мыслимо ли это?

Саладин

(Он прав! Он прав! Живым клянуся богом!
Я должен смолкнуть.)

Натан

Но дозволь вернуться
Нам к нашим кольцам. Сыновья пред креслом
Судьи предстали. Каждый поклялся,
Что непосредственно из рук отцовых
Принял кольцо. Да так оно и было!
Давно уже отец-де обещал
Ему кольцо и связанные с оным
Великие права. И это было
Не в меньшей мере правдой! Де не мог
Отец его обманывать,— так каждый
Не уставал твердить. Скорее близких
Он в плутнях заподозрит, хоть и в братьях
Он прежде никогда не замечал
Коварства иль измены; он-де хочет
Изменника сыскать и покарать.

Саладин

Ну а судья? Хотелось бы услышать,
Что ты судью заставишь говорить.

Натан

Судья сказал: когда не приведете
Вы тотчас же отца, покиньте тут же
Судилище. Иль думаете вы,
Что я разгадчиком сюда поставлен?
Иль ждете, что кольцо заговорит?
Но, стойте! Слышал я, кольцо имеет
Таинственную силу привлекать
Благоволенье господа и смертных
К владельцу своему. Вот в чем разгадка!
Ведь силы этой нет в поддельных кольцах.
Так кто ж из вас всех более любим
Двумя другими братьями? Ответьте!
Молчите? Значит, кольца-то вовне
Не действуют, сердец не привлекают?
И каждый, знать, себя всех больше любит?
Обманутый обманщик всяк из вас!
Все три кольца поддельны. А кольцо
Заветное, должно быть, потерялось,
И потому-то ваш отец велел
Три изготовить новых.

Саладин

Бесподобно!

Натан

Итак, сказал судья, коль вам не мой
Совет, а только приговор угоден,
Ступайте! А совет мой: отнестись
К событию, как должно. И поскольку
Все сыновья из рук отца приняли
Кольцо, пусть верит каждый, что оно
Заветное. Возможно, что родитель
Не пожелал терпеть в своем роду
Засилие кольца, и достоверно,
Что он вас всех любил без исключенья —
Не захотел двух сыновей своих
Обидеть ради третьего. Так пусть же
Все, как один, отважатся любить
Друг друга бескорыстно и свободно!
И каждый пусть старается волшбу
Кольца заветного сам приумножить
И кротостью, и праведною жизнью,
И благодетельной ко всем любовью
В сознании служенья божеству.
И если через тысячу годин
Себя таинственная сила камня
Не перестанет проявлять, так я
Вас приглашу на суд. На кресле этом
Воссядет судия меня достойней.
Так рек судья.

Саладин

О, боже!

Натан

Саладин!
Когда себя ты сознаешь мудрейшим
Таким судьей...

Саладин

Я — жалкий прах, песчинка?
О, боже!

Натан

Что с тобой?

Саладин

Натан, мой милый!
Те тысячи годин не истекли.
На кресле мудрого судьи не мне
Сидеть! Ступай! Ступай! Но будь мне другом.

Натан

И больше ничего ты мне не скажешь?

Саладин

Нет, ничего.

Натан

Ни слова?

Саладин

Что сказать мне?

Натан

Есть просьба у меня... Я бы хотел
При случае, когда-нибудь...

Саладин

Да разве
Для просьбы нужен случай? Говори!

Натан

Я, странствуя по городам и весям,
Взимал долги. Боюсь, не много ль слишком
Наличных денег у меня? А время
Тревожное, как видно, настает...
Не знаю, как мне быть, где их пристроить?
Вот и подумал: может, и тебе —
Война, расходов требует немалых! —
Потребуются денежки?

Саладин
(испытующе глядя на него) . . .
Не буду
Я спрашивать тебя, не повстречался ль
Тебе Гафиз. Не буду дознаваться,
Не заподозрив ли меня в коварстве,
Ты вызвался мне дать взаймы...

Натан
В коварстве?

Саладин
Я подозренье это заслужил.
Прости меня! Но я скрывать не стану,
Что посягал...

Натан
Не на мои ли деньги?

Саладин
Да.

Натан
Значит, мы сойдемся! Но не думай,
Что всю наличность я тебе отдам.
Тому виной храмовник — ты его,
Конечно, знаешь? Долг ему немалый
Обязан я вернуть.

Саладин
Храмовник? Гм!
Надеюсь, ты поддерживать не вздумал
Моих врагов заклятых?

Натан
Об одном лишь
Храмовнике я речь веду, кого
Помиловал ты.

Саладин
Вовремя ты вспомнил
Об этом юноше! Ведь я совсем
Забыл о нем... Что сталось с ним и где он?

Натан

Ты не слыхал, чем я ему обязан
По милости твоей? Избегнув смерти,
Рискнул он тут же жизнью поплатиться,
Из пламени спасая дочь мою.

Саладин

Он спас ее? Как на него похоже!
Так бы и брат мой поступил, с которым
Он схож во всем! Но где же он? Веди
Его сюда! Как часто я о брате,
Ей незнакомом, Зитте говорил,
Сестре моей! Хочу ей показать
Подобие возлюбленного брата!
Сходи за ним! Как много добрых дел
Из одного, случайного, быть может,
Рожденного былой моей любовью,
Могло произрасти! Иди за ним,
Иди!

Натан

Сейчас! А начатую сделку
Мы позже заключим...
(Уходит.)

Саладин

Зачем сестре я
Не дал подслушать нас? Скорее к ней!
Удастся ль мне ей все пересказать?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сцена представляет площадь под пальмами близ монастыря, где храмовник поджидает Натана.

Храмовник

(стремясь побороть свое смятение, ходит взад и вперед и вдруг разражается бурной речью)

Здесь, жертвенная тварь, угомонись.
Довольно! Не стремлюсь и не желаю
Знать, что во мне творится, что стрясется
Со мною впредь. Напрасно я, напрасно
Хотел бежать! Но что мне оставалось,

Как не спасаться бегством? Будь что будет!
Удар был слишком скор, чтоб отшатнуться,
Как ни хотел избегнуть я его.
Ту, о которой и мечтать не смел,
Увидел я. Вмиг вспыхнуло решенье
Не потерять ее! Решенье? Так ли?
Решение — поступок, взлет! А я?
Я лишь страдал... Проснувшееся чувство
Меня связало с ней, в нее вплело,
С ней воссоединило. Без нее
Не мыслю жизни; даже после смерти,
Где мы не жизни, вечности причастны,
И там не мыслю! Такова любовь.
И так храмовник, так христианин,
Беспамятствуя, любит дщерь Сиона?..
Как быть мне? Здесь, в стране обетованной,
Обетованной для меня вдвойне,
Попрал я предрассудки и обеты.
Что — орден мне? Во мне храмовник умер,
Почил и не воскреснет никогда
Со дня, как стал я пленником султана.
Иль пощаженная им голова —
Все та же? Нет! Она почти не помнит,
Чем начинить ее они старались
И одурманить. Разум обострился
Под сводом неба о́тчего, окреп —
Я это чувствую. Ведь только здесь
Я начал думать, как отец мой думал
Иль думать должен был, когда не сказку
О нем мне нашептали. Сказку? Пусть,
Но столь правдоподобную, которой
Все больше верю в час, когда и мне
Грозит беда споткнуться, пасть... Он пал?
Пасть средь мужчин отрадней, чем стоять
С детьми. Его пример тому порукой,
Что он меня одобрит. В чьем еще
Нуждаюсь одобрении? Натана?
Уж в нем-то я ничуть не сомневаюсь!
Он даст согласье. Что за человек!
А все старается жидом казаться.
Вот он! Лицо сияет, как у всех,
Кто пробывал у Саладина. Эй!
Натан! Эй, эй!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Натан и храмовник.

Натан

А! Это вы.

Храмовник

Однако
И долго ж вы у Саладина были!

Натан

Не так уж долго. Я позадержался
Еще со сборами. Ну, милый Курд,
И человек же он! Мирская слава —
Лишь тень его. Об этой встрече — позже.
Пока же сообщу вам...

Храмовник

Что?

Натан

Он хочет
Вас видеть, и сейчас же! Проводите
Меня домой! Мне надо для султана
Распорядиться кое-чем. Лишь справлюсь,
Пойдем к нему.

Храмовник

Натан, я не войду
В ваш дом вторично, если только...

Натан

Значит,
Вы там уж побывали? Повстречались,
Поговорили с ней? Ну что? Скажите,
Как Рэха вам понравилась?

Храмовник

Безмерно!
Но видеться с ней снова — ни за что!
Нет, нет! Иль разве лишь, когда вы тут же

Согласие дадите: видеть мне
Ее всегда, всегда!

Натан

Как мне понять
Вас, рыцарь?

Храмовник

(после короткого молчания, внезапно бросаясь к нему на шею)

Мой отец!

Натан

Мой юный друг!

Храмовник

(столь же внезапно отстраняясь от него)

Не сын? Натан! Молю вас, заклинаю
Во имя первых уз благой природы,
Они ж священнее всех прочих уз,
Довольствуйтесь быть только человеком!
Не отвергайте...

Натан

Милый друг!

Храмовник

А сын?
Я вам не сын? Хотя бы в сердце Рэхи
Признательность в любовь пресуществилась
Ко мне, спасителю ее, и мы
Ждем лишь согласья вашего, чтоб с ней
Соединиться, стать единой плотью?
Но вы молчите...

Натан

Я опешил, рыцарь.

Храмовник

Опешили? Как? Я ошеломил вас
Словами, вами ж сказанными мне?
В моих устах вы их не узнаете?
Опешили?

Натан

Мне бы узнать хотелось,
Который же из Штауфенов отцом
Вам доводился?

Храмовник

Что это, Натан?
В такую-то минуту вас снедает
Пустое любопытство?

Натан

Дело в том,
Что одного из Штауфенов я знал.
Он звался Конрадом.

Храмовник

А коли так же
Отец мой звался?

Натан

В самом деле? Правда?

Храмовник

Ведь и меня назвали в честь отца:
Курд — тот же Конрад.

Натан

Значит, этот Конрад
Не мог отцом быть вашим. Ибо он
Был, как и вы, храмовником бездетным.

Храмовник

И только-то?

Натан

Как?

Храмовник

Вопреки обету,
Он мог бы быть им.

Натан

Шутите?

Храмовник

А вы
Не слишком ли уж строги? Если б даже
И так! Бастард, то бишь внебрачный сын,—
И этот сорт людей не наихудший!
Что вам до моего происхожденья?
Я в свой черед о вашем не спрошу.
Хоть в нем я, боже упаси, нисколько
Не смею сомневаться, видит бог!
Вы родословную до Авраама
Свою возводите, и даже — выше!
Я сам могу ее удостоверить.

Натан

Вы злитесь? А напрасно. Разве я
Вам отказал? Я просто не хочу
Ловить вас на́ слове, и только.

Храмовник

Правда,
Что «только-то»? Тогда прошу прощенья,
Не обессудьте.

Натан

Так идем ко мне!

Храмовник

К вам? Нет! Ваш дом объят пожаром! В нем
И я сгорю! Я подожду вас здесь.
Идите! (Если суждено увидеть
Ее, так нагляжусь! А нет — довольно
С меня, довольно!)

Натан

Я тороплюсь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Храмовник, потом Дайя.

Храмовник

Довольно с меня! И слишком даже! Мозг
Вмещает много, но, бывает, вдруг

И переполнится от малой капли,
И не годится больше ни на что,
Чем ни был бы наполнен он. Терпенье!
Душа способна этот перегной
Исторгнуть, погасить. И вновь порядок,
Простор и свет вернутся. Разве я
Люблю впервые? Или то, что я
Любовью звал, ей не было? И только
Вот *это* есть любовь?

Дайя
(незаметно подкравшись)

Тсс! Рыцарь! Рыцарь!
Я прошмыгнула мимо. Но и здесь
Натану мы видны. Ко мне поближе —
За ствол, вот этот, пальмы вековой!

Храмовник

Что так таинственно? В чем дело, Дайя?

Дайя

И вправду тайна привела меня
К вам, рыцарь, и притом двойная тайна.
Одна известна мне, другая — вам,
Не лучше ли нам обменяться ими?
Доверьте мне свою, а я мою
Доверю.

Храмовник

С удовольствием! Но только,
Что вы зовете тайною моей?
Но это я из вашей усмотрю...
Так начинайте!

Дайя

И хитры вы, рыцарь!
Нет, вы сперва, а я потом. Поверьте,
Моя вам тайна и не пригодится,
Когда вы не откроете своей.
Не мешкайте! Что я сама раскрою,
То в счет нейдет,— какое ж тут доверье?
Я при своей останусь, вы ж своей

Лишаетесь. Ах, горемыка-рыцарь!
Когда и где мужчине удавалось
От женщины скрыть тайну?

Храмовник

О которой
Он часто сам не знает.

Дайя

Да, частенько!
Что ж остается, как не мне, старухе,
Начать по старой дружбе к вам? Скажите,
Зачем вы ни с того и ни с сего
Вдруг убежали, нас оставив в дурах?
Почто с Натаном вы не возвратились,
Как обещали? Слишком мало Рэха
Понравилась вам или чересчур?
Что, научите, это трепыханье
Приклеившейся к ветке бедной пташки
Могло бы значить? Словом, признавайтесь,
Что вы глупейшим образом в нее
Влюбились.

Храмовник

Что до глупости, так вам
И книги в руки!

Дайя

Лишь в любви признайтесь!
А глупость — кто поставит вам в укор?
Да бог с ней!

Храмовник

Верно! Глупость очевидна:
Храмовник иудейку полюбил.

Дайя

Да, глупость явная! Но иногда
И в явной глупости есть толк немалый,
Какой и умному-то невдогад.
Иль так уж невозможно, что господь

Наш Иисус Христос кружной дорогой
К себе, в святой овин, решил пригнать
Овечку неразумную?

Храмовник

Зачем вы —
Все так торжественно? (А впрочем, если
Заместо распятого — провиденье
Поставить, не права ль она?) Признаться,
Вам удалось во мне растормошить
Людское любопытство.

Дайя

Мы живем
В стране чудес!

Храмовник

Уж так-таки чудес!
Не потому ли это, что весь мир
Прикочевал сюда? Считайте, Дайя,
Что я уж исповедовался вам:
Да, я люблю ее, не в силах мыслить
Жизнь без нее! Весь мир мне опостылет,
Коль скоро я один останусь, без...

Дайя

И это точно? Так клянусь вам, рыцарь,
Что Рэха будет вашей. Вы спасете
Ее здесь, на земле, для жизни вечной.

Храмовник

Но как? Могу ли я поклясться в том,
В чем я не властен?

Дайя

В вашей, в вашей власти
Все это! Докажу единым словом,
Что — в вашей!

Храмовник

Так, что и отец не сможет
Не согласиться?

Дайя

Все отец, отец!
Он *должен* дать согласье...

Храмовник

Должен, Дайя?
Он не в гнездо разбойников попал,
Так как же должен?

Дайя

Он согласье даст,
И преохотно!

Храмовник

Преохотно! Должен!
Ах, Дайя, Дайя! Что, когда скажу,
Что он-то и препятствует помолвке,
Хоть наотрез не отказал?

Дайя

Возможно ль?

Храмовник

Он говорил со мной так отчужденно,
Что оскорбил меня.

Дайя

Поверить трудно!
Как? Вы ему прозрачно намекнули,
Что вознамерились на ней жениться,
А он от радости и не подпрыгнул,
Что дело слажено, и стал холодным,
Мертвящим голосом вам выставлять
Какие-то резоны?

Храмовник

В этом роде.

Дайя

Так я ж его, без лишних колебаний...

Пауза.

Храмовник

И все-таки колеблетесь?

Дайя

Но он
Всегда так добр! И я ему столь многим
Обязана. Что за упрямец! Видит
Христос, как принуждать его мне трудно...

Храмовник

Прошу вас, Дайя! Помогите мне
Покончить с неизвестностью. Но если
Покончить с ней не можете: что б вы
Ни порешили — доброе, худое ль,
Молчите лучше! Я же постараюсь
Забыть о вашей тайне.

Дайя

Это значит,
Не удержать, а подстегнуть! Так знайте ж:
Не иудейка, христианка Рэха.

Храмовник

Что ж, на здоровье! Трудно ли далось
Вам обращенье это? Не смущайтесь,
А продолжайте небо заселять,
Раз землю уж не можете!

Дайя

Что, рыцарь?
Вы над известием моим глумитесь?
И вам, храмовнику, христианину,
К тому ж влюбленному в нее,— не в радость,
Что Рэха — христианка?

Храмовник

И к тому ж
Из христианок вашего изделья.

Дайя

Ах, так меня вы поняли? Хотела б
Сыскать того, кто обратит ее!

Но, к счастию, она — уже давно,
Кем ей препятствовали быть.

Храмовник

Туманно!

Дайя

Она и по рожденью христианка,
Крещеная...

Храмовник

Натаном?

Дайя

Нет! Натан —
Ей не отец.

Храмовник

Натан? Вы сознаете,
В *чем* вы признались?

Дайя

В правде. Сколько слез
Из-за нее, кровавых, я пролила!
Нет, не отец он ей!

Храмовник

А взял в свой дом
Дитя крещеное и приютил
И... воспитал в законе иудейском?
Не так ли?

Дайя

Так.

Храмовник

Не ведала, не знала
Она про то? Отец же никогда
Не говорил ей, что не иудейка
Она, а христианка?

Дайя

Никогда.

Храмовник

Он в ослеплении своем не только
Дитя воспитывал, он в нем оставил
И девушку?

Дайя

К прискорбью, так.

Храмовник

Натан?!
Сей добрый, мудрый человек дерзнул
Так исказить и заглушить природы
Свободный голос? Излиянье сердца
В русло направить, где оно едва ли
Текло б по доброй воле? Дайя, вы
Мне в самом деле сообщили тайну
Первейшей важности, больших последствий.
Я с толку сбит! Я сам не рассужу,
Что делать мне? Терпение! Ступайте!
Ведь он придет сюда! Он может нас
Здесь обнаружить!

Дайя

Я умру на месте!

Храмовник

С ним говорить теперь — я не хочу.
Нет мочи! Если встретитесь вы с ним,
Скажите: у султана Саладина
Мы оба свидимся.

Дайя

Но вы ему
И виду не подайте! То, что я
Сказала вам, попридержите впрок,
Чтоб в крайнем случае к тому прибегнуть
И Рэху отстоять! Когда ж вы с ней
В Европу поплывете, так возьмите
Меня с собой!

Храмовник

Столкуемся! Ступайте!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет монастырские переходы.

Послушник, потом храмовник.

Послушник

Он прав, всецело прав, наш патриарх!
Мне, что и говорить, не удавались
Все выполнявшиеся мной заданья.
В толк не возьму, зачем он возлагает
Их на меня? Не тонкий я делец,
Не вкрадчив я и убеждать не мастер.
Я не горазд повсюду нос совать
И руку запускать, куда прикажут.
Не для того я бросил бренный мир
И для себя искал уединенья,
Чтоб в суете погрязнуть.

Храмовник

Милый брат!
Вот и набрел на вас! А как хотелось
Вас повидать!

Послушник

Меня?

Храмовник

Не узнаете?

Послушник

Нет, нет! Но все считал я, что едва ли
На жизненной стезе вас повстречаю
Когда-либо. Об этом я просил
И всеблагого. Господу известно:
Не по сердцу мне было порученье,
С которым я явился к вам! Он помнит,
Как я молил, чтобы слова мои
Не встретили податливого уха,
Он знает, милосердный, как в душе

Я был доволен, что вы наотрез
Отвергли все призывы к злодеяньям,
Несовместимым с рыцарскою честью.
И вот вы здесь... Поддались уговорам!

Храмовник

Вам ведомо, зачем я здесь? А я
И сам не знаю толком.

Послушник

... Все обдумав,
Нашли вы, что владыка патриарх
Не так уж и не прав; что честь и деньги
К вам потекут на службе патриаршей;
Что враг есть враг, будь ангелом он трижды,
Сличи его с друзьями. Взвесив все,
Вплоть до крупинки плоти, капли крови,
Пришли вы предложить себя. О, боже!

Храмовник

Мой добрый, честный брат, не огорчайтесь!
Не для того я здесь, не для того
Решил я повстречаться с патриархом.
Своим воззреньям я не изменил.
Мне хочется во что бы то ни стало
Былое уваженье сохранить
В глазах столь праведного человека!
Пришел же я к владыке патриарху,
Чтоб посоветоваться с ним по делу,
Мне важному.

Послушник
(боязливо оглядываясь)

Как? Вы — и с патриархом?
Вы, рыцарь,— и с попом?

Храмовник

Да дело это
Зело поповское...

Послушник

А станет поп
Советоваться с рыцарем по делу,
Сугубо рыцарскому?

Храмовник

Ошибаться —
Его прерогатива, на нее же
Ему мы не завидуем. Конечно,
Когда бы я один судьею был,
Поставлен был один уладить дело,—
На что мне патриарх? Но этот случай
Я лучше *плохо* по поповской воле,
Чем по своей *отменно* разрешу.
Религия, как я успел постичь,
Есть та же партия; и как бы ты
Ни мнил себя вне партии стоящим,
Ты, сам того не сознавая, ей
Оплотом служишь. А коль это так,
Пусть так оно и будет!

Послушник

Промолчу.
Я вашу мысль не уловил.

Храмовник

И все же...
(Чего я добиваюсь: приговора
Или совета? Мудрого совета
Иль богословского?) Спасибо, брат,
За ваш урок. На что мне патриарх?
Вы будьте патриархом! В патриархе
Христианин мне нужен, а ничуть
Не патриарх в христианине. Дело ж
Мое...

Послушник

Ни слова больше, рыцарь! Я —
Всего лишь послушник. Кто много знает,
О многом и печется. Я же только
Обет повиновения блюду.
Вот — кстати! Гляньте-ка: се патриарх
Грядет. Останьтесь здесь! Он вас заметил.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и патриарх, в подобающем его сану пышном облачении, появляется в одном из переходов.

Храмовник

Не лучше ль улизнуть? Он мне отвратен.
Самодовольный, ражий, жирный поп!
А что за блеск!

Послушник

Увидели б его,
Как ко двору поедет! А теперь
Пришел он от больного.

Храмовник

Саладин,
Чай, от стыда сгорит!

Патриарх

(приблизившись, подзывает послушника)

Эй, подойди!
Уж не храмовник ли? Скажи мне вкратце,
Что надобно ему...

Послушник

Не знаю.

Патриарх

Рыцарь!
Рад видеть вас, такого молодца!
Почти что мальчик! С помощью господней
Немалого достигнете.

Храмовник

Едва ль
Чего-то большего, скорее даже,
Что меньшего.

Патриарх

Что до меня, желаю,
Чтобы такой благочестивый рыцарь —
Во славу господу и христианству —

И рос, и цвел, и силы набирался!
Все это так и будет, если младость
Отважная последует советам
Разумной старости! А чем еще
Я мог бы рыцарю служить?

Храмовник

Да тем лишь,
Что младости недостает,— советом.

Патриарх

Охотно! Но... Чтобы совет был принят!

Храмовник

Вслепую, что ль?

Патриарх

Кто ж это говорит?
На то господь и даровал нам разум,
Чтоб мы руководились им, где надо.
Но всюду ли, всегда ль он применим?
О нет! К примеру: возвещает бог —
Устами ангела, слуги господня,
Блюстителя Завета, богослова —
Нам средство, что спасти и укрепить
Весь христианский мир и матерь нашу,
Святую церковь, было бы способно
Таинственным воздействием,— кто ж, дерзкий,
Посмел бы прилагать к нему понятья
Земного разуменья, подчинять
Привычным правилам спесивой чести
Закон извечный бытия — во всем
Его великолепье и красе
Неувядающей? Об этом хватит!
Что побудило вас, отважный рыцарь,
Искать совета нашего?

Храмовник

Честно́й
Отец! Предположите, что живет
Какой-то жид с единственным ребенком,
Допустим, девочкой, что он ее

Учил добру и полюбил всем сердцем,
Да и она его любовью детской
В ответ любила. Вдруг мы узнаем,
Что девочка ему отнюдь не дочь,
Что он ее младенцем подобрал,
Купил, украл, как вам угодно, что
Она и по рожденью христианка,
Крещеная; а жид ее в жидовстве
Растил и за жидовку выдает,
За дочь свою. Честной отец, скажите:
Как поступить, как разобраться в этом
Вопросе?

Патриарх

Мерзостно! Но пусть сперва
Сказать изволит рыцарь: это — факт,
Имевший место, иль предположенье?
Игра фантазии иль вправду это
Свершилось и свершается еще?

Храмовник

Не все ль равно? Я мнение его
Святейшества хотел бы лишь услышать.

Патриарх

Что? Все равно? Как разум человека
В делах духовных может ошибаться!
Отнюдь не «все равно»! Одно — лишь повод
Для диспута, логистики пустой;
Тогда разумнее пойти в театр,
Где вот такие pro и contra с бурным
Успехом и под рев и свист галерки
Разыгрывать умеют. Если ж рыцарь
Меня не представлением забавит
И то сбылось в епархии моей,
Имело место в Иерусалиме
Благословеннейшем, тогда...

Храмовник

Ну что?

Патриарх

Тогда тому жиду грозит расправа,
Незамедлительно и беспощадно,
Что правом каноническим и светским
Положена за смертный грех.

Храмовник

Какая?

Патриарх

Какая? По помянутым законам,
Жид, богомерзостно христианина
От православной веры отвративший,
Костра достоин.

Храмовник

Да?

Патриарх

Тем паче жид,
Крещеного ребенка самовольно
Лишивший благодати приобщенья
К Христовой церкви. Все насилье, что
Свершают над детьми, за исключеньем,
Что церковь совершает.

Храмовник

А коль скоро
Дитя, когда бы жид его не спас,
Погибло бы в нужде неотвратимой?

Патриарх

Пусть даже так, жид должен быть сожжен.
Ребенку лучше с голоду погибнуть,
Чем вечного спасения лишиться
Такой ценою. Не жиду пристало
Опережать соизволенье божье:
Захочет бог — и без жида спасет.

Храмовник

И вопреки жиду, я полагаю.

Патриарх

Пусть даже так, жид должен быть сожжен.

Храмовник

Мне горько это слышать. Особливо,
Признаться, горько, ибо этот жид
Воспитывал не в иудейской вере
Ее, а ни в какой. О боге ж ей
Он говорил, что говорит наш разум.

Патриарх

Не вижу в этом разницы. Пусть даже
И так, жид должен быть сожжен! За это
Деяние он заслужил и трижды
Сожженным быть! Растить дитя в безверье?
Наш долг — пред вездесущим преклоняться —
Дитяти не внушать? Я удивляюсь
Вам, рыцарь!

Храмовник

В этом, отче патриарх,
Признаюсь лишь на исповеди.
(Хочет уйти.)

Патриарх

Как?
Уйти, мне не сказавши ничего,
Жида-злодея не назвав, ко мне
Его под стражей не доставив? Нет!
Я своего добьюсь! Пойду к султану!
И Саладин, согласно договору,
Которому он присягнул, нас должен.
Да, *должен* защитить, не посягая
На предоставленные нам права:
Радеть о благоденствии святейшей
Христовой церкви! Было так и будет!
И — слава богу! — подлинник у нас
За подписью монаршей и печатью.

К тому ж я объясню султану, как
Безверие опасно для державы.
Да, да! Здесь все гражданские устои
Внезапно рухнут, сгинут, если впредь
Злосчастный человек лишится веры.
Изыди, скверна!

Храмовник

Очень, очень жаль,
Что не удастся мне дослушать вашу
Блистательную проповедь. Что делать!
Я позван Саладином.

Патриарх

Да... Конечно...

Храмовник

Незамедлительно я возвещу
О вашего святейшества приходе.

Патриарх

Я знаю, что вы милостью султана
Высокой взысканы! Прошу вас, рыцарь,
В его глазах меня не очернить.
Я слишком ревностно служу, быть может,
Всевышнему и церкви. Только это
Вы обо мне султану доложите.
А то, что вы сказали о жиде,
Не правда ли, problema? Так и будем
Считать.

Храмовник

О да! Problema.
(Уходит.)

Патриарх

Я поглубже
С ней ознакомлюсь, с этою проблемой!
И снова порученье возложу
На брата Бонафидеса. Эй, сын мой!
(Уходит, беседуя с послушником.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет один из покоев во дворце Саладина, куда рабы вносят мешки и ставят их на пол, один возле другого.

Саладин, потом Зитта.

Саладин
(входит)

Поистине, им несть числа! И много
Таких мешков?

Раб

Да столько же, пожалуй.

Саладин

Остатнее доставить Зитте. Где
Наш Аль-Гафи? Не мешкая, все это
Пусть забирает. Нет! Быть может, лучше
Все сдать отцу? Ведь все равно динары
Меж пальцев утекут. Конечно, сердце
С годами леденеет: лишь ловкач
Большой руки меня платить заставит!
Пока Египет дани не пришлет,
Пусть голытьба сама о пропитанье
Своем заботится. Но подаяний
У гроба Распятого как не дать?
Как христиан-паломников обидеть?
Когда бы...

Зитта

Что такое? И на что
Мне столько денег?

Саладин

Вычти долг. Излишек
На черный день припрячь.

Зитта

А где Натан
С храмовником твоим?

Саладин

Должно быть, ищет
Его повсюду.

Зитта

Посмотри на что,
Свои перерывая ожерелья,
Я натолкнулась!
(Показывает портрет-миниатюру.)

Саладин

Брат! Как есть мой брат!
Каким он *был,* увы! Мой храбрый мальчик!
Как рано я тебя утратил, милый!
Остался б ты при мне, чего бы только
С тобой мы не свершили! Дай мне, Зитта,
Его портрет. Он некогда его
Сестре, покойной Лалле, подарил.
Она его в объятья заключила
Свои и не хотела отпускать
В отъезд его последний. Я же брату
Позволил без охраны ускакать
Надежной! Никогда мне не простила
Его кончины Лалла! Никогда
Не перестала упрекать за это!
И умерла от горя. Мальчик мой
К нам не вернулся.

Зитта

Бедный брат!

Саладин

Что пользы
Оплакивать его! Мы все — в свой срок —
Уйдем. Кто знает? Может, и не смерть
Одна уводит юношу такого
С прямой дороги? У таких — врагов
Опасных тьма, грозящих им бедою!
Что б ни стряслось с ним, дай сличить портрет
С храмовником отважным! Я хочу
Проверить: не ввело ль меня в обман
Воображенье?

Зитта

Потому-то я
И принесла портрет. Но я хотела б
Сама сличить обоих: женский глаз
Приметливее вашего.

Саладин

Чу! Кто
Пришел? Храмовник? Он!

Зитта

Я, братец, чтобы
Не помешать вам, не смутить героя,
Поодаль сяду.
(Садится на диван и опускает фату.)

Саладин

Хорошо! (А голос
Его каков? Такой, как у Ассада?
Еще звучит он в памяти моей!)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Храмовник и Саладин.

Храмовник

Я, пленник твой, султан!..

Саладин

Мой пленник? Разве
Тому, кому я жизнь вернул, тем самым
Не возвратил я также и свободы?

Храмовник

Что ты почел за благо порешить,
То мне предвосхищать не подобает.
Великое спасибо, государь,
За дар бесценный жизни! Но — мне мало
Тебя лишь восхвалять, вся жизнь моя
К твоим услугам.

Саладин

Лишь не примени
Ее во вред мне! Лишних две руки
Мне в стане вражьем не страшны, но сердце
Им уступить такое — нестерпимо!

В тебе я не ошибся: ты душой
И телом мой Ассад. Чуть не спросил я
Тебя: где пропадал ты, мой любимый,
Все это время? Спал в какой пещере?
В каком ты джинистане, милый брат,
Волшбою доброй дивы сохранил
Во всей красе, и свежести, и силе
Цвет юности своей? Чуть не напомнил,
Что́ мы с тобой плечом к плечу когда-то
Успели совершить. Чуть не затеял
С тобою ссоры: «Что ж ты не позвал
Меня на смелый подвиг? Как ты мог
Уйти и унести с собою тайну,
Не поделившись ею?» Это все
Я бы сказал тебе, когда *тебя* лишь,
А не себя, я видел. Но и так
Хвала аллаху! Сны пресуществились
В живую явь: на склоне дней моих
Ассад опять со мною! Ты доволен
Таким признаньем, рыцарь?

Храмовник

Все, что ты
Ни вздумал бы сказать мне, уж давно
На дне души таилось!..

Саладин

Так давай же
Попробуем! Останься ты при мне
Как мусульманин иль христианин,
В плаще иль ягмурлуке — все равно,
В тюрбане или в войлочном шлыке.
Я вовсе не хочу, чтоб покрывались
Одной корой деревья.

Храмовник

Ты иначе
Слугою б не был в божьем вертограде.

Саладин

Ну, если так меня ты понимаешь,
С тобой мы сговоримся.

Храмовник

О, вполне!

Саладин

(протягивая ему руку)

За словом...

Храмовник

(отвечая рукопожатьем)

...дело! Ты получишь больше,
Чем мог бы взять. Я — твой душой и телом!

Саладин

Для одного лишь дня — чрезмерно счастья!
Но где же он?

Храмовник

Кто *он*?

Саладин

Натан.

Храмовник

(холодно)

Нет, я
Пришел один.

Саладин

Какой отважный подвиг!
Видна в нем мудрость божья: ты его
Для мужа славного свершил!

Храмовник

Да, да!

Саладин

Так холодно? Нет, юный друг, когда
Бог через нас добро осуществляет,
Тут холод неуместен, если даже
Он скромностью навеян.

Храмовник

На земле
Любая вещь, как видно, многогранна,
И грани эти не всегда друг с другом
Живут в согласье должном.

Саладин

Так держись
Хорошего и славь деянья божьи!
Он знает связь вещей. Но раз тобой
Такая мнительность подчас владеет,
То я и сам опасливым в общенье
С тобою буду. На беду свою,
И я, как все земное, многогранен,
И грани у меня нередко — в распре.

Храмовник

Мне больно слышать это. Подозреньям
Не так уж я подвержен.

Саладин

Так признайся,
В ком усомнился ты? Ужель в Натане?
В Натане? Ты? Откройся мне! Впервые
Доверие свое мне покажи.

Храмовник

Не на него, а на себя сержусь
За глупость явную.

Саладин

Какую глупость?

Храмовник

За то, что мне пригрезилось, что может
Жид разучиться быть жидом. И в этот
Сон наяву поверил я.

Саладин

В чем дело?

Храмовник

О дочери Натана ты слыхал,
Конечно? То, что для нее я сделал,
Я сделал, ибо сделать так хотел.
Чрезмерно горд, чтоб пожинать награду
За то, чего не сеял, день за днем
Я избегал ее. Отец в отъезде;
Но вот вернулся, все узнал, сыскал
Меня; благодарил, сказал, что хочет,
Чтоб дочь пришлась мне по́ сердцу; болтал
О лучезарных далях, о надеждах...
И я развесил уши. Я пришел.
Увидел девушку... Султан, мне стыдно...

Саладин

Как? Стыдно? Но, надеюсь, не того,
Что *иудейка* так тебя пронзила?

Храмовник

Нет! Но — того, что сердце, болтовней
Отца смягченное, зажглось желаньем.
Глупец, я снова кинулся в огонь!
Просил руки ее и был отвергнут.

Саладин

Отвергнут?

Храмовник

Нет. Ее родитель мудрый
Мне наотрез не отказал. Но он, мол,
Еще подумать должен. разузнать
Как следует... Добро! А я-то? Я-то
Раздумывал, справлялся ль, кто да чья,
Когда она от ужаса кричала
В огне и дыме? Как оно прекрасно
Столь мудрым и разумным быть!

Саладин

Ну, ну!
Уважить все же надо старика!
Не так уж долго он сопротивляться
Помолвке будет. Чай, он не захочет,
Чтоб иудеем стал и ты?

Храмовник

Кто знает?

Саладин

Кто знает? Тот, кто суть постиг Натана.

Храмовник

Но суеверье, что впиталось в нас,
Хоть и осознанное, не теряет
Над нами власти. И не всяк свободен,
Кто над цепями ржавыми глумится.

Саладин

Неплохо сказано. Но не Натан же...

Храмовник

Из темных предрассудков наихудший
Свой собственный простительным считать.

Саладин

Ты прав. Но не Натан же...

Храмовник

Вверьте только
Слепое человечество такому
До срока общего прозренья, он
Покажет вам...

Саладин

При чем же здесь Натан?
Он этим не грешит.

Храмовник

И я так думал!
Но что́, когда сей цоколь новой эры
Вдруг оказался пакостным жидом,
Ворующим младенцев христианских,
Чтоб их растить жидами? Что тогда?

Саладин

Кто это говорит?

Храмовник

Ведь и она,
Та девушка, какою он меня
Прельщал и обнадежил дать в уплату
За то, что я «не мог же сделать даром»,
И эта девушка не дочь его,
А христианка родом!

Саладин

И ее
Он все-таки тебе отдать не хочет?

Храмовник
(разъяренно)

А!.. Хочет иль не хочет — он опознан,
Раскрыт, веротерпимый краснобай!
Но я спущу на волка в философской
Овечьей шкуре разъяренных псов!
Пускай изрядно серого потреплют!

Саладин
(строго)

Христианин, спокойней!

Храмовник

А зачем?
И жид и мусульманин за свое
Вероученье держатся. Иль только
Для христиан закон не писан?

Саладин
(еще строже)

Тише,
Христианин!

Храмовник

Я чувствую сполна
Всю тяжесть осужденья, Саладин,
Которую ты втиснул в это слово!
Но как бы вел себя Ассад, попавши
В такую же беду?

Саладин

Едва ль мудрее,
Чем ты, пожалуй! Но *кто* научил
Тебя, как мой Ассад, единым словом
Мой гнев рассеять? Если это правда,
В Натане я и сам не разберусь.
Но он — мой друг, и я не потерплю
Вражды среди друзей моих. Позволь же
Тебя наставить, мальчик! Не спеши
Отдать его на лютый суд толпы,
Свирепой черни буйных изуверов!
Не упреждай, что духовенство ваше
Захочет добиваться от меня!
Не будь, под стать жидам и мусульманам,
Тупым христианином!

Храмовник

Так и было б:
Слепой, кровавой злобы патриарха
Я чуть не стал пособником.

Саладин

Так ты
Уж побывал у патриарха? Прежде
Чем отыскать меня?

Храмовник

Обуреваем
Безумной страстью, я пошел к нему.
Прости! Во мне Ассада ты теперь,
Боюсь, не видишь больше?

Саладин

Так и было б,
Когда б не страх твой детский! Мне ль не знать,
Что добродетель из пороков наших
Произрастает? Будь ей только верен,
Пороки позабудутся. Иди!
Сыщи и приведи ко мне Натана!
Я должен помирить вас наконец
Во что бы то ни стало. А девица
Твоею будет, вопреки всему.

Я и Натана мудрого приструню
За то, что христианского ребенка
Не на свинине он растил.

Храмовник уходит, Зитта встает с дивана.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Саладин и Зитта.

Зитта

Как странно!

Саладин

Не правда ль, Зитта, наш Ассад прелестным
И буйным юношей когда-то был?

Зитта

Когда Ассад, а не храмовник твой
Перед художником сидел. Но как же
Ты позабыл спросить его, кто были
Родители его, отец и мать.

Саладин

Да мать особенно. Уж не была ль
Она случайно в Иерусалиме
В былые дни?

Зитта

Вот ты куда метнул!

Саладин

Не так уж это вздорно! Наш Ассад
Был полубогом христианских дам
И сам до них охотником. Недаром
О нем молва пошла... Но нам об этом
Судачить не пристало... Для меня
Довольно, что он вновь со мной — со всеми
Причудами податливого сердца!
Ассад со мной! Не правда ли, Натан
Ему уступит девочку?

Зитта

Уступит?
Верней — оставит.

Саладин

Верно! Раз Натан
Ей не отец, какое же он право
Имеет отказать? Кто спас ей жизнь,
Один имеет право на нее,
Никто другой!

Зитта

А что, мой Саладин,
Когда к себе ты девочку возьмешь
Из рук неправомочного владельца?
Возьми ее!

Саладин

А в этом есть нужда?

Зитта

Не думаю. Одно лишь любопытство
Меня склонило дать такой совет.
Всегда хотелось знать мне про таких
Мужчин красы прельстительной, какая
Из девушек им по́ сердцу.

Саладин

Ну, что ж!
Пошли гонца за Рэхой.

Зитта

Значит, можно?

Саладин

Но пощади Натана! Не давай
Ему увидеть в этом принужденье,
Попытку разлучить их.

Зитта

Будь спокоен.

Саладин

А я сыщу бездельника Гафи.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сцена представляет открытые сени в доме Натана, обращенные к пальмам, как в первом явлении первого действия. Ткани и драгоценности, привезенные Натаном, частично уже вынуты и разложены; о них и ведется разговор.

Натан и Дайя.

Дайя

Все расчудесно, и не сыщешь лучше!
Так только вы умеете дарить.
Где выткана сребристая парча,
Вся в гроздьях золотых? И много ль сто́ит?
В таком наряде под венцом стоять
Под стать царевне!

Натан

Под венцом? С чего бы?

Дайя

Конечно, вы не думали о том,
К товарам приценяясь. Но, поверьте,
К венцу лишь в этом, не в другом наряде
Пойти пристало: фон из серебра —
Симво́л невинности, а изобилье
Разводов золотых сулит богатство.

Натан

Что ты несешь? Про чей наряд венчальный
Толкуешь так учено? За кого
Ты замуж выйти хочешь?

Дайя

Я?

Натан

А кто же?

Дайя

Я? Грех да смех!

Натан

Тогда о чьем наряде
Ты говоришь? Ведь это все — твое!

Дайя

Как? Все — мое? Я думала, что Рэхи.

Натан

Что для нее привез я, то лежит
В другом тюке. Бери свои пожитки
И уноси в свой ларь!

Дайя

Нет, искуситель!
Хоть дайте мне алмазы полумира,
Не прикоснусь к ним, коль не поклянетесь
Мне божьим именем не упустить
Такого случая, что вам вторично,
Поверьте, не подарят небеса!

Натан

Как?.. Случая не упустить?.. Какого?..

Дайя

Натан, не притворяйтесь! Я о Рэхе
И юном крестоносце говорю.
Соедините их! Тогда греху,
Который впредь я прикрывать не стану,
Придет конец. И Рэха снова будет,
Чем надлежало быть ей,— христианкой.
А вы, Натан, благодеяньем вашим —
О, мы его вовеки не забудем! —
Не навлечете на свою главу
Пылающие уголья.

Натан

Все та же
Погудка, только с новым перебором,
Фальшивящим не в лад!

Дайя

Как вас понять?

Натан

Уж ты поверь, храмовник мне по нраву.
Я мужа лучшего ей не желаю.
Но надо потерпеть.

Дайя

Все потерпеть!
Все потерпеть! Уж это ль не погудка
На старый лад?

Натан

Всего лишь два-три дня!..
Смотри! Кто там пришел? Монах какой-то.
Спроси, чего он хочет?

Дайя

Денег, верно.

Натан

Так дай ему! Не заставляй просить!
(Как успокоить рыцаря, не выдав
Причины столь тревожных опасений?
А посвятить его, и вдруг отца
Припутаешь совсем некстати.) Кто там?

Дайя

Он хочет с вами говорить.

Натан

Пусть входит,
А ты ступай!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Натан и послушник.

Натан

(Отцом остаться Рэхи
Так хочется! Да я им и останусь,
Хотя б считаться им и перестал...
Она и впредь так будет звать меня
За то, что *так* хотел им быть!) Оставь нас!
Чем я могу служить вам, добрый брат?

Послушник

Не слишком многим. Радуюсь я, сударь,
Вас видеть в добром здравье.

Натан

Мы знавались?

Послушник

Кто ж вас не знает! Я уже не раз
Монеты клал в протянутые руки
Во имя ваше. Сам был вам обязан...

Натан

Я освежу дары свои.

Послушник

Спасибо.
Подайте тем их, кто меня бедней.
Дозвольте же и мне поосвежить
Воспоминанья ваши обо мне.
Я мог бы похвалиться, что и я
Вам в руки положил один залог
Немалой ценности.

Натан

Залог? Не помню.
Но я готов вернуть вам в семикратном
Размере давний долг.

Послушник

Признаться, мне
Напомнили о давнем том залоге
Совсем недавно.

Натан

О забытом мною?

Послушник

Отшельником я жил который год
На Карантане близ Иерихона,
Как вдруг разбойников арабских шайка
Нагрянула, порушила наш скит,
Часовенку и келью, увели
Меня с собой. Но я, не будь дурак,
Дал тягу и предстал пред патриархом,

Чтоб выпросить себе другой приют,
Где мог бы я в тиши молиться богу
И до успенья моего дожить.

Натан

Я как на угольях, мой брат! Нельзя ли
Чуть покороче? Что же мой залог?

Послушник

Сейчас скажу. Наш патриарх, конечно,
Мне келейку пообещал в Фаворе,
Как только кто преставится из старцев;
Ну, а пока благословил остаться
Мне послушником в лавре при себе.
Так и живу я, сударь, днем и ночью
Молясь, скорей бы мне попасть в Фавор!
Ведь патриарх меня все приставляет
К таким делам, что боже упаси!
К примеру...

Натан

Ближе к сути!

Послушник

Вот до сути
До самой мы и подошли. Шепнули
Владыке патриарху, будто жид
Какой-то здесь крещеного ребенка
Как дочь растит.

Натан
(в испуге)
Что?

Послушник

Дайте досказать!
Когда меня благословил владыка
Святейший патриарх найти жида,
Свершившего кощунственный поступок,—
А он его во гневе сопричислил
К грехам тягчайшим, ибо против духа
Святаго совершенным, сей же грех
Не может быть отпущен и собором

Вселенской церкви — только что не знаем
Мы, слава богу, что он означает,
К чему он сводится,— во мне мгновенно
Проснулась совесть: я припомнил, что
Немало лет тому назад и сам
Сему греху содействовал. Скажите:
Стремянный конюх в дом ваш не привез
Малютку-девочку тому назад
Осьмнадцать лет?

Натан

Да... Только...

Послушник

Приглядитесь
Попристальней! Стремянный этот — я.

Натан

Как? Вы?

Послушник

Тот рыцарь, что меня прислал
С дитятей к вам, по имени был Вольф
Фон Фильнек.

Натан

Да, вы правы.

Послушник

Так как мать
Скончалась неожиданно, а рыцарь
Начальством спешно вызван был — боюсь
Соврать, но помнится, что в Газу,
Куда не мог он крошку взять с собою,—
Он вам ее велел вручить. Я вас
Застал, кажись, в Даруне?

Натан

Верно!

Послушник

Память
Могла бы мне и изменить. У многих
Я в услуженье был — всех не упомнишь,

У Фильнека же — так совсем уж мало...
Он пал под Аскалоном. Впрочем, был
Он славным господином.

Натан

Это правда!
До гробовой доски ему обязан:
Не раз меня от смерти он спасал.

Послушник

Ему сие зачтется! Тем любовней
Вы приняли в свой дом его дочурку?

Натан

Само собой!

Послушник

А где ж она теперь?
Не умерла ж она, не дай то бог?
Да нет! Пускай себе живет! Вот только б
Не разузнал об этом кто! А так
Все будет шито-крыто.

Натан

Будет?

Послушник

Верно!
Я рассуждаю так: когда с *добром* —
А я стремлюсь к нему! — так часто *зло*
Соседствует, не отказаться ль лучше
От «добрых дел»? Что значит *зло,* мы знаем
Довольно точно, а с *добром,* признаться,
Куда сложнее дело обстоит.
Ну, что естественнее: взять ребенка
Крещеного и воспитать его,
Как дочь родную, с ревностной заботой,
С любовью неусыпною? Все это
Вы делали, как любящий отец,—
И вот награда! Эка ерунда!
Умней, быть может, было бы дитя
Крещеное растить, как христианку,
На стороне. Но вы дочурку друга

Тогда бы не любили так. А детям,
Хотя бы и зверенышам, любовь
Нужней, пожалуй, веры христианской.
Христианином стать всегда успеешь!
Росла бы девочка здоровой, доброй,
Под бдительным надзором вашим, бог
Ее считал бы той, чем та была.
И разве христианство все не вышло
Из иудейства? О, как часто я
Досадовал на то и слезы лил
Над тем, что христиане забывают,
Что и Спаситель наш был иудеем.

Натан

Так будьте же заступником моим,
Мой добрый брат, когда ханжи и злыдни
Начнут терзать меня за мой поступок,
За подвиг мой! Вам только одному
Его поверю — с тем чтоб вы в могилу
С собою унесли его. Еще...
Ни с кем... о нем... не смел я говорить —
Тщеславиться постыдно!.. Только вам
И вашей простоте богоугодной
Откроюсь я. Она-то, чай, поймет,
Что́ совершить способен человек,
Покорный господу...

Послушник

Что с вами, сударь?
Вы плачете?

Натан

Мы встретились тогда
В Даруне. Но едва ль дошло до вас,
Что накануне в Гате христиане
Предали избиенью иудеев,
Что и жена и семеро моих
Сулящих счастье сыновей сгорели
У брата в доме.

Послушник

Боже!..

Натан

Перед вашим
Приездом я лежал три дня, три ночи
В золе, во прахе перед вездесущим,
И плакал... Нет, не плакал, а вопил!
Корил творца и клял его творенье
И мстить хотел жестоким христианам
И днесь и впредь!

Послушник

Могло б иначе быть!

Натан

Но постепенно разум прояснился
И внятным голосом сказал мне: «Все же
Есть бог и божья правда! Встань! Ступай!
И сотвори, что ты постиг умом!
И знай: благое делать не труднее,
Чем веровать в благое,— *захоти* лишь!
Восстань!» Я встал и крикнул: «Я хочу!
Лишь повод дай мне, господи!» И тут
Вы спрыгнули с коня и протянули
Дитя в плаще своем. Что вы тогда
Промолвили, что я сказал,— не помню...
Я знаю только, что младенца принял
Из ваших рук, на одр свой положил,
Поцеловал... и прорыдал: «О боже!
Одну взамен семи ты все же дал мне!»

Послушник

Натан, клянуся, вы христианин,
Из лучших лучший!

Натан

Благо нам! Что в ваших —
Христианином делает меня,
В моих глазах вас делает евреем.
Но хватит друг на друга умиляться!
За дело! Пусть я семикратной цепью
Прикован к этой девочке чужой,
Пусть убивает мысль меня, что с нею
Вторично семь цветущих сыновей

Утратить должен я, но если хочет
Сей жертвы провиденье,— я смирюсь.

Послушник

Так! Ныне отпущаеши! Что сам я
Хотел бы присоветовать, благой
Порыв души вам мудро подсказал

Натан

Лишь бы не первый встречный на дороге
Увез ее!

Послушник

Конечно!

Натан

Лучше все же —
Кто хоть не бóльшие права имеет
На Рэху, но бесспорные...

Послушник

Вестимо!

Натан

Права, что только кровь и естество
Даруют.

Послушник

Верно, верно!

Натан

Так скорее
Мне назовите брата иль дядьев,
Брательника, двоюродного деда!
Лишь родичу не откажусь отдать
Ее, способную украсить сердцем
Своим и обращением любой
Дворец иль замок! И любую веру!
Вы знаете, кто родичи ее?

Послушник

Нет, к сожалению. Уж я сказал вам,
Что лишь недолго послужил отцу
Ее достойному.

Натан

Быть может, все же
Вы вспомните, как мать ее звалась
В девичестве? Уж не фон Штауфен ли?

Послушник

И впрямь как будто так...

Натан

А брат ее
Не Конрад ли фон Штауфен был, храмовник?

Послушник

Сдается, так. Но стойте! Я припомнил,
Что книжечку я снял с его груди,—
Еще она при мне. Я подобрал
Ее, когда его мы хоронили
Близ Аскалона.

Натан

Ну?

Послушник

У нас ее
Зовут служебником. Так я подумал,
Он пригодится кой-кому. Не мне:
Читать не разумею.

Натан

Не беда!
Так что же?

Послушник

В книжке этой спереди
И сзади, как мне говорили, рыцарь
Собственноручно имена вписал
Всех родичей своих и всех — супруги.

Натан

Все, что мне нужно! Сбегайте за ней!
По весу книги золото отмерю
И буду век обязан вам.

Послушник

Охотно!
Но рыцарь по-арабски начертал
Все имена.

Натан

Ах, все равно! Ступайте!

Послушник уходит.

О, господи! Когда бы у себя
Я девочку оставить мог и зятя
Такого обрести! Нет, не надеюсь.
Но будь что будет! Кто же донести
Об этом патриарху мог? Верней
Всего, что Дайя...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дайя и Натан.

Дайя
(второпях и в растерянности)

Ах, Натан, Натан!

Натан

О чем ты?

Дайя

Ах, как испугалась Рэха,
Когда за ней пришли!

Натан

От патриарха?

Дайя

Да нет! От Зитты.

Натан

Не от патриарха?

Дайя

От Зитты! Или вы оглохли? Зитта,
Принцесса Зитта девочку зовет.

Натан

Кого зовет? Пришли за Рэхой? Зитта
Ее зовет к себе? Не патриарх
Совсем...

Дайя

Принцесса!.. Что вам патриарх
Дался?

Натан

Так ты о нем и не слыхала?
А ты не лжешь? Не проболталась?

Дайя

Я?

Ему?

Натан

А где гонцы?

Дайя

Да там!

Натан

Я все же
Из осторожности к ним выйду. Только б
За ними не скрывался патриарх.
(Уходит.)

Дайя

Что до меня, так я страшусь другого!
Ведь мнимая единственная дочь
Богатого еврея — чем не пара
Для мусульманина? Тогда, храмовник,
Пиши пропало... если шага я
Не сделаю второго: не открою
И ей, кто по рождению она!
Смелее же! Не упущу минуты,
Когда я буду с ней наедине!

Хотя бы на пути к принцессе Зитте
Пришлось мне просветить ее. Открытье
Свое окажет действие, надеюсь.
Итак, смелей! Сейчас иль никогда!
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет один из покоев во дворце Саладина, куда были внесены мешки с золотом, так еще и не убранные.

Саладин, потом мамелюки.

Саладин

Мешки так и не убраны! Никто
Не знает, где дервиш запропастился;
За шахматной доской сидит он, верно,
Все позабыв на свете,— почему бы
И не меня уж заодно? Потерпим.

Мамелюк

Благая весть, владыка правоверных!
Возрадуйся! Подходит из Каира
К нам караван. Дань за семь лет тебе
Богатый шлет Египет.

Саладин

Ибрагим!
Ты мне воистину желанный вестник!
О наконец-то, наконец! Спасибо
За весть желанную!

Мамелюк

(А где ж награда?)

Саладин

Чего ты ждешь? Ступай!

Мамелюк

Ступай — и только?
И больше ничего?

Саладин

А что?

Мамелюк

С желанным
Известием — и без награды? Значит,
Я первый, на котором Саладин
Задумал научиться наконец
Благодарить словесно? Тоже слава:
Быть первым, с кем скупился он.

Саладин

Эх! Брось!
Бери мешок.

Мамелюк

Нет, поздно! Не возьму.
Хоть все теперь мне подари.

Саладин

Упрямец!
Ну, два бери! Подумайте, ушел!..
Со мной тягаться хочет! И по праву:
Ему премного горше их не взять,
Чем мне их подарить. Эй! Ибрагим!
Втемяшилось же мне во дни заката
Не походить на самого себя!
Как? Саладин умрет не Саладином?
Так стоило ли Саладином жить!

Второй мамелюк

Султан!

Саладин

Спешишь порадовать меня?

Второй мамелюк

Дань за семь лет приспела из Каира!

Саладин

Да. Слышал.

Второй мамелюк

Значит, опоздал?

Саладин

Ничуть!
За рвение обрадовать меня
Возьми один иль два мешка.

Второй мамелюк

Три, значит!

Саладин

Да,— если ты считать умеешь,— три.

Второй мамелюк

Быть может, третий вестник подоспеет,
Коль сможет подоспеть...

Саладин

А что?

Второй мамелюк

Не знаю,
Цела ли голова его. Как только
Удостоверились мы в том, что прибыл
К нам с данью караван, мы вскачь пустились
На борзых конях. Головной упал,
Я вырвался вперед и первым в город
Примчался. Но пройдоха Ибрагим —
Он знает все проулки...

Саладин

А тот первый?
С коня свалившийся? Скачи на помощь!

Второй мамелюк

Скачу! И если он в живых остался,
Так поровну с ним деньги поделю.
(Уходит.)

Саладин

И этот малый добр и благороден!
У многих ли подобных встретишь слуг?
Кто запретит мне думать, что своим

Примером я их воспитал? К шайтану
Блажную мысль: их вновь преобразить
В благоразумных скаред!

Еще один мамелюк

Повелитель!

Саладин

Ты, что ль, с коня свалился?

Мамелюк

Нет. Я только
Спешу сказать: приведший караван
Эмир Мансор уж спешился.

Саладин

Скорее
Веди его сюда! Да вот он сам!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эмир Мансор и Саладин.

Саладин

Добро пожаловать, эмир! Мансор,
Мансор! Ну, натерпелся я!

Мансор

Ты в этом
Послании прочтешь, что твоему
Слуге Абулкосему вновь пришлось
Восстановить порядок в Фиваиде,
Пред тем как нас послать в твой стольный град.
А там уж я спешил, как мог.

Саладин

Спасибо!
Возьми теперь, усердный мой эмир,—
Ведь ты не возразишь? — с собой прикрытье
Надежное, чтоб тотчас, без промешки,
Отправиться в Ливан, к отцу, с большою,—
Нет, с бóльшей,— частью дани.

Мансор

Все исполню,
И преохотно!

Саладин

Отряди конвой
Помногочисленней. Ведь там, в Ливане,
Не так спокойно. Может, ты слыхал:
Храмовники опять зашевелились...
Будь осторожен! А теперь пойдем!
Где караван? Хочу распорядиться
Всем самолично. Эй! Вернусь и — к Зитте!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет пальмовую рощу перед Натановым домом; храмовник ходит взад и вперед.

Храмовник

Нет! В дом я не войду; чай, не навечно
Он затворился в нем. Еще вчера
Меня здесь так радушно окликали...
Того гляди, мне запретят бродить
Вокруг двора его в надежде тщетной,
Что позовут меня. Гм! Я сегодня
Не в меру зол. Что я в его словах
Нашел обидного? Ведь он сказал мне:
«Я вовсе не отказываю вам»,—
А Саладин согласие ускорит!
Что? Иль в душе моей царит прочней
Христианин, чем иудей в Натане?
Кто знает сам себя? Но как иначе
Понять, что не могу ему простить
Ничтожную, казалось бы, добычу,
Отбитую у христиан? Конечно,
Немалая покража существо,
Столь дивное! Но кто ее создатель?
Неужто раб, на дикий берег жизни
Бесформенную глыбу зашвырнувший
И тут же скрывшийся? Куда верней,
Ваятель это, в грубой глыбе камня
Божественное тело угадавший

И обессмертивший! Ее отцом,
Зачатью вопреки, все ж остается
Вовеки этот жид. Представлю только
Себе ее девчонкой христианской,
Отбросив все, что названый отец
Сумел вдохнуть в нее,— ответствуй сердце,—
Что в ней могло бы так прельстить тебя?
Почти ничто! Ее улыбка даже
Была бы только дрожью нежных мышц,
Не более! То, что слагало б губы
Ее в улыбку, было б недостойно
Той прелести, что нас чарует в ней.
Да! Недостойно. Разве не знавал
Улыбок женских я, едва ль не краше?
Но что их вызывало? Пьяный смех,
Двусмысленная шутка, балагурство,
Блудливый поцелуй... Ужели ж ими
Был очарован я? Иль пожелал
В мишурном их мерцанье раствориться?
Не помню что-то! Так зачем же злюсь
Я на того, кто так ее возвысил?
С чего бы это? Если заслужил
Насмешку я султана при прощанье,
Постыдно то уже, что обо мне
Он это мог подумать. О, каким
Ничтожеством ему я показался
И вертопрахом! «Все из-за девчонки?»
Курд! Курд! Приди в себя! Опомнись! Даже
Когда тебе и правду нашептала
Старуха Дайя. Но зачем ей верить?
Чу! Наконец-то он из дома вышел,
В беседу с кем-то погружен. Но — с кем?!
С моим знакомцем послушником! Боже!
Тогда он знает все! И патриарху
Он выдан с головой! О, что, глупец,
Я натворил! Что́ искорка одна
Безумной страсти может понаделать,
Проникнув в мозг и воспалив его!
Решай на месте, как беде помочь!
Я притаюсь за пальмой... Лишь бы он,
Сей послушник, скорей его покинул!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Натан и послушник.

Натан

Еще раз, добрый брат, благодарю вас!

Послушник

И я вас также.

Натан

Вы? Меня? За что?
За то, что я силком вам навязал,
Что вовсе вам ненадобно? Когда бы
Вы не противились мне так упорно,
Богаче были б вы меня.

Послушник

Служебник
И без того не мне принадлежал,
А дочери его. Ведь это все,
Что уцелело от его наследства.
Вы ей второй отец... Так дай-то бог,
Чтоб не пришлось вам пожалеть о том,
Что для нее вы сделали!

Натан

Поверьте,
Мой добрый брат, что этого не будет.

Послушник

Да... Но храмовники и патриарх...

Натан

Какие б ковы злыдни ни ковали,
Я ни о чем не стану сожалеть,
Тем более — об этом. Но ужель
Вы так уверены, что патриарху
Меня храмовник выдал?

Послушник

Да... Почти что...
А кто ж еще? Один храмовник лишь
У патриарха был, и, как я понял,
Речь шла об этом.

Натан

В Иерусалиме
Имеется всего один храмовник,
А он мне друг. Открытый, честный, смелый
И благородный юноша.

Послушник

Вот, вот!
Он самый! Но всегда ли мы бываем
Такими, как нас бог создал?

Натан

Вы правы.
Но как бы кто ко мне ни обернулся,
Лицом или изнанкой,— этой книжкой
Я огражден от всех. Пойду к султану!

Послушник

Ну, дай вам бог! А здесь я вас покину.

Натан

Не повидавшись с ней? Прошу почаще
Нас навещать и впредь. Вот только б нынче
Об этом не проведал патриарх!
А впрочем, как угодно...

Послушник

Я смолчу.
Храни вас бог!
(Уходит.)

Натан

Не забывайте нас!
О господи! Зачем я не могу
Вот здесь, на месте, под открытым небом,
Пасть пред тобою на колени! Узел,

Не раз внушавший мне невольный страх,
Вдруг развязался сам собой. О боже!
Как стало мне легко на свете жить,
Отныне тайн запретных не скрывая;
Ходить перед людьми, как пред тобой
Кто по деяньям нас не судит, зная,
Как мало мы вольны в своих поступках!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Натан и храмовник, подошедший к нему со стороны.

Храмовник

Натан! Возьмите и меня с собой!

Натан

Вы ль это, рыцарь? Что вам помешало
Со мною встретиться у Саладина?

Храмовник

Мы разминулись. Уж не обессудьте!

Натан

Я — что? Не рассердился бы султан...

Храмовник

Вы — со двора, я — в дом...

Натан

Так вы там были?
Вот это хорошо!

Храмовник

Ему угодно
Обоих нас принять.

Натан

Ну что ж, тем лучше!
Пойдемте, я и так к нему иду.

Храмовник

Дозвольте вас спросить, Натан, с кем это
Вы попрощались?

Натан

Вы с ним незнакомы?

Храмовник

Не послушник ли это простодушный,
Что при негодном ихнем патриархе
В ищейках служит?

Натан

Очень может быть!
Он служит патриарху.

Храмовник

Ловкий трюк!
Нет лучшего прикрытия для плутней,
Чем простота.

Натан

Да — только не *святая*.

Храмовник

Святая патриарху ни к чему.

Натан

Я за него ручаюсь: патриарху
В безбожных он деяньях не слуга.

Храмовник

Таким он кажется... А обо мне
Он ничего не говорил?

Натан

О вас?
По имени он вас не называл...
И вряд ли знает имя ваше.

Храмовник

Вряд ли.

Натан

Но об одном храмовнике он точно
Мне говорил.

Храмовник

И что же?

Натан

Да! Такое,
Что с вами уж не вяжется никак.

Храмовник

Как знать! Что ж он сказал вам?

Натан

Что меня
Один храмовник выдал патриарху.

Храмовник

Донес на вас? Нет, это уж, простите,
Прямая ложь! Натан, я не из тех,
Кто стал бы отрицать своей вины
Когда-либо. Что сделал я, то сделал!
Но я и не из тех, кто все, что было
Им свершено, пытался б обелить.
Зачем стыдиться мне своей ошибки,
Поскольку я решил ее исправить?
Каких вершин достигнуть человек
Способен, выкорчевши зло, я знаю.
Да, тот храмовник-рыцарь, о котором
Вам послушник поведал, это — я.
Вы знаете, что́ уязвило сердце
Мое тогда и распалило кровь!
Глупец! Я был готов душой и телом
К вам ринуться в объятия! А вы?
Как холодно, как скупо-равнодушно,—
А это хуже холода! — как жестко
Вы тут же погасили мой порыв!
А ваши неуместные расспросы,
Таящие отказ? Боюсь их вспомнить,
Чтоб не вскипеть опять! Вот тут-то в мой

Смятенный разум и метнула Дайя
Ту тайну, что представилась разгадкой
Мне вашей неприступности.

Натан

Как так?

Храмовник

Подумайте, ведь я вообразил:
Несносно вам вернуть христианину,
Что удалось вам некогда отторгнуть
У христиан. Вот и решился я
Вам нож приставить к горлу — худо ль это
Иль хорошо...

Натан

Как? Даже — «хорошо»?
Что ж тут хорошего?

Храмовник

Да нет! Сам знаю,
Что худо! Верю: вы не виноваты.
Все это только Дайя нашептала;
Она глупа, на вас имеет зуб,
Вас поприжать — любезное ей дело.
Все может быть! Пусть я молокосос,
Способный лишь на крайности: то слишком
Нерасторопен, то горяч чрезмерно...
Все может быть! Простите же меня!

Натан

Да... раз вы так подумали...

Храмовник

Короче,
Я был у патриарха. Только вас
Ему я не назвал — вот это ложь!
Я только о возможном говорил
Таком вот случае, чтоб заручиться
Его советом. Но и это худо!
Ведь мне известен был сей иерарх
Как негодяй отъявленный. Как мог я
Не обратиться к вам за разъясненьем?

Как мог я Рэху ставить под угрозу
Отца лишиться? Но я не донес.
Кровавая жестокость патриарха,
Присущая ему, восстановила
В правах мой разум. Слушайте, Натан,
Меня внимательно! Допустим даже,
Что имя ваше он узнал, пусть так.
А дальше что? Он мог бы взять девицу
Из дома вашего, как сироту
Безродную, воспитанницу вашу,
И заточить в монашескую келью.
Отдайте ж мне ее, прошу, отдайте!
Пускай тогда приходит он, пускай
Попробует забрать жену мою!
Уж я управлюсь с ним! Отдайте только!
Будь вашей дочерью она иль нет,
Будь христианкой или иудейкой,
Или ни той и ни другой,— мне это,
Клянусь вам, все равно. Я никогда
Вас не спрошу о том. И — будь что будет!

Натан

Вы полагаете, так страшно мне
Открыть им правду?

Храмовник

Будь что будет!

Натан

Разве
Я отрицал пред вами иль другими,
Что Рэха по рожденью христианка,
Приемная, а не родная дочь?
А в том, что ей я тайны не поведал
Ее рождения, я отчитаюсь
Лишь перед нею.

Храмовник

И пред ней не надо!
Не надо, чтоб она на вас смотрела
Иначе, чем взирала с детских лет!
Зачем ей это знать? Еще вы вправе
Распоряжаться Рэхой. Умоляю,

Отдайте мне ее, Натан, отдайте!
Лишь я один могу ее спасти
Для вас вторично!

Натан

Я еще вчера
Так думал сам, а нынче — слишком поздно.

Храмовник

Как? Почему?

Натан

Спасибо патриарху...

Храмовник

Спасибо патриарху? Что за бред!..
За что же нам его благодарить?
За что ему спасибо?

Натан

Хоть за то лишь,
Что нам теперь известно, чьим рукам
Мы можем Рэху передать спокойно.

Храмовник

Пусть кто другой благодарит, не я.

Натан

Из этих рук и вам принять придется
Ее, не из моих.

Храмовник

Бедняжка Рэха!
Что только не случается с тобой!
Что счастьем было б для других сирот,
Тебе грозит бедою. Где ж они,
Ее родные?

Натан

Где?

Храмовник

И *кто,* конечно.

Натан

Из родичей ближайший — брат ее;
С ним и столкуйтесь.

Храмовник

Брат? Он кто же? Воин?
Или лицо духовное? Натан!
Скажите, как по-вашему, уважит
Мою он просьбу?

Натан

Не берусь ответить.
Слыхать, не воин он и не духовный,
Верней — тот и другой в одном лице...

Храмовник

А в остальном?

Натан

Отличный человек!
И Рэхе будет, мнится мне, неплохо
У брата жить.

Храмовник

Но он — христианин!
Натан! Простите мне, но я порой
Вас не могу понять. Ведь вашей Рэхе
Разыгрывать придется христианку
Средь христиан! Выгравшись в эту роль,
Она и станет ею! И посев
Высокомудрых ваших поучений
Задушат сорняки. Неужто это
Вам — трын-трава? Рассудку вопреки,
Вы утверждаете: «Ей жить у брата
Неплохо будет».

Натан

Я на то надеюсь!
А будет ей чего недоставать,
Так вы и я поможем.

Храмовник

Ах, чего же
Не будет доставать ей? Нежный братец
Неужто поскупится на уборы,
Наряды, пищу, лакомства, духи,
На безделушки разные? А что
Еще сестрице надобно? Супруга?
Настанет срок, и мужа ей добудет
Любезный братец — всем на загляденье,
Чем набожней, тем лучше! О Натан!
Какого ангела вы сотворили
И как они испакостят его!

Натан

Зачем же так? Моей любви и вашей
Он все ж достоин будет.

Храмовник

Не скажите!
Что до моей любви, так не скажите!
Моя любовь изъяна не потерпит
Ни в чем, ни даже в имени его.
Постойте! А она подозревает,
Что ей грозит?

Натан

Возможно. Но — откуда б?
Не знаю.

Храмовник

Что бы ни было, о том,
Что ей грозит, она должна впервые
Услышать от меня. Хоть я решил
С ней не видаться прежде, чем смогу
Назвать ее моею, но решенье
Я это отменил...

Натан

Куда вы?

Храмовник

К ней!
Хочу узнать, сумеет ли набраться
Ее сердечко храбрости: принять
Единственно достойное решенье.

Натан

Какое же?

Храмовник

Нимало не считаться
Ни с братом, ни с отцом.

Натан

А дальше?

Храмовник

Дальше?
Пойти за мной, хотя бы ей пришлось
Женой стать мусульманина.
(Порывается уйти.)

Натан

Поверьте,
Здесь Рэхи нет. Она гостит у Зитты.

Храмовник

Зачем? Давно ли?

Натан

Если вам угодно
И с братом повстречаться, так пойдемте.

Храмовник

С чьим братом? Братом Рэхи или Зитты?

Натан

С тем и с другим. Я вас прошу! Идем!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сцена представляет залу в гареме Зитты.

Зитта и Рэха.

Зитта

Как радуюсь я нашей встрече, Рэха!
Но почему ты так робка, пуглива?
Развеселись! Доверься мне, дружок!

Рэха

Княжна!

Зитта

Княжна? Нет, для тебя я Зитта,
Сестра, подруга. В дочери годишься
Ты мне, дитя: ведь ты так молода.
А как умна! Чего, чего ты только
Не понаслышалась, не прочитала
В отцовском доме!

Рэха

Я? Не смейся, Зитта,
Над бедной, глупенькой твоей сестрой!
Ведь я едва читаю.

Зитта

Быть не может!

Рэха

Отцову руку я прочесть могу.
Но ты — о книгах, верно?

Зитта

Да, о книгах.

Рэха

Нет, книги не горазда я читать.

Зитта

Ты шутишь?

Рэха

Нет. Недаром мой отец
Не так-то любит книжную премудрость,
Что только давит мозг бесплодным грузом
Немых письмен.

Зитта

Ах, что ты говоришь!
Но если так, выходит, всю ученость
Ты почерпнула...

Рэха

Из речей отца.
Я помню даже, почему и где
Он это говорил.

Зитта

Да, так, пожалуй,
Усвоить мудрость легче: здесь душа
Спешит уму на помощь.

Рэха

Знать, и Зитта
Немного или вовсе не читала?

Зитта

Допустим, так. Но из чего, скажи
Ты это заключила?

Рэха

Из того,
Что ты всегда проста и безыскусна,
Во всем верна себе.

Зитта

И что ж?

Рэха

А книги
Лишают нас душевной простоты,
Сказал отец.

Зитта

Что он за человек!

Рэха

Не правда ли?

Зитта

Как метко попадает
Он прямо в цель!

Рэха

И этого отца...

Зитта

Но что с тобой?

Рэха

И этого...

Зитта

Ты плачешь?

Рэха

И этого отца... Нет, я не в силах
Сдержать себя! Слова наружу рвутся!
(В слезах бросается на колени.)

Зитта

Дитя мое! В чем дело?

Рэха

И отца
Такого я должна утратить!

Зитта

Ты?
Не быть тому! Но успокойся! Встань!

Рэха

Ты добровольно вызвалась сама
Моей подругой быть, моей сестрою!

Зитта

Я ей осталась. Только встань! Иначе
Людей на помощь кликну!

Рэха

(встает, подавив отчаяние)

О, прости!
Прости! От горя я забыла, кто ты!
На Зитту ни отчаянье, ни слезы
Не действуют. Она внимать согласна
Лишь трезвому, холодному рассудку.
Вооружишься им и победишь!

Зитта

Так в чем же дело?

Рэха

Нет, моя подруга,
Сестра моя! Нет! Не допустишь ты,
Чтоб навязали мне отца другого!

Зитта

Тебе? Отца другого? Кто же это
Не то что сделать, пожелать посмеет?

Рэха

Кто? Добрая моя и злая Дайя.
Она-то и посмеет. Ах, не знаешь
Ты бедной нашей Дайи! Боже правый,
Прости ей и воздай! Она так много
Добра мне сделала и столь же зла.

Зитта

Как? Зла — тебе? Тогда не так-то много
В ней доброты.

Рэха

Напротив, даже очень!

Зитта

Да кто ж она такая?

Рэха

Христианка.
Она меня растила с малых лет,
И так заботливо! Как мать другая —
Поверь мне. Да воздаст ей бог сторицей!
Но как она притом меня стращала,
Как мучила!

Зитта

За что и почему?

Рэха

Она, ведь я сказала, христианка,
А им любовь повелевает мучить.
Бедняжка мнит, что ведом только ей
Путь к вечной жизни, и пути другого
Нет к вездесущему.

Зитта

Ах, вот в чем дело!

Рэха

В благочестивом рвении она
Всех силится на верный путь направить.
Чего и ждать другого? Если правда,
Что лишь ее стезя ведет к спасенью,
Так можно ли взирать ей равнодушно,
Как близкий друг идет дурной тропой
На вечную погибель? В самом деле,
Не значило бы это человека
Любить и в то же время ненавидеть?
Но не на то я жалуюсь тебе!
Нет, не на то! Ее стенанья, слезы,
Мольбы, увещевания, заклятья,
Угрозы я сносила бы охотно!
Они во мне нередко пробуждали
Благие мысли. И кому не льстит
Сознание, что мы так драгоценны
И дороги кому-то, что не может
Он примириться с мыслью нас утратить
Навеки, преступив земной предел?

Зитта

И вправду: льстит!

Рэха

Но слишком далеко
Она зашла сегодня. Здесь терпенье
И трезвый разум мне помочь не могут.

Зитта

Помочь?.. А чем и в чем?

Рэха

Она открыла
Такую тайну мне...

Зитта

Открыла?.. Нынче?..

Рэха

Да, только что! Едва мы с ней дошли
До упраздненной христианской церкви,
Как вдруг она остановилась. Скорбно
То на меня, то на́ небо глядит
Глазами влажными. «Пойдем,— мне шепчет,—
Руинами священными. Так ближе!»
Она идет, я вслед за ней. Как жутко
Звучат шаги в осиротевшем храме!
Вот мы уже стоим на ступенях
Обшарпанных пред ветхим алтарем.
И тут она в слезах, ломая руки,—
Мне даже вспомнить страшно! — вдруг упала
К моим ногам.

Зитта

О, бедное дитя!

Рэха

И стала заклинать меня с таким
Глубоким состраданием во взоре
Во имя той, что некогда не раз
Здесь будто бы являла чудеса,—
Чтоб сжалилась сама я над собою,

Простила бы ее, по крайней мере,
За то, что предстоит поведать ей
О притязаньях церкви на меня.

Зитта

(Я этого ждала!)

Рэха

Она сказала,
Я будто по рожденью христианка
И крещена. Натану я не дочь!
И он мне не отец! О, боже, боже!
Он — не отец мне! Зитта, я опять
К твоим стопам припала!

Зитта

Рэха! Рэха!
Так встань же! Брат идет! Ты слышишь? Встань!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Саладин.

Саладин

В чем дело, Зитта?

Зитта

Боже мой! Она
В отчаянье!

Саладин

Кто это?

Зитта

Ты же знаешь?..

Саладин

А! Дочь Натана нашего! Что с нею?

Зитта

Встань, Рэха! Встань! Приди в себя! Султан...

Рэха

(не поднимая головы, на коленях приблизившись к Саладину)

Нет, я не встану! Нет, я не взгляну
На лик султана, полный милосердья
И высшей справедливости! Не встану
И не взгляну на гордый отблеск славы
На царственном челе его, покуда...

Саладин

Так встань же, встань!

Рэха

...покуда обещаньем
Не заручусь...

Саладин

Чего ты ни попросишь,
Исполню все.

Рэха

Молю лишь об одном:
Меня — отцу, а мне отца оставить.
Не знаю, кто другой имеет право
Мне быть отцом, и не хотела б знать!
Но разве только к кровному родству
Отцовство сводится?

Саладин
(поднимая ее)

Ты вот о чем!
Но кто имел жестокость сообщить
Тебе об этом? Достоверно ль то,
Подтверждено ли кем-либо надежно?

Рэха

Боюсь, что да. Кормилица моя
Во всем призналась Дайе.

Саладин

Это точно?

Рэха

Да, так она сказала перед смертью.

Саладин

Сказала перед смертью? Не в бреду ль?
Ну что ж! Допустим, так оно и было,
Поверим ей. Но чтобы быть отцом,
Родства по крови мало — и для зверя,
Пожалуй, мало. Ибо кровь дает
Лишь преимущество добиться званья
Отцовского. Оставь же всякий страх!
А знаешь что? Как только два отца
Начнут друг с другом спорить, брось обоих
И третьего возьми. Меня хотя бы.

Зитта

Вот так и поступи!

Саладин

Отцом хорошим
Тебе я буду! Впрочем, погоди:
На что тебе отцы, скажи на милость?
Они недолговечны. Не умней ли
Сыскать себе попутчика другого
Для долгих странствий. Или на примете
Нет у тебя такого?

Зитта

Ты нескромен.

Саладин

Не без расчета! Если от румянца
Смущенного дурнушки хорошеют,
Так как красотке не похорошеть?
Сейчас в гарем достойный твой отец
И кое-кто другой должны явиться.
Кто? Угадай! Ведь ты позволишь, Зитта,
Сюда впустить их?

Зитта

Если ты велишь.

Саладин

Тут, цветик мой, придется покраснеть!

Рэха

Краснеть? С чего бы?

Саладин

Скромница какая!
Краснеть не хочешь, ну так побледней,
Когда бледнеть умеешь.

Входит рабыня и приближается к Зитте.

Не они ли?

Зитта

Пускай войдут! Ты угадал: они!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, Натан и храмовник.

Саладин

Добро пожаловать! Тебя, Натан,
Допреж всего мне хочется заверить,
Что золото свое в любое время
Ты можешь получить сполна.

Натан

Султан!..

Саладин

Теперь ссужать я сам могу.

Натан

Султан!..

Саладин

Дань за семь лет доставлена! Я снова
Богат, как не бывал уже давно.
Охотно дам тебе я — сколько хочешь! —
На смелые негоции. У вас,
Людей торговых, лишних не бывает
Наличных денег.

«Натан Мудрый»
Действие четвертое, явление первое.

Натан

Стóит толковать
О пустяках таких! Я вижу слезы
В ее глазах — унять их мне важнее.
(Подходит к Рэхе.)
Ты плакала? О чем? Ведь ты осталась
Моею дочерью?

Рэха

О мой отец!

Натан

Мы поняли друг друга. Не страдай!
Не плачь! Утешься! Только б твое сердце
Осталось прежним! Только бы не ведать
Ему другой потери!.. А меня
Ты не утратишь...

Рэха

Ты один мне нужен!

Храмовник

Лишь он один? Так, значит, я ошибся.
Что не боишься ты утратить, тем
Не дорожил ты никогда. Ну, что ж!
Пусть так, Натан! О, это все меняет,
Меняет все! По твоему веленью
Пришли мы, Саладин... Но я ошибся.
Не хлопочи напрасно обо мне.

Саладин

Неистовый юнец! С чего ты взял,
Что все должно идти тебе навстречу,
Потворствовать желанью твоему?

Храмовник

Султан, ты слышал?..

Саладин

Что и говорить,
Нехорошо, мой буйный друг, что раньше
Ты не уверился в своем успехе.

Храмовник

Зато теперь уверился сполна.

Саладин

Отважный подвиг, требуя награды,
Себя изничтожает. Ведь спасти
Не значит обрести. Не то разбойник,
В огонь гонимый алчностью своей,—
Чем не герой!

(Направляется к Рэхе, чтобы вручить ее храмовнику.)

Пойдем, дитя мое!
Не осуждай безумца безвозвратно!
Будь пылкости и гордости в нем меньше,
Кто знает, спас ли б он тебя тогда.
Сочти вину его за добродетель!
Пойди и пристыди его! Что сделать
Ему бы надлежало, соверши:
Скажи ему, что ты его даришь
Своей любовью. Если ж он отвергнет
Тебя или когда-либо забудет,
Что он тебе обязан многим больше,
Чем ты ему (немножко прикоптеть
В дыму пожара не такой уж подвиг!),—
Так нет в нем от Ассада ничего!
Одна личина только, а не сердце.
Ну, девочка!

Зитта

Пойди ему навстречу!
Долг красен платежом. Так уплати
Ему толику.

Натан

Стой, султан! Стой, Зитта!

Саладин

А что?

Натан

Кой-кто пока еще не спрошен.

Саладин

Кто станет это отрицать, Натан?
Конечно, и приемному отцу
Принадлежит здесь голос, даже первый.
Я вашу тяжбу знаю.

Натан

Не совсем.
Не обо мне здесь речь, а о другом;
Ему теперь и предоставим слово.

Саладин

Кто ж это?

Натан

Брат ее.

Саладин

Брат Рэхи?

Натан

Да.

Рэха

Мой брат? Так у меня есть брат?

Храмовник

Да где ж он,
Сей братец? Вы ж мне встречу обещали
С ним во дворце?

Натан

Терпенье!

Храмовник

Кто сумел
Отца ей навязать, сумеет также
Сыскать и братца ей.

Саладин

Христианин!
И этого еще недоставало!
Столь низким подозрением Ассад
Не осквернил бы уст своих...

Натан

Султан!
Прости ему, как я его простил.
Бог весть! Умнее ль мы с тобою были б
В его года и в сходном положенье?
(Дружелюбно подходит к храмовнику.)
Да, вслед за скрытностью и недоверье
Приходит, рыцарь! Если б раньше вы
Мне имя настоящее свое
Доверили...

Храмовник

Я что-то не пойму вас.

Натан

Ведь вы — не Штауфен.

Храмовник

Я не Штауфен? Как?

Натан

Не Штауфен и не Курд.

Храмовник

Так кто же я?

Натан

Вы — Лев фон Фильнек.

Храмовник

Как?

Натан

Изумлены?

Храмовник

Еще бы! Кто сказал?..

Натан

Я, кто вам больше
Сказать бы мог. А между тем во лжи
Я вас не обличаю.

Храмовник

Нет?

Натан

Сдается.
И Штауфеном зоветесь вы по праву.

Храмовник

(Сам бог его устами говорит!)

Натан

Ведь ваша мать — рожденная фон Штауфен.
А брат ее,— которому вручили
Вас некогда родители, решив
Сменять на негу теплой Палестины
Германии свинцовый небосвод,—
Вот он-то, дядя ваш, и звался Курдом
Фон Штауфеном. Он вас усыновить,
Конечно, мог... Давно ль вы с ним видались?
И жив ли он еще?

Храмовник

Что мне сказать?
Все, что вы сообщили, так и было.
Мой дядя умер. Вслед за ним с отрядом,
Последним орденским приспел и я.
Но что за отношение имеет
Все это к брату Рэхи?

Натан

Ваш отец...

Храмовник

Как? Мой отец? Так и его вы знали?

Натан

Он был мой друг...

Храмовник

Ваш друг?

Натан

...и звался Вольфом
Фон Фильнеком, хотя он немцем не был...

Храмовник

И *это* вам известно?

Натан

...только был
Женат на немке и гостил недолго
На родине ее...

Храмовник

Довольно! Хватит!
Я знать хочу, кто брат ее, брат Рэхи?

Натан

Вы, рыцарь.

Храмовник

Брат? Ее?

Рэха

Он — брат мой? Боже!

Зитта

Он брат ее!

Саладин

Она его сестра!

Рэха
(бросаясь ему в объятия)

О брат мой!

Храмовник
(отступая)

Брат?

Рэха
(останавливается и говорит Натану)

Нет! Быть не может! Сердце
Не всколыхнулось в нем. Выходит, мы —
Обманщики. О, боже!

Саладин
(храмовнику)

Ты подумать
Осмелился такое? Сам ты лжец!
Все ложь в тебе! Лицо, осанка, голос —
Все лживо, все обман! Сестру такую
Отвергнуть хочешь ты? Уйди, обманщик!

Храмовник
(смиренно подойдя к нему)

Зачем, султан, так дурно толковать
Мой возглас в миг смятения, в котором
Навряд ли и Ассада б ты узнал,
Как не узнал меня?
(Обращаясь к Натану.)
Натан, вы много
Берете у меня, но столь же много —
Нет! бесконечно больше! — мне даете!
(Обнимает Рэху.)
Сестра моя возлюбленная!

Натан

Бланда
Фон Фильнек.

Храмовник

Бланда? Бланда? А не Рэха,
Не ваша Рэха? Боже! Вы хотите
Из-за меня от дочери отречься,
Ей имя христианское вернуть?
Натан! Натан! Ничто не изменилось
Для вас и для нее!

Натан

О, мои дети!
Брат дочери моей, надеюсь, тоже —
Мое дитя?

Пока Натан обнимает их, Саладин в тревожном ожидании подходит к Зитте.

Саладин

Сестра! Ну что ты скажешь?

Зитта

Я тронута до слез.

Саладин

А я предвижу
В священном ужасе, что нам с тобой
Растрогаться сегодня предстоит
Еще сильней... Так будь к тому готова.

Зитта

О чем ты?

Саладин

Подойди ко мне, Натан!

Натан подходит к Саладину, а Зитта к Рэхе и храмовнику, чтобы высказать им свои чувства. Натан и Саладин говорят вполголоса.

Послушай-ка, Натан, ты вскользь как будто
Упомянул...

Натан

О чем?

Саладин

...что не был немцем
Его родитель. Кто же был он родом?
И из какой он выехал страны?

Натан

Со слов его я ничего не знаю,
Он никому о том не говорил.

Саладин

Он франком не был? Не был европейцем?

Натан

О, этого он вовсе не скрывал.
Одно могу сказать о нем, что он
Всем языкам предпочитал персидский.

Саладин

Персидский? В самом деле? Значит, это —
Бесспорно он!

Натан

Кто?

Саладин

Брат мой! Мой Ассад!

Натан

Ну, раз ты сам об этом догадался,
То вот и подтверждение тому.
(Передает ему служебник.)

Саладин
(жадно раскрывая книгу)

Его рука! Ее ли мне не помнить?

Натан

Еще они не знают ничего!
Ты можешь скрыть иль сообщить им тайну.

Саладин
(перелистывая книгу)

Ужели же отречься мне от них,
Моих сородичей, детей Ассада?
Ужели ж я тебе их уступлю?
(Громко.)
Они! Они! Ты слышишь, Зитта? Оба,
Он и она,— племянники твои!
(Устремляясь к ним.)

Зитта

Что слышу я? Могло ли быть иначе?

Саладин
(храмовнику)

Теперь ты должен полюбить меня,
Строптивец!
(Рэхе)
Хочешь ты того иль нет,
А я теперь отец тебе!

Зитта

Ты слышишь?

Храмовник

Так кровь твоя в моих струится жилах
И песни, что мне некогда певали,
Обманом не были?
(Падает к его ногам.)

Саладин
(поднимая его)

Каков злодей!
Он что-то знал, а чуть меня не сделал
Убийцею своим? Ужо тебе!

При молчаливых взаимных объятиях всех участников явления занавес опускается.

БАСНИ В ПРОЗЕ

ВИДЕНИЕ

Я лежал у ручья в глухой чаще леса, где мне не раз удавалось подслушать разговор зверей, и под тихий плеск его струй старался облечь один из моих вымыслов в тончайший поэтический наряд, столь излюбленный басней, избалованной со времен Лафонтена. Я размышлял, выбирал, отбрасывал, лоб мой пылал... Все напрасно — лист бумаги, лежавший передо мной, оставался все так же девствен. В раздражении я вскочил... но что это? Передо мной стояла она сама — Муза басни.

И она сказала мне, улыбаясь:

— Ученик мой, к чему эти бесплодные усилия? Правда нуждается в прелести басни; но нуждается ли басня в прелести гармонии? Смотри не пересоли. Довольно и вымысла поэта; изложение же пусть будет непринужденным, это дело прозаика, как смысл — дело мудреца.

Я хотел было ответить ей, но Муза уже исчезла. «Исчезла? — спрашивает меня читатель.— Да ты небось просто решил нас провести! Жалкие выводы, к которым привела тебя твоя беспомощность, ты вложил в уста Музы! Впрочем, довольно обычный прием...»

Великолепно, читатель! Никакая Муза мне не являлась. Я просто рассказал тебе басню, из которой ты уж сам позаботился вывести мораль. Я не первый и не последний из тех, кто вкладывает свои измышления в уста божественного оракула и потом выдает их за его афоризмы.

ХОМЯК И МУРАВЕЙ

— Эх вы, бедняги муравьи! — сказал хомяк.— Ну стоит ли все лето трудиться, чтобы собрать такую малость? Посмотрели бы вы на мои запасы!

— Если они больше, чем это тебе необходимо,— отвечал ему муравей,— то верно поступают люди, когда разрывают твои норы и опустошают твои кладовые, а тебя самого заставляют платиться жизнью за твою разбойничью жадность!

ЛЕВ И ЗАЯЦ

Лев приблизил к себе одного потешного зайца.

— А правда ли это,— спросил его как-то заяц,— что вас, львов, легко отпугнет любой петух своим жалким криком?

— Что правда, то правда,— отвечал ему лев,— да и вообще, надо признать, что мы, крупные звери, не лишены подчас маленьких слабостей. Ты вот, к примеру, слыхал небось про слона, что его бросает в дрожь от хрюканья свиньи.

— Да ну? — удивился заяц.— Что ж, тогда мне понятно, почему и мы, зайцы, дрожим от ужаса, заслышав лай собак.

ОСЕЛ И ОХОТНИЧЬЯ ЛОШАДЬ

Осел взялся тягаться с охотничьей лошадью, кто из них прибежит первым. Он сразу отстал, и его осмеяли.

— Знаю я, в чем тут дело,— сказал осел.— Месяца три назад я наступил на колючку, у меня и сейчас все нога болит.

— Прошу извинения,— сказал проповедник Лидергольд,— если моя сегодняшняя проповедь не была столь глубокой и поучительной, как того можно бы ожидать от верного последователя Мосгейма. Неделю назад я надсадил горло и, как вы сами слышите, до сих пор все сиплю.

ЗЕВС И ЛОШАДЬ

— Отец зверей и людей,— сказала лошадь, приблизившись к трону Зевса,— меня называют одним из прекраснейших созданий, какими ты украсил мир, и мое самолюбие велит мне этому верить. Но не следует ли все же кое-что во мне улучшить?

— А что, по-твоему, требует улучшения? Говори! Я готов

выслушать твои советы,— отвечал ей бог с милостивой улыбкой.

— Быть может,— продолжала лошадь,— я могла бы бегать еще быстрее, если б ноги мои были подлинней и потоньше; лебединая шея не обезобразила бы моего облика; широкая грудь придала бы мне силы; и раз уж ты предназначил меня возить на себе твоего любимца, человека, то не худо бы сотворить меня прямо вместе с седлом, которое так и так кладет мне на спину мой благодетель-всадник.

— Хорошо,— сказал Зевс,— погоди-ка минутку!

Зевс с серьезным видом произнес заветное слово творения. И вот в прах хлынула жизнь и возникла организованная материя, и перед троном оказался... уродливый верблюд.

Лошадь взглянула на него и содрогнулась от омерзения и ужаса.

— Вот они длинные и тонкие ноги,— произнес Зевс,— вот она лебединая шея; вот она широкая грудь, а вот и естественное седло! Хочешь ли, лошадь, я тебя так преобразую?

Лошадь вновь содрогнулась.

— Иди же,— продолжал Зевс,— и пусть этот случай послужит тебе уроком. На сей раз я отпускаю тебя без наказания. Но для того, чтобы ты иногда с раскаяньем вспоминала о своей самонадеянности, да будет жить и оно, мое новое создание! — Зевс бросил на верблюда взгляд, закрепляющий его образ навеки.— А тебе, лошадь, уже никогда не взглянуть на него без дрожи!

ОБЕЗЬЯНА И ЛИСА

— Назови-ка мне такого мудрого зверя, которому я не сумела бы подражать! — хвасталась обезьяна лисе.

Но лиса ей ответила:

— А ты назови-ка мне такого ничтожного зверя, которому пришло бы в голову подражать тебе.

Писатели моей нации!.. Нужно ли мне выражаться еще яснее?

СОЛОВЕЙ И ПАВЛИН

Один общительный соловей так и не нашел себе друга среди лесных певцов, лишь завистники окружали его толпою. «Быть может, я найду его в других кругах»,— подумал соловей и с доверием слетел на ветку к павлину.

— Прекрасный павлин, я тобой восхищаюсь!

— А я тобой, милый соловей!

— Так давай дружить,— предложил соловей,— ведь мы никогда не позавидуем друг другу; ты так же приятен для глаз, как я для слуха.

Так соловей и павлин стали друзьями.

Кнелер и Поп дружили куда больше, чем Поп и Аддисон.

ВОЛК И ПАСТУХ

У одного пастуха свирепый мор погубил все стадо. Проведал об этом волк и пришел выразить свое соболезнование.

— Правда ли это, пастух,— сказал он,— что тебя постигло столь страшное несчастье? Неужели погибло все стадо? Милые, кроткие, жирные овечки! Мне жаль тебя до слез!

— Спасибо тебе, сосед Изегрим,— отвечал пастух,— вижу я, что душа у тебя сострадательная.

— И верно, сострадательная,— заметил его пес Гилакс,— когда от несчастья ближнего страдает он сам.

КУЗНЕЧИК И СОЛОВЕЙ

— Смею тебя уверить,— сказал кузнечик соловью,— что немало находится ценителей и моего пения.

— Назови-ка мне их,— попросил соловей.

— Трудолюбивые жнецы,— отвечал кузнечик,— слушают меня с большим удовольствием. А ты ведь не станешь отрицать, что они самые полезные члены человеческого общества.

— Этого я отрицать не стану,— сказал соловей,— но тут еще нет причины кичиться тебе успехом у них. Честные люди, все мысли которых заняты работой, едва ль отличаются особой тонкостью ощущений. Лишь тогда будь горд своей песней, когда ей внемлет с тихим восторгом беззаботный пастух, который и сам так чудесно играет на свирели.

СОЛОВЕЙ И ЯСТРЕБ

Ястреб ринулся с высоты на поющего соловья.

— Ты так прелестно поешь,— крикнул он,— как же ты будешь приятен на вкус!

Было ли то простодушием или злобной насмешкой? Уж и не знаю. Но вчера я услышал, как некто сказал: «Эта женщина столь несравненна как поэтесса! О, она безусловно прелестнейшая из женщин!» И это уж было наверняка простодушием!

ВОИНСТВЕННЫЙ ВОЛК

— Отец мой, да славится его имя во веки веков, вот уж был истинный герой! — хвастался молодой волк лисе.— Как его все боялись в нашей округе. Он одержал победу более чем над двумястами врагов и отправил их темные души в преисподнюю! Что ж тут удивительного, если наконец нашелся один, который его победил?

— Так сказал бы о нем оратор в надгробной речи,— возразила ему лиса,— а трезвый историк добавил бы: «Две сотни врагов, над которыми он всякий раз торжествовал победу, были ослы да овцы. А единственный враг, одолевший его, был первый бык, на которого он решился напасть».

ФЕНИКС

По прошествии многих веков Феникс вздумал снова явиться миру. Он возник, и все звери и птицы обступили его в восхищенье. Они глазели, они удивлялись, они восторгались, и вот уже они хором запели ему хвалу.

Вскоре, однако, самые доброжелательные из них стали с сочувствием отводить от него взоры и тяжко вздыхать:

— Бедный Феникс! Ему выпал печальный жребий! Никогда не будет у него ни подруги, ни друга! Ведь он единственный в своем роде!

ГУСЬ

Один гусь мог бы посрамить белизной оперения только что выпавший снег. Гордясь этим ослепительным даром природы, он вообразил, что рожден скорее быть лебедем, чем гусем, и, отдалившись от себе подобных, одиноко плавал в пруду с величественным видом. Он то вытягивал изо всех сил свою предательски короткую шею, стараясь сделать ее подлинней, то пытался сооб-

щить ей великолепный изгиб, отличающий лебедя и придающий тому гордую осанку, достойную птицы Аполлона. Но все напрасно; шее его не хватало гибкости, и, несмотря на свои усилия, гусь так и не превратился в лебедя, а стал лишь смешным гусем.

СВИНЬЯ И ДУБ

Прожорливая свинья лакомилась опавшими желудями под высоким дубом. Раскусывая один желудь, она уже пожирала глазами другой.

— Неблагодарная тварь! — крикнул ей наконец дуб с высоты своего величия.— Ты питаешься моими плодами, но ни разу еще не обратила вверх благодарного взора!

Свинья на мгновение приостановилась и прохрюкала в ответ:

— Кабы я знала, что это ты ради меня роняешь тут свои желуди, то и я бы тебе посылала благодарные взоры.

ОСЫ

Гниль и тлен разрушили гордый торс боевого коня, павшего от вражеской пули под своим отважным седоком. Останки одного неутомимая природа всегда дарует для жизни другому. И вот из зловонной падали вылетел рой молодых ос.

— О, как высок наш род! — наперебой восклицали осы.— Мы обязаны жизнью славному коню, любимцу Нептуна!

Это забавное хвастовство довелось услыхать некоему прозорливому баснописцу, и он подумал о нынешних итальянцах, которые воображают себя прямыми потомками древних римлян по той лишь причине, что родились на их могилах.

ВОРОБЬИ

Реставрировали старую церковь, в которой прежде гнездилось великое множество воробьев.

Теперь, когда она стояла в своем ослепительном убранстве, вновь налетели воробьи и стали искать свои прежние жилища. Но все щели оказались замазанными.

— К чему же тогда пригодно это громадное здание? — кричали они.— Улетим прочь от этой бессмысленной груды камней!

СТРАУС

— Сейчас я взлечу! — крикнул огромный страус, и весь птичий народ собрался вокруг него в надежде и ожидании.

— Сейчас я взлечу! — крикнул он вновь и, расправив свои могучие крылья, словно корабль с поднятыми парусами, ринулся вперед, ни на миг не отрываясь от земли.

Не похоже ли это на поэтический образ тех лишенных поэзии сочинителей, которые в первых строках своих огромных од похваляются гордыми крыльями и грозятся взлететь к облакам и звездам, но так до конца и остаются верны праху земному?

ВОРОБЕЙ И СТРАУС

— Гордись сколько хочешь своим ростом и силой,— сказал воробей страусу.— А все же я более птица, чем ты. Потому что летать ты не можешь, а я вот летаю, хоть и невысоко, хоть и недалеко.

Поэт, написавший застольную песню или сонет о любви, все же более гений, чем лишенный порыва и вдохновения автор предлинной германиады.

СОБАКИ

— Как измельчал в этой стране наш собачий род! — сказал один пудель, немало поездивший по свету.— На далеком континенте, который люди называют Индией, вот где есть еще истинные собаки! Собаки, мои братья!.. Вы мне не поверите, а ведь я это видел собственными глазами: собаки даже льва там не боятся и смело вступают с ним в драку!

— И что же,— спросила пуделя одна многоопытная гончая,— случается, они его побеждают, льва-то?

— Побеждают? — переспросил пудель.— Об этом мне ничего неизвестно. Да и не все ли равно? Хватит и того, что они нападают на самого льва!

— Ну,— возразила гончая,— если они его не побеждают, эти твои хваленые собаки в Индии, то ничуть они не лучше нас, зато намного глупее!

БЫК И ОЛЕНЬ

Мощный бык и легконогий олень паслись рядом на лугу.

— Вот что, олень,— сказал бык,— если на нас нападет лев, давай держаться вместе и дадим ему дружный отпор!

— На меня не рассчитывай,— ответил олень.— Для чего мне вступать в неравный бой со львом, если я могу куда вернее спастись от него бегством?

ОСЕЛ И ВОЛК

Осел повстречался с голодным волком.

— Пожалей меня,— сказал осел, дрожа,— я бедное больное животное. Посмотри, какая у меня колючка в ноге.

— Мне и впрямь тебя жаль,— отвечал ему волк.— И долг моей совести избавить тебя от этой боли.

Не успел он произнести эти слова, как бросился на осла.

ЭЗОП И ЕГО ОСЕЛ

Осел сказал Эзопу:

— Когда ты придумаешь про меня новую побасенку, то уж дай мне сказать там что-нибудь мудрое и остроумное.

— Тебе? — удивился Эзоп.— А что люди скажут? Не скажут ли они, что ты мудрец, а я осел?

БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ

Бронзовая статуя прекрасного скульптора расплавилась в пламени пожара и превратилась в бесформенную глыбу. Эта глыба попала в руки другому скульптору, и тот, благодаря своему искусству, превратил ее в новую статую, отличавшуюся от первой предметом изображения, но равную ей по красоте и вкусу.

Увидав это, Зависть заскрипела зубами. Но в конце концов она нашла себе жалкое утешение: «Никогда бы ему, бедняге, не сотворить этой довольно сносной вещи, не попади ему в руки материал от старой статуи».

ГЕРКУЛЕС

Когда Геркулес был взят на небо, то первой из всех богов и богинь он поклонился Юноне. Все обитатели неба и сама Юнона были этим очень удивлены.

— Значит, ты отдаешь предпочтение перед всеми твоей преследовательнице? — спросили его.

— Да, ей са́мой,— отвечал Геркулес.— Ведь только из-за ее преследований я пустился на подвиги, за которые и взят на небо.

Олимп одобрил этот ответ нового бога, а Юнона с тех пор с ним примирилась.

МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ.

Мальчик играл с ручной змеею.

— Милая моя змейка,— сказал мальчик,— никогда бы я не стал с тобой так забавляться, если бы у тебя не был вынут яд из зубов. Вы, змеи, злые, неблагодарные создания! Я ведь читал, каково пришлось бедному крестьянину, который нашел под изгородью полузамерзшую твою прапрабабку, подобрал ее из сострадания и согрел на своей груди. Только эта злюка очнулась, как тут же ужалила своего благодетеля, и добрый, сострадательный человек умер от ее укуса.

— Меня удивляет,— отвечала змея,— как предвзято пишут ваши сочинители! У нас, у змей, эту историю рассказывают совсем по-другому. Твой сострадательный добрый крестьянин думал, что змея и вправду мертва, а так как это была красивая пестрая змейка, он и подобрал ее, чтобы дома содрать с нее кожу. Вот как было дело!

— Ах, замолчи,— рассердился мальчик,— неблагодарный всегда сумеет оправдаться!

— Ты прав, сын мой,— вмешался в их беседу отец мальчика, который все это слышал,— и все же, если тебе когда-нибудь придется услышать о чьей-либо чудовищной неблагодарности, разберись сперва как следует во всех обстоятельствах этого дела, а потом уж решай, заслужил ли тот человек такой позорный упрек. Истинные благодетели редко когда упрекнут кого-нибудь в неблагодарности, и даже — хочется верить, к чести людей,— никогда. А благодетели с мелкими своекорыстными намерениями пусть винят себя сами, что вместо признательности пожинают неблагодарность.

ВОЛК НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Волк при последнем издыхании охватил мысленным взором всю свою прошлую жизнь.

— Я и впрямь был грешником,— проговорил он,— но все же, надеюсь, не самым великим. Я совершил много зла, но и немало добра. Однажды, помнится, подошел ко мне с блеянием ягненок, отбившийся от стада, да так близко, что я мог бы тут же его загрызть, а я его и не тронул. В то же примерно время я отнесся с поразительным равнодушием к насмешкам и поношениям некой овцы, хотя поблизости не было ни одной сторожевой собаки.

— Все это я могу засвидетельствовать,— вставила свое словечко лиса, пришедшая по дружбе помочь ему подготовиться к смерти.— Ведь я хорошо помню, как было дело. Ты тогда как раз подавился огромной костью и уж так мучился! Спасибо, сердобольный журавль вытащил ее потом у тебя из горла.

БЫК И ТЕЛЕНОК

Могучий бык разнес рогами косяк, втискиваясь в низкую дверь хлева.

— Гляди-ка, пастух! — крикнул теленок.— Я еще ни разу не нанес тебе такого ущерба!

— Как бы я был рад,— возразил ему пастух,— если бы ты мог мне его нанести!

Речь теленка похожа на речи ничтожных философов: «Ах, этот Бейль! Сколько праведных душ смутил он своими дерзкими сомнениями!»

О господа! С какой радостью дали бы мы себя смутить, если б каждый из вас мог стать Бейлем!

ПАВЛИНЫ И ВОРОНА

Одна кичливая ворона разукрасилась перьями, которые обронили радужные павлины и, сочтя себя достаточно нарядной, решилась затесаться в толпу этих блистательных птиц Юноны. Она была тут же узнана, и павлины набросились на нее, стараясь выклевать своими острыми клювами ее фальшивый убор.

— Хватит! — крикнула она наконец.— Все, что было тут вашего, вы уже отняли у меня!

Но павлины, успев заметить блестящие перья на крыльях вороны, не унимались:

— Молчи, жалкая дура! И эти тоже никак не могут быть твоими!

И все клевали ее да клевали.

ЛЕВ И ЕГО ОСЕЛ

Когда Эзопов лев шел в лес вместе с ослом, которого он захватил с собой, чтобы тот своим устрашающим криком помогал ему гнать на охоте зверя, одна дерзкая ворона крикнула ему с дерева:

— И не стыдно тебе ходить рядом с ослом? Кого ты удостоил чести своего общества!

— В ком мне нужда, того и удостоил! — отвечал ей лев.

Так всегда рассуждают великие мира сего, приближая к себе простого смертного.

ОСЕЛ ПРИ ЛЬВЕ

Когда осел шел в лес рядом с Эзоповым львом, который прихватил его с собой вместо охотничьего рожка, ему повстречался другой осел, из его знакомых, и тот приветствовал его криком:

— Здорово, брат!

— Наглец! — ответил ему осел.

— Это почему же так? — удивился другой осел.— Разве оттого, что ты шагаешь рядом со львом, ты теперь лучше меня? Больше моего осел?

ЯГНЕНОК ПОД ЗАЩИТОЙ

Гилакс из породы волкодавов охранял кроткого ягненка. Его увидел Ликод, как и он, мордой, ушами и шерстью больше похожий на волка, чем на собаку, и бросился на него.

— Волк,— крикнул он,— что ты делаешь с этим ягненком?

— Сам ты волк! — отвечал Гилакс. (Обе собаки обозлились.) — Убирайся! А не то придется тебе иметь дело со мной, его защитником!

Но Ликод старался силой отнять у Гилакса ягненка, а Гилакс старался силой его удержать, и бедный ягненок — ну и защитники! — был разодран на куски.

ВОДЯНАЯ ЗМЕЯ

Зевс послал лягушкам нового короля: вместо мирной колоды прожорливую водяную змею.

— Ты ведь наш король! — кричали лягушки.— Почему же ты нас глотаешь?

— Потому,— отвечала змея,— что вы обо мне молили Зевса.

— Я его о тебе не молила! — крикнула лягушка, которую змея уже пожирала глазами.

— Ах, не молила? — сказала водяная змея.— Тем хуже! Тогда мне придется тебя проглотить, потому что ты его обо мне не молила.

ЛИСА И МАСКА

Много лет тому назад одной лисе случилось найти актерскую маску с широко раскрытым ртом и пустую внутри.

— Вот так голова! — сказала лиса, разглядывая маску.— Без мозгов, а рот открыт! Сразу видно, голова болтуна!

Эта лиса хорошо знала вас, ораторы, вечные говоруны, наказанье для слуха, невиннейшего из наших чувств!

ВОРОН И ЛИСА

Ворон унес в когтях кусок отравленного мяса, который обозленный садовник подложил кошкам своего соседа.

И только он сел на ветку старого дуба, чтобы склевать свою добычу, как снизу подкралась лиса и крикнула ему:

— Будь благословенна, о птица Юпитера!

— За кого ты меня принимаешь? — спросил ворон.

— За кого я тебя принимаю? — удивилась лиса.— А разве ты не тот могучий орел, посланец Зевса, который, что ни день, слетает на этот дуб, чтобы накормить меня, ничтожную? Зачем ты прикидываешься? Разве не вижу я в победоносных когтях твоих того дара, который твой бог вновь послал мне с тобою за мои молитвы!

Ворон был удивлен и немало обрадован, что его принимают за орла. «Уж не буду,— подумал он,— выводить лису из этого заблуждения». И, с глупым великодушием выпустив из когтей свою добычу, он гордо поднялся в воздух и улетел.

Лиса со злорадным смехом поймала мясо и тут же сожрала его. Но вскоре радость ее сменилась болью. Яд подействовал, и она издохла.

Пусть бы и вам никогда не добыть своей лестью ничего, кроме яда, проклятые подхалимы!

СКУПЕЦ

— Ах, я несчастный! — жаловался скряга своему соседу.— Этой ночью кто-то вырыл сокровище, которое я закопал в саду, а на его место положил вот этот камень, будь он трижды проклят!

— Да ведь ты бы все равно не воспользовался своим сокровищем,— утешал скрягу сосед.— Вот и вообрази, что этот камень и есть твое сокровище; тогда ты будешь не беднее, чем был.

— Я-то, может, и буду не беднее, чем был,— отвечал скупец,— да ведь другой стал насколько богаче! Ах, насколько он стал богаче! Вот что приводит меня в бешенство!

ВОРОН

Лиса видела, как ворон обкрадывает алтари богов и питается жертвоприношениями. И она призадумалась: «Хотела бы я знать, потому ли ворон делит с богами жертвы, что он вещая птица, или потому его считают вещей птицей, что у него хватает наглости делить жертвы с богами».

ЗЕВС И ОВЦА

Овца натерпелась обид от других животных и явилась к Зевсу просить, чтобы он облегчил ее участь.

Зевс выслушал ее благосклонно и ответил:

— Вижу я, мое кроткое создание, что я сотворил тебя чересчур беззащитной. Так выбирай же сама, как мне лучше исправить эту оплошность: вооружить ли тебя острыми зубами и острыми когтями?

— Ах, нет,— сказала овца,— я не хочу иметь ничего общего с хищниками!

— Тогда, может быть,— продолжал Зевс,— сделать твою слюну ядовитой?

— Ах, нет,— возразила овца,— ведь ядовитых змей все так ненавидят!

— Тогда я, пожалуй, украшу твой лоб рогами!

— Ах, нет, мой добрый творец! А то я еще стану такой же бодливой, как козел!

— Да ведь так и так,— сказал Зевс,— тебе придется самой наносить вред, если хочешь, чтобы другие боялись тебе повредить.

— Ну, тогда уж,— вздохнула овца,— оставь меня такой, как я есть. Ибо возможность наносить вред, боюсь я, возбуждает желание вредить. А уж лучше терпеть несправедливость, чем ее совершать.

Зевс благословил кроткую овцу, и с тех пор она никогда больше ни на что не жаловалась.

ЛИСА И ТИГР

— Хотелось бы мне быть такой же быстрой и сильной, как ты,— сказала однажды лиса тигру.

— А больше б тебе ничего не хотелось? — спросил тигр.— У меня ведь есть и еще кое-что, что бы тебе весьма подошло.

— Нет, больше мне ничего не надо!

— И моей шкуры не надо? А ведь она так же двуцветна, как твой характер. Вот когда б твоя внешность стала совсем как твоя душа!

— Потому-то она мне и ни к чему! — отвечала лиса.— Благодарю покорно! Я вовсе не хочу казаться тем, что я есть. Вот если бы богам было угодно заменить мой мех перьями, тогда дело другое!

ОВЦА

Когда Юпитер праздновал свадьбу и все звери приносили ему дары, Юнона вдруг хватилась овцы.

— А где же овца? — спросила богиня.— Почему наша кроткая овечка не пользуется случаем выразить свою благонамеренность и не несет нам дара?

Тут вышла вперед собака и сказала:

— Не гневайся, богиня! Еще сегодня я видала овцу. Она так сокрушалась и так убивалась!

— О чем же она сокрушалась? — спросила растроганная богиня.

— «Ах, я несчастная! — говорила она.— Ничего-то у меня не осталось, ни молока, ни шерсти! Что же мне принести в дар Юпитеру? Неужто мне одной суждено явиться к нему ни с чем? Лучше уж пойду попрошу пастуха принести меня в жертву!»

В это время вместе с молитвой пастуха дым жертвенного костра пробился сквозь облака — о, сладостный для Юпитера запах!

Вот теперь-то Юнона и проронила бы первую слезу, если б бессмертные боги умели плакать.

КОЗЫ

Козы просили Зевса, чтобы он и их наделил рогами; сперва ведь у коз никаких рогов не было.

— Получше обдумайте то, о чем просите,— говорил им Зевс.— Ведь вместе с рогами вы получите и кое-что другое, что неразлучно с ними, а это вряд ли будет вам по душе.

Но козы упорствовали в своем желании, и тогда Зевс сказал:

— Ладно, вот вам рога!

И у коз выросли рога и... борода! Ведь сперва-то у коз и бороды никакой не было. Ах, как они огорчались из-за этой уродливой бороды! Куда больше, чем радовались своим горделивым рогам!

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

В дупле дикой яблони поселился рой пчел. Они наполнили его своим драгоценным медом, и яблоня так возгордилась, что стала презирать все другие деревья.

Тогда розовый куст ей крикнул:

— Чем гордишься ты, жалкая? Чужой сладостью? Разве плоды твои не остались такими же кислыми? Вот их попробуй напои-ка медом! И лишь тогда тебя благословит человек.

ОЛЕНЬ И ЛИСА

Олень сказал лисе:

— Теперь пропали мы, звери, кто послабее. Лев вступил в союз с волком!

— С волком? — переспросила лиса.— Это еще куда ни шло! Лев рычит, волк воет — можно успеть спастись бегством. Вот когда бы могучему льву пришло на ум заключить союз с бесшумной рысью, тут бы нам всем несдобровать!

ТЕРНОВЫЙ КУСТ

— Скажи-ка мне,— спросила ива у тернового куста,— почему ты так жадно цепляешься за платье прохожих? На что оно тебе? Какая тебе в нем корысть?

— Никакой! — отвечал терновый куст.— Мне и делать-то с пим нечего; просто я хочу его разорвать.

ФУРИИ

— Мои фурии,— сказал Плутон посланцу богов,— постарели и ослабели. Мне б помоложе, позлее! Пойди-ка, Меркурий, разыщи мне там наверху, на земле, трех особ женского пола, пригодных для этой роли.

И Меркурий пошел.

Вскоре затем Юнона сказала своей прислужнице:

— Как по-твоему, Ирида, найдем ли мы среди смертных двух или трех девиц строгих правил? Воистину строгих! Чтобы посрамить Венеру, которая вечно бахвалится, будто она подчинила себе весь женский пол. Ступай погляди. Уж где-нибудь ты их да отыщешь!

И Ирида пошла.

Где только она не побывала! Где только не искала! И все понапрасну! Она возвратилась к Юноне одна, и та встретила ее словами:

— Ни одной не нашла? Возможно ли? О, невинность! О, добродетель!

— Богиня,— сказала Ирида,— я чуть было не привела к тебе трех воистину целомудренных девиц. Ни одна из них ни разу не улыбнулась мужчине, ни одна не позволила искре любви разгореться в своем сердце, ибо затоптала ее в самом начале. Но... я опоздала.

— Как опоздала? — с удивлением спросила Юнона.

— Их успел увести к Плутону Меркурий.

— К Плутону? Да на что ж ему эти скромницы?

— Он сделает из них фурий.

ТИРЕСИЙ

Тиресий взял свой посох и пошел полем. Тропа привела его в священную рощу, и посреди рощи, на перекрестке трех дорог, он увидел двух змей, которые сплелись в любви. Тогда Тиресий поднял свой посох и ударом разлучил влюбленных. И — о, чудо! — в тот миг, когда посох коснулся змей, Тиресий превратился в женщину.

Девять месяцев спустя женщина Тиресий снова пошла в священную рощу, и на том же месте, на перекрестке трех дорог, опять увидела двух змей, которые сплелись в борьбе. Тогда женщина Тиресий подняла посох и ударом разняла разъяренных змей. И — о, чудо! — в тот миг, когда посох разъединил дерущихся, женщина Тиресий опять превратилась в мужчину.

МИНЕРВА

Оставь их, друг, оставь их, мелочных тайных завистников твоей возрастающей славы. К чему увековечивать метким словом их имена, удел которых — забвение?

Во времена той бессмысленной войны, которую вели против богов титаны, они напустили на Минерву чудовищного дракона. Но Минерва схватила дракона своей могучей рукой и забросила его на небо. С тех пор он там и блистает. То, что иным служит наградой за великие деяния, для дракона было наказанием, достойным зависти.

СОЛОВЕЙ И ЖАВОРОНОК

Что сказать поэтам, которые так любят залетать за горизонт большей части своих читателей? Разве то, что однажды соловей сказал жаворонку:

— Не затем ли ты так высоко взлетаешь, дружок, чтобы тебя никто не услышал?

ПОДАРКИ ФЕЙ

Над колыбелью принца, который впоследствии стал одним из величайших правителей своей страны, склонились две добрые феи.

— Я подарю моему любимцу,— сказала одна из них,— зор-

кий взгляд орла, от которого не ускользнет ни одна мошка во всех его обширных владениях.

— Прекрасный подарок! — перебила ее другая фея.— Наш принц станет прозорливейшим из монархов. Но ведь орлу присуще и благородное презрение к мелочам, а не то бы он стал гоняться за каждой мошкой. Вот это-то качество пусть и примет принц от меня в подарок!

— Спасибо тебе, сестра, за столь мудрую поправку,— ответила ей первая фея.— И правда ведь, многие правители были бы куда более великими, если бы реже обращали на мелочи свой всевидящий взор.

ОВЦА И ЛАСТОЧКА

Ласточка слетела овце на спину, чтобы надергать у нее немного шерсти для своего гнезда. Овца невольно заерзала.

— Почему ты со мной так скупа? — спросила ее ласточка.— Пастуху ты небось позволяешь раздевать тебя догола. А вот мне жалеешь даже клочка шерсти. Отчего это?

— А оттого,— отвечала овца.— что тебе никогда не удастся проделать это так умело и ловко, как пастуху.

ВОРОН И ОРЕЛ

Ворон заметил, что орел высиживает птенцов целый месяц.

«Вот потому-то, конечно,— решил он,— молодые орлята так зорки и сильны. Ладно! И я буду делать так же».

С тех пор ворон и в самом деле целый месяц сидит в гнезде на яйцах, но еще никогда у него не вылупились из яиц орлята. Только жалкие воронята высовывают головки, проклюнув скорлупу.

МЕДВЕДЬ И СЛОН

— Как неразумны люди! — сказал медведь слону.— И чего только они не требуют от нас, лучших из зверей! Мне вот, солидному медведю, приходится плясать под музыку! А ведь они хорошо знают, что все эти ужимки и прыжки никак не подходят к моему важному виду. Иначе почему бы они смеялись, когда я танцую?

— Я тоже танцую под музыку,— возразил ему ученый слон,— и я думаю, что вид у меня не менее солидный и достойный, чем у тебя. Но еще никогда надо мной не смеялись зрители, только радостное удивление читаю я на их лицах. Поверь, медведь, люди смеются не над тем, что ты танцуешь, а над тем, что ты это делаешь так неуклюже.

СТРАУС

Быстроногий олень, увидев страуса, сказал:

— Бегает страус не так уж быстро, но зато он, несомненно, великолепно летает.

Орел же, увидев страуса, сказал:

— Летать страус, правда, не умеет, но зато я уверен, что бегает он прекрасно.

БЛАГОДЕЯНИЯ

(В двух баснях)

1

— Есть ли у тебя среди животных больший благодетель, чем я? — спросила пчела человека.

— Конечно! — ответил тот.

— Кто же это?

— Овца! Ее шерсть мне необходима, а твой мед всего лишь приятен.

2

— А хочешь ты знать, почему еще я считаю овцу большим своим благодетелем, чем тебя, пчела? Овца дарит мне свою шерсть с легкостью, ты же, одаряя меня своим медом, всегда норовишь ужалить.

ИСТОРИЯ СТАРОГО ВОЛКА

(В семи баснях)

1

Злобный волк вздумал на старости лет свести дружбу с пастухами. И вот он пустился в путь и пришел к пастуху, который пас свое стадо всех ближе к его логову.

— Вот ты, пастух,— сказал он ему,— зовешь меня кровожадным разбойником, а ведь я совсем не таков. Не спорю, иной раз мне приходится брать дань с твоих овечек, чтобы утолить голод, ведь голод не тетка. Избавь меня от голода, и ты не будешь на меня жаловаться. Поверь, я самый смирный и кроткий зверь, когда я сыт.

— Когда ты сыт? Быть может,— отвечал пастух.— Да вот только когда ты бываешь сыт? Ты и жадность — вас разве насытишь? Ступай-ка подобру-поздорову.

2

Получивши отказ, волк пошел к другому пастуху.

— Ты ведь знаешь, пастух,— начал он свою речь,— что я мог бы за год зарезать немало твоих овечек. А не хочешь ли ты сам давать мне по шесть штук ежегодно? И я буду доволен, и ты сможешь спать спокойно, и в собаках тебе нужды не будет.

— Шесть овец? — переспросил пастух.— Да ведь это целое стадо!

— Ну уж ладно, ради тебя я соглашусь и на пять,— сказал волк.

— Да ты шутишь. Пять овец! Я и самому Пану жертвую не больше пяти в год.

— Ну тогда, может, четыре? — спросил волк, но пастух с насмешкою покачал головой.

— Ну, может, три? Две?

— Ни единой,— отвечал пастух.— Ведь, право, было бы глупо платить дань врагу, когда можешь уберечь стадо и так,— только сторожи получше.

3

«Попытаю-ка я счастья в третий раз»,— подумал волк и пошел к третьему пастуху.

— Очень уж мне обидно,— сказал он ему,— что вы, пастухи, ославили меня самым жестоким и бессовестным зверем. Но тебе, Монтан, я докажу, как вы ко мне несправедливы. Давай мне в год по овце, и твое стадо может спокойно пастись в лесу. Твоим овцам нечего будет бояться — я их не трону. Всего

Басни
«Лисица и маска».

по овечке в год! Да есть ли тут о чем говорить? Ну мог ли я запросить с тебя еще великодушнее? Еще бескорыстнее! Ты смеешься, пастух? Чему же ты смеешься?

— Да так, ничему! А сколько тебе лет, друг любезный?

— Что тебе до этого? Не так уж я стар, чтобы не мог схватить за горло твоего любимого ягненочка!

— Не сердись, старик Изегрим. Жаль, ты не пришел ко мне с этой просьбой пораньше. А теперь тебя выдают твои зубы. Вот когда ты прикинулся бескорыстным! И все для того, чтобы прокормиться без всякой опасности.

4

Волк разозлился, но сдержал себя и пошел к четвертому пастуху. У того как раз издох его верный пес, и волк решил повернуть это к своей выгоде.

— Вот что, пастух,— сказал он,— я рассорился с моими собратьями в лесу, да так, что никогда уж больше с ними не примирюсь. А ты ведь знаешь, сколько их и чего от них ждать! Но если бы ты взял меня к себе на службу вместо покойного пса, ручаюсь, бояться тебе было бы нечего. Ни один из них даже глянуть не посмел бы на твою овечку.

— Так, значит, ты берешься защищать овец от твоих лесных собратьев? — спросил пастух.

— А как же? О чем я тебе и толкую!

— Недурно! Но если я пущу тебя в стадо, кто защитит моих бедных овечек от тебя? Ну-ка, скажи! Пустить вора в дом, чтобы в дом не залезли воры, это мы, люди, называем...

— Ты, кажется, собрался прочесть мне мораль? — сказал волк.— Тогда прощай!

5

— Был бы я помоложе! — скрежетал зубами волк.— Да что поделаешь, приходится считаться с годами!

И он отправился к пятому пастуху.

— Ты меня знаешь, пастух? — спросил волк.

— Да уж встречался с такими, как ты,— ответил пастух.

— С такими, как я? Ну, в этом я сомневаюсь. Я ведь такой особенный волк, что и ты, и другие пастухи вполне могли бы удостоить меня своей дружбы.

— Чем же это ты такой особенный?

— А тем, что даже под страхом смерти не мог бы загрызть живую овечку. Я кормлюсь только мертвыми овцами. Разве это

не похвально? Так разреши мне хоть изредка наведываться в твое стадо и узнавать, не случилось ли какой овце...

— Не трать слов попусту! — отвечал пастух.— Хочешь, чтоб между нами не было вражды, так не ешь овец, даже и мертвых. Зверь, пожирающий мертвых овец, с голодухи примет больную овцу за мертвую, а здоровую за больную. Лучше уж не рассчитывай на мою дружбу, а убирайся-ка подобру-поздорову!

6

«Придется мне пожертвовать самым дорогим, чтобы добиться цели»,— подумал волк и отправился к шестому пастуху.

— Нравится тебе, пастух, моя шкура? — спросил волк.

— Твоя шкура? А ну-ка, покажи! — отвечал пастух.— Что ж, неплоха! Видно, не так уж часто тебя настигали собаки!

— Ну так вот что, пастух! Я уже стар и протяну недолго; прокорми меня до смерти, и я завещаю тебе мою шкуру.

— Гляди-ка,— сказал пастух,— и ты взялся за хитрости старых скряг? Нет-нет! Твоя шкура обойдется мне втридорога! А если уж ты и вправду решил мне ее подарить, то давай-ка ее прямо сейчас!

Тут пастух схватился за дубину, и волк убежал.

7

— О, бессердечные! — крикнул волк, впадая в неистовство.— Придется мне так и помереть вашим врагом, раз вы не хотите по-хорошему! Не подыхать же с голоду!

Он ринулся вперед, ворвался в жилище пастухов, набросился на их детей, и пастухи еле-еле с ним справились.

Когда он уже лежал мертвый, самый мудрый из пастухов сказал:

— Мы, наверное, были неправы, отнявши у старого разбойника все средства к исправлению, как бы поздно и вынужденно он к ним ни обратился! Тем самым мы довели его до крайности!

МЫШЬ

Одна философски настроенная мышь расхваливала мудрость природы, сделавшей мышиный род наглядным примером своей вечности.

— Ведь половина из нас,— говорила она,— для того и получила крылья, чтобы наш мышиный род не вымер даже в том

случае, если всех нас, бегающих по земле, съедят кошки. Уж летучие-то мыши останутся, а из них можно будет без труда восстановить истребленных.

Простодушная мышь понятия не имела, что бывают и крылатые кошки. Так нередко наша гордость основана на одном лишь нашем невежестве.

ЛАСТОЧКА

Поверьте, друзья, что большой свет не для мудрецов, не для поэтов! Там не знают им настоящей цены, да и сами они — увы! — подчас слишком слабы, чтобы не променять высокое на суетное.

В прежние времена ласточка была такой же сладкоголосой певчей птицей, как соловей. Но вскоре ей наскучила одинокая жизнь среди кустов и деревьев. Ведь никто здесь не слушал ее пения, кроме прилежных землепашцев и невинных пастушек, никто им не восхищался. И вот, покинув своего скромного друга соловья, она перелетела в город.

И что же вышло? Поскольку в городе ни у кого не было времени слушать ее божественные песни, она понемногу разучилась петь, но зато выучилась строить гнезда.

ОРЕЛ

Орла спросили:

— Почему ты выводишь орлят на такой высоте?

Орел ответил:

— Разве б они могли летать под самым солнцем, став большими орлами, если бы я растил их внизу, на земле?

МОЛОДОЙ И СТАРЫЙ ОЛЕНЬ

Олень, которому добрая природа позволила прожить не одно столетие, сказал как-то своему правнуку:

— Я хорошо помню то время, когда человек еще не придумал этой громыхающей палки, из которой вылетает огонь.

— Какое же это было счастливое время для нашего рода! — вздохнул его правнук.

— Ты судишь слишком поспешно! — сказал старый олень.— Время было иное, но не лучше нынешнего. Вместо громыхающей палки человек тогда носил с собой лук и стрелы. И нам приходилось не лучше, чем сейчас.

ПАВЛИН И ПЕТУХ

Однажды павлин сказал курице:

— Гляди-ка, как надменно выступает твой петух! А все равно ведь никогда люди не скажут: «Гордый петух!» Зато они всегда говорят: «Гордый павлин!»

— А все потому,— ответила курица,— что человек никогда не вглядится в истинную причину гордости. Петух горд своей бдительностью, своим мужеством, а ты чем гордишься? Цветастыми перьями!

ОЛЕНЬ

Природа создала одного оленя больше обычного роста, да и мех на его шее был длиннее обычного. И олень этот решил про себя: «Стану-ка я выдавать себя за лося!» И что же он сделал, этот тщеславец, чтобы казаться лосем? Пригнул голову к земле и притворился печальным и мрачным.

Иной чудак думает, что никто не станет считать его мыслителем, если он не будет жаловаться на мигрень и хандру.

ОРЕЛ И ЛИСА

— Не гордись, что ты так высоко летаешь! — сказала лиса орлу.— Ведь ты только за тем подымаешься чуть ли не к самому солнцу, чтобы получше оглядеться вокруг и увидать с высоты, где валяется падаль!

Знаю и я мужей, ставших глубокомысленными мудрецами не из любви к истине, а из жажды занять доходное место, преуспевши на поприще науки.

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

Ты гневаешься, любимец муз, заслышав громкий хор парнасских самозванцев? Так слушай же, я расскажу тебе, что однажды пришлось выслушать соловью.

— Пой, соловушка! — крикнул весенним вечером пастух смолкнувшему лесному певцу.

— Ах, лягушки так громко квакают, что пропадает всякая охота петь,— отвечал соловей.— Разве ты их не слышишь?

— Слышу,— сказал пастух.— Но я слышу их лишь по твоей вине: ведь ты молчишь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Творческая деятельность Готхольда Эфраима Лессинга (Gotthold Ephraim Lessing) (1729—1781) протекала во второй половине XVIII века. Писатель и поэт, баснописец и драматург, критик и теоретик искусства, Лессинг указал немецкой литературе ее национальные задачи и пути их осуществления. По справедливому утверждению Н. Г. Чернышевского, Лессинг должен считаться «отцом новой немецкой литературы», проложившим путь великим младшим его современникам — Гете и Шиллеру. Творческая судьба Лессинга на протяжении всей жизни связывала его с театром, который он рассматривал как наиболее мощное оружие в борьбе за свои идеалы и как могучее средство воздействия на умы современников.

Существует несколько авторитетных собраний сочинений Лессинга на немецком языке: «Sämtliche Schriften», hrsgb. von K. Lachmann, 1838—1840, 13 B-de; neu bearb., hrsgb. von F. Muncker, 1886—1924, 23 B-de, и др.

В России в XVIII веке имя Лессинга стало известно еще при жизни немецкого писателя. В 1765 году в Москве была опубликована комедия «Молодой ученый» (перев. А. Нартова). Это был первый перевод произведения Лессинга на русский язык.

В дальнейшем были переведены на русский язык все главнейшие драматические произведения Лессинга (см. ниже). Большим вкладом в изучение немецкого писателя в России явилась монография Чернышевского «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», опубликованная в 1856—1857 годах на страницах журнала «Современник».

В конце XIX — начале XX века на русском языке дважды выходило собрание сочинений писателя: в 5 томах под ред. П. Полевого. СПб.— М., М. О. Вольф, 1882—1883; и второе издание — в 10 томах, в 1904 году.

В советское время неоднократно переиздавались как драматургические, так и критические произведения немецкого писателя.

При подготовке настоящего издания за основу взято Собрание сочинений Лессинга в 10 томах: Gesammelte Werke in zehn Bänden, Berlin, Aufbau-Verlag, 1954—1958.

МИСС САРА САМПСОН
MISS SARA SAMPSON

Эту драму, принесшую Лессингу первую славу, он написал в 1755 году, проживая неподалеку от Потсдама. В том же 1755 году «Мисс Сара Сампсон» была опубликована в шестой части сочинений Лессинга («Schriften»). При работе над этим произведением Лессинг опирался на опыт английской буржуазной драмы. В 1754 году на страницах издаваемой им «Театральной библиотеки» Лессинг выступил с защитой нового жанра так называемой мещанской трагедии, первым образцом которой явилась известная драма английского писателя Дж. Лилло «Лондонский купец» (1731).

Несмотря на свой новаторский характер, трагедия была встречена критикой сравнительно дружелюбно. Поставленная 10 июля 1755 года во Франкфурте-на-Одере «Мисс Сара Сампсон» была первой драмой Лессинга, ставшей общественным событием.

«Мисс Сара Сампсон» была впервые переведена на русский язык для московской сцены в середине 1780-х годов. Однако после двух представлений она была запрещена цензурой, а перевод ее не смог быть опубликован. Только в 1801 году «Мисс Сара Сампсон» вновь была поставлена на петербургской сцене и прошла с большим успехом. Напечатан перевод драмы был только в 1882 году в собрании сочинений писателя.

Стр. 50. *...будто все семь мудрецов говорят нашими устами.*— Имеются в виду семь древнегреческих мудрецов, живших в VII—VI вв. до н. э. и излагавших свои мысли в кратких образных выражениях. По словам Цицерона, они отличались не только выдающейся нравственною силой, но и проницательностью ума и ясностью мысли. Их мудрость вошла в поговорку.

Стр. 51. *...а богословский конец — квакером.*— Квакеры — религиозная секта, возникшая в Англии в середине XVII века; основана Джорджем Фоксом (родился в 1624 г.). Проповедуя нравственную чистоту, квакеры отвергали все церковные обряды и институт священников.

Стр. 57. *Вы заставляете меня вспомнить, что древним богам приносили в жертву и нечистых животных.*— Согласно Библии, запрещалось употреблять в пищу некоторых животных, которые поэтому назывались нечистыми (Лев. XI и Втор. XIV, 1—20). К таким, например, относились ослы, верблюды, лошади. Древнееврейскому народу законом Моисея было запрещено приносить в жертву богу нечистых животных.

Стр. 58. *Смотри, перед тобою новая Медея!* — Медея — дочь колхидского царя Эета, славилась красотой и силой волшебства. Покинутая предводителем аргонавтов Ясоном, умертвила своих детей (греч. миф.).

Медея — главное действующее лицо в трагедии «Медея» Еврипида, которого высоко ценил Лессинг. Примечательно, что в своей «Гамбургской драматургии» (статья XXX) Лессинг писал: «...все те жестокости, которые совершает Медея, она совершает из ревности. А любящей и ревнивой женщине я еще могу простить все; она такова, какою и быть должна,— только в более резкой степени». По мнению советского исследователя Г. Фридлендера, этой сценой в «Мисс Саре Сампсон» Лессинг бросает смелый вызов классицизму. Сопоставлением Марвуд и Медеи Лессинг указывает зрителю на то, что положение его героев не менее драматично, чем положение прославленных героев античной трагедии или драматургии классицизма («Г.-Э. Лессинг», М.—Л. 1958, стр. 39).

Стр. 59. *Фурия.*— В древнегреческой мифологии существовали три неумолимые богини мщения, преследовавшие в подземном царстве Плутона — мрачном царстве душ умерших — преступников, не дававшие им ни минуты покоя и терзавшие их угрызениями совести. Их называли Эринии (в Древнем Риме — Фурии).

Стр. 77. *Если уже созревшая месть господня пощадила город, населенный грешниками, лишь потому, что в нем жило несколько праведников...*— По-видимому, имеется в виду эпизод, рассказанный в Библии (Быт. XIII, 522), когда бог сперва согласился на просьбу Авраама не уничтожать нечестивых городов Содома и Гоморру, если там найдется хоть десять праведников. Позднее бог все же уничтожил города Содом и Гоморру, предварительно приказав Лоту и его семье покинуть город.

Стр. 92. *Мадригал* — небольшое стихотворение, содержащее похвалу (обычно женщине), галантный комплимент.

Стр. 100. *...наподобие ангела, что явился укрепить сильного.*— По-видимому, имеется в виду место в Библии, рассказывающее о том, как ангел, найдя пророка Илию в пустыне, ободрил его перед путешествием к горе Хорив на Синае для встречи с богом (Третья книга Царств, XIV, 5, 7).

Стр. 102. *Я на пути в Дувр.*— Дувр — порт на английском берегу пролива Па-де-Кале, напротив французского города Кале. Через Дувр обычно из Англии морем отправлялись во Францию.

ФИЛОТ

PHILOTAS

Во время пребывания в Лейпциге в 1755—1758 годах Лессинг успешно занимался античной трагедией (особенно Софоклом). Из этих занятий родилась одноактная драма «Филот» как попытка нового понимания античности, как опыт совмещения строгих античных форм с раскрытием внутреннего мира героя. Этот перенос акцента с внешнего действия на психологию воина, когда ситуация разрешается не с по-

мощью роковых обстоятельств, а «изнутри», волей отдельной личности, для Лессинга был новым пониманием трагического конфликта. Старая формула «Боги выносят свой приговор мечом храбрейшего» переосмысляется здесь автором. Храбрейший направляет свой меч в собственное сердце для «блага многих».

В образе Филота Лессинг запечатлел благородные черты своего друга поэта и офицера Эвальда фон Клейста.

Трагедия вышла в свет во время Семилетней войны, в обстановке военных действий между Пруссией и Саксонией. Поэтому столь актуально звучали патриотические мотивы «Филота» и идея самопожертвования во имя установления мира в Германии.

«Филот» появился в печати в 1759 году анонимно, и Лессинг послал один экземпляр поэту Глейму (автору «Военных песен прусского гренадера»). Не называя себя в качестве автора, он просил дать оценку произведению. Глейм высоко оценил содержание трагедии и с энтузиазмом предпринял переложение ее на стихи (пятистопным ямбом). «Вы сделали «Филота» своим,— не без иронии писал Лессинг,— и неназванный автор-прозаик может здесь мало на что претендовать». Впрочем, Лессинг отдал в печать «улучшенный» вариант. Произведение появилось с подзаголовком «Трагедия. Версифицирована автором прусских военных песен» (Берлин, 1760). Только в 1772 году Лессинг издал наконец «Филота» (вместе с «Сарой» и «Эмилией Галотти») под своим именем.

На русский язык «Филот» переводится впервые. К 1806—1807 годам относится работа А. П. Бенитского над переводом «Филота». Неопубликованные отрывки этого перевода сохранились в архиве «Вольного общества любителей словесных наук и художеств» (см. И. А. Кубасов, А. П. Бенитский, СПб. 1900, стр. 4).

Стр. 108. *Ликос* — часто встречающееся название рек в античной Малой Азии. По-видимому, Лессинг произвольно избирает географические названия, которые не должны точно определять, где происходит действие.

Метимна — город на острове Лесбос, расположенном в Эгейском море у берегов Малой Азии.

Мужская тога — верхняя одежда древних римлян, которую римские юноши получали при достижении совершеннолетия.

Стр. 109. *Цезена* (Чезена) — город в Северной Италии, находится между Болоньей и Римини, вблизи реки Рубикон, отделявшей в античные времена Галлию Цисальпинскую от Рима.

Стр. 122. *Женственный царевич — так учит меня история — часто становится воинственным царем.*— Намек на прусского короля Фридриха II, который в бытность свою кронпринцем стремился стяжать себе

лавры поэта и музыканта, а став королем, продолжал традиционную милитаристскую политику Пруссии.

Стр. 123. *...лишний шаг к врагу возместит то, чего недостает стали.*— В своих записных тетрадях Лессинг делает следующее примечание к слову «Филот»: «О моей маленькой трагедии под этим названием. Движение из-за того, что меч короток, взято не из «Арминия» (Лоэнштейна), а из Плутарха. Так ответила одна спартанская мать на замечание своего сына о том, что меч слишком короток: прибавь сюда шаг вперед».

Стр. 125. *Элизиум,* или Елисейские поля — место упокоения душ умерших, где, по верованиям древних греков, продолжают жить после смерти избранные герои.

Богиня Мира — Эйрена (греч. миф.).

МИННА ФОН БАРНХЕЛЬМ, ИЛИ СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ
MINNA VON BARNHELM ODER DAS SOLDATENGLÜCK

План комедии возник, по-видимому, еще в 1763 году, когда Лессинг находился в Бреславле. Там же весной 1764 года она была написана. Однако окончательно «Минна фон Барнхельм» была доработана Лессингом только зимой 1766/67 года. Опубликована весной 1767 года в I томе «Комедий» («Lustspiele»). В том же году 30 сентября поставлена в Гамбурге при участии известного немецкого актера Конрада Экгофа. Однако успех комедии выявился только в лейпцигских спектаклях, сделавших пьесу широко известной. В 1768 году «Минна фон Барнхельм» была представлена в Берлине и давалась по требованию публики десять раз подряд.

На русском языке комедия впервые опубликована в Москве в 1779 году под названием «Солдатское счастье» (переложил с немецкого на российские нравы И. З.)».

Действие пьесы происходит 21 августа 1763 года (см. действие II, явл. 2) в Берлине после заключения Губертусбургского мира (15 февраля 1763 г.), положившего конец тяжелой для страны Семилетней войне (1756—1763 гг.). В этой войне участвовали с одной стороны Пруссия и Англия и с другой — целый ряд государств: Австрия, Франция, Швеция, Россия, Саксония. Междоусобица и военные действия между Пруссией и Саксонией еще больше ухудшили положение немецкого народа, страдавшего от раздробленности Германии.

Стр. 130. *У меня и за десять ночей не пройдет! ...Да разве это по-христиански?* — Трактирщик имеет в виду строки из «Послания апостола Павла к Ефесянам»: «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (4, 26).

Стр. 131. *Талер* — название серебряной монеты, пользовалась большим распространением в Западной Европе. Прусский талер равнялся 24 грошам (грош состоял из 12 пфеннигов).

Геллер — самая мелкая немецкая монета.

Стр. 133. *...пятьсот талеров в луидорах...* — К концу XVII века в Европе повсеместно вошло в обычай давать золотой монете (пистолю — см. прим. к стр. 134) название по имени того лица, изображение которого отмечено на монете. Луидор — золотая монета с изображением французских королей Людовиков (франц. Luis). В Германии неправильно называли луидорами различные германские и датские золотые монеты (пистоли) ценою в пять талеров. Следовательно, в мешочке было 100 «луидоров», а точнее пистолей.

Стр. 134. *Надеюсь, это не та сотня пистолей...* — Пистоль — золотая монета первоначально испанского (затем итальянского) происхождения. Впоследствии золотая монета, равная пяти талерам, то есть опять-таки одному «луидору». Отсюда становится понятным замечание Юста.

Вахмистр — старший унтер-офицер в прусской армии.

Стр. 135. *Штаб-ротмистр* — офицерское звание в кавалерии.

Стр. 140. *Дрезден* — город на Эльбе, столица Саксонии.

Фридрихсдор — золотая монета с изображением прусского короля Фридриха I, равнялась пяти талерам (см. прим. к стр. 133).

Стр. 141. *Ираклий* — грузинский царь Ираклий II (годы правления 1762—1798), происходил из младшей ветви древнего грузинского рода князей Багратионов. Будучи еще кахетинским князем, в союзе с Россией успешно и смело сражался против турок. Освободившись в 1747 году от владычества турок, он в 1762 году — после смерти своего отца Теймураза II — стал царем Грузии. Вернер по-прежнему называет его князем и ошибочно утверждает (см. ниже), будто он завоевал Персию.

Я знаю волхвов с востока, что под Новый год шатаются по домам со звездой. — Согласно Новому завету, к колыбели младенца Христа приходили поклониться три волхва — три восточных царя, узнавшие о его рождении по новой звезде, появившейся на небосклоне. В честь этого события в некоторых местностях Германии утвердился такой обычай. В Новый год, точнее в течение недели между наступлением нового года и праздником богоявления, в день поклонения трех волхвов (Dreikönigstag), молодые люди наряжались волхвами и со звездою на шесте и соответствующими песнями ходили по домам. Их-то Юст и имеет в виду.

И через день-другой взорвет Оттоманскую порту. — В подлиннике игра слов. Порта (Оттоманская, Османская, Блистательная, Высокая) — так официально в дипломатических документах именовалось правительство Османской империи (Турции) под владычеством султанов. В то же время «Pforte» — по-немецки ворота. Вернер понимает это выражение

буквально: высадит оттоманские ворота, то есть входные ворота султанского дворца в Константинополе.

...поход против турок и вполовину не такое веселое дело, как против французов.— Здесь содержится намек на сражение при Росбахе близ Мерзебурга 5 ноября 1757 года, когда Фридрих II легко разгромил объединенную армию французов и германского императора, после чего Саксония была занята прусскими войсками. Этот намек легко понимался во времена Лессинга. Когда при постановке комедии в Лейпциге (Саксония), это место было «сокращено», одна из лейпцигских газет писала: «Разве в Саксонии запрещено смеяться над битвой при Росбахе?»

Ты что, спятил — покинуть должность и усадьбу? — В оригинале Schulzengericht — сельский суд. Имеется в виду усадьба, связанная с выполнением обязанностей сельского старшины или судьи. Такую усадьбу Вернер купил себе на деньги, скопленные во время войны. Как следует из третьего действия (явление восьмое), усадьба Вернера была освобождена от налога и барщины.

Стр. 142. *Дукат* — золотая монета, равная трем талерам.

Каценхаузер — народное прозвище саксонской деревушки Каценберг (состоящей всего из нескольких домов, по-немецки Häuser) близ Мейссена, около которой в 1760 году произошло сражение между австрийскими и прусскими войсками.

...метать бисер перед свиньей.— «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Еванг. от Матф., 7, 6).

Стр. 143. *Кареты, ночные сторожа, барабаны, кошки, капралы...*— В этих словах выражено неприязненное отношение к Берлину и милитаризму в Пруссии. «Разве можно чувствовать себя здоровым в Берлине? Все, что здесь видишь, переполняет кровь желчью»,— писал Лессинг в 1768 году. Итальянский поэт Альфиери, посетивший Пруссию в 1770 году, называет Берлин «большой казармой», а Пруссию «огромной и сплошной гауптвахтой».

Стр. 145. *...его полк был расформирован.*— После заключения мира в 1763 году Фридрих II распустил войсковые части, которые были ему не нужны в мирное время, и безжалостно уволил всех офицеров бюргерского происхождения, зачастую назначая на их места иноземных дворян.

Стр. 146. *Нам, трактирщикам, вменено в обязанность представлять... сведения о приезжих...*— Характеризуя полицейский режим Фридриха II, немецкий литературовед и историк Ф. Меринг пишет: «Хозяева, рестораторы и владельцы гостиниц были обычно шпионами Фридриха; половина причитавшейся с них аренды, а иногда даже вся аренда, уплачивалась из его кассы, за что хозяева гостиниц были обязаны ежедневно доносить полиции о всех разговорах и встречах, происходивших в их помещении, а у подозрительных лиц делать по возможности «точные

протокольные извлечения» из «имеющихся у них бумаг» (Ф. Мерин г, Литературно-критические работы, т. I, М.—Л. 1934, стр. 385).

Стр. 146. *Или в ваших краях считается грехом жить в Саксонии?* — намек на неприязненное отношение пруссаков к саксонцам. Во время Семилетней войны Лессинг, находясь в Берлине, часто слышал упреки даже от своих друзей (и не только шутливые) по поводу своего саксонского происхождения.

Стр. 147. *Тюрингия* — область в Германии, в то время входила в состав Саксонского курфюршества.

Стр. 153. *Курляндия* — название части Прибалтики к западу и юго-западу от Рижского залива, некогда населенной латышскими и литовскими племенами. В XIII веке была захвачена немецкими рыцарями. В XVI—XVIII веках было образовано Курляндское герцогство, которое в 1795 году вошло в состав России.

Стр. 160. *Шпандау* — в то время прусская крепость вблизи Берлина. В настоящее время тюрьма в Западном Берлине.

...хотел вывести шесть человек, минуя сторожевое охранение...— Речь идет о дезертирстве. Несмотря на жестокие наказания, полагавшиеся за попытку дезертировать, во время Семилетней войны дезертирство в наемных войсках Фридриха II выросло до огромных размеров (Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, 3, 2221).

Стр. 163. *Один бес из него вышел, а семеро других вселились...*— В речи Вернера много библейских ассоциаций. Здесь он имеет в виду выход нечистого духа из человека (Еванг. от Матф., 12, 43) и семь чертей, изошедших из Марии Магдалины (Еванг. от Луки, 8, 2), а также место в Евангелии, где говорится о том, что много чертей вселилось в бесноватого (Еванг. от Луки, 8, 30).

Стр. 173. *...не приходите к нам в таком виде — плохо причесанным, в сапогах. Наденьте башмаки и велите причесать себя.*— В те времена в Германии светские люди носили парик, башмаки с пряжкой и чулки до колен. В сапогах ходили только солдаты. Собственные волосы по моде того времени носили собранными в косу.

Стр. 175. *А вот и напиток, располагающий к мечтам и фантазиям.*— Во времена Лессинга предполагали, что кофе способствует меланхолии.

Стр. 176. *Est-il permis, Monsieur le Major?* — Во французских репликах Рикко сохранена орфография XVIII века.

Стр. 177. *На такой длинный улица? И большой площадь?* — Военное министерство Фридриха II находилось тогда вне центральной части города на длинной Вильгельмштрассе и Вильгельмплаце.

Стр. 178. *Ваша милость желает мой имя?* — В образе Рикко Лессинг высмеивает многочисленных французских авантюристов, подвизавшихся на военной службе в Германии и других странах. Фигура кавалера Рикко де ла Марлиньер, сеньора Пре-о-Воль (то есть готового к воров-

ству) из ветви Пран д'Ор (то есть хватающего золото), дает возможность Лессингу высказать свое возмущение по поводу пристрастия Фридриха II ко французской аристократии, несмотря на то что дворянство некоторых было зачастую так же сомнительно, как и происхождение «кавалера» Рикко (на самом деле он не кавалер и не де ла Марлиньер — см. реплику Тельхейма на стр. 189).

Сан-Марино — крохотная республика в Центральной Италии, пользовавшаяся формальной независимостью.

Генеральные штаты — законодательный орган Нидерландов (Голландии). По-видимому, перечисление хозяев, которым служил Рикко (римский папа, протестантская Пруссия, католическая Польша и т. д.), должно еще больше подчеркнуть его беспринципность.

Стр. 179. *...здесь я навек capitaine...* — В действительности Рикко только лейтенант — см. текст на стр. 189.

Стр. 180. *Все умные люди страстно любят играть.* — Азартная игра в карты была весьма распространена во время Семилетней войны, особенно в армии, где счастье в игре приравнивалось к счастью на войне. Лессинг весьма интересовался картежной игрой (см. об этом: Ф. Мерinг, Литературно-критические статьи, т. I, стр. 378—379). В дневнике своего итальянского путешествия Лессинг упоминает книгу, вышедшую в Лондоне во время Семилетней войны: «L'histoire des Grecs ou de ceux qui corrigent la Fortune au jeu» — «История греков, или О тех, кто помогает фортуне в игре» (ср. со словами Рикко: corriger la fortune). В книге рассказывалось о происхождении так называемых «греков», то есть шулеров, распространивших из Парижа свою сеть по всей Европе. Генеральный корпус шулеров делится на ветви «греков» старых и молодых, уличных и домашних, незнакомцев и т. д. Согласно этой характеристике, Рикко должен был бы быть причислен автором книги к церемонным «грекам», претендующим на безупречную учтивость.

Стр. 187. *...двух тысяч пистолей, которые вы великодушно ссудили нашим сословным представителям.* — Лессинг опирается здесь на исторический факт, имевший место во время Семилетней войны. В 1761 году на город Люббен (Саксония) пруссаки наложили контрибуцию в 20 тысяч талеров. В случае неуплаты в трехдневный срок этих денег город должен был быть разрушен. Майор прусской армии Маршалл фон Биберштейн, которому было поручено взыскать деньги, внес их из своих личных средств. Сословные представители — выборные от дворянства, духовенства и городов.

Стр. 188. *...черным и некрасивым, как венецианский мавр.* — Имеется в виду Отелло, герой трагедии Шекспира «Отелло». Это сравнение примечательно: первый из западноевропейских просветителей оценивший силу и выразительность Шекспира, Лессинг стремился открыть немцам

«великого трагического поэта», тогда мало знакомого в Германии. Пьесы Шекспира могли стать известны немецкому читателю из только что появившихся переводов Виланда (1762—1766).

Стр. 189. *Почему отдал он внаем чужой стране свою руку и свою кровь?* — Тельхейм сравнивает себя с Отелло. Будучи курляндцем (см. текст на стр. 153), Тельхейм поступил на прусскую службу.

Стр. 199. *...мой брат...* — брат прусского короля Фридриха II принц Генрих Прусский.

Остаюсь неизменно благосклонным к вам королем и прочее и прочее. — По мнению Ф. Меринга, разоблачившего легенду о Фридрихе II как о просвещенном короле-философе, «эта безобидная идиллия — самая жестокая насмешка над действительными приемами фридриховского режима. После того как Фридрих, по его собственным, весьма преуменьшенным подсчетам, выжал из Саксонии пятьдесят миллионов талеров за семь лет, из «долгов, подлежащих возмещению», не было, конечно, уплачено ни одного пфеннига; насчет оплаты «сделанных авансов» приходится только напомнить, как Фридрих всякую просьбу о возмещении причиненного войной ущерба отклонял стереотипной, известной всей стране фразой: «После этого жалобщик вздумает еще требовать возмещения убытков за всемирный потоп»; наконец, совершенно невероятно, чтобы король предложил уволенному офицеру опять поступить на службу в армию» (Ф. Меринг, Литературно-критические статьи, т. I, стр. 384—385).

Стр. 200. *Он не мой король.* — Минна подчеркивает, что она саксонская подданная.

Стр. 202. *...переломили жезл...* — то есть осудили на смерть, вынесли приговор. Этот судебный термин возник в Германии в старину. Он основан на символическом обычае: судья, объявляя смертный приговор, переламывал над головой осужденного деревянную палку и бросал ее ему под ноги в знак того, что между ним и обществом всякая связь порвана.

Вот софистка! — Софисты — древнегреческие философы V в. до н. э. (современники Сократа), отличались нравственною беспринципностью, брались доказывать с помощью ложных доводов все, что угодно.

Стр. 207. *...в мундирах этого цвета.* — Как житель страны, недавно подвергшейся нападению Пруссии, и как саксонец вообще граф не любит пруссаков.

ЭМИЛИЯ ГАЛОТТИ
EMILIA GALOTTI

Замысел трагедии Лессинг вынашивал много лет. Тема Виргинии, римской девушки, которую заколол ее отец, чтобы уберечь от положения наложницы, заинтересовала писателя еще в середине 1750-х годов. В 1754 году Лессинг поместил в издаваемой им «Театральной библио-

теке» изложение трагедии испанского драматурга Монтиано «Виргиния», написанной в духе классицизма. В 1757 году Лессинг приступил к созданию собственной трагедии. Первоначально Лессинг пытался обработать античный сюжет о Виргинии, затем решил перенести действие в современную эпоху. Только в начале 1772 года «Эмилия Галотти» получила окончательное завершение и тогда же была опубликована (совместно с «Мисс Сарой Сампсон» и «Филотом»). Поставлена впервые на брауншвейгской сцене 13 марта 1772 года и 6 апреля в Берлине. Успех первых постановок нельзя назвать исключительным, только постепенно трагедия завоевала прочное место в классическом репертуаре.

На русский язык «Эмилия Галотти» впервые была переведена в 1784 году В. А. Петиным. Четыре года спустя, в 1788 году, вышел перевод этой трагедии, выполненный Н. М. Карамзиным по просьбе известного русского актера В. Померанцева, поставившего «Эмилию Галотти» в Москве и исполнявшего в ней роль Одоардо. «Сия трагедия,— писал Карамзин,— есть одна из тех, которые московская публика удостаивает особого своего благоволения». Замечательными исполнителями роли Эмилии в России были М. Н. Ермолова (1870 г.), М. Г. Савина (1878 г.) и М. А. Потоцкая (1896 г.). Особо надо отметить дебют шестнадцатилетней Ермоловой в этой роли в Малом театре — первый ее триумф на сцене.

Действие трагедии по цензурным соображениям Лессинг перенес в Италию, которая, подобно Германии, задыхалась под властью множества мелких князей-тиранов. Характеризуя немецких князей, Меринг приводит слова графа Мантейфеля, знатока придворной жизни Германии XVIII века: «Германия кишит князьями, три четверти которых почти лишены здравого человеческого рассудка и являются позором и бичом человечества. Как ни малы их государства, они воображают, что человечество создано для них и должно служить объектом их глупых выходок. Считая главнейшей заслугой свое рождение, часто весьма сомнительное, они считают излишним или ниже своего достоинства заботиться об образовании своего ума или сердца. Когда видишь их поступки, невольно думаешь, что они существуют только для того, чтобы превращать своих братьев — людей в зверей, ибо нелепостью своих действий они уничтожают все принципы, без которых человек не достоин называться разумным существом» (Мерин г, Литературно-критические статьи, т. I, стр. 301—302).

Действие «Эмилии Галотти» развертывается в небольшом городке Гвасталла, на севере Италии (близ Модены), по-видимому, в XVII веке. Графство Гвасталла попало в 1539 году во владения к старшей линии древнего итальянского княжеского рода Гонзага, который имел своей основной резиденцией город Мантую. Герцог Франческо II передал Гвасталлу своему сыну Фернандо, и она стала самостоятельным герцогством. Имя Хетторе Гонзага среди исторических имен не встречается.

Стр. 213. *Я вас прошу... не забывать о границах нашего искусства.*— Многое в высказываниях художника напоминает здесь высказывания Лессинга в его теоретической работе «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии». При этом Конти ведет полемику против аристократически-придворных взглядов принца на природу искусства.

Стр. 214. *...лицо самой Грации.*— Грации.— Так назывались в Древнем Риме греческие богини красоты (хариты), с именем которых связывалось все прекрасное и радостное в природе и человеческой жизни.

...больших, выпуклых, оцепенелых, неподвижных, как у Медузы, глаз...— Медуза — одна из горгон, чудовищ подземного мира. С головой, опутанной змеями вместо волос, она леденила все живое своим взглядом (греч. миф.).

Стр. 215. *...он больше других противился моим притязаниям на Сабионетту...*— Сабионетта — городок в Северной Италии. Герцоги Гвасталлы действительно вели процесс за обладание этим городом в XVII веке.

Рафаэль Санти (1483—1520) — один из величайших художников мира. Особенно прославлен своими Мадоннами (например, «Сикстинской мадонной»), фресками в Ватикане и портретами.

Стр. 217. *Принцесса Масса.*— Масса-э-Каррара — некогда небольшое самостоятельное герцогство в Италии.

Стр. 219. *Пьемонт* — область в северо-западной Италии, на границе с Францией, в предгорьях Альп.

Стр. 222. *Доминиканская церковь.*— Католический орден доминиканцев был назван так по имени своего основателя, испанского священника Доминика. Орден был основан для борьбы против еретиков (1216 г.).

Стр. 225. *Форейтор* — кучер, правящий переднею парою лошадей при езде четвернею (двумя парами лошадей).

Стр. 232. *...жемчуг означает слезы...*— известное и широко распространенное народное поверье.

Стр. 236. *Я вассал более могущественного повелителя...*— По-видимому, речь идет либо об императоре Священной Римской империи, либо о короле Сардинии.

Стр. 238. *Ему... придется бежать.*— Поединки уже в средние века преследовались в Европе государством и церковью. Тридентский собор в 1563 году с целью «изгнать совершенно из христианского мира отвратительный обычай, введенный хитростью дьявола», постановил наказывать дуэлянтов за убийство отлучением от церкви.

Да, да — тут и песне конец! — Этот оборот («Das ist das Ende vom Liede») употреблялся в заключение народной песни или эпического сказания, например, «Песни о Нибелунгах», и часто завершал сообщение о случившейся катастрофе.

Стр. 252. *Что это значит? Меня никто не встречает... В... Дозало, где, бывало, прежде толпа угодливых льстецов выбегала мне навстречу?* — Говоря о роли фавориток при немецких герцогских дворах, Чернышевский приводит следующий факт. Графиня Вюрбен, фаворитка герцога Вюртембергского Эбергарда Людовика, «самовластно управляла делами: она сделала министрами своего брата и племянника и официально председательствовала в совете министров. Все должности продавались фавориткою... Имя ее было бы внесено в молитвы общественного богослужения, если бы тому не воспротивился прелат Озиандер». (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 31—32).

Стр. 261. *...мы... превратимся в вакханок и фурий, если он очутится среди нас, и мы растерзаем его на части...* — Вакханки — спутницы бога вина и веселья Вакха (или Бахуса), которого древние греки называли Дионисом. По преданию, фиванский царь Пентей в наказание за преследование культа Вакха в своем государстве был растерзан женщинами, впавшими в вакхическое неистовство. Вакханками же был разорван на части певец Орфей за то, что он, оставаясь верным своей жене, не искал любви других женщин.

Стр. 264. *Кто-то другой станет твоим заступником.* — То есть Одоардо предоставляет богу наказать принца за убийство графа.

Стр. 270. *Сивилла.* — Так именовались пророчицы в Древней Греции, а затем в Риме. Вдохновленные Аполлоном, предсказывали будущее.

Стр. 272. *...тысячи людей бросались в воду и превращались в святых!* — В многочисленных легендах и рассказах повествовалось о том, как женщины и девушки спасали свою честь, добровольно жертвуя жизнью.

Стр. 273. *Были времена, когда отец, чтобы спасти свою дочь от позора, вонзал ей в сердце острую сталь...* — Речь идет об отце Виргинии, который выхватил нож у мясника и заколол дочь.

НАТАН МУДРЫЙ
NATHAN DER WEISE

«Хочу попробовать, дадут ли мне свободно говорить, по крайней мере, с моей прежней кафедры, с театральных подмостков»,— так сообщал Лессинг в одном письме, собираясь писать драматическую поэму «Натан Мудрый». Начало работы над ней относится к 14 ноября 1778 года, конец — к апрелю 1779 года, а в мае того же года она уже вышла из печати. В своей работе писатель опирался на одну из новелл «Декамерона» (I, 3) Боккаччо, в которой рассказывается, как еврей Мелхиседек сумел избежать опасности, рассказав притчу о трех кольцах. По-видимому, эта история с кольцами восходит к еще более ранним

источникам, чем новелла Боккаччо, так как со времен крестовых походов часто встречается в мировой литературе. В качестве исторических источников в своей работе над «Натаном» Лессинг использовал «Историю крестовых походов» Вольтера и «Историю арабов под владычеством калифов» Мариньи. В 1754 году Лессинг наткнулся на одно место у итальянского философа XVI века Кардинуса, где язычник, христианин, мусульманин и еврей спорят о своих религиях. Кроме того, для своей работы Лессинг привлек еще некоторые сочинения Вольтера («О чертах терпимости», «Гебры, или Терпимость» и др.).

В наброске предисловия к «Натану Мудрому» Лессинг писал: «Я не знаю пока еще такого города в Германии, где эта пьеса уже теперь могла бы быть поставлена на сцене». Однако через два года после смерти писателя премьера «Натана» состоялась в Берлине, правда, без успеха. Другие попытки представить его на сцене также закончились неудачно. Лишь после осуществленной Шиллером и Гете постановки пьесы на веймарской сцене «Натан Мудрый» прочно вошел в репертуар немецкого театра. Гете писал в связи с этой постановкой: «Пусть же известный рассказ, счастливо представленный, напоминает немецкой публике на вечные времена, что ее призывают в театр не для того только, чтобы смотреть, но также чтобы слушать и воспринимать. Пусть вместе с тем высказанное в ней чувство терпимости и сожаления навсегда останется народам священным и дорогим».

Самой краткой и самой меткой оценкой «Натана Мудрого» остаются слова, написанные Гердером Лессингу: «Не буду хвалить вашу драму. Само дело хвалит мастера, а эта драма есть произведение настоящего мастера».

Произведение классической немецкой драматургии, «Натан Мудрый» был после победы над германским фашизмом первым поставлен на немецкой сцене.

Первый русский перевод драмы Лессинга был опубликован в 1868 году в журнале «Вестник Европы» (перев. В. Крылова). В 1886 году «Натан Мудрый» появился в переводе П. Вейнберга (журнал «Наблюдатель»).

В настоящем издании «Натан Мудрый» дается в новом переводе Н. Вильмонта.

Драма Лессинга переносит читателя в эпоху крестовых походов. Только что неудачно для христиан закончился третий крестовый поход (1189—1192 гг.). Поводом к нему послужили разгром султаном Египта и Сирии Салах ад-Дином (Саладином) войск Иерусалимского королевства при Хиттине (близ Тивериадского озера) в 1187 году. Король Иерусалимский Гвидо Лузиньян, его брат и многие рыцари попали в плен к арабам. 2 октября 1187 года Саладин взял Иерусалим, оттеснив крестоносцев в район сирийско-палестинского побережья. Во главе рыцарской армии

в третьем крестовом походе стояли германский император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Новые крестоносцы прибыли из Европы и осадили крепость Акку (1189 г.), которая пала лишь через два года, но большего добиться не смогли. 2 сентября 1192 года между Саладином и крестоносцами было заключено перемирие (на 3 года, 3 месяца и 3 дня).

Хотя сам Лессинг признавал, что он «не считался совершенно с хронологией», в целом исторический фон драмы за исключением немногих деталей отвечает действительности.

Натан.— Хотя Лессинг и не следовал привычке давать действующим лицам имена-характеристики, он, однако, не всегда избегал этого. Натан по-древнееврейски означает давать, тем самым Лессинг хотел отразить щедрость своего героя.

Стр. 275. *Из Геллия.*— Геллий Авл — римский писатель II века. Автор сочинения «Аттические ночи», содержащего короткие рассказы, диалоги, анекдоты, цитаты из древних авторов. Цитируемое изречение принадлежит древнегреческому философу Гераклиту, который, греясь в стужу в печи, приглашал этими словами к себе в печь.

Стр. 276. *Дайя* — сперва называлась Диной. Драматург изменил это имя, узнав, что кормилица по-арабски дайя.

Молодой рыцарь-храмовник.— Орден храмовников, или тамплиеров (от франц. temple — храм), был основан во время крестовых походов в XII веке. Свое название получил оттого, что первая резиденция рыцарей ордена находилась в замке короля Иерусалимского, построенном на месте, где некогда стоял знаменитый храм израильского царя Соломона. Военная деятельность ордена преобладала над духовной. В конце XIII в. перенес свою деятельность в Европу, где вскоре был распущен.

Дервиш (перс.) — мусульманский монах-нищий. Лессинг подчеркивает это обстоятельство его именем Аль-Гафи, то есть босоногий.

Патриарх Иерусалимский.— Так с V века именовались католические епископы Иерусалима.

Стр. 277. *Вавилон* — город в Месопотамии, некогда столица древнего царства (в настоящее время в Ираке).

Стр. 283. *...стоял он у гробницы, // Покинутой поправшим смертью смерть.*— Имеется в виду так называемый «гроб господень» в Иерусалиме.

Стр. 284. *...он опустился наземь // В час роковой и перед ней предстал // В обличье рыцаря.*— Среди подготовительных заметок Лессинга к «Натану Мудрому» имеется выписка из «Истории Саладина» (1758) французского писателя Марэна: «Крестоносцы, столь же невежественные, сколь и легковерные, часто утверждали, что им случалось видеть

ангелов в белых одеяниях с блестящими мечами в руках — особенно же Георгия Победоносца,— нисходящими с небес в полном вооружении и принимающими во главе воинства участие в бою» (цит. по кн. Лессинг, Натан Мудрый, в перев. В. Козлова, СПб. 1897, стр. 357).

Стр. 285. *Евфрат, Тигр, Иордан* — реки на Ближнем Востоке.

Стр. 286. *Уж не плащ ли то // Храмовника...*— Рыцари ордена тамплиеров носили платье, установленное решением церковного собора. Папа Евгений III добавил к нему белый плащ с красным крестом, одеваемым поверх лат и оружия. Белый цвет должен был означать невинность и христианское милосердие, красный — мученическую смерть и ненависть к неверующим.

Стр. 287. *Иль кто слыхал когда, чтоб Саладин // Храмовника помиловал?* — Рыцари ордена тамплиеров не имели права платить за себя выкупа, то есть были лишены права покупать себе свободу за деньги. Немецкий историк Раумер рассказывает, что однажды в плен к арабам попал великий магистр ордена храмовников Одо фон Сент-Аманд. Саладин хотел обменять его на одного из своих родственников, находившихся в плену у христиан, но магистр отверг это предложение, ответив: «Я подал бы дурной пример другим, которые, ожидая такого же выкупа, легче бы давали брать себя в плен. Тамплиер в качестве выкупа не должен давать ничего, кроме своего пояса и меча».

Стр. 291. *Он — франк. Ему наш климат непривычен...*— Франками на Востоке называли всех европейцев.

Стр. 293. *Скорее // Ступайте-ка к себе!* — Как принято на мусульманском Востоке, посторонние мужчины не должны видеть женщин с открытыми лицами.

Стр. 295. *А сверх того — хоть поваром.*— Предложение Натана звучит как шутка. Именно поварское искусство менее всего пристало дервишу, вообще мало обращающему внимание на пищу.

Стр. 296. *Плохо, если царь // Орел средь падали, но ежель он // Сам падаль средь орлов...*— В бумагах Лессинга сохранилось указание, что это изречение заимствовано им у арабских писателей, которые приписывали его Аристотелю.

Стр. 298. *Босой и в рубище направлюсь к Гангу // Паляцими песками, к мудрым братьям...*— Здесь Лессинг смешивает сирийских (мусульманских) дервишей с индийскими богомольцами браманами (гебрами).

Стр. 302. *Милый брат... // Иль, может быть, отец?* — Отцы (лат. patres) — так именовались в монастырском общежитии монахи. Братья (лат. fratres) — монастырские служки, давали обет послушания и исполняли второстепенные службы.

Стр. 304. *Под самым Тиром...*— Имеется в виду Тебнин — небольшая сирийская крепость вблизи Тира. В 1187 году была взята войсками Са-

ладина. Затем подверглась безуспешной осаде крестоносцев. Тир же, после того как султан в 1188 году не смог его взять, оставался в руках христиан.

Сидон — сирийская гавань на Средиземном море. Также был захвачен Саладином в 1187 году.

Стр. 305. *Синай* — горный массив, на одной из вершин которого древнееврейский вождь Моисей получил от бога скрижали завета (десять заповедей). Какая точно гора имеется в виду (по Библии, Хорив), до сих пор точно не установлено.

Стр. 307. *Второй заслон зубчатого кремля.*— Имеется в виду воздвигнутая Саладином — после взятия Иерусалима — еще одна стена для укрепления города.

Филипп — французский король Филипп II Август (1165—1223), правил с 1180 года, продолжил войну с арабами, затеянную Фридрихом Барбароссой. После взятия крепости Акки (1191 г.), поссорившись с английским королем Ричардом Львиное Сердце, вернулся в Европу. Лессинг сознательно допускает здесь нарушение хронологии, соединяя исторические события разных лет.

Стр. 308. *Ливан* — здесь горы, расположенные к северу от Палестины.

Два смельчака из секты маронитов.— Марониты — христианская секта, основанная в VI веке в Ливане. Свое название получила по имени монаха Иоанна Маро, избранного патриархом секты. В 1182 году, то есть незадолго до времени действия «Натана Мудрого», присоединилась к римско-католической церкви. По-видимому, в качестве новообращенных членов, как наиболее рьяных христиан, хочет их использовать патриарх.

Стр. 309. *Птолемаида,* или Акка — средневековая богатая крепость на сирийском побережье (на границе с Палестиной), играла важную роль в событиях крестовых походов. Летом 1191 года после двухлетней осады была взята совместными усилиями крестоносцев под руководством Филиппа II и Ричарда Львиное Сердце.

Стр. 313. *...удостоившимся чести // С его величеством в одной реке // Водою захлебнуться...*— Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый) (1120—1189) был инициатором третьего крестового похода. На пути в святую землю он погиб в реке Салеф (Малая Азия).

Стр. 316. *Динар* — персидская золотая монета, имевшая хождение на Востоке.

Назери — мелкая медная монета.

Стр. 318. *К тому ж и камни эти // Взамен фигур! Кто их подсунул нам? // Я ж не с имамом сел играть!* — Так как у магометан запрещены религией всякие изваяния человека и животных, то и шахматные фигуры, которые в старину были настоящими маленькими скульптурами, заменялись гладкими камнями (шашками). Просвещенный Саладин счи-

тает, что подобными гладкими шахматами можно играть разве лишь с имамом — мусульманским духовным лицом, свято соблюдающим все установления Корана.

Стр. 318. *...для Зитты // Достойного супруга подыскать. // Мой выбор уже сделан: это — брат // Бесстрашного Ричарда.*— Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — английский король с 1189 по 1199 год. В 1190 году заключил союз с французским королем Филиппом II и летом 1191 года прибыл в Палестину. Сразу после заключения перемирия отправился в Англию, где его брат захватил власть; на обратном пути попал в плен к австрийскому герцогу Леопольду V, который передал его императору Генриху VI. В действительности существовал план выдать сестру Ричарда, вдову короля Сицилии Вильгельма II, за брата Саладина Мелека, после чего он должен был стать в Иерусалиме царем как для мусульман, так и для христиан. План этот потерпел крушение из-за несогласия католических епископов.

Мелек — младший брат Саладина, участник многих его походов. Вел переговоры с Ричардом Львиное Сердце. После смерти Саладина (1193 г.) стал султаном под именем Мелек-Адила («Справедливый царь»). Умер в 1218 году.

Стр. 326. *Кольчуга, меч и конь, да бог на небе — // Все, что мне надобно...*— Эти слова Саладина отвечают историческим данным. Вопреки привычкам других властителей Востока, Саладин никогда не заботился ни о пышности своего двора, ни о накоплении сокровищ. После его смерти казна оказалась пустой. Как отмечает в своей книге Марэн: «У Саладина никогда не было больше одного наряда и одной лошади на конюшне».

Стр. 329. *Парс* — представитель религиозной общины, сохраняющий приверженность к зороастризму — учению Зороастра (Заратустры). Эта древняя религия, проповедующая культ вечного огня и распространенная некогда во многих районах Азии, была позднее вытеснена исламом.

Стр. 330. *...он проник // К гробницам Соломона и Давида // И... с них сумел // Печати снять?* — Гробницы израильских царей Соломона и Давида находятся в Иерусалиме. В средневековой литературе существовал цикл сказаний, заимствованный на Востоке. В одном из этих сказаний, весьма распространенном, говорилось о волшебной печати Соломона, которая скрепляла сильнее любого замка, и открыть ее можно было только волшебным словом, дающим власть над духами.

Стр. 339. *...не могу // Не презирать его гордыни, нами // Воспринятой и миром мусульманским...*— В своих сочинениях по религии Лессинг замечает, что евреи были первым и единственным народом древности, пытавшимся распространить свою религию среди других народов. Христиане и мусульмане унаследовали это стремление древних евреев.

Но где, когда слепое изуверство // С таким свирепым рвением решалось // За веру биться в «бога своего», // Провозглашать его лишь истым богом, // Навязывать его другим народам? — Устами храмовника Лессинг выражает мысль, сформулированную им в «Гамбургской драматургии» (статья VII): «Ведь эти самые крестовые походы, затеянные интриганской политикой папства, на деле были рядом самых бесчеловечных гонений, в которых когда-либо был повинен религиозный фанатизм».

Далак — одежда дервишей.

Стр. 354. *В Европе, говорят, // Вино войска на приступ поднимает.*— Согласно Корану, магометанам запрещено употреблять вино, поэтому речь идет о Европе.

Стр. 355. *Где б он ни встал, стоял он перед богом...*— то есть бог находится везде.

Стр. 367. *...я носить по праву // Свой титул буду «Устроитель мира и ратоборец правды»?* — Среди заметок Лессинга к «Натану» значилось, что одним из официальных титулов Саладина был «Улучшитель мира и закона».

Стр. 368. *Право первородства* — по древнему закону (см. Библия, I кн. Моисеева, гл. 25) и обычаю давало привилегии при наследовании.

Стр. 376. *Сион* — гора в Иерусалиме, на которой стоял храм, построенный Соломоном, а затем и второй храм, разрушенный римлянами. Символ иудейской религии.

Стр. 379. *Ибо он // Был, как и вы, храмовником бездетным.*— Рыцари-тамплиеры при вступлении в орден давали обет безбрачия.

Стр. 380. *Вы родословную до Авраама // Свою возводите...*— Авраам, согласно Библии, прародитель еврейского народа, его имя означает «отец множества».

Стр. 383. *Мы живем // В стране чудес!* — Дайя имеет в виду, что именно здесь, в Палестине, Иисус Христос совершал свои чудеса.

Стр. 393. *Тогда разумнее пойти в театр...*— сознательный анахронизм Лессинга.

Стр. 394. *Каноническое право* — совокупность правил, регулирующих жизнь церкви, установленных вселенскими соборами и папскими постановлениями.

Стр. 395. *И Саладин, согласно договору, // Которому он присягнул, нас должен, //Да, должен защитить, не посягая // На предоставленные нам права...*— Речь идет об условиях капитуляции, которые патриарх не совсем точно излагает. В них, согласно немецкому историку Раумеру, говорилось: «Иерусалим будет передан неповрежденным. За свободный выезд со всем имуществом платит мужчина 10 золотых, женщина 5 золотых, ребенок 1 золотой. Семь тысяч бедных будут отпущены за круглую сумму в 30 тысяч византийской монетой. Святой гроб будет поща-

жен, и каждый христианин за плату одной византийской монеты может беспрепятственно посещать его. В продолжение 40 дней должна быть внесена выкупная сумма, иначе жителям вместо свободного прохода в христианские владения предстоит плен» (цит. по кн. Лессинг, Натан Мудрый, в перев. В. Козлова, СПб. 1897, стр. 377).

Стр. 397. *Мешок* — обычная в то время мера золота, содержала 30 000 турецких пиастров.

Стр. 400. *...где пропадал ты, мой любимый, // Все это время? Спал в какой пещере?* — По мнению немецких комментаторов (Данцеля и Краца), здесь содержится намек на легенду о семи христианах, спрятавшихся в пещере и проспавших в ней, не старея, 200 лет во времена преследований христиан римлянами при императоре Деции (201—251 гг.).

Джинистан — в персидской мифологии страна, где обитают феи.

Ягмурлук — верхнее платье арабов.

Стр. 412. *Карантана* — название горы, расположенной между Иерусалимом и Иерихоном. Здесь, согласно преданию, отдыхал Иисус Христос, готовясь к проповеди, постился 40 дней (quarant — сорок), здесь искушал его дьявол. В средние века, особенно со времен крестовых походов, на Карантане жило много монахов, частью как отшельники-пустынники, частью в монастырях.

Стр. 413. *Фавор* — гора близ Назарета, где, по Новому завету, совершилось так называемое преображение господне (Матф., 17, 2). Здесь было много монашеских скитов и монастырей. В 1187 году Саладин уничтожил их, а после его смерти брат Саладина Мелек-Адил построил здесь крепость.

...он его во гневе, сопричислил // К грехам тягчайшим, ибо против духа // Святаго совершенным... — Согласно Новому завету: «Всякий грех и злословие простится людям, но грех и злословие против Святаго духа не простится» (Матф., 12, 31—32; Марк, 3, 28—30; Лука, 12, 10). Споря о том, что здесь имел в виду Иисус Христос, богословы считают этот грех самым тяжким из всех грехов.

Стр. 414. *Газа, Дарун, Аскалон* — средневековые города Палестины, упоминаются в истории крестовых походов. Газа — стратегически важная крепость на пути в Египет, играла значительную роль в ходе военных действий. Дарун — находится рядом с Газой. Аскалон (современный Ашкелон) — сильно укрепленная крепость на побережье Средиземного моря; был в руках крестоносцев до 1187 года, после битвы при Хиттине войска Саладина овладели этим городом. В 1191 году Аскалон был взят войсками Ричарда Львиное Сердце, но по условиям перемирия в 1192 году его укрепления были разрушены.

Стр. 416. *Гат* — древний город в Палестине, некогда принадлежал филистимлянам.

Стр. 422. *Мамелюки* — телохранители восточных сановников, воспи-

тывались из числа детей наложниц или купленных рабов. У Саладина была тысяча мамелюков, которые принимали участие в военных действиях.

Стр. 425. *Эмир* — наместник султана.

Стр. 440. *Недаром мой отец // Не так-то любит книжную премудрость, // Что только давит мозг бесплодным грузом // Немых письмен.*— Разговор Рэхи и Зитты о воспитании носит на себе явные отголоски педагогических воззрений, только что начавших развиваться во второй половине XVIII века. Их автором был Ж.-Ж. Руссо, который отстаивал внедрение в жизнь воспитания опытного взамен книжного, схоластического.

Стр. 448. *Негоции* — торговые сделки.

Стр. 453. *А между тем во лжи // Я вас не обличаю.*— Храмовник как рыцарь не мог бы оставить безнаказанным Натана, если бы тот, сообщив о его родстве, не оговорил этого вышеприведенными словами. Отсюда и замечание храмовника: «От бога это слово».

БАСНИ В ПРОЗЕ
FABELN IN PROSA

«Ни на одном виде стихотворений я не сосредоточивал своего внимания больше, чем на басне. Мне нравилось пребывать на этой общей меже поэзии и морали. Я тщательно читал старых и новых баснописцев и лучших из них не раз перечитывал. Я много размышлял над теорией басни...» Так писал Лессинг в предисловии к своим басням.

Получив широкое распространение с конца средних веков, басня стала во времена Лессинга излюбленной разновидностью лиро-эпического жанра. Для этого были свои причины. Во-первых, басня предоставляла возможность, хотя и в аллегорической форме, говорить правду, которую иначе — открыто — трудно было высказать во времена феодального деспотизма. Во-вторых, культивирование басни, уходящей своими корнями в народное творчество — фольклор, было связано с противодействием классицизму — господствовавшему направлению тогдашней литературы. Наконец, басня, в которой на передний план выдвигались морализирование и поучение, и по своим формальным признакам отвечала буржуазному, а точнее, гражданскому характеру литературы эпохи Просвещения.

Мастером басни и образцом для подражания считался французский писатель Лафонтен (1621—1695) и его басни, вышедшие в свет в 1668 и 1678—1679 годах. Опираясь на древнегреческого баснописца Эзопа (VI в. до н. э.), Лафонтен придал басне характер остроумного и изящного рассказа в стихах, призванного поучать забавляя. В Германии его последователями и подражателями были Хагедорн, Геллерт, Глейм и др.

В течение всей своей жизни Лессинг проявлял большую склонность

к басне и стал одним из значительнейших баснописцев в истории немецкой литературы. Уже его «Сочинения» («Schriften»), вышедшие в 1753 году, содержали как прозаические, так и стихотворные басни. Здесь Лессинг пока еще не отошел от традиционного понимания басни в духе своего времени. Позднее, в 1757—1759 годах, занимаясь античностью и работая над упрощением формы, писатель изменил свои представления о басне и перешел от «изящных» стихотворных образцов к прозаической форме. Как просветитель, Лессинг разработал собственную теорию о назначении и художественной форме басни. Он решил отбросить «тончайший поэтический наряд, столь излюбленный басней, избалованной со времен Лафонтена». В своей теории, изложенной в «Исследовании о басне» («Abhandlungen über die Fabel», 1759), Лессинг подчеркнул прежде всего серьезную морально-воспитательную роль басни. Цель басни, по его словам, давать наглядное изображение, при помощи какого-нибудь частного случая, определенного морального правила. Для этого басня должна быть максимально краткой и точной, чтобы ничто не могло отвлечь внимание читателя от ее нравственной идеи. Басни Лессинга, написанные в духе его теории, носят отпечаток наступательного характера их автора, особенно когда он освещает резким светом сатиры отрицательные явления литературы, общественные нравы и человеческие слабости. По определению Ф. Меринга, басни Лессинга — это «беглый ружейный огонь, направленный не в последнюю очередь также и против фридриховского деспотизма».

«Басни в прозе» были опубликованы в 1759 году в трех книгах с приложением трактата «Исследование о басне».

Стр. 461. *Муза басни.*— Среди девяти древнегреческих муз не было специальной музы басни. Покровительницей эпической поэзии, а следовательно, и басни считалась муза Каллиопа.

Стр. 462. *Мосгейм* Иоганн Лоренц, фон (1694—1755) — известный лютеранский богослов, профессор Геттингенского университета, знаменитый во времена Лессинга церковный проповедник.

Стр. 464. *Кнелер и Поп дружили куда больше, чем Поп и Аддисон.*— Кнелер Готфрид (1648—1723) — немецкий художник-портретист, родом из Любека. Поселившись с 1674 года в Лондоне, Кнелер стал придворным живописцем английского короля. Его кисти, между прочим, принадлежит портрет Петра I, написанный во время путешествия русского царя за границу. Поп Александр (1688—1744) — выдающийся поэт английского Просвещения. Аддисон Джозеф (1672—1719) — английский писатель, просветитель и журналист. Лессинг иронически пишет о дружбе Попа и Аддисона: они не только принадлежали к разным политическим партиям, но были и литературными врагами. Перу Попа, например, принадлежит известный сатирический портрет Аддисона.

Изегрим — древнегерманское прозвище героя, которое в средние века (примерно XII век) стало собственным именем волка в германском эпосе о животных (см., например, «Рейнеке-Лис» Гете).

Стр. 465. *Феникс* — в древнеегипетской мифологии птица, сжигавшая себя каждый раз при приближении смерти и снова возрождавшаяся из пепла. Символ вечного возрождения и обновления жизни.

Стр. 466. *Птица Аполлона* — лебедь. Бог солнца и света, покровитель искусств Аполлон, по древнегреческим легендам, ежегодно уезжал на зиму и возвращался весной на колеснице, запряженной белоснежными лебедями.

...славному коню, любимцу Нептуна.— Морской владыка Нептун (Посейдон) объезжал свои владения на колеснице, запряженной быстроногими златогривыми конями. Конь являлся также одним из символов его могущества и олицетворял собой ярость и бурное начало морской стихии (греч. миф.).

Стр. 467. *...лишенный порыва и вдохновения автор предлинной германиады.*— Имеется в виду третьестепенный немецкий поэт барон Христофор Отто Шёнайх (1725—1806), автор прескучной эпопеи «Герман» («Арминий», 1752). Шёнайх был произведен Готшедом, литературным противником Лессинга, в Гомеры («К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 410—411). В борьбе за становление немецкой национальной литературы Лессинг вел борьбу против Шёнайха как эпигона французского классицизма в Германии.

Стр. 469. *Когда Геркулес был взят на небо...* — Геркулес (Геракл) — величайший герой древних греков. Будучи сыном бога Зевса и смертной женщины Алкмены, Геркулес с первого дня своей жизни преследовался Герой (Юноной), женой Зевса, ненавидевшей всех любимцев и детей своего мужа. Геракл вынужден был исполнить много тяжких работ — совершить двенадцать подвигов. За это он был принят в сонм олимпийских богов.

Стр. 470. *Бейль* Пьер (1647—1706) — французский мыслитель-вольнодумец и философ-скептик, предшественник эпохи Просвещения. Большое значение для борьбы с религиозным догматизмом имел его основной труд «Исторический и критический словарь» (1695—1697). Бейль, возвестивший, по словам Маркса, «появление атеистического общества», оказал заметное влияние на деятельность Лессинга.

...затесаться в толпу этих блистательных птиц Юноны.— В древнегреческой мифологии павлин считался любимой птицей Геры (Юноны), в храме которой на острове Самос он, согласно преданию, впервые появился на земле Греции.

Стр. 472. *Будь благословенна, о птица Юпитера!* — С древних времен орел признавался птицей, олицетворяющей власть и силу.

Стр. 476. *Фурии* (Эринии) — неумолимые богини мщения в подзем-

ном царстве бога Плутона (Аида), которое древние греки представляли себе как царство душ умерших. Фурии изображались с бичами и змеями. (См. прим. к стр. 59.)

Меркурий (Гермес) — бог торговли и дорог. Служил также богам в качестве посланца.

Ирида — легкокрылая богиня радуги, посланница богини Геры (Юноны). В древнегреческой мифологии изображалась всегда готовой исполнять повеления своей госпожи.

Афродита (Венера) — богиня красоты и любви.

Стр. 477. *Минерва* (Афина-Паллада) — одна из наиболее почитаемых богинь Древней Греции, защитница городов, покровительница наук и ремесел, мудрости и знания.

Во времена той бессмысленной войны, которую вели против богов титаны...— Имеется в виду борьба, поднятая Зевсом и богами-олимпийцами против титанов, возглавляемых Кроном, отцом Зевса. В результате этой войны власть титанов была свергнута (греч. миф.).

С тех пор он там и блистает.— Имеется в виду созвездие Дракона, расположенное в северной части неба, рядом с Малой Медведицей.

Над колыбелью принца, который впоследствии стал одним из величайших правителей своей страны...— намек на прусского короля Фридриха II, установившего мелочный полицейский надзор над подвластным ему населением.

Стр. 480. *Я и самому Пану жертвую не больше пяти в год.*— Пан — древнегреческий бог лесов и стад, считался покровителем пастухов, которому они приносили жертвы для того, чтобы он лучше охранял животных.

А. Подольский

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Вильмонт. Лессинг как художник 5

ДРАМЫ

Мисс Сара Сампсон. *Перевод Наталии Ман* 33
Филот. *Перевод П. Мелковой* 105
Минна фон Барнхельм. *Перевод Наталии Ман* 127
Эмилия Галотти. *Перевод П. Мелковой* 209
Натан Мудрый. *Перевод Н. Вильмонта* 275

Басни в прозе. *Перевод А. Исаевой* 459

Примечания *А. Подольского* 485

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 54

Готхольд Эфраим
Лессинг

ДРАМЫ
БАСНИ В ПРОЗЕ

*

Редактор С. Шлапоберская

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Титова

Корректоры
Л. Фильцер и Г. Сурис

*

Сдано в набор 9/IX 1971 г. Подписано в печать 23/III 1972 г. Бумага типографская № 1. 60 × 84¹/₁₆. 32 печ. л. 29,86 усл. печ. л. 25,96. уч.-изд. л. + + 1 вкл. + 6 нак.= 26,74 л. Заказ № 784. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Цена 1 р. 48 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16